

Джон
БОЙДА

Джон
БОЙДА

Опытители Эдема

ДЖОН БОЙД

Опылители Эдема

Джон Бойд

Последний
звездолет
с Земли

Опылители
Эдема

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
«СНАРК»
1996

ББК 84.7 США

Б 77

Перевод с английского

Джон Бойд

Б 77

Опылители Эдема: Романы / Пер. С англ. —
СПб.: Северо-Запад, Снарк, 1996.—494 с.

Имя американского литератора Джона Бойда до настоящего времени практически не известно в России. Назвать его романы просто «научной фантастикой» было бы в высшей степени неверно. Это философские притчи, корни которых, как признается сам автор, уходят в европейскую мифологию. Представленные в данной книге романы «Опылители Эдема» и «Последний звездолет с Земли» — чтение не самое легкое. За чисто фантастическим антуражем писатель скрывает самые земные, самые наболевшие проблемы современного человечества. Напряженная, аллегоричная проза Джона Бойда удовлетворит самого придиличного и искушенного читателя.

© Александр Дашкевич,

Альфред Токарев, перевод, 1995

© Северо-Запад. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-88825-003-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемые романы — одни из тех, в основе которых лежат классические мифы. В меру авторской оценки привлекательности моих произведений на книжном рынке я остановил выбор на мифических темах в надежде на отзвук эха предков в памяти читателей. Возможно, это звучит несколько помпезно и отдает коммерческим подходом к учению Юнга, но этому есть и разумное оправдание. Как полагает Карл Саган, определенная совокупность восходящих к эпохе рептилий участков человеческого мозга может оставаться такой нейроструктурой, на которой запечатлелся наш ужас перед динозаврами, сохранилась память о драконах; вполне возможно, что это и есть источник научно-фантастических монстров из преисподней с выпученными глазами. Я также понимал, что предания, существующие уже три тысячелетия, неизменно должны вызывать захватывающий интерес.

Предания эти были под рукой, и мне оставалось лишь переделывать их, перенося действие в будущее, время от времени заменяя трагедию комедией, а серьезное нравоучение — сатирой. Пылким почитателям научной фантастики знакомо удовольствие от чтения книг в этом жанре. Огромным удовольствием была и для меня работа над этими темами.

Одна из трудностей определения места научной фантастики в литературе заключается в слишком большой разносторонности этого жанра, но его открытость благотворна для писателя. Будучи жанром искусства свободного стиля и содержания, он допускает произвольные ухищрения, не требует глубоких научных изысканий и открыт для ловких плагиаторов. Автор, работающий в этом жанре, может также дать волю своему пристрастию к экстравагантным метафорам.

Писателю, который всегда еще и читатель, научная фантастика открывает плодоносный сад разнообраз-

ных наслаждений, возделываемый на склонах некоего литературного мыса. «Флеш Гордон» и «Бак Роджерс» — это получившие признание комиксы. «Родан» — серия дешевых книжечек, объединенных единым юмористическим сценарием, а «Звездные войны» имели взрывоподобный успех на киноэкране. Самый верх этого мыса занимают знаменательные работы одаренных и сложных писателей Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли. Возможно, на склонах пониже, еще продолжающих давать поросль и ожидающих определения своего места в жанре, находятся будоражащая мысль фантастика Г. Дж. Уэллса или Энтони Берджеса и современное мифотворчество Дж. Р. Р. Толкина. Стилистически жанр научной фантастики простирается от глубинного и мистического Рея Брэдбери до элегантно-механистического Артура Кларка, единственного из нас, кто осмелился поместить взаимодействующие машины в тот волшебный уголок этого сада, где алчущий неизведанного плода может уладить свой вкус.

Мой интерес к научной фантастике возник из запойного мальчишеского чтения дешевых журналов, печатавших сенсационные рассказы, после того толчка, который мне дал «Звездный скиталец» Джека Лондона. Этот интерес очень долго пребывал в инкубационном состоянии. Мне было сорок семь, когда я предложил свой научно-фантастический рассказ для публикации, но идея этого рассказа зрела почти двадцать лет.

Писатель редко помнит день и час рождения идеи; идея моего первого рассказа пришла ко мне между двумя и тремя часами пополудни в пятницу в конце апреля 1946 года. Я слушал лекцию по социологии в Южно-Калифорнийском университете, пытаясь осмыслить заумный и какой-то оторванный от материального мира жаргон профессора, когда меня осенило, что язык социологов — подходящий объект для сатиры. И в этот момент я понял — у меня есть если не форма, то тема рассказа.

Спустя некоторое время в «Сатэди Ивнинг Пост» появился рассказ на близкую сердцу британского майора тему фантастического пересотворения жизни и мастерства слепого Гомера космических дорог. Это был незабываемый, — и до сих пор не забытый, —

рассказ Роберта Хайнлайна «Прохладные зеленые холмы Земли», и я нашел форму для моей сатиры — фантазирование в будущем.

Предвкушая максимум денег за минимум усилий, я воплотил свою идею в радиопьесе, рассчитанной на популярный тогда театр у микрофона — «Скип-Театр». В пьесе описывался молодой человек по имени Холдейн на судебном процессе по делу о забеременевшей от него девушке, — он нарушил данный им самим обет, — в одном перенаселенном мире, где человеческие существа воспроизводились исключительно для нужд государства. Судьи и присяжные были социологами, и, чтобы сделать оправдания Холдейна для них понятными, его адвокату приходилось переводить четкие и прямолинейные показания клиента на запутанный язык социологов.

Я полагал, что законченная пьеса стала самым блестательным граном социальной комедии со времен Шеридана. К моему разочарованию, продюсер радиоспектаклей оказался бессердечным и не разделил моего мнения. Вместе с возвращенной рукописью он прислал письмо, в котором выражал свое сожаление по поводу того, что пьеса не укладывается в рамки его спектаклей, и просил предложить ему что-нибудь другое из моего творчества. Но эта пьеса, называвшаяся тогда «Синдром хорошей погоды», составляла весь мой писательский багаж. Так что, выстрелив ею, я опустошил обойму.

Я выбросил рукопись, но не мог избавиться от идеи. Закончив учебу и начав зарабатывать на жизнь, я добавил к сюжету мистические ракурсы, ввел дополнительные усложнения, сгустил юмор и прибавил грусти. Я не брался за перо, а лишь забавлялся сюжетом рассказа, и, по мере того как в результате переосмыслиния роли демографического взрыва центральная идея вырисовывалась все более четко, я пришел к решению писать научно-фантастический эпос в духе Мильтоновых поэм, в котором вместо оправдания путей Бога Единого к человеку вообще оправдывались бы пути какого угодно божества к любому человеку. Легко сотворить эпос в воображении — создать его на бумаге много труднее.

В конце концов получился роман, в котором отслеживалось время. Он охватывал период, параллель-

ный нашему времени и в определенные моменты совпадающий с ним, но другой. Его героем все еще оставался Холдейн, но теперь он стал математиком, у которого все более проявлялся интерес к литературе. Этот замысел давал мне возможность переписывать и переделывать знаменитые стихи в свое удовольствие, а также цитировать великие произведения по памяти, не сверяясь с первоисточником.

В один из моментов наслаждения, которое я испытывал, работая над повествованием, мне удалось породить два собственных стихотворения, потребовавшихся по сюжету. Переделанные из Йитса и Шелли, они, по-моему, были хорошо написаны, по крайней мере на одном уровне со средними произведениями Роберта У. Сервиса и Эдгара Геста.

Решив выбраться наконец из инкубатора, я поставил последнюю точку и отпечатал роман. Подыскивая название, — мне не хотелось называть его «Синдром хорошей погоды», потому что слово «синдром» было не настолько широко распространенным, — я приметил на полке своей библиотеки «Последний поезд из Атланты» и пришел к выводу, что это хороший знак, поскольку Атланта — мой родной город. Я назвал мою книгу «Последний звездолет с Земли». Это была удачная кражка, потому что такое название соответствовало одному парадоксу повествования: мой последний звездолет поднимался с Земли где-то около 34 года нашей эры или 1968 года, в зависимости от того как вести отсчет времени. Хайнлайну работа понравилась ровно настолько, чтобы дать на нее положительный отзыв: к моему сведению, он рекомендовал роман впервые и счел это уместным только потому, что именно его рассказ помог мне вынянчить эту фантазию.

Казалось, мифические оттенки грехопадения из лучших побуждений в первом романе сработали, поэтому, планируя второй, я, не смущаясь, пошел на похищение мифа о Федре. Героине было дано имя Фреда, а ее молодому тайному возлюбленному — Полино. Один из кульминационных монологов сюжета я взял почти нетронутым из «Федры» Расина; а почему бы и нет? Тот сам стащил идею у Еврипода.

Я снова попытался замешать повествование на поэтических блестках «Прохладных зеленых холмов

Земли», но писать поэтический роман тяжелее, чем короткий поэтический рассказ. Выдерживать единый стиль «Опылителей Эдема» было трудно еще и потому, что последней книгой, которую я прочитал до того, как начал писать роман, оказалась «Когда солнце умирает» Орианы Фаллачи и ее стилистические штучки постоянно высекали из моего подсознания, как изюминки из пасхального кулича. Так что их тоже пришлось использовать.

В классическом мифе Федра, полная раскаяния за вину в кровосмешении, удавилась. Создавая Фреду как идеальную — с мужской точки зрения — женщину, которая, занимаясь любовью, могла бы наизусть читать Шекспира, я до такой степени был ею очарован, что не смог приговорить ее к такой смерти. По существу, я уничтожил Полино, просто, чтобы она ему не досталась, но мне очень не хотелось позволить ласкать ее и другому мужчине. Она была моя. Из затруднения меня вывел Джон Уиндем. Когда Фреда все-таки сдается, ее партнершей оказывается орхидея-лесбиянка на планете ходячих растений.

Мне нравилась парадоксальность названия «Опылители Эдема». По логике вещей в Эдеме не могло быть опылителей. Как только Адам и Ева открыли для себя процесс воспроизведения рода человеческого, Эдема не стало. Они были изгнаны за свой «грех».

Если бы книгам этой трилогии можно было дать имена персонажей Шекспира, роман «Растлители Небес» был бы Эдмундом из «Короля Лира». Эта книга — незаконнорожденное дитя научной фантастики, но производилось оно на свет с большим спортивным азартом.

Изначально сюжет романа основывался на мифе о Промете, но мой герой должен был принести людям не огонь, а правду об их истоках, носителях хромосом ХYY, которые были сброшены с Небес. Как и в классическом сюжете, в развязке романа моего Прометея терзают фурии, но на пути к развязке происходят удивительные вещи.

Два космических разведчика с Суверенной Земли производят посадку на планете, которая, возможно, была родным домом человечества и истоком человеческой концепции Небес. Разведчики — закоренелый баптист из южан и такой же закоренелый католик-

ирландец — потрясены терпимостью и вседозволенностью, царящими на этой планете; они вознамериваются учредить в обществе населяющих ее существ более строгую систему морали и этики. Между землянами возникает конфликт относительно формы, в которую следует облечь «обращение грешников».

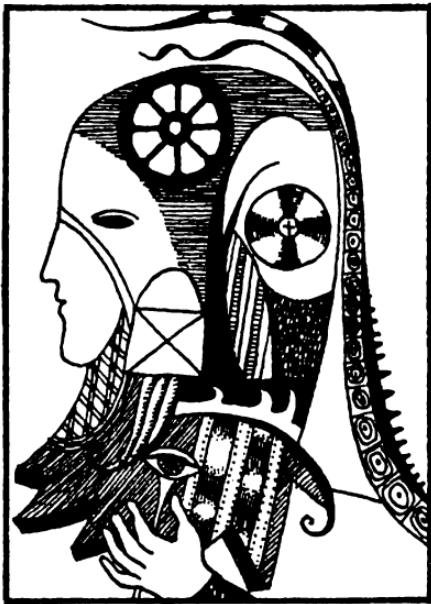
Повествование ведется с точки зрения южанина — этакого Джонсона-младшего космических дорог — в манере языка «доброго малого». По мере развития сюжетной схемы и становления характеров персонажей мои симпатии переходили от южанина к словоблуду-ирландцу, и я нашел действительно восхитительный стиль — «южное бахвальство». Бывало, далеко за полночь я будил жену, фыркая от смеха над некоторыми колкостями, которыми обменивались мои персонажи.

Скрытые мифические аллюзии постепенно вылиняли, а ирландец одержал окончательную победу, захватив мое расположение. Он остается на Небесах, — обратившись, видимо, в иудаизм, — тогда как южанин, уверенный в том, что он — убийца, отправляется обратно на Землю. Ведя звездолет через космос к Земле, он пытается превысить скорость света, подтвердить парадокс дедушки и прибыть на Землю до начала их миссионерского вояжа, чтобы воспротивиться его предприятию; он опаздывает всего на несколько дней, хотя предпринятая им гонка была поистине дикой.

На Земле его снова терзают фурии, — теперь находящиеся в нем самом. Никто не желает выслушивать его откровения, поскольку очевидно, что он — уродливое подобие Иисуса — взялся за дело, которое ему не по силам.

Идеальный читатель «Растлителей Небес» должен обладать складом ума южанина-водителя фургона для перевозки скота, быть беспристрастным баптистом, иметь хорошо развитое чутье абсурдного, уметь поддаваться гипнозу игры слов и признавать совершенство животного по имени человек. Одним таким идеальным читателем был автор, который получал наслаждение от прочтения каждой страницы рукописи.

Джон Бойд

РОМАН

Последний
звездолет
С ЗЕМЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человеку редко дано знать день и час, когда судьба решительно вмешивается в ход событий его жизни, но Халдейн IV взглянул на часы как раз перед тем, как заметил девушку, бедра которой привлекли его внимание, поэтому он знал и день, и час, и минуту. В Пойнт-Сю, Калифорния, 5 сентября, когда часы показывали две минуты третьего пополудни, он сделал неправильный поворот и повел машину по дороге в Тартар.

По иронии судьбы он точно следовал указаниям своего товарища по комнате в студенческом общежитии, и если он узнал что-то новое для себя за два года пребывания в Беркли, так это то, что студенты теологической кибернетики не знают, где лево, а где право. Он приехал, чтобы посмотреть действующую модель лазерной пропульсивной установки ракетного двигателя, и Малcolm сказал ему, что музей науки находится справа от дороги, напротив галереи искусств. Он повернул направо и оказался на автомобильной стоянке галереи на противоположной от музея стороне дороги.

Уважающие себя студенты математики редко посещают галереи искусств; но здесь манила войти сама эспланада, дугой поднимавшаяся от автостоянки к тому месту на утесе, где стояло вознесенное на шестидесятиметровую высоту над Тихим океаном здание галереи, напомнившее Халдейну взлетающую чайку.

День был приятным. Ровный океанский бриз смягчал жару солнечного дня. Веранда здания господствовала над океаном, и с нее открывался широкий вид на морской простор в северо-западном направле-

нии. Он посмотрел на часы и решил, что время в запасе есть.

Припарковав машину, он направился к входу и увидел девушку. У нее был широкий шаг, и при каждом шаге бедра слегка покачивались, как если бы таз играл роль некоего эксцентрика, выполняющего замысловатое движение вокруг собственной оси. Ему потребовалось всего несколько микросекунд, чтобы перевести эстетику этого движения на язык математики. Пролетарские девушки использовали подобное покачивание бедрами для соблазна, но на этой девушке была куртка и юбка в складку, какие носят профессионалы.

Он пошел медленнее, чтобы держаться на несколько шагов позади нее, пока она проходила через входные двери в ротонду; войдя, девушка остановилась перед картиной. Торопясь ознакомиться с ее фронтальной геометрией, Халдейн прошел между ней и картиной, ненавязчиво, но внимательно изучая девушку, и остановился рядом. Он разглядел каштановые волосы, отражающие свет с истинно художественным эффектом, твердый, но округлый подбородок, правильными дугами очерченные брови над светлокарими глазами, длинную шею, высокие приподнятые груди, совершенно плоский живот и талию, плавно переходящую в бедра, напоминающие удлиненную букву V.

Внезапно она отвела глаза от картины и поймала его взгляд. С притворно вопрошающим видом он протянул руку к картине:

— Что это?

В свойственной профессионалам манере она ответила, глядя не на него, а сквозь него:

— Здесь изображено движение.

Он бросил на холст взгляд, который, как он надеялся, должен был показаться практичным, и сказал:

— Что ж, кажется, эти линии действительно перемещаются.

С ее губ слетали чеканные слова:

— Изображение вертится. У меня от него даже мутит в желудке.

Он посмотрел на трафаретную надпись «А-7» на ее куртке. «А» означает, что она студентка искусствоведения, но он не знал, что означает седьмой подкласс, может быть, критик-искусствовед.

— Я слышал, что чай успокаивает морскую болезнь. Может быть, я смогу оказать вам первую помощь, угостив чашкой чая?

Ее лицо продолжало оставаться беспристрастным, но глаза теперь смотрели на него.

— Обычно вы пристаете к женщинам в галереях искусств?

— Как правило, я работаю в церквях, но сегодня суббота.

За ее маской засмеялись глаза.

— Можете угостить меня чашкой чая, если вам угодно тратиться на внекатегорийную девственницу.

— Суббота — мой день для девственниц.

Он повел девушку на веранду и выбрал столик около перил, откуда они могли видеть прибой у самого подножья утеса. Он усадил ее и, щелчком пальцев подзываая официантку, представился:

— Я — Халдейн IV, М-5, 138270, 3/10/46.

— Хиликс, А-7, 148361, 13/15/47.

— Когда мы разговорились, я сразу понял, что вы — шведка, но что означает «семь»?

— Поэзию.

— Вы первая, кого я встретил из этой категории.

— Нас немного, — сказала она, когда официантка подкатила к их столику поднос. — Сахар и сливки?

— Один кусочек, пожалуйста, и немного сливок... Как трагично, что таких, как вы, мало, — сказал он, любуясь плавной грацией ее руки и движением запястья, пока она опускала в его чашку сахар и добавляла сливки.

— Приятно слышать от математика подобные речи о поэзии.

— Я имел в виду не саму профессию. Мне жаль, что у вас такой узкий выбор парней. Вероятно, вы кончите с каким-нибудь гладковолосым дружком-бардом, который будет оставлять вас одну на лугу,

отправляясь декламировать вирши такому же, как сам, худосочному лятику.

— Гражданин, вы атавистичны, — упрекнула она и, понизив голос на целую октаву, сказала: — Но мне симпатичны примитивные эмоции. Моя специальность — романтическая поэзия восемнадцатого века... Известно ли вам, что до Великого Голода существовал культ оплодотворителей, называвшихся «любовниками», и что одним из величайших из них был поэт лорд Байрон?

— Я познакомлюсь с ним поближе.

— Смотрите, чтобы ваша матушка не застала вас за чтением этого поэта.

— Это ей не удастся. Она погибла, случайно выпав из окна.

— О, простите меня. Я счастливее. У меня приемные родители, но оба живы и безумно меня любят. Родные погибли при аварии ракеты.. Однако вы удивили меня, сказав, что так мало знаете о моей категории. Один из ваших великих математиков, М-5, если я правильно запомнила, писал стихи, к которым лично я никогда не питала интереса, но интеллигенция, кажется, их читает. Может быть, вы слышали о Фэрвезере I, человеке, который сконструировал Папу?¹

— Гражданка, вы хотите убедить меня в том, что Фэрвезер I занимался этой... писал стихи? — Он смотрел на нее с неподдельным изумлением.

— Не стоит так удивляться, Халдейн. В конце концов трата времени на песенки — это не праздное времяпрепровождение с девицей.

Эти слова его шокировали, даже ужаснули, но и приятно поразили. Он не был уверен, что правильно понял смысл, вложенный ею в слово «девица», но он умел интерполировать и понял, что впервые в жизни слышит остроумное замечание от женщины. И более того, он первый раз в жизни слушал женщину-профессионалку не из числа общественниц дома развлече-

¹ Имя Фэрвезер (Fair weather, англ.) означает «хорошая погода».

чений, так приятно искрящуюся остроумием, да еще и с таким хорошеньким фасадом.

Халдейн не сомневался, что корень квадратный из минус единицы в этой девушке есть.

— Мне ли не изумляться, — сказал он, пряча свое мимолетное смущение за более глубокой сконфуженностью, — моя область — математика Фэрвэзера. Я изучал работы этого человека еще в старших классах средней школы. Сегодня я приехал сюда, чтобы взглянуть на модель лазерной установки, которую он изобрел, в том музее напротив через дорогу. Я знаю, что у него был самый изобретательный из когда-либо существовавших умов, я, конечно, не имею в виду ни вас, ни себя, но ни один из моих профессоров, ни один учитель, ни один собрат-студент, ни даже мой отец никогда и словом не обмолвились о том, что он написал хотя бы одну поэтическую строку. До самого последнего мгновения я и не подозревал, что являюсь самым никудышным в мире знатоком Фэрвэзера I, так что вам придется простить меня, если я выгляжу не вполне в своей тарелке.

— Я уверена, что ни один из них не пытался держать это от вас в секрете, — сказала она. — Видимо, ни один из ваших профессоров и сам этого не знал. Но, возможно, им было стыдно за эти стихи, и в данном случае они имели право стыдиться.

— Почему?

— Я рада, что этот ваш человек преуспел в математике, и я знаю, что он был очень силен в теологии, но, по моему мнению, как поэт он не состоялся.

— Хиликс, вы — умная девушка. Я и не думаю затевать с вами диспут по поводу ваших знаний в вашей области, но должен сказать, за что бы ни взялся этот человек, у него все получалось превосходно. Я могу спутать анапест с анакрусой, но если он писал стихи, они должны быть хорошими.

— Доказательство значимости массы следует искать на протонном уровне, — сказала она. — У меня фотографическая память, но единственное из написанного им, что я могу прочитать наизусть, помню со слов очень глубокого старца, который читал мне эти

строки, когда я была малюсенькой девочкой, причем декламировал он их не как достойную внимания поэзию, а как диковинную редкость.

— Прочитайте мне их, — заинтересовался он вдруг.

— Название немногим короче самих стихов, — сказала она. — Он назвал это «Откровения с наивысшего места, с исправлениями». Вот эти стихи:

На дыбы времени тебе не снести мученья,
Любовь, убью тебя, тем дав благословенье.

Ты стала старой слишком молодой.

Речами изнурен, язык умолкнул твой.

Призвав на помощь мощь людских приличий,
Болиголова яд в твою мешаю пишу.

Он говорил нам, не внушив сомненья,
Что Он есть тот, кто жаждет пораженья,
Что параллели встречаются в стремленьи,
И я злой лик любви оплачу в сожаленьи.

С презрительным неодобрением она сказала:

— Ему до безумия нравились эти глупые маленькие парадоксы, вроде дыбы времени и благословения убийством. Это же нонсенс в чистом виде.

Халдейн на мгновение задумался.

— Это похоже на перефразирование Нагорной проповеди, видоизмененной согласно общей теории относительности Эйнштейна. «Он есть тот, кто жаждет пораженья» — просто иной способ сказать «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Этим объясняется и название. «Наивысшее место» — это гора, но откровения «исправлены» Эйнштейном.

Она посмотрела на него с восхищенным удивлением:

— Ну, Халдейн IV, вы — неандертальский гений! Я не сомневаюсь, что вы правы. Ни тот старец, ни я даже не думали об этом, и живые мертвецы, должно быть, придерживались вашей интерпретации.

Теперь удивился он:

— Кто такие живые мертвецы?

— О, вы должны это знать, изгнанники на Тартар, официально признаваемые умершими.

Ее ответ вернул Халдейна на землю.

— Чего они этим добиваются?

— Старец, о котором я говорила, мой родственник, знал одного из этих Серых Братьев, отправлявших изгнанников на кораблях Тартара. Монах рассказывал, что во время одной посадки на корабль ему пришлось пережить неприятные минуты, когда у какой-то преступницы на полпути по сходне случилась истерика — с кем это не могло случиться? — и она стала пронзительно кричать и сопротивляться. Монахам приходилось худо, и тогда шедший впереди мужчина вдруг крикнул, не оборачиваясь: «Молчи, Он — тот, кто жаждет пораженья, а параллели встретятся в стремлении». Как только мужчина это произнес, она успокоилась и вошла в звездолет, словно это был обыкновенный корабль солнечной системы, отправлявшийся на другую планету... Теперь я понимаю, что он давал ей сжатое до стенограммы религиозное утешение... Однако я предпочитаю Шелли. Читали вы его «Оду южному ветру»?

Халдейн слушал, но какая-то частица его мозга продолжала возвращаться к пагубному хобби Фэрвэзера. Каждый приставлен к своему делу, но в данном случае ирония заключалась в том, что стихи, укрепившие дух изгнанницы, были написаны человеком, который изобрел пропульсивную систему, зашвырнувшую ее на замороженную планету, именовавшуюся Тартаром, и эта планета была открыта разведывательными космическими ракетами, построенными по проекту Фэрвэзера, и название придумал ей Фэрвэзер, скорее всего как раз в то мгновение, когда особенно остро почувствовал приближение приступа тяги к парадоксам.

Хиликс была первокурсницей университета Золотых Ворот и намеревалась продолжать обучение в своей категории. Ее переполняло страстное желание обсуждать свою область знаний, и этот поток ее увлеченности захватил Халдейна и понес вместе с ней. Лавлейс и Геррик, Саклинг и Донн, Китс, Шелли — эти архаичные имена срывались с ее языка так же легко, как имена друзей, и она читала наизусть их стихи то весело, то с ностальгической гру-.

стью. Ее голос, звучавший на фоне шума прибоя, окутывал его ощущением наступления золотого века и соприкосновения с самой душой истории.

Наконец косые лучи солнца, все более клонившие тени гор к западу, заставили их понять, что пора уходить.

Она шла по веранде впереди него, и он, любуясь ее походкой, громко спросил:

— Что там говорилось о царственной поступи?

Ах, можно ль царственней ступать,
Ах, диво форм ее,
Ах, добродетели, ах, стать?
Роуз Хармон — все твое.

— Это же вы, Хиликс, — закричал он в восторге. — Ваш портрет сзади.

— Замолчите, вы, крепкий орешек! Кто-нибудь может услышать.

Он подошел вместе с ней к ее машине и придержал для нее дверцу.

— Халдейн, вы галантны, как сэр Ланселот.

— Вы не говорили мне о нем. Достанет ли у вас смелости как-нибудь встретиться со мной вечером в Сан-Франциско, лучше всего завтра, чтобы рассказать мне о сэре Ланселоте в каком-нибудь подходящем месте, скажем, в пивном баре сэра Фрэнсиса Дрейка?

— Вы не боитесь, что я работаю в полиции?

— А вы не боитесь, что я — полицейский?

— Я подумала о вашей безопасности, — улыбнулась она. — О полицейских я тоже могу позабочиться.

Она уехала, помахав рукой.

Он медленно пошел к своей машине, думая о том, что химические процессы в его организме протекают как-то не так, как следует. Некоторое время он сидел и разговаривал с девушкой, которую навсегда проглотила огромная безликость Сан-Франциско; он был счастлив, пока она была рядом, но теперь ему было грустно.

Он вывел машину на шоссе и поставил автоди-
тель на полосу Беркли, радуясь большой скорости, с

которой тот повел автомобиль, говорившей ему о том, что дорога свободна на многие мили вперед. Откинувшись на спинку сидения, он мчался один между серыми горами и голубым морем и наслаждался редкой возможностью отдаваться самосозерцанию.

Где-то там, на востоке, в жилом массиве, где человеческие существа нашли себе местопребывание даже в отрогах скал, есть девушка восемнадцати лет, которую выберут для него генетики. У нее, несомненно, квадратный подбородок и копна волос на голове, как у большинства женщин-математиков. Она наверняка остроумна, добра и заслуживает безмерной преданности, но в этом отношении у нее есть один существенный недостаток — она не может превратиться в Хиликс из Золотых Ворот.

Пока автомобиль углублялся в рощу, обступившую дорогу, и калифорнийские мамонтовые деревья хлестали его переплетеньями своих длинных теней, Халдейн упивался горечью прощания. Ему двадцать лет, за окнами машины сгущаются сумерки, и он навсегда попрощался с девушкой, которая пришла к нему, как приходила к древним ирландцам Дейрдр, такая красивая и статная, что цветы склонялись к ее ногам. И вот она оставила его, а ветры сентября, шуршащие мимо несущейся машины, напевают баллады тех времен, когда люди ходили по земле королевской поступью, времен, отдаленных от нынешнего года по летосчислению от Рождества Господа Нашего на три столетия.. Вспыхнувший красный свет предупредительной сигнализации вывел его из задумчивости.

На этих магнитных полосах вечно ведутся какие-то работы, их то выкапывают, то укладывают обратно. Ладно, утешил он себя, берясь за рулевое колесо, немного поупражняться никогда не вредно.

Когда Халдейн вошел в комнату, которую разделял с Малколмом VI, его товарищ по общежитию работал за своим столом над рядами цифр для кривой появления голубоклювых длиннохвостых попугаев при заданном числе поколений и заданном начальном количестве производителей.

— Эй, Малcolm, отгадай, что со мной приключилось!

— Что?

— В Пойнт-Сю я встретил леди совершенной красоты, аппетитное создание. У нее широкая походка, сияющие глаза и сумасшедшие речи. Она — поэтесса. Ты когда-нибудь встречался с этой категорией?

— В Золотых Воротах их целый выводок. Однажды я попал в эту стаю на одной легкой попойке в Барбари Кост. Слушать их разговоры — то же, что осушать залпом бокалы лунного света. Клянусь электронными цепями святой обратной связи, все они ведьмы и вурдалаки.

— Мне встретилась не такая.

Халдейн бросился на свою койку, повернулся на спину и обхватил голову руками:

— Да, святой брат, ее стезя — примитивная поэзия, и она напичкана информацией, которой не было в прочитанных мной книгах по истории. Когда она читает наизусть эту любовную поэзию, слышится звучание старинных цимбал, от которого плавятся не дававшие выхода наслаждению ледяные своды, и влюбленные девы начинают тосковать по своим страстным любовникам.

— Похоже, она проводит исследовательскую работу для Площади Красавиц.

— То, чем она занимается, антиквариат, так что это законно. Скажи-ка, ты знаешь, что наш Фэрвезер писал стихи?

— Ты шутишь?

— Нет, не шучу.

— Да перегреется электроника Папы, если я ошибаюсь, Халдейн, но ты рехнулся. Сбегал бы ты на Площадь Красавиц и избавил себя от пагубных мыслей. К тому же мне нужна твоя помощь.

— Ты все еще возишься с этой хромосомной диаграммой?

— Да.

Халдейн поднялся, подошел к его столу и посмотрел на уравнения, которыми Малcolm исписал поле сбоку от диаграммы и забрался на саму диаграмму.

Разнообразно обозначенные линии расходились от базисной, а в промежутках вдоль этих линий были проставлены голубые пометки Х случаев появления голубоклювых попугаев. Несколько пометок были очерчены буквой О, и после них продолжений у линий не было.

Над такими диаграммами работали генетики в Денвере, Вашингтоне, Атланте, но у них были иные цели, чем та, которая поставлена перед Малколмом. Как-то Халдейн взял у генетиков одну выборку и познакомился с человеческими династиями профессионалов. Иногда на них встречались пустые зоны, где не было рождений; изредка такая пустая зона следовала за красной буквой Х с пометкой СГУ — Стерилизована по Государственному Указу.

Глядя на диаграмму Малколма, Халдейн не думал о подобных вещах, но они прочно засели в его памяти. У него вырвалось то, что было на поверхности:

— Так ты говоришь, поэты общаются передачей лунного света? Тебе поставлена задача, решение которой определяется самой предпосылкой. Не занимайся расчетами из поколения в поколение, а ищи решение только для голубых Х, остальное пусть идет... своим чередом...

— Но я намеревался ввести случайную гибель попугаев, хотя бы по одной смерти на каждые двадцать рождений. Что произойдет, если налетит орел и сожрет вот этого попугая?

— Это твой выбор. Значит, ты и есть орел. Но не забывай, что пустая зона в диаграмме — это маленький комок перьев, который больше никогда не будет юрхать в золоте солнечного света.

Малколм взглянул на своего товарища по комнате:

— Лучше бы, парень, тебе дали там от ворот поворот. Попдня в компании поэтессы, и ты подсознательно оправдываешь праздное времяпрепровождение не в своей категории, а это чревато опасностью ёносмешения; косвенным образом ты ставишь под омнение политику государства, а это уже уклонизм; ты легкомысленно относишься к своей категории, и

это отражается на твоем *esprit de corps* — кастовом духе.

— Вместо того чтобы давать советы, — сказал Халдейн, — почему бы тебе не приложить твой талант к статистическому расчету вероятности встречи двух лиц дважды в городе с восьмимиллионным населением?

— Снес бы ты свои проблемы к Папе.

— Что за удивительный мир, в котором ты живешь, Малcolm, в нем любая проблема может быть решена либо Папой, либо проституткой.

Халдейн вышел на балкон и посмотрел туда, на ту сторону залива, где в сгущавшейся мгле зарево над Сан-Франциско становилось все более ярким. Мысленно он продлил свой взгляд до территории университета Золотых Ворот.

Сейчас она сидит за своим столом в комнате общежития, склонившись над книгой, вокруг которой лежит ее согнутая в локте левая рука, и эта рука поблескивает в свете настольной лампы. Потом она пойдет принять душ и будет пахнуть свежестью и немного мылом, а в ее волосах будут играть световые блики.

Халдейн внезапно поймал себя на том, что мыслит образами. Он не сомневается, что поэты думают именно так, потому что в данный момент в работу был вовлечен не только его мозг. Потому что он ощутил запах ее волос и снова почувствовал необычный прилив той радости, которая не покидала его в ее компании.

Хиликс была бы рада узнать, что он умеет думать, как поэты, но она никогда об этом не узнает.

Если бы он захотел, ему ничего не стоило вытащить из кармана телефонный аппарат, набрать ее генетический код и прямо ей передать и слова свои, и свои образы. У него есть даже повод позвонить — необходимо уточнить ссылку на книгу сэра Ланселота в десятичной системе Дьюи.

Ее ответ был бы точным; своим размеренным тоном она дала бы ему номер и реквизиты названия. Но это наверняка было бы концом для Халдейна IV.

Она бы не сомневалась, что его вопрос вызван сильным, несдерживаемым, низменным желанием, и это не было бы придиркой, потому что девушка занималась изучением атавизма как непременного условия понимания Лимерика I, литератора.

Случайный разговор с юношей под послеполуденным солнцем был не более чем ни к чему не обязывающим удовольствием, но второй, искусственно навязанный разговор стал бы сигналом опасности. Другое дело, их новая встреча — она покажется просто естественной случайностью, которая не заставит ее думать об опасности.

Он не заметил, когда именно размышления натолкнули его на это решение, но знал, что добьется этого, несмотря на риск. Вознаграждение стоит риска.

Далеко за заливом его возлюбленная фея сидела за столом, углубившись в многотомье древнего романа. Он скроет свой романтизм восемнадцатого века под патиной социального реализма двадцатого столетия и не будет выглядеть незваным. Чтобы создать необходимую атмосферу, ему потребуется выучить наизусть несколько стихов, но при его исключительной памяти с этим проблем не будет. Совсем немного, и любимая узнает, что скоро, очень скоро ее роман всплывет в жизнь, что эта тонкая паутина, эта многоцветная ткань ее мечтаний обретет плотную осязаемую реальность по мановению волшебной палочки Халдейна IV.

Четыре года назад здесь, в Беркли, один студент, уже почти ставший профессиональным математиком, разрушил в прах надежды студентки, специализировавшейся в национальной экономике. Оба были стерилизованы по государственному указу и деклассированы, но бывший математик продолжал упорно тренироваться, чтобы выбиться в выдающиеся защитники бейсбольной команды Золотоискателей. Любители студенческого жаргона никогда не скажут о Халдейне IV, что он был «переведен в защитники Золотоискателей», но такой риск есть; и сейчас, стоя на балконе, он решил, что пойдет на этот риск.

В его памяти шепотком пронеслись строки, которые она читала ему наизусть, и он, слегка изменив, прочитал их сгущавшейся тьме:

Устои Церкви, Государства силы,
Вы сами в Тартар можете идти,
А я приду к моей любимой Хиликкс,
Преграды все сметая на пути.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В течение следующей учебной недели Халдейн строил на диаграммной бумаге кривые вероятностей своей встречи с девушкиой, принимая в расчет только переменные, и определял область доступных учащейся молодежи мест, в которые студентов влекут лекции по искусству, концерты, сольные выступления артистов и музеи, недорогих кафе и баров Сан-Франциско. Установить, где искать, было простейшей из трех его проблем, однако исследование одной только этой области убедило его, что люди относятся к искусству слишком серьезно.

Поскольку университет Золотых Ворот был в Сан-Франциско, база, с которой должны проводиться все его операции, тоже должна находиться в этом городе. Это означает, что придется действовать, живя в родительской квартире, потому что снимать комнату на уик-энды, не обратившись за помощью к отцу, ему не по карману. Отец и сам представляет особую проблему: старик трудится в Департаменте Математики, следовательно, является государственным служащим, и его естественные, пока еще дремлющие подозрения потребуют от Халдейна такого умения не лезть за словом в карман, которое, по меньшей мере, равно его математическим талантам.

Для объяснений с отцом и его друзьями необходимо придумать весомое обоснование своей дружбы со студентами, изучающими искусство.

Посвятившие себя служению науке относятся к толпе претендующих на обладание высоким художе-

ственным вкусом со строгостью пассажиров автобуса к остающимся на остановке. Писатели любят щеголять в шотландских беретах, художники носят куртки на два-три сантиметра длиннее стандартных, а музыканты придерживаются манеры говорить, не шевеля губами. И все они помешаны на длинных мундштуках с водяным охлаждением, а когда курят, стряхивают пепел громким щелчком. Несмотря на благосклонное отношение общества к их творениям, социально они загнаны в несколько затрапезных баров и кафе на окраинах Сан-Франциско, в Южную Калифорнию и во Францию.

Ни один математик не стал бы даже мордаться размышлениями над их своеобразной речевой символикой, которая и придумана-то не для общения, а для «выражения». До своих очень коротких встреч с этой публикой Халдейн никогда прежде за весь свой опыт общения с различными социальными группами не слыхал, чтобы о самой пустяковой малости говорилось так много.

Лично он готов терпеть их ровно столько, сколько они будут оставаться на своем месте. Их гладковолосые крали ходят, словно крадутся, и все они, кроме представляющей чудесное исключение Хиликс, так же узкобедры, как их парни узкоплечи.

Халдейн не любил делать обобщения относительно целых групп, но здесь обобщения напрашивались сами собой: цветные народы обычно цветисты, жители островов Фиджи меньше эскимосов едят ворвани, а математики мыслят точнее художников.

Нет, он их вовсе не осуждает. Они только подтверждают многообразие и многогранность форм жизни на планете, а то, что они именно такие, какие есть, своего рода дань великодушию Создателя.

Отец Халдейна, математик-статистик, не настолько либерален. По существу, он их терпеть не может. Он считает, что все нематематики — второсортные граждане, и категорически не приемлет интеграцию. Такое отношение забавляет Халдейна как математика-теоретика, который считает, что статистики находятся на одном уровне с подносчиками кирпича,

но этот статистик — работник департамента, устный эдикт которого имеет силу закона. Его возмутит посещение сыном лекций по искусству. Возмущение станет возмущением крайней степени, если он заподозрит, что сын задумал пойти на геноисмешение, да еще с женщиной из мира искусства.

Рано или поздно у Халдейна появится это обоснование. Старик назойливо любопытен, любит поспорить и выказать власть. Хуже всего, что он заядлый любитель шахмат. Халдейн начал регулярно его обыгрывать еще в шестнадцатилетнем возрасте, но появившаяся у отца в результате этого психическая травма так и не позволила ему поверить, что победы сына — а он проигрывал ему в девяноста процентах случаев — не просто счастливое везение. Присутствие сына во время уик-эндов вряд ли произведет впечатление на Халдейна III; но подозрения возникнут. Халдейн проводил уик-энд дома в среднем раз в месяц, бывали месяцы, когда он забывал побывать дома. Он всегда относился к отцу с бесстрастной привязанностью, и чем нежнее он чувствовал привязанность, тем бесстрастнее держался.

А вот его встреча с девушкой — после того как он найдет ее — должна будет выглядеть случайной и легко объяснимой. Если она его заподозрит, то умчится быстрее звездолета, вошедшего в режим разгона. После того как он расположит ее к себе, потребуется комната, куда ее можно будет пригласить, как бы невзначай и настолько естественно, чтобы ей не показалось, что он намерен ее соблазнить. Движущей силой их дальнейшего времяпрепровождения станет обаяние Халдейна.

На место для свиданий его навел случай.

У родителей Малколма была в Сан-Франциско квартира. Четыре месяца назад они отправились в годичное путешествие по Новой Зеландии для обучения маорийских жрецов теологической кибернетике папских коммюнике. Халдейн знал о квартире, потому что Малколм от случая к случаю ездил ее проверить и убрать пыль с мебели. Он никогда бы не посвятил товарища по комнате в свою тайну и не попросил бы

у него ключ. Главным образом потому, что он не доверял Малколму. Малколм не курил, пил очень мало и регулярно посещал церковь.

В четверг Малколм вошел в комнату, размахивая какой-то бумагой.

— Халдейн, мне не удалось срезаться. Спасибо тебе, мастер подстилать соломку.

Лежа на койке на спине, Халдейн узнал диаграмму голубоклювых длиннохвостых попугаев и сумел разглядеть на ней отметку «В+».

Это его возмутило:

— Почему оценка ниже «А»?

— Преп высоко оценил работу, но снизил отметку за неопрятность.

— Он не должен пользоваться субъективными критериями для объективной оценки.

— Он считает, что субъективность имела место; он не стал прогонять диаграмму на оценочной машине, поскольку я был орлом... Пожиная попугая, я ронял несколько перьев на скатерть.

Талант Халдейна, покрытый жеребцом его долгих размышлений, начал жеребиться на полном скаку.

— Знаешь, Малколм, если Фэрвезер I сумел выразить законы морали математическими эквивалентами и сохранить их в банке памяти, чтобы создать Папу, почему бы мне не расчленить предложение на составляющие, не назначить каждому элементу математический вес и не сконструировать машину для сканирования и оценки литературных текстов?

Малколм на мгновение задумался:

— Я считаю, что для тебя это будет нетрудной задачей, если не принимать во внимание два момента: во-первых, ты не грамматик, во-вторых, ты не Фэрвезер.

— Это верно, и я ничего не знаю о литературе, однако умею быстро читать.

— То, что ты затеваешь, находится вне пределов, где можно устанавливать сущности вещей. Если я правильно помню, а я не обладаю фотографической памятью, у Фэрвезера было 312 оценок смыслового значения одного только термина «убийство», после-

довательно ранжированных от убийства ради наживы до государством определяемого безболезненного вывода из жизни нежелательных пролетариев. Тебе придется заняться анализом каждого оборота речи в языке.

— Он не занимался анализом каждой оценки, — взорвал Халдейн, — просто брал две крайние и вел обработку в направлении средней.

— Я не знал этого.

— Слушай, из этой идеи можно состряпать вклад в науку! — Он поднялся и зашагал по комнате, отчасти чтобы создать драматический эффект, но отчасти и в порыве неподдельного энтузиазма. — Мне уже видится титульный лист публикации. Вот он, жирным 14-пунктовым шрифтом Бодони: МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ЛИТЕРАТУРЕ Халдейна IV.. Нет, я возьму псевдоним Жермон.

Он повернулся к Малколму и ударил кулаком по собственной ладони:

— Подумай, что это будет значить. Отпадет надобность в оценке литературных текстов профессорами-литературоведами, их будут просто устанавливать на читающее устройство компьютера.

Малcolm присел на край койки, глядя на Халдейна с искренним участием.

— Халдейн, кое-что меня пугает в тебе. Твой мозг одолевают праздные мысли, и, чур меня, все это похоже на навязчивую идею. Клянусь непогрешимыми транзисторами Папы, ты близок к помешательству. О, чаю я, ты откопаешь Шекспира кости, оденешь плотью снова и пригласишь их танцевать кадриль.

Халдейна поразило произнесенное имя:

— Мне кажется, ты кое-что смыслишь в литературе.

— Это верно. Моя мать — седьмая дочь седьмой дочери миннезингера. Я хотел стать менестрелем, который изумит мир, но мой отец — математик.

— Если я решусь довести эту идею до конца, — сказал Халдейн, как если бы вслух подводил итог

своим мыслям, — мне придется проводить уик-энды в Сан-Франциско на лекциях по литературе. Проблемой станет отец с его любовью к шахматам. Если бы у меня было место, где я хотя бы несколько часов мог бывать один.

— Ты можешь пользоваться квартирой моих предков, если согласишься убирать в ней пыль.

— Убирать пыль! Да я буду мыть ее шваброй.

— Мокрая приборка в ней делается сама. Речь идет о произведениях искусства в гостиной, которыми носители моих генов очень дорожат.

Он подошел к своему столу, достал ключ и протянул Халдейну, который с притворной небрежностью сунул его в карман.

Халдейн III с неудовольствием примирился с решением сына приезжать домой на уик-энды. Поначалу он не задавал вопросов, а Халдейн не стремился что-либо объяснять. Халдейн знал, что вопросы рано или поздно возникнут и его действия будут выглядеть более естественными, если отцу придется вытягивать из него информацию.

Он побывал в квартире родителей Малколма, состоявшей из четырех комнат на восьмом этаже с видом на залив, и увековечил в памяти находившиеся в гостиной подвижные творения искусства, которые приводились в действие простенькой мнемонической системой. Когда парчовый тигр бросался со спинки дивана на метр вперед, он попадал по носу вытянувшейся в прыжке косуле, вырезанной из дерева и представлявшей собой основание светильника.

Громоздкость обстановки его успокоила. Полицейский, который придет устанавливать скрытый микрофон, и не подумает двигать в помещении мебель.

Его мысли были заняты богатством украшений квартиры, но вид на залив из широкого окна вполне компенсировал их пышность в духе французской пла-менеющей готики. Закончив осмотр, он стоял без дела, блуждая взглядом по Алкатрацу и холмам позади него, когда в памяти внезапно возникла строка из

стихотворения, которое она ему декламировала: «Что за безумное стремленье? Свирили, тамбурины — что?»

Прекрасные вопросы. Что за безумные стремленья привели его сюда? Какие такие волшебные свирили и тамбурины соблазна ему слышатся? Это же ненормально для искушенного в житейских делах двадцатилетнего парня строить так тщательно разрабатываемые планы, чтобы испытать то, что в лучшем случае может оказаться всего лишь незначительной вариацией на старую, хорошо знакомую тему.

Но вот черты лица девушки снова всплыли в его памяти, он вновь увидел тень грусти за смеющимися глазами, услышал ее голос, обволакивающий чарами, накрепко приковавшими его к навеваемым этими чарами грезам о других мирах и других временах. Воспоминание о ней опять возбудило в крови ту химическую реакцию, которая приводила его в замешательство, и он понимал, что такое эти зовущие свирили.. Он их слышит, и он последует, легко и резво прыгая на своих козлиных копытах, за неотвратимо влекущими свириелями Пана.

За две вылазки в первый уик-энд на лекцию о современном искусстве в Гражданском Центре и на студенческое представление «Эдипа-царя» на территории университета Золотых Ворот удалось встретить только трех типичных «А-7». Это его не разочаровало. Он всего лишь принюхивался к следу и не надеялся на нарушение закона среднего.

Вернувшись в Беркли, он до последней минуты уплотнил свой график, чтобы выкроить время для библиотеки, где занимался чтением поэзии и прозы восемнадцатого века. Он читал быстро, с предельно точной концентрацией внимания. Мысли плодились в его мозгу подобно мотылю в болоте, и одной из этих мыслей, копошившейся на самом краю этой трясины, был страх, что он взялся сравнять с землей Эверест, пользуясь одной лопатой.

Джон Китс умер в 26-летнем возрасте, и это было счастливейшим открытием в жизни Халдайна IV. Если бы поэт прожил лет на пять больше, его произведения и работы, написанные о его произведениях,

вылились бы для Халдейна в необходимость пропахать пару лишних библиотечных полок. Больше всего его приводило в смятение то, что он был не в состоянии отличать основные произведения второстепенных поэтов от второстепенных произведений основных. В результате из него получалась лишь широкообразованная посредственность, которая сможет процитировать длинный пассаж из «Кольца и книги» Роберта Браунинга. Кому известно, что он — единственный в мире авторитет по работам Уинтропа Мак-Уорта Прейда. Фелисию Доротею Хеманс он принял холодно.

Долгие часы скуки сменялись минутами, когда он рвал на себе волосы, пытаясь проникнуть в смысл, спрятанный за плотными занавесями немыслимых фраз.

В Сан-Франциско он расстраивался ничуть не меньше. Неделя за неделей проходили без намека на след девушки. Отец, который в конце концов выпытал у него все выдуманное им прикрытие, выказывал так мало интереса к делам сына, что даже стал выражать недовольство тем, что они мешают его шахматной игре.

Через шесть недель Халдейну уже не было нужды подхлестывать себя воскрешением в памяти этой не от мира сего красоты. Он был заинтригован способностью девушки нарушать закон среднего. Она оказалась каким-то статистическим недоразумением.

В Беркли он отрывал и проглатывал огромные куски монолита английской литературы с манияльной целеустремленностью, которая лишила его гимнастических тренировок, общения со студентами и развлечений на Площади Красавиц. Том за томом оставались позади него, словно шелуха с кукурузных початков за чемпионом среди чистильщиков кукурузы. Библиотекари так за него переживали, что предоставили ему отдельный закуток профессора, находившегося в положенном раз в семь лет отпуске, чтобы шелестящие бумагой студенты не мешали его фантастическому напряжению внимания.

Наконец, отступивший от Шелли, Китса, Байрона, Вордсворта и Кольриджа, с сочащейся из его пор Фелисией Доротеей Хеманс, он добрался до 31 декабря 1799 года, полностью истощив силы, словно бегун на длинные дистанции, сделавший свой последний бросок на финишную ленточку. Была середина второй половины дня пятницы, когда он закрыл последнюю книгу и, споткнувшись о порог, вышел из библиотеки на тусклый свет ноябрьского солнца.

Он безучастно изумился тому, что на дворе ноябрь. Октябрь — его любимый месяц — потерялся где-то между Байроном и Кольриджем.

Измотанный до мозга костей, он вез домой бесчувственное тело, как милостыни молившее об отдыхе, но мозг запланировал посещение студенческого концерта в Золотых Воротах, и телу пришлось подчиниться. Насчитав 562 студентки типа «А», он не нашел среди них Хиликс, но остался послушать концерт, потому что знал, что слаб в музыке. Ему удалось сделать для себя открытие — спать под музыку Баха в некотором отношении легче, чем под мелодии Моцарта.

В субботу после полудня он молниеносно выиграл у отца подряд три партии. Во время четвертой, которую старик желчно и настойчиво потребовал сыграть, и которую Халдейн намеревался выиграть еще быстрее, чтобы успеть на концерт камерной музыки, Халдейн III посмотрел на сына и спросил:

- Как у тебя с отметками в школе?
- Пока я в первых десяти процентах.
- Ты не стараешься.
- От меня этого и не требуется. Я унаследовал великолепный ум.

— Лучше бы ты задумался о его приложении. У математики широкое поле применения, и чтобы освоиться в нем, тебе надо крепко поработать.

Халдейн мог представить себе ход любой подобной нотации тезис за тезисом, но лично он не нуждался в родительском совете, особенно в нынешнем состоянии умственного переутомления. Он умышленно отвлек отца от нравоучения, приглашая поспорить:

— Не думаю, что это поле такое уж широкое.

— Мой Бог, что за самонадеянность!

— Это не самонадеянность, папа. Фэрвезер осуществил решительный прорыв, только перескочив через проблему искажения времени; математики всего лишь наводили глянец на отдельные составляющие. Я предрекаю, следующий прорыв в прогрессе человечества сделают психологи.

В глазах старика вспыхнули огоньки:

— Психологи! Да они даже дела не имеют с измеряемыми явлениями.

Не задумываясь, зачем ему это надо, Халдейн бросился в открытое море теоретизирования:

— Не всегда явления, которые можно измерить, являются тем, что поддается счету. Если судить по литературе прошлых времен, наши предки, кажется, не занимались ничем, кроме драки; и все же у них было что-то такое, что нами утрачено, — отвага действовать индивидуально. Они выходили на вызов, не полагаясь на директивы шестнадцати различных комитетов. Эта безоглядная независимость в поступках была задушена во времена царствования Соца Генри VIII, этого противника Папы-человека, монахонедеиста, обезглавливавшего целых категории, который сам-то целиком находился под влиянием Дьюи!

— Если ты вздумал насмехаться над признанным Государственным Героем, по крайней мере следи за своим языком, мальчишка!

— Хорошо, я беру назад все именительные эпитеты. Но посмотри в глаза фактам, папа. На этой лучшей из всех планете с лучшей из всех возможных общественной формацией нам некуда идти, кроме движения внутрь, и любое возрождение духа будет просто взрывом, направленным вовнутрь, да еще произведенным под юрисдикцией Департамента Психологии.

Халдейн III бросился в бой, позабыв о шахматной партии:

— Говорю тебе, несостоявшийся грамматик, если бы Департамент Психологии хоть что-нибудь разрабатывал, внедрение шло бы через Департамент Ма-

тематики. О холоде на Тартаре Фэрвезер узнал не из теологии, но он обратился к Церкви и создал поистине непогрешимого Папу, который положил конец сладкоречивым буллам и выжиданиям у святейшего подножья.

— Хорошо, давай возьмем Фэрвезера, — пошел в контратаку Халдейн. — Он дал нам звездолеты, и что же произошло? Несколько кораблей, потерянных в первых разведывательных полетах, а может быть, специально задержанных в пути, несколько экипажей, возвратившихся с космическим умопомешательством, и триумвират прекращает разведывательные полеты. Мы закрыты по метеоусловиям Соцами и запуганы Психами! Где сегодня эти корабли? Осталось два с их командами-скелетами, и оба — звездолеты Тартара. Мы дотянулись до звезд-конфеток, но не набрались мужества развернуть их обертки. Ну, так какой же вклад может сделать математик?

Сраженный искренней горячностью сына, Халдейн III снизил тон до ворчливого сарказма:

— Если бы половину времени, которое уделяешь этим пристанищам искусств, ты проводил в лаборатории, то смог бы внести какой-нибудь вклад, и не такой, как эта глупая теория осаждения, которую никогда не примут.

Халдейн кротко спросил:

— Папа, в твоем послужном списке значится какой-нибудь вклад, который ты внес, не достигнув двадцатилетнего возраста?

— Сосунок, — ответил он, отцовское чувство гордости охладило его гнев. — В математике я забыл больше, чем тебе осталось узнать. Твой ход.

Халдейн взглянул на часы. Времени оставалось мало. Пора было собираться на камерный концерт, поэтому он разделся с фигурами отца в несколько ходов.

— Хочешь сыграть еще? — спросил Халдейн III. — Мы могли бы заключить маленькое пари в придачу.

Их пари в придачу — это выпивка, которую готовит и подает проигравший.

— Ничего не поделаешь, папа. Я шахматист, а не садист. Но я приготовлю тебе стаканчик.

Это было больше, чем предложение выпить, это было предложение мира, и отец его принял.

Пока Халдейн готовил напитки, отец, складывавший шахматные фигуры, сказал:

— Кстати, о Фэрвезере I, в следующую субботу в Гражданской Аудитории выступление Грейстона с лекцией об эффекте Фэрвезера. Хочешь пойти со мной?

— Звучит заманчиво, — сказал Халдейн, выжимая лайм.

Это в самом деле заманчиво. Грейстон — глава Департамента Математики — имеет репутацию одного из немногих математиков, понимающих Принцип Одновременности, на котором действовали звездолеты. Кроме того, он — гений популяризации научных идей.

— Возможно, я пойду с тобой.

— Между нами, вчера я звонил в Вашингтон и говорил с Грейстоном. Он полагает, что сможет уговорить приехать вместе с ним навигатора-дублера «Стикса» или «Харона».

Халдейн поставил выпивку на столик перед отцом и сказал:

— Если он сможет уговорить одного из этих угрюмых уродов, это будет чудо, иначе не скажешь.

— Грейстон сможет, если это вообще кому-либо по силам.

Несмотря на свое расхожее замечание о космонавтах, Халдейн питал тайный интерес к их породе. Те, что остались в живых из первоначальных экипажей, которыми комплектовались космические разведывательные ракеты более сотни лет назад, были упрямейшими из упрямых.

По телевизору он часто наблюдал за их прибытием на тюремных кораблях Тартара; угрюмые, неразговорчивые, за столетие по земному времени они состарились только на несколько месяцев, и поэтому больше чем кому бы то ни было на Земле им подходило определение «бессмертные». Широкоплечие, грузные,

сбитые более крепко, чем их потомки, они, как казалось Халдейну, были привязаны к Земле сильнее пуповиной кабеля питания корабля, чем собственными чувствами.

— Я с удовольствием пойду на лекцию, — сказал Халдейн, — если не появится что-нибудь более важное.

— Что может быть важнее лекции Грейстона по Фэрвезеру I?

— Папа, послушай. — Халдейн тронул отца за плечо. — Если ты хочешь, чтобы я пошел с тобой в качестве толмача, так и говори. Но должен сказать тебе, что понимание Фэрвезера в меньшей степени лежит в области знаний, чем в области интуиции.

— Он берется меня учить, знаток!

В этот вечер Халдейн отправлялся на концерт без большой надежды на встречу с Хиликс, и не встретил ее. С очередного скопища любителей примитивных удовольствий он отправился в кафе, которое часто посещали поэты, в «Таверну Русалок».

Перед входом уже собралось несколько студентов «А-7», и он вошел вместе с ними. Пальто скрывало его куртку, и в тусклом сиянии настольных ламп они приняли его за своего. Один заговорил о Браунинге, и Халдейн заворожил их, прочитав наизусть длинную выдержку из «Кольца и книги».

Жестикуляцией, сопровождавшей их речь, поворотами всем туловищем в сторону говорящего, резкими движениями всем телом вперед в знак согласия и в стороны в случае возражения они напоминали ему шустрых серебристых мокриц, суетящихся в сыром темном углу. Однако восторг, который вызывала у них какая-нибудь памятная фраза, произносимая им на языке времен автора стихов, действовала на него точно так же, как восторг Хиликс, когда они сидели с ней в Пойнт-Сю.

Его маскировка раскрылась, когда один из них спросил его мнение о самом последнем переводе Марии Рильке.

Он ответил с напевно-игривой интонацией в голосе:

— Я обожаю ее на немецком языке, Мария на английском — просто вздор!

Спрашивавший повернулся к одному из компаний-онов:

— Филип, ты слышал, что он говорит? Он ее обожает на немецком.

— Парень, ты кто? Уж не полицейский ли голубок?

— Наверное, он какой-нибудь Соц, посвятивший себя проблемам крестьянства.

Халдейн оставил игривость тона:

— Просто смешно, братец бард, что вы называете меня социологом!

— Выкатывайся отсюда, парень, пока мы сами тебя не выкатили.

Он мог бы справиться с любыми тремя из них, но их было пятеро. Он выкатился. На данном этапе ему не хотелось нарываться на выговор декана.

Гоня машину обратно в Беркли, он недоумевал. За два с половиной месяца поисков Хиликс он посетил, и не один раз, все места, где она могла бывать. Многих студенток «А-7» он встречал по несколько раз, но Хиликс не нашел. Что-то происходило вопреки вероятностным законам.

Он не пошел на лекцию по Фэрвезеру.

В среду, во время обеда в Студенческом Союзе, ему на глаза попалось объявление в университетской газете. Вечером в пятницу в Золотых Воротах профессор Моран читает лекцию о романтической поэзии восемнадцатого века. Увидев название темы, он не смог закончить обед, поднялся и вышел. Если Хиликс не придет на эту лекцию, то она никогда не придет ни на какую лекцию на этой земле.

По пути домой он отчетливо осознал, что у него появилось слабое место, которое может его подвести, — его нервы. В этой гонке он переключил свое предвкушение встречи на такую высокую передачу, что может сломаться.

Он не раз видел себя ее глазами во время их предстоящей встречи. Однако теперь вместо приятного

удивления, расплывающегося по его лицу, он представляется ее взору падающим на пол, ползком приближающимся к ней, обхватывающим ее лодыжки и рыдающим истерически от облегчения и радости.

Потрясенная, она с царственным презрением взирает на распостертого ниц юношу, пинком высвобождает ноги и, перешагнув через него, уходит прочь навсегда.

Пока он поднимался по лестнице, нарисованный образ показался ему смешным, но понимание своего состояния придавало мыслям еще более мрачный настрой. Его погружение в литературу обогатило мышление эмоциональностью форм и красок. Как ни странно, мир представлялся ему более живым, чем прежде.

Отец очень огорчился, когда Халдейн сказал ему, что не сможет пойти с ним на лекцию Грейстона. Увидев разочарование на его лице, Халдейн почувствовал угрызение совести:

— Прости, папа, но я не могу пропустить лекцию по романтическому периоду. Она попадает как раз на тот отрезок времени, который я выбрал для демонстрации моего математического анализа литературных стилей. Что ни говори, а лекция по Фэрвэзеру не для второкурсника. На шестом году обучения я по уши утону в механике Фэрвэзера, и если тебе удастся прихватить стенограмму этой лекции для моей папки заметок впрок, я буду тебе очень благодарен. А это поэтическое чтение имеет большую ценность для моей нынешней задачи. Новичок в литературе может получить из непосредственного слушания гораздо больше, чем в результате чтения.

Отец покачал головой:

— Не знаю, сынок. Может быть, то, что ты делаешь, и представляет ценность. Ты морочил мне голову теорией осаждения и, возможно, дурачишь этой новой задачей. Иди. Уж таков склад твоего ума. Ты — Халдейн, и что бы я ни делал, мне не удастся его изменить.

Халдейн пришел в лекционный зал рано и сел в задний ряд, чтобы видеть лица входящих. Как он и

предполагал, не меньше восьмидесяти процентов присутствующих студентов были категории «А-7», причем практически все — профессионалы, не носившие эмблем, но имевшие отличительный признак «А-7» — погруженность в транс мечтательности; длинные мундштуки были буквально у всех курильщиков.

Большинство рассаживались группами, но после того, как погас верхний свет, внезапно ввалилась еще одна группа студентов из фойе. Ему не удалось заметить среди них Хиликс; в темноте пришло довольно много народа, и он надеялся, что она среди тех, кто пробирается по рядам на ощупь.

Когда на кафедре включился свет и профессор вышел из-за кулис, Халдейн целиком переключил внимание на лектора, миниатюрного лысого человека лет шестидесяти с оттопыренными ушами. Он откинулся назад и заговорил голосом, удивительно мощным для такого маленького человека.

— Мое имя — Моран. Я здешний профессор. Мое поле деятельности и предмет лекции на этот вечер — романтическая поэзия Англии. Что касается меня лично, то в темное прошлое мой род вышел из Ирландии. Наше семейное предание говорит, что нас на пушечный выстрел не подпускали к духовенству, потому что в капустную грядку Моранов как-то наведался эльф. Можете вы в это поверить?

Присутствующие согласно посмеялись.

— Обо мне достаточно. Теперь о поэтах. Я буду называть их и позволю им говорить самим за себя.

Моран делал именно то, что обещал.

Его чтение стихов чистым профессиональным голосом было вне смысловых значений, осознаваемых настроений и эмоциональных красок читаемых строк. Уже по первой фразе первого стихотворения Халдейн понял, что попался профессору на крючок.

Публичная декламация Морана перескакивала овраги, через которые у теории эстетики даже не могло быть мостов. Хиликс, при всей ее красоте и со всем ее энтузиазмом, была только проблеском утренней зари по сравнению с ослепительным сиянием восходящего солнца этого человека.

Халдейн слышал рев реки Альф, низвергающейся в бессолнечное море, и знал, кого имел в виду Кольридж, когда писал:

Ты трижды очерти его,
Закрой глаза в священном страхе —
Росы медвяной ел он сахар,
Пил в райских кущах молоко.

Лорд Байрон говорил с ним лично.

Он думал, ему повезло, что Китс умер молодым. Но теперь, в темной аудитории он скорбел о смерти поэта, который умел говорить с такой проникновенностью и так сладостно точно поведал о «*La Belle Dame sans Merci*».

Шелли ему пел. Вордсворт создавал хорошее настроение. Его сердце танцевало под звуки шотландских волынок Бернса.

Когда включился верхний свет и публика поднялась уходить, ее настроение продолжало сидеть в зале. Не было ни гомона голосов, ни аплодисментов. Халдейн быстро двинулся к фойе, чтобы подождать там выхода Хиликса.

Глаза, встречавшиеся с его глазами, возвращали ему взгляды, полные нежности, но глаз Хиликса среди них не было.

Он вышел из фойе и пошел через площадь для гуляний, окунувшись в бодрящий вечерний холод; опавшие листья мягко шелестели под его ногами. На мгновение он остановился у фонтана в самом центре университетского двора и мягким голосом сказал самому себе:

Вот почему брожу я здесь
Один, и щек так бледен цвет.
Хотя пожухли камыши,
Птиц пенья нет.

Он плотнее закутался в плащ, чтобы согреться, поднял воротник и заметил, что его тень расползлась во все стороны по гранитным плитам, которыми была вымощена дорожка вокруг фонтана.

Это была байроновская тень, и так и должно было быть. Он был наедине с Байроном, с Китсом, с Шелли.

Он пришел сюда в поисках любимой, а вместо нее нашел живую любовь давно умерших мужчин; и все же он был одинок.

Смертельно усталый, неразлучный со своей мукой, он повернулся и пошел по увядшей траве под окоченевшими ветвями деревьев, перешептывающихся в порывах ветра позднего ноября. Он был привидением среди привидений, потому что перестал быть Халдейном IV двадцатого столетия. Хиликс познакомила, а Моран обвенчал его с бессмертными мертвцами. По этой безутешной пустоте тащилось только его усталое тело; его душа танцевала менуэт в гостиной восемнадцатого века.

Он нашел свою машину и поехал домой.

Отец еще не вернулся. Вспомнив обманутые надежды старика, Халдейн подошел к бюро, достал шахматные фигуры и расставил их для игры.

Грейстон не может говорить вечно. Стариk скоро должен быть, и Халдейн, помня о своей вине, знал наперед, что сегодня вечером отец обязан его победить.

Халдейн III вошел, потирая руки и неся холод на своем пальто. Его глаза засветились, когда он увидел расставленные фигуры.

— Готов к сражению?

— Готов врезать тебе одну.

— Прекрасно. Как твоя лекция?

— Так себе, — сказал Халдейн. — Как твоя?

— Превосходная. Наконец-то я досконально разобрался в эффекте Фэрвэзера. Не приготовишь ли мне выпивку, пока я раздеваюсь.

Халдейн подошел к бару и приготовил два напитка.

Отец снял пальто, вернулся и придинул стул к шахматному столику.

— Выходит, твоя лекция была всего лишь посредственной. Моя оказалась хорошей, очень хорошей.

Погруженный в игру, Халдейн сидел тихо и в дурном настроении, пока отец не заметил:

— Не могу понять, почему вы, молодые люди, все до одного хотите выскоочить из своей категории.

— Ух-ху-ху.

— Там, на лекции, была одна студентка-искусствовед. Молоденькая девушка. Перед началом лекции меня представили как почетного гостя, и она подошла ко мне познакомиться. Мы посидели и поговорили достаточно долго, и она меня слушала. Чего я не могу сказать о собственном сыне.

— Ух-ху-ху. И как она выглядела?.. Шах.

— Какая разница? Женщина, как женщина.

— Я бы удивился, узнав, что мой старик все еще нет-нет да и положит глаз на какую-нибудь кралю.

— Как ты часто имел удовольствие замечать, сынок, я не слишком наблюдателен. Однако, насколько я помню, у этой девушки каштановые волосы, светло-карие глаза, лицо скорее широкое и четко выраженный подбородок. Носик у нее немного вздернутый. Груди высокие и широко расставленные. Она ходит, слегка покачивая бедрами, что, будь она проституткой, удвоило бы ее доход.

Он взглянул на сына с полуусмешкой:

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о родинке под ее левой грудью и шраме в области аппендициса около десяти сантиметров ниже пупка?

Халдейн посмотрел на него серьезным взглядом:

— Отец, я в самом деле никогда прежде не задумывался, насколько глубока твоя распутность.

— Ей не откажешь в красоте, но красоте странной. Казалось, что в этой красоте не меньше качеств ума, чем тела, и пока я разговаривал с ней, меня не покидало ощущение, что я беседую с гораздо более зрелой женщиной. Она пишет статью о поэзии Фэрвэзера, и я рассказал ей о тебе.

— Она действительно произвела на тебя впечатление, если тебе захотелось выболтать семейную тайну.

— Да, произвела. Я пригласил ее пообедать завтра вечером. Идти к нам ей недалеко. Она студентка Золотых Ворот. Я сказал ей, что попытаюсь уговорить тебя составить нам компанию, если ты не уйдешь на какую-нибудь поэтическую лекцию.

— Именно это я и постараюсь сделать, — сказал Халдейн.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Она вспыхнула, словно северное сияние, и ее глаза, только что улыбавшиеся его отцу, обратились к нему с выражением незапятнанного достоинства.

— Если ваша машина будет работать, гражданин, вам стоит лишь дать ей обратный ход и у вас получится электронный поэт.. Такое устройство уничтожит мою категорию.

По логике вещей, следующим шагом должны быть машины для создания машин, и тогда исчезнет общественная потребность в человеческих существах как таковых. Вы не согласны, сэр?

— Абсолютно согласен, Хиликс. Я говорил ему, что это дурацкая идея.

Халдейн не мог припомнить, чтобы отец когда-нибудь соглашался так быстро, и он никогда не видел его таким обаятельным и оживленным. Сияние глаз старика едва ли не освещало обеденный стол. Посрамленный, Халдейн уткнулся в десерт и сидел тихо, а отец разразился монологом.

— Вы коснулись одного соображения, которое мы в департаменте уже рассматривали — о неразумности полного исключения человеческого фактора из работы машин. Однажды на рассмотрение Совета поступило изобретение...

Халдейн отметил слова «...мы в департаменте...». Отец явно хороорился. Обычно он говорил лишь «...в департаменте...».

Еще в гостиной, когда отец представлял их друг другу, она сказала:

— Гражданин, ваш отец говорит, что вы интересуетесь поэзией.

— Только как вспомогательным средством.

— Было бы трудно предположить, что вы бываете еще где-то, кроме лекций по математике.

Он входил в столовую с поющим сердцем и окрепшей верой в закон средних чисел. Пока он занимался ее поисками, она сама искала его на математических лекциях.

И сейчас, пока отец говорил, мысли Халдейна метались между математикой и аналитикой. Ее окружала атмосфера свежести, полуэфирной и полуzemной, напоминавшей ему весеннюю траву, пробивающуюся между пятнами тающего снега, а живость мысли сияла в каждой черточке ее лица.

Она была логической невозможностью. Он не сомневался, что у нее есть печень и легкие, и все то, чему положено быть в грудной клетке, и что все это действует точно так же, как у любой другой девушки, но целое было больше суммы составляющих его частей.

Он попытался отвлечь внимание отца от девушки, наполнив его бокал вином.

Халдейн III отвлекся, только чтобы спросить:

— Не собираешься ли ты напоить меня, чтобы произвести впечатление на нашу гостью блеском своего ума, когда я усну?

— Может быть, ты хочешь воды вместо вина? — предложил он, чтобы предоставить отцу возможность собственного выбора. Его мало заботило, что будет пить отец.

Пока отец наблюдал за тем, как он наполняет его бокал, Хиликс сказала:

— Если вам уготовано заниматься вивисекцией поэзии, гражданин, вероятно, у вас должен быть интерес к тому, как она рождается. В качестве учебного задания, я пишу поэму о Фэрвезере I, и мне нужна помочь в переводе его математики на язык обычной речи. Ваш отец говорит, что вы понимаете его работы.

— Это действительно так, гражданка, — ответил Халдейн. — Чтобы не потерять доверие отца, сразу же после обеда я помчусь в библиотеку и напишу коротенькое, всего в один абзац, толкование его теории одновременности и вычерчу диаграмму, демонстрирующую эффект Фэрвезера. Последнее действительно совсем просто. Ведь чтобы проскочить деформацию времени, он пользуется только квarkами.

Халдейн III вмешался:

— Меня умиляет наш брат математик, когда он норовит немного польстить социологам и психологам, но Фэрвезер для этого, как мне кажется, вряд ли хорошая тема.

— Почему, папа?

— Среди многоного другого, он имел дело с аппаратурой, приборами и физическими явлениями. В каком-то смысле он был ремесленником, не вполне чистым теоретиком... Я бы не советовал брать тему по Фэрвезеру... Извините меня, Хиликс, я на минуту оставлю вашу компанию.

Пока отец поднимался из-за стола, Халдейн принял быстрое решение. Занимаясь своими изысканиями, он все больше и больше укреплялся в уверенности, что его математическая эстетика имеет право на существование, но он потратил слишком много усилий на поиски девушки, чтобы честно заявить об этой уверенности и тем расстроить выполнение задуманного в отношении ее. Халдейн III еще не успел выйти за дверь, когда Халдейн IV уже взял под уздцы свою принципиальность.

Он наклонился к ней:

— Я помогу вам.

— Я знала, что вы не откажетесь.

— Послушайте, Хиликс. Я вынужден говорить быстро... Что-то произошло со мной в тот день в Пойнт-Сю. С тех пор я чувствую себя заряженным электродом без отрицательного полюса. Это делает меня и несчастным и счастливым одновременно. Скажите, кто я, атавистический поэт или неандертальский математик? Вы ведь знаток. Вы можете ответить.

На ее подвижном лице отразились нежность понимания и радостное изумление:

— Вы в меня втюрились!

— Никуда я не тюрился! Я парил, точно пристрастившийся к ЛСД жаворонок. Шелли, Китс, Байрон — теперь я знаю, как они чувствовали. Я новая звезда среди их уличных фонарей... Я завоевал черный пояс!

— Ох, нет. — Она покачала головой. — Первобытные знали все о том, что с вами происходит, и они называли это «юношеской любовью». Но это всего

лишь симптом. Если эмбрион развивается правильно, он становится тем, что эти первобытные называли «зрелым дружеским общением», таким состоянием, когда мужчина и женщина получают удовольствие от того, что находятся рядом.

— Да нет, — возразил Халдейн, будучи уверенными, что в ее знании есть пробел, — об этом я знаю, но я имел в виду не это. Я получаю удовольствие оттого, что смотрю на вас, прикасаюсь к вам.

Он потянулся к ней и взял за руку:

— Так приятно держать вашу руку.

— Отпустите меня, — прошептала она, — пока не вернулся ваш отец.

Он подчинился, отметив про себя, что она легко могла бы выдернуть руку сама, но не сделала этого. Он откинулся на спинку стула.

— Я хотел сказать вам что-то вроде того, что мое сердце поет, словно птица, но ничего не получилось.

Он не знал, что человеческий голос может быть таким нежным, пока не услышал ее ответ:

— Не расстраивайтесь, Халдейн. Вы сказали мне гораздо больше, чем думаете, и каждое утро моей жизни будет отныне начинаться песней вашего пристрастившегося к ЛСД жаворонка.

Три драгоценные секунды прошли в молчании. Хиликс заговорила первой:

— Забудьте, что вы — заикающийся от смущения, неоперившийся поэт и оставайтесь пунктуальным математиком. Быстро придумывайте какой-нибудь способ помочь мне написать эпическую поэму о Фэрвевере, иначе я не смогу помочь вам снять позолоту с лилий моего сердца.

Его ответ был придуман давно:

— Ждите меня завтра в девять утра возле фонтана во дворе вашего университета.

Она кивнула и поднесла к губам чашку с кофе как раз в тот момент, когда отец Халдейна входил в комнату.

В воскресенье Халдейн поднялся с постели в семь утра и почти час потратил на то, чтобы дважды

побриться, привести в порядок ногти на руках и ногах, пойти под душ, помыться с мылом, ополоснуться, еще раз помыться с мылом, снова ополоснуться, вытереться, освежить лицо лосьоном, вытереть руки и растереть обнаженную грудь. Он увлажнил волосы кремом, но очень немного, только чтобы придать им блеск.

Халдейн постоял некоторое время нагишом перед зеркалом и поиграл мышцами, сделав несколько тренировочных выпадов дзю-до. Он выбрал серую куртку с вкраплениями серебряных нитей и серебряной эмблемой «М-5», вышитой на левой стороне груди, ладно сидевшее на нем пальто с бледно-серебристой подкладкой и серые туфли из набивной замши. Его брюки были из грубой хлопчатобумажной ткани на теплой подкладке с начесом, серого цвета, с тройной строчкой на гульфе.

Стоя одетым перед зеркалом, он с неохотой признался себе, что каждой пядью своей фигуры напоминает будуарного героя восемнадцатого века. Его тонкое гладкое лицо всем, кроме волос, напоминало ему Джона Китса. Эти пышные, светлые, цвета свежей соломы волосы с явными признаками волнистости, ни дать ни взять — байроновские, а эти глаза, холодные, серые и бесстрастные, умеют смотреть на вещи только эмпирическим взглядом с расчетливой легкостью прирожденного прагматика.

С размаху набросив на плечи пальто, он развернулся на каблуках и крупным шагом направил стопы в кухню, где сбросил пальто и стоя позавтракал, далеко наклоняясь над столом кухонного буфета, чтобы не замарать крошками сияющий блеск своей куртки.

Снова надев пальто, он покинул наследственное владение, зная, что патриарх, почивающий в своей спальне, проснувшись, решит, что его отпрыск пошел к заутрене, и на три четверти будет прав.

По пути к университетскому городку он ехал мимо лодочного причала. Слева от него, на Шишак и Русский холм взирались блеклые башни городских строений. Справа легкий бриз поддавал под зад неболь-

шим волнам, всхолмившим залив. Над ним проплы-
вали небольшие облака, напоминавшие девичьи груди,
которые только подчеркивали голубизну неба. Начи-
нался многообещающий день ожившего восемнадца-
того века.

Он припарковал машину и, срезая путь, пошел
через территорию городка между деревьями. По мере
приближения к фонтану, пелена ветвей становилась
все тоньше, и он увидел ее.

Она стояла у фонтана, читая книгу, в платке
вместо шляпки, одетая в юбку, которая, очевидно,
гладилась под матрацем.

Раздосадованный тем, что так разнарядился, он
вышел из-под покрова деревьев.

Когда он подошел к ней, она подняла взгляд и
улыбнулась, протягивая руку. Он наклонился к руке
и поцеловал ее.

— Избавьте меня от рыцарства, Халдейн, — ска-
зала она, быстро отдергивая руку. — У нас в городке
есть сторожевые пташки.

— Я надел свой костюм для воскресной мессы.

— Я догадывалась, что вы именно так и поступите, — сказала она, — поэтому оделась совершенно
иначе, чтобы люди не подумали, что мы вместе ходим
к заутрене.

— Вы так же умны, как прекрасны. Вам не хо-
лодно?

— Немножко.

— Что это за книги?

— Потоньше — поэтические произведения Фэрве-
зера, толстая — антология поэзии девятнадцатого
века.

— О, — воскликнул он, пытаясь скрыть негодова-
ние, вызванное видом этих книг. Он почти позабыл о
поводе для их встречи, и это напоминание его рас-
строило. Возникло ощущение, будто она привела с
собой маленького брата.

— Не на таком же холоде говорить о них, —
сказал он и поведал о квартире Малколмов и о том,
как к нему попали ключи. Он дал ей дословный отчет

о разговоре со своим товарищем по общежитию, не касаясь мотивов этого разговора.

Подумав, она признала идею разумной:

— Возьмите толстую книгу и идите в северном направлении, а я пойду той дорогой, которой пришла сюда. Если за нами наблюдают, кто бы нас ни видел, подумает, что мы встретились, потому что я должна была передать вам учебник. Обращайтесь с книгой бережно, это фамильная реликвия. Я на несколько минут задержусь, прежде чем отправлюсь в эту квартиру.

— Папе не понравился ваш выбор темы, вы заметили?

— Я ожидала от него такой реакции.

— Каким образом?

— Поговорим об этом там, в квартире.

— Вы не боитесь?

— Немного побаиваюсь, — призналась она.

— Риск может стать большим ровно в той мере, в какой мы сами станем его увеличивать.

— Я боюсь не того, что о нашей встрече может быть доложено. Это нечто другое и более важное, мне страшно от того, что я нашла в этих книгах. Ну, идите, только не оглядывайтесь.

Он повернулся и, насвистывая, широко зашагал по аллее. Для любого случайного наблюдателя он был всего лишь студентом, который одолжил у студентки книгу и отправился по своим делам.

Насвистывал он только для самоуспокоения. На ее лице он заметил скорее глубокую тревогу, чем признаки страха. Чем бы ни было то, что она нашла в этих книгах, было очевидно, что ей не по себе.

Квартира Малколмов произвела на Хиликс впечатление.

Едва сбросив пальто и положив книгу на диван, она торопливо заговорила:

— Взгляните, какое великолепие!.. Разве не восхитительна эта резьба? Я думаю, вы просто обязаны убрать пыль!

Халдейн не был в квартире с тех пор, как впервые ее осматривал. Он пожал плечами:

— Здесь нужна женская рука, и мне тоже.

Она смотрела в окно, а он подошел к ней сзади и обхватил руками. Она повернулась к нему, запрокинув лицо.

Он поцеловал ее.

Прежде он никогда не придавал серьезного значения поцелую как таковому. Целуются и супруги, и братья, и сестры. Поцелуй — не главное оружие в его арсенале; он даже осуждал этот ритуал, как противоречащий правилам санитарии, хотя мирился с ним как с обычаем. Поцелуй с этой девушкой определенно доставлял удовольствие, и он затягивал его до тех пор, пока она не отстранилась.

К его огорчению и ужасу, ее голос перешел на формальные рельсы и звучал сухо, когда она произнесла, как заученный урок:

— Будучи гражданкой женского пола, носящей на своей куртке эмблему профессионала, я несу ответственность за то, чтобы свято хранить для целей государства те зачатки потомства, носителем которых являюсь. Оставаясь верной своему полу во все времена, я никогда и ни с кем не сделаюсь женщиной, за исключением того мужчины, который будет выбран для меня Департаментом Генетики.

Она сделала паузу, глядя скорее на него, чем сквозь него, но на какую-то долю секунды сверкнув глазами вниз:

— Мы ведь не намерены идти на риск деклассификации. Кто-то из нас должен быть сильным, и какой-то инстинкт подсказывает мне, что этим сильным окажетесь не вы.

Он стоял перед ней и знал, что его планы пошли кувырком, и гораздо в меньшей мере от того, что она сказала, чем потому, что он чувствовал. Она полностью покорила его.

В сравнении с девушками с Площади Красавиц, она была тем же, что симфонический оркестр по сравнению с банджо, но в любом оркестре есть группа струнных, и в своем отклике на те нюансы и тот

диапазон эмоций, которые она в нем возбудила, он отдавал предпочтение чувству гордости, а не стыду за так напугавшее ее потрясение. Он желал ее, но само это желание было заключено в еще большем желании позаботиться о ее благополучии. Он никогда не позволит, чтобы тот беспечный юнец, которым он был два месяца назад, посмел осуществить свои планы и подверг опасности эту девушку.

Он сделал на лице надлежащую маску и ответил ей:

— Я согласен с вами, граждanka, что профессионалу безрассудно подвергать опасности общественное благоенствие из-за возникшей в чреслах дрожи. — В этом месте привычной фразы он сделал паузу и слушал свой голос, который шел отдельно и как бы отклонялся от направления излагаемого им официального кредо. — ..Даже пусть эта дрожь будет выражением наивысших чувств человеческого сердца и будет так же свободна от бренности плоти, как орел свободен в полете.

Он подвел итог этому кредо:

— ..И тот, кто желает принести в жертву так много за столь ничтожную малость, порочит собственную честь и всю свою генетическую линию и проявляет злонамеренность к государству.

Внезапно он ухмыльнулся, и в его голосе зазвучала необузданная властность:

— Я соглашаюсь с вами, потому что вы такая милая девушка, но если бы вы склонились ко мне и прошептали: «Приди, Халдейн, расплети мою косу и возьми мою непорочность», я тоже согласился бы с вами, расточая при этом чертовски мало слов.

Она простодушно рассмеялась.

— Вы слышали оба варианта, — сказал он, — их и мой. Вы запомните мой вариант, не так ли? С официальным вариантом вас могут познакомить эти копошащиеся в Золотых Воротах мокрицы, когда их ручонки начнут дрожать, как бы невзначай касаясь ваших бедер.

— Какой вы ревнивый!

— Я не ревнивый! Мне нестерпимо хочется глотнуть содовой, когда на ум приходит мысль, что некоторые из тех, о ком я говорю, вероятно, рано приходят на занятия, чтобы наблюдать за вами, когда вы входите в аудиторию, и задерживаются до последнего, чтобы выйти следом за вами. Да и препы недалеко ушли от порослячьего похотливого поглядывания. Бьюсь об заклад, вы получали бы только отметки «А», если бы писали свои контрольные даже на санскрите.

Она захохотала, повелительно указывая пальцем на кушетку:

— Сядьте! Я не боюсь похотливых поэтов; меня страшат половозрелые математики.

Хиликс села в дальний угол кушетки и сказала:

— Давайте договоримся о линии поведения. Воскресных встреч больше не будет. Воскресенья я провожу со своими родителями в Сосалито, и нарушение привычного порядка будет выглядеть подозрительно. Никаких телефонных звонков. Звонки только по кодовой голосовой связи, и пусть они будут очень короткими. Мы должны ограничить наши встречи одним часом по субботам. И будем менять часы этих встреч, договариваясь о времени в предшествующую субботу.

— Вы предусмотрительны.

— Я вынуждена быть предусмотрительной. Если кто-то из власть имущих докопается до этого и заподозрит плохое, нас подвергнут психоанализу.

— Мне бы не хотелось пройти через это снова, — сказал он.

— Вы уже проходили?

— Мать выпала из окна, когда поливала цветы на карнизе. Когда это случилось, я был еще ребенком. За неимением лучшего, я во всем винил цветочные горшки. Когда я их сбрасывал черенком метелки с карниза, один горшок чуть не угодил на голову прохожего. Меня подвергли психоанализу на агрессивность.

— Ваш анализ наверняка проводил какой-нибудь студент-психоаналитик, — сказала она, — но вер-

немся к нашим баранам. Вам приходилось читать поэзию Фэрвэзера?

— Нет, я умышленно не стал читать его стихи. Мне никак не выбраться из леса восемнадцатого века. Ваш парень, Моран, оказал мне огромную услугу, но когда я добираюсь до великого художника, мне хочется понимать его язык.

— Вы явно переоцениваете поэтическую мощь нашего знаменитого героя. — Она протянула ему маленький томик. — Откройте эту книгу и прочтите мне наугад любое четверостишие.

Он раскрыл книгу и прочитал:

Так было холодно, что снега хруст
Рвал ветер из-под ног
И вихрем по камням откоса нес,
Чтоб он, крутясь, к подножьям елей лег.

— У него нетрудный язык, — сказала она, — не правда ли?

— Здесь всего два-три оборота, которыми я не пользуюсь в обычном разговоре, но лишь по той причине, что, применяй я их, не каждый из моих друзей меня бы понял.

— А что вы скажете о теме?

— Снежная картина? ...Мне она нравится. Я всегда питал слабость к снегу, он так громко похрустывает, когда несется по каменистому откосу. Здесь и в помине нет этого сладкого сентиментального вздора, который звучит для меня каким-то чавканьем.

— Но в этом нет символики, — запротестовала она.

— Одним символика нравится. Другим нет. Я не принял бы символику в снежном пейзаже. Я люблю мой снег чистым и неподдельным.

— В стихах должен быть какой-то скрытый за очевидностью смысл, — сказала она. — Теперь откройте страницу 83.

Он открыл названную страницу и нашел на ней знакомое название:

«Откровения с наивысшего места, с исправлениями», но здесь было только четыре строки из тех, что

она читала наизусть в Пойнт-Сю, с добавлением декоративных строк из звездочек перед началом и в конце.

Он говорил нам, став на возвышенье,
Что Он есть тот, кто ищет пораженья,
Что яд болиголова — угощенье,
Что параллели встречаются в стремленьи.

— Вы говорили мне, что, по вашему мнению, это Нагорная проповедь, — сказала она, когда он оторвал взгляд от книги. — Так же думал и редактор. Редактор поставил слово «Он» с заглавной буквы, изъяв строки о благословении убийством, которые не соответствуют образу Иисуса.

Другой момент: звездочки обычно означают купюры. Редактор сделал их наподобие декоративного орнамента, и это убеждает меня в том, что он принимал меры для прикрытия своего деяния. Если бы кто-то пришел к нему и сказал: «Смотрите-ка, это не полное стихотворение», он мог бы ответить: «Да, но я отметил это обстоятельство. Вы же видите звездочки».

Человек, который мог бы это сказать, редактор всего этого томика, руководитель Департамента Литературы. Его подпись придала томику внушительность. Но зачем главе департамента редактировать книгу безвестного поэта?

— Фэрвезер был государственным героем, — напомнил ей Халдейн.

— Но не по части поэзии. Более того, название этой книжки — Полное собрание поэтических произведений Фэрвезера I. Такое название — полный обман.

— Девушка, вы возлагаете на государственные власти ответственность за цензуру и искажения.

— Именно так. Это вас шокирует, но это правда! Возьмите вторую книгу, только листайте ее аккуратно, и вы найдете в ней другое стихотворение Фэрвезера, даже не упомянутое в Полном собрании поэтических произведений.

Это антология поэзии девятнадцатого века. Она не перепечатывалась вот уже более ста лет, фамильная реликвия, и это, по-видимому, единственный экземпляр в мире. Откройте страницу 286.

Он осторожно перелистал книгу до нужной страницы. Бумага была хрупкой от времени, но буквы старинной печати различались прекрасно.

Он нашел стихотворение. Само название говорило о том, что это Фэрвезер в чистом виде: «Жалоба приземленного звездного скитальца».

Всякий нас видел на Млечном Пути,
Молнией курс был отмечен,
Но нас возвратили, испортив нам
С Малой Медведицей встречу.

Нам говорят, что решили Парки
Тенёта с галактиком смести,
Еще беспристрастнее нить судьбы
Из этих тенёт сплести.

Уран звездолету-дракону был,
Что Геркулеса столбы,
Ориона вспышки были маяк,
Когда мы к Плеядам шли,

Где одиноко плачет Меропа,
Тщетно глядит в небеса —
Смертным любимым, что были у ней,
К ней возвратиться нельзя.

Вы, парни, ошиблись, кто свет взнудзал.
Крепкие сердцем сдюжат.
Но парни грустят и сходят с ума —
Душам пустым недужно.

О, Боже правый, если б я мог,
Снова б в том море плавал,
Чтоб видеть, как Парки из нити судьбы
Сплетают мой звездный саван.

Как только Халдейн склонился над текстом, стихотворение захватило его с самого первого образа — как это точно и как справедливо, справедливо, а не просто правдиво, представлять лазерный корабль оставляющим позади себя молнии, и внезапно он сам остро затосковал по звездной шире, оплакивая последнюю измену Меропе, той, которая любила смерт-

ного и действительно умершего; горюя и негодуя над саваном, который сплетен для доблестного звездного скитальца, желавшего возвратиться назад, даже если это означало космическое сумасшествие и смерть. Гиганты ходили по этой земле всего какую-то сотню лет назад.

Но Хиликс нужны символы.. Меропа — это, конечно, утраченные мечты романтизма, два месяца назад он не заметил бы этого.

— Нашли вы какой-нибудь символизм?

Настойчивость, звучавшая в ее вопросе, превращала его в мольбу. Она смотрела на него, ища обретения уверенности в том, что государство всемилостиво и кристально правдиво, как ее тому учили.

— Меропа была одной из Семи Сестер, которая влюбилась в смертного и была изгнана с небес...

— А Парки — это три сестры рока, — сказала она почти раздраженно. — Но это мифические аллюзии, стихотворный прием, который вышел из моды вместе с этим возмутительным Джоном Мильтоном.

— Я беспокоюсь, потому что эта антология существует на микропленке, и простой анализ данных позволил бы получить это стихотворение из архивов, когда составлялся сборник поэтических работ Фэрвэзера. Можете вы найти хоть какую-нибудь причину, по которой это стихотворение подверглось цензуре?

Он не знал, что Парки — это три богини судьбы. Хиликс сама была сбита с толку поэтическими формами. В книге не было ничего, что бы могло защитить Фэрвэзера от превращения аллюзии в символ. Все более осознавая смысловое значение стихотворения, он понял, что именно совершил Фэрвэзер.

— Вы не обратили внимания на одно обстоятельство, Хиликс, — сказал он. — Редакторы редактируют. Ни один редактор не включил бы это рифмо-сплетение звенящие-шипящих аллитераций в поэтический сборник.

Его мысль дошла до нее, и она успокоилась:

— Думаю, вы правы, Халдейн. Да, я в этом уверена. По той же причине могли быть сделаны и купюры. А я-то стала подозревать, что это может означать, что в устоях государства что-то непрочно.

Она уже явно успокоилась и привела в порядок и мысли и чувства.

— В следующую субботу я предлагаю встретиться в десять. Мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне подобрать размер и рифму для моей поэмы. Чтобы освежить в памяти отправные моменты, я проштудирую официальную биографию Фэрвезера, и было бы неплохо, если бы вы прочитали общую историю времен Фэрвезера.

Между прочим, боюсь, нам придется потратить время на уборку квартиры. Если судить по шести неделям, прошедшим с вашего ее посещения, вы, видимо, решили оставлять пыль нетронутой до урожая следующего года.

Пока Халдейн копался в чулане в поисках щеток для уборки пыли, его лицо выражало серьезную работу мысли.

Он уже знал, кто такие Парки, имел представление о роли образа Меропы в этом стихотворении, но и с полной определенностью понимал, что оно не включено в сборник именно по требованию цензуры. А те символы, которые потеряла Хиликс, присутствовали в этой «Жалобе...» во всей полноте их ужасающего подтекста: в устоях государства явно что-то не прочно.

Когда они расстались, Халдейн не сразу отправился домой. Он подъехал к мосту Золотые Ворота и пошел по нему пешком по той стороне, которая обращена к океану.

Больше часа стоял он, наклонившись над перилами и наблюдал за наплывающей с океана стеной тумана. Она надвигалась медленно, и ее передняя часть была подобна отвесной скале из густой дымки, основание которой пульсировало, когда из-под него выкатывались широко отстоящие друг от друга волны, одна за другой разбивавшиеся о понтоны, ему невидимые, но беспрестанно издававшие свое «шлеп-шлеп».

Находившаяся слева крепость совсем потерялась в туманном саване, а западный склон Тамалрейза спрятал туман уже окутал, но океан был виден, хотя стена

тумана закрывала его большую часть; ровная, маслянисто-жирная, зловещая масса ритмично колебалась в том месте, где она соприкасалась с поверхностью океана.

Было время, когда море бросило людям вызов, и люди приняли его, но это было очень давно, очень, очень давно. Ужасные монстры скользили в его глубинах, и ветры терзали его поверхность, но человек пошел, а потомки человека, который принял вызов моря, были убиты страхами моря. И теперь на его просторах усердно трудятся только те, кто служит матросами на грузовых субмаринах, которые спокойно ходят на многометровой глубине под его поверхностью, совершенно безразличные к штормам, с тяжелым грохотом сотрясающим его поверхность.

Потом бросил вызов космос, и нашлись люди, которые были готовы принять этот вызов, но Парки отменили полеты разведывательных кораблей, и звезды, которые должны были стать новой вселенной человека, стали ему саваном.

Он стоит на вершине судьбы человека, живущего при лучшей из всех возможных общественной формации, на лучшей из всех планет, уже совсем малюсенькое существо, но все еще жаждущее вызвать миры на бой. Он не чувствует удовлетворения. Невыразимо страстное желание лихорадит его кровь.

Он тоскует по Хиликс, но его страстное желание не ограничивается ею, потому что она пробудила силы, дремавшие в темных закоулках его ума, жаждавших света.

Когда клубы тумана стали обволакивать мост и в становившейся все более плотной пелене замерцали фонари освещения, он повернулся и пошел обратно на берег. Его шаги глухо звучали на пустынном мосту, и он остро ощутил одиночество.

На какой-то миг ему показалось, что он возвращается не в Сан-Франциско, а ступает на какую-то мрачную землю, населенную враждебными ему людьми. Без всякого внутреннего побуждения, с поразительной стремительностью удовлетворить безотлагательную потребность, из тысяч строк, прочитанных

им за последние месяцы, выскоила одна-единственная, всего лишь фрагмент, подчеркивающий его отрешенность от ставшей внезапно чуждой Земли, и он вслух произнес ее в густом тумане:

Чальд Роланд к мрачной башне подошел..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хиликс позвонила в пятницу.

Когда раздался звонок, он только что принял душ и был в комнате один. Полагая, что звонит какой-нибудь однокурсник, он достал аппарат из кармана халата и сказал:

— Халдейн.

Услыхав ее голос, он испугался.

— Гражданин, мне жаль, но должна сообщить вам, что затребованная вами книга находится в списке запрещенных законом.

В его голосе не было и намека на официальную холодность, когда он выпалил:

— Мадемуазель, он создал Папу!

— Тем не менее ознакомление с его биографией запрещено. Гражданин, вы понимаете, что это послужит препятствием для выполнения учебного задания.

Ему не было дела до задания Хиликс, но если исчезнет то, чем могут быть оправданы их встречи, Хиликс их прекратит.

Внезапно в его голосе зазвучали нотки авторитетности:

— Мне известны другие источники информации, мадемуазель. У вас открыто в субботу?

— Если есть предварительная договоренность, мы открываемся и по субботам. Надеюсь, у вас она есть?

— Да.

— В таком случае, я могу предложить побочную тему, с которой надеюсь вас завтра познакомить.

— Спасибо, мадемуазель, и до свиданья.

Он сидел на краешке кровати, кипя от злости и негодуя, как человек, обведенный вокруг пальца мелким мошенником.

Он еще мог понять, почему никто не упоминал о том, что Фэрвезер писал стихи. Это была информация, не имеющая отношения к изучаемым им предметам, а сам он никогда не спрашивал. Но это совсем другое.

В университете он уже два года изучает идеи человека, который внес в математику вклад, гораздо больший, чем Эвклид или Эйнштейн, человека, который внес вклад в теологию, больший, чем Святой Августин, человека, который похоронен на кладбище героев в Арлингтоне, и ему до сих пор ни разу не попалось ни одного подстрочного примечания ни в одной из прочитанных им книг или журнальных статей, где содержался хотя бы намек на то, что Фэрвезер был под подозрением у Церкви.

Неужели история является государственным секретом?

У него есть козырь, и он его разыграет.

Халдейн III как член департамента должен иметь доступ к такой информации. Две недели назад он прямо сплеча спросил бы отца, почему Церковь имела наглость запретить биографию человека, который смонтировал последнего представителя Святого Петра на Земле, но теперь ему придется подойти к этому с осторожностью. По его вопросу Халдейн III может заподозрить, что он продолжает недозволенные взаимоотношения с обедавшей у них гостью.

Такое подозрение может оказаться смертельным для его планов. Если его предчувствия, возникшие в воскресенье на мосту, обоснованы, то отец будет в лагере врагов.

По пути домой он остановился у магазина спортивных товаров, чтобы сделать некоторые покупки, и приехал домой позднее отца. Во время обеда Халдейн вызвал его на шахматный поединок.

— Чтобы наверстать потерянное время, я буду играть с тобой по удвоенной ставке.

Он чуть не совершил тактическую ошибку. Отец ухватился за предложение, и Халдейн выиграл пер-

вую партию. Двойной джин подействовал так сильно, что он едва не поплатился невозможностью проиграть вторую.

Отец выиграл третью партию так убедительно, что имел право заметить:

— Шахматы позволяют провести грань между математиками и продавцами мелочной лавки.

После еще двух побед Халдейн III принялся критиковать всю систему игры сына с беззастенчивостью мастера первой величины:

— Атакуй! Агрессивность — душа игры, а ферзь — ее загадка. Шахматы — это матриархат, построенный на силе женщины, и тот, кто не в состоянии управлять силой женщины, теряет мужество, выходящееся, как шахматист.

Халдейн высоко ценил комментарии отца, потому что ему была необходима любая подсказка, которая помогала находить проигрывающие ходы. Между тем он собирался с духом, чтобы перевести разговор в такие области, которые могли бы помочь разрешить загадку запрета на Фэрвэзера.

Чтобы поддерживать видимость состязания, он выиграл и нацедил себе храбрости из того же бочонка, из которого происходило шахматное всеведение отца. Внезапно он осознал, что тратит впустую огромные усилия на то, чтобы быть тактичным и дипломатичным в разговоре, о котором Халдейн III утром даже не вспомнит.

— Папа, почему запрещена официальная биография Фэрвэзера?

— Может быть, потому что он экспериментировал с антиматерией?

— Он жил до того, как эти эксперименты были объявлены вне закона.

— Ты прав! Делай ход.

Халдейн передвинул короля, подвергая его опасности.

Отец изучал позицию.

— Тогда почему же ее запретили?

— Он затеял борьбу с Папой Львом XXXV. Папа пытался отлучить его от Церкви. Но социологи под-

держали его. Не то чтобы Фэрвезер им нравился, напротив. Они поняли, что Лев домогается еще большей власти. Он пользовался всенародной любовью. Из-за преданности вере, кто знает?

Халдейн проходил несколько мучительных мгновений, пока отец не сделал, наконец, свой ход, так и не объявив шах королю.

— Но Папа не мог затеять отлучение государственного героя без веской причины.

— Да, черт возьми, ты прав, сын. Твой ход.

Халдейн подставил короля под шах на одну линию с отцовским ферзем, но отец пошел пешкой по диагонали и перекрыл шах.

Халдейн отступил на одно поле назад и на два через короля ладьей.

— Почему ему позволили заниматься электронным Папой?

— В те дни за спиной триумвирата шла большая борьба. Соцы и Психи ополчились на Церковь. Они приветствовали изобретение Фэрвезера. Генри VIII, глава социологов, знал, что ему наверняка не придется беспокоиться о политических кознях со стороны компьютера... Шах!

Халдейн рокировал короля в третий раз.

— Почему Лев пожелал подвергнуть Фэрвезера цензуре?

— Государственный секрет, сынок. Твой ход.

— Я только что сделал ход, папа. Рокировку. Если все это настолько конфиденциально, почему его биография всего лишь запрещена?

— Сначала ее не тронули. Запрещение-то как раз и было уступкой Церкви.

Халдейну потребовалось высокое мастерство и пришлось сделать несколько невозможных ходов, чтобы создать на доске такую позицию, в которой при любом ходе, какой бы ни сделал отец, он ставил своему сыну мат. На лице Халдейна III заиграла насмешливая полуулыбка и раздался тихий возглас предвкушения триумфа, когда он разобрался в положении фигур. Халдейн нарушил приятный ход мыслей в мозгу старика, спросив:

— Как ты думаешь, тебе удалось бы достать для меня эту биографию? Должно быть, она интересна.

— Достань ее сам, — он нетерпеливо махнул рукой в сторону своего кабинета, — она там, на верхней полке... Шах и мат!

В квартиру Малколмов он пришел рано, чтобы проверить, нет ли спрятанных микрофонов, и поставить дюжину роз, которые он купил, в бронзовую вазу, стоявшую возле двери в прихожую. Справившись с обеими задачами, он сел на кушетку и стал бегло просматривать биографию, которую прочитал поздней ночью накануне.

Он слышал, как она остановилась возле роз, и сделал вид, что поглощен книгой. Он посмотрел, как она прихорашивает букет.

— Они распустятся еще больше. Этой матроне надо предоставить господствующее положение.

В считанные минуты она превратила его неуклюже составленный букет в гармоничную композицию.

Он подошел и поцеловал ее в шею.

— Персонификация — это слабый литературный прием.

— Ученик уже учит учителя. Вы способный.

— Способный, ретивый и хитрый. — Он повел ее к кушетке и показал на лежавшую на ней книгу. Она наклонилась и взяла ее едва ли не с благоговением.

— Его биография.

— Мне одолжил ее пана.

— Вы не наговорили ему о Фэрвэзере лишнего?

— Он не вспомнит. Доктор рекомендовал ему выпивать рюмку-две перед сном в связи с его гипертонией. Прошлая ночь была очень спокойной.

На ее лице появилась тревога.

— Не обладай он силой ума, его никогда бы не назначили в департамент.

— У него достаточно здравого смысла не говорить о государственных секретах. Он, правда, едва не проговорился, но промолчал.

— Сказал он вам, почему была запрещена биография?

— В качестве уступки Церкви. Папа Лев пытался отлучить его, но Соц и Псих остановили Папу.

— Говорится в биографии об этом случае?

Он отвел взгляд.

В прошлое воскресенье ей стало страшно от мысли, что государство лучшего из всех возможных миров способно проводить цензуру, и он лгал ей, чтобы не поколебать ее веру. Ее жизнь определяется верой в то, что государство всемилостиво, и он сомневался, имеет ли право подвергать эту веру испытанию, подвергать опасности ее психику.

Но ведь она — профессионал, а не какая-нибудь павловская собачка, и болезненно ищет правды. Имеет ли он право выступать в роли цензора по отношению к ней, скрывая неприятную правду? Если он промолчит, то станет союзником того, с кем борется, и осквернит таинственность, связывающую его с ней.

Он неторопливо ответил:

— Этот случай упоминается там только в общих чертах. Видите ли, Хиликс, еще до того, как биографию Фэрвэзера запретили, она прошла через цензуру.

— Так вы уверены, что у нас существует цензура?

— Я догадался об этом в прошлое воскресенье, — согласился он.

Он был уверен, что заметил в ее глазах искорку облегчения, но это душевное волнение утонуло в выражении участия, участия к нему.

— Значит вы знаете, кто такие три сестры рока? — Ее голос был ровным и бесстрастным.

— Да, — ответил он.

— Я беспокоилась за вас, — сказала она, успокаиваясь. — Они закомплексовали вас так сильно.

Внезапно ее поведение изменилось и она стала оживленной и деятельной.

— Итак, биография не дает намека на мотивы, побудившие Папу Льва пытаться отлучить Фэрвэзера?

— Это даже не называется отлучением. Там говорится, что ему угрожали возможностью выражения

недоверия. Семантически такая трактовка не противоречит истине. Отлучение — это одна из форм выражения недоверия, правда, весьма радикальная форма.

— Однако далее говорится «по мотивам противозаконной моральной порочности».

— Еще одна из этих фраз, — сказала она раздраженно. — Но скажите мне, долго ли после этого недоверия он работал над созданием Папы?

— О недоверии речь шла в 1850 году, а Папа был установлен в новом Папском Престоле в 1881 году.

— Тридцать лет он работал в виноградниках Господа Нашего, даже несмотря на то что Папа пытался его вышвырнуть.

— Это должно вас заинтересовать. Он женился на пролетарке.

— Когда? — спросила она.

— В 1822 году. У них был сын. В биографии о нем не говорится ничего, кроме того, что он как профессионал был введен в состав Департамента Математики. Очевидно, династия закончилась на этом сыне.

— Это мне так же не интересно, как и тридцать лет, которые он потратил на служение Церкви, хотя эта женитьба на пролетарке наводит на мысль об индивидуализме, который мог привести к уклонизму.

— Ни в коем случае, — сказал Халдейн, — Соц и Псих никогда бы не пошли вместе с уклонистом против Церкви.

— Но почему же он был так предан именно тому ведомству, которое пыталось его уничтожить?

— Может быть, Папе не удалось до него добраться, поэтому он сам добрался до него, до живого Папы, я имею в виду.

— Ненависть не может быть настолько сильной, чтобы подхлестывать человека в течение тридцати лет заниматься тем, чем он занимался. Это могли быть только любовь или раскаяние.

Халдейн, позвольте мне прочитать эту книгу. Может быть, обмениваясь мнениями, мы сможем найти ответ.

— Если мы найдем зловредный ответ, — сказал он, — это будет препятствием для выполнения вашего учебного задания... По телефону вы обмолвились о побочной теме. Какая у вас появилась идея?

— Эту мою идею теперь не стоит обсуждать, раз вам удалось раздобыть экземпляр биографии, но я думала, что могла бы подготовить статью о приемах и эмоциональных реакциях влюбленных восемнадцатого века. Поскольку вы любите меня, из вас можно было бы сделать идеального в этом отношении партнера.

— Вы намеревались поручить мне эту роль?

— В общих чертах, идея была в этом.. Я хотела проверить некоторые приемы, которыми пользовались кокетки — они называли это «флиртом» — для усиления волнения своих любимых.

Знай он о ее планах, ругал он себя в душе, ни за что не принес бы эту книгу!

Однако спокойно сказал:

— Этот план пока не следует сбрасывать со счетов. В сочинении поэмы я буду вам мало полезен, если не считать помощи исследовательского характера. И у нас еще могут возникнуть препятствия, которые не позволяют реализовать эту тему. Мы не сможем раскрыть государственный секрет, о котором нам не положено знать, даже пользуясь каким-то символом, не насторожив триумвират, но я мог бы дать вам огромное количество информации из первых рук, касающейся приемов и реакций влюбленных восемнадцатого века. Собственно говоря, я — просто золотая жила оригинального материала по этой теме.

— Покажите наглядно.

— Начнем с того, что существовал романтический поцелуй, вот такой.

Он обнял ее и уронил спиной на диван, но не стал целовать в губы, а мелко и быстро засеменил губами от ключицы к подбородку, словно саксофонист, настраивающий язычок своего инструмента. Она ухватали его рукой за волосы, повернула голову и прикусила зубами ухо.

Он почувствовал досаду, потому что она предвосхитила его следующее движение. Он встал, успокоился, небрежно шагнул к своей куртке и достал сигарету.

— Вы курите? — спросил он.

— Нет, но если курите вы, то фильтр должен быть у вас во рту, а не наоборот.

Она хихикнула, и, стряхивая с сигареты пепел, он знал, даже не будь он искушен в подобного рода экспериментах, что если она будет продолжать смеяться, то никогда не войдет в необходимое для его наглядного урока состояние. Чтобы привлечь ее внимание к показаниям собственного барометра, он сказал:

— Древние романтики использовали определенную форму самоконтроля, которая называлась «Йогой». Это было что-то вроде религии. Я немного поднаторел в ней, пока изучал эту тему. — Он погасил сигарету после одной медленной затяжки, небрежно ткнул ее в пепельницу и сел подле девушки, положив как бы невзначай руку на спинку дивана позади нее. — Интересная религия, эта йога.

— Они обнимали девушку рукой и говорили с ней о религии?

— Конечно. Они называли это «невинной беседой». Иногда речь шла о политике, иногда о мировых проблемах. Но чаще всего темой была религия.

— Результаты ваших исследований не совпадают с моими.

— Поставьте ножки прямо, так, чтобы я мог видеть впадинки на ваших коленях.

— Я ничего не читала об этом.

— У вас очень красивые колени. Сбросьте шлепанцы, чтобы я мог видеть носки ваших ног... Вот так. Пять и пять, десять прелестных маленьких пальчиков... Это я сейчас вам льщу.

Он положил руку на то ее колено, которое было ближе к нему.

— Теперь я провожу проверку с целью убедиться, что все это ваше... Такое замечание они делали, преж-

де чем добиться возможности прикоснуться к тому, что они называли вторичными эрогенными зонами...

— Ну, теперь я понимаю, что такое невинная беседа, — сказала она.

Его пальцы постукивали по ее коленям.

— Во всех своих очертаниях вы созданы по законам готической архитектуры, — сказал он. — Красота ваших будылек привлекает взгляд к тому, что находится выше них..

— Будылек? — прервала она его.

— Архаическое название голеней.. Но вернемся к готической архитектуре: ее очертания были задуманы так, чтобы привлекать внимание к небесам.

— Это тоже лесть? — спросила она. — Или это лекция по готической архитектуре?

— Хиликс! — Он похлопал ее по колену, выражая неудовольствие. — Вы намереваетесь стать поэтессой. Это символизм. Я говорю вам, придерживаясь древнего слога, что ваша крестцово-поясничная область божественна.

Она покачала головой:

— Либо вы слабый поэт, либо я плохо разбираюсь в символах. Покажите мне другой наглядный пример.

— Так и быть. Мы будем рассматривать ваши будыльки в качестве своего рода монад. Вот эта, правая, достаточно сильная, с хорошо разработанными мышцами. Вы, должно быть, очень много бегаете.

— Надо полагать, что это лесть?

— Что-то в этом роде, — пояснил он. — На самом деле, это то, что они называли завуалированным комплиментом. Когда говорили, что девушка много бегает, имелось в виду, что она является объектом непрерывной охоты.

Его рука, крепко обнимавшая ее за плечи, немного расслабилась, и она улыбнулась:

— Какой-то первобытный инстинкт говорит мне, что вы все ближе подходите к общей проблеме ухаживания за женщиной.

Ободренный, он погладил ее ногу под коленом и почувствовал прямо-таки готическое побуждение крепко сжать пальцы.

— У вас такая атласная кожа, словно шелк.

— А шелк атласный или шелковистый? — спросила она, как всегда строго следя за чистотой речи. Но он уловил учащенный темп ее дыхания, который вдохновил его на импровизацию.

— Попридержите ваши атласно-шелковистые пальчики пониже подола юбки, — сказала она и добавила: — Не надо. Стоять!

Ее слова, прозвучавшие как приказ, привели его в замешательство. У него возникло сомнение, имела она в виду «не надо» и «остановитесь» или «не надо останавливаться». Если она хотела его остановить, соображал он, то вполне могла бы оттолкнуть; вместо этого она прильнула к нему еще крепче, чем прежде, едва ли контролируя свои действия.

— О, Халдейн, пожалуйста, прекратите.

У нее на глазах появились слезы, и ему не хотелось, чтобы она расплакалась. Кроме того, она совершенно определенно просила его прекратить, поэтому он оставил ее и поднялся, чтобы закурить еще одну сигарету, внимательно следя за тем, чтобы не зажечь ее со стороны фильтра. Он заметил, что его руки слегка дрожат, и отложил сигарету, чтобы достать из кармана куртки носовой платок. К его удивлению, это простое упражнение в старинном ухаживании наделило его способностью проникать в суть истории — он был в состоянии понять явление демографического взрыва. Наклоняясь, чтобы утереть ей слезы, Халдейн знал, что, будь она хоть немного рефлекторна, он мог совершить геноисмешение, несмотря на данное самому себе обещание.

Она открыла глаза и враждебно на него посмотрела.

— Были вы в одном из тех домов, перед тем как пришли сюда?

Поставленный в тупик ее неуместным вопросом, он грубо ответил:

— После Пойнт-Сю не был ни разу.

Должно быть, она ему поверила.

— Нас спасла йога, — сказала она — Если бы мне удалось преодолеть вашу йогу, я бы пропала.

Наступил черед Халдейна потерять контроль над собой. Сядься рядом с ней, он сказал:

— Но, Хиликс, не было никакой йоги. Я ношу гимнастический бандаж. Это и есть мое сдерживающее начало.

Он скользнул рукой по ее талии, и тогда она сжала кулачок и принялась колотить его по груди, снова всхлипывая:

— Вы зверь! Вы неотесанный, вероломный зверь. Вы все время заставляли меня думать, что это я была животным. Все время я старалась побороть йогу...

Она перестала его колотить и, уронив голову, закрыла лицо руками и заплакала. Он нежно положил руку ей на плечо и попробовал утешить:

— Хиликс, вы истрепали его в лохмотья.

Она сбросила его руку, вскочила на ноги, подошла к стулу, села и свирепо посмотрела на него.

— Никогда больше не смейте ко мне прикасаться, вы, зверь.

В мозгу у него все завертелось. Она была по-настоящему на него сердита минуту назад, потому что он ей подчинился, а как только он объяснил почему, она рассердилась за то, что он сделал именно то, из-за чего она прежде рассердилась на него, потому что он этого не сделал. В отчаянии он всплеснул руками.

— Хиликс, давайте трезво взглянем на это дело, — сказал он, — и забудем восемнадцатый век. Идите сюда и позвольте мне взять вас за руку, и я принесу вам официальное извинение и за мою хитрость, и за неразумное поведение. Существует несколько нововведений к этому ритуалу, которые могли бы пролить свет, когда придет время писать...

Она упрямно покачала головой:

— Нет, то, что произошло однажды, случится снова. Да разве вы любите, вы — чокнутый. Вот, — она приблизилась, схватила биографию Фэрвезера и швырнула ему, — читайте о вашем Боге, вы, святоша от математики.

— У меня нет богов. Я — прирожденный неудачник, а боги всегда торжествовали. Иисус, Фэрвезер,

Иегова, все они — победители. Единственная команда, которой я аплодирую, — «Балтиморские Иволги». Только раз в жизни мне было даровано взглянуть в лицо красоте, но красота показала мне нос.

Она не слушала. Ее глаза смотрели в сторону и кипели от злости. Колени, строго сведенные вместе, были направлены прочь от него.

Он безмолвно сидел, позабыв о Фэрвэзере, который сполз с его тупо ноющих чресел.

Наконец она встала и пошла в переднюю, посмотрев на него с надменной холоднотью; она держалась прямо, на расстоянии не менее вытянутой руки от него, когда проходила мимо, а бедра не раскачивались и на сантиметр от ее строгой перпендикулярности. Когда она уже выходила в переднюю, ее рука метнулась к вазе с розами и прикоснулась к цветам с изяществом беспредельной нежности.

Она вернулась в комнату, неся гитару и двигаясь мимо кушетки, на которой он сидел, с крайней осторожностью. Она снова заняла свое место на стуле, и линии ее тела расслабились, превратившись в мягкие округлые арки, заключившие в себе инструмент. Когда она коснулась струн, мурлыча какую-то мелодию, она напомнила ему картину мадонны с младенцем, но потом подняла на него взгляд, и ее губы искриились, как если бы беззвучно повторяли слово «зверь!».

Он наблюдал за тем, как она настраивает инструмент, как ее ловкие пальцы постукивают по колыбельке, а уши настораживаются, прислушиваясь к звучанию. Каждое ее движение казалось ему выражением одной ей присущего изящества, и было так приятно сидеть и следить за ней, хотя она продолжала дуться и сердиться.

Наконец она повернулась к нему.

— Я хочу спеть вам несколько старинных английских и шотландских баллад, чтобы продемонстрировать очень простой размер, который присущ древним эпическим поэмам, а именно оральный. Издревле стихи сочинялись для того, чтобы их петь. Я намеревалась сделать это, чтобы привить вам некоторый вкус

к стихам доромантического периода, но сейчас я это делаю, чтобы помочь вам привести в порядок ваш разум.

Самый подходящий момент предлагать ему слушать баллады, но он не хотел еще больше разжигать гнев его полумегеры, полубогини, поэтому притворился, что ему это интересно.

Его интерес не долго был притворным.

Голос у нее был слабый и ограниченного диапазона, но дикция оказалась четкой, а тембр низким и немного вибрирующим. Как и все остальное в ней, этот голос был сочетанием противоположностей — хрипоты, не лишенной грусти.

Она хорошо играла на гитаре, а голос вполне соответствовал исполняемым песням. Баллады наверняка сочинялись не для исполнения виртуозом вокала.

Эти песни были сентиментальными и грустными, причем их сентиментальность была совершенно не-прикрытоей, а грусть какой-то болезненной. В них сквозило наслаждение смертью и разлукой. В «Барби Ален» говорилось о двоих, погибших за любовь, на могилах которых выросли розовые кусты, вскарабкавшиеся своими ветвями на церковную стену, где они сплелись в один узел, воспринимавшийся как совершенно невероятный, но, если подумать, чарующий образ бессмертной любви. Другая баллада воспевала некоего джентльмена по имени Том Дули, который убил женщину и должен быть повешен. С редкостно добротным юмором толпа у подножья его виселицы заклинает его повесить буйну голову и облегчить душу слезами.

Он слушал ее, наблюдал за нею и отказывался верить, что это та же самая девушка, которая всего несколько минут назад колотила его в приступе сильного гнева и разочарования. Тот, кто связает себя с ней браком, обязан будет понимать эту перемену настроений; после того, как его основательно потреплют штормы ее красоты и ума, он всегда сможет войти в гавань ее нежности и артистических талантов.

В этот миг у него впервые мелькнула мысль, которая, как он прекрасно знал, несла в себе опасность для него самого, для нее и для обеих их династий. Но мысль явилась ему, и он ее принимает. Принятие этой мысли уже было решением.

Он должен забить столб узаконенной территориальной заявки на ее сердце. Каким угодно образом, с помощью каких угодно средств, пусть даже это означает необходимость перехитрить социологов, ввести в заблуждение генетиков и ниспровергнуть государство, он намерен добиться возможности законного бракосочетания с Хиликс.

Он взял в руки лежавшую на коленях официальную биографию Фэрвэзера, медленно поднес книгу к губам и поцеловал ее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рождество в этом году наступило рано, или студенту, с его громадной проблемой, так показалось. Он с удивлением обнаружил, что в студенческом общежитии тайно уже заготовлены запасы рождественского гоголя-моголя с ромом. Время от времени он рассеянно бубнил рождественские гимны, стараясь не обнаружить свое притворство, но мозг то и дело возвращался к этой проблеме с робостью осьминога, приближающегося к затонувшей туже убитого кита.

Миновать генетические барьеры было делом безнадежным. Обойти их так, чтобы оказаться в заранее определенном месте вне пределов пятидесяти миллионов пунктов одного только Северо-Американского континента, значило совершить невозможное, возведенное в куб. Всего лишь попытка подорвать государственную политику лично для него может окончиться, по меньшей мере, стерилизацией по государственному указу, но скорее всего ссылкой на планету Тартар.

Умопомешательство — довольно относительное состояние, но он, во всяком случае так ему казалось, явно сошел с ума. Другие обстоятельства были в его пользу — знания отца и его растущее понимание того, что всеведущее государство — это не абстракция, а некая агломерация социологов, психологов и священников, то есть профессий, которые по шкале сравнительного интеллекта Крафта-Стенфорда находятся намного ниже математиков-теоретиков.

Его Грандиозная Идея пришла ему в голову во время мальчишника в комнате общежития в последнюю пятницу перед каникулами.

Почти все время после полудня студенты то заходили, то уходили, перемежая рождественские возлияния непристойными шутками, а шутки — нешуточными разговорами. Халдейн в одиночестве листал фолиант «Жития Пап», полученный Малколмом в подарок в ответ на подаренный им купальный халат. Он узнал, что Папа Лев, последний Папа-человек, учредил орден пролетарских священников, называвшихся Серыми Братьями, куда был открыт доступ без формального теологического образования. Это был акт гуманизма, который никак не вязался с его попыткой отлучить от церкви Фэрвезера; Халдейна это заинтересовало, и он громко сказал:

— Послушай, Мал, не одолжишь мне эту книгу на каникулы?

— Пожалуйста, но обязательно верни. Это рождественский подарок.

Гости и напитки исчезли почти одновременно, и комната осталась в полном распоряжении Малколма и Халдейна. Малколм пригласил Халдейна составить ему компанию в горы.

— Огромное удовольствие, приятель. Ледяной воздух, обжигающий щеки, скрип снега под твоими лыжами и хруст ломаемых ног.

— Мы заляжем в берлогу в Бишопе. А если нам это наскучит, можем совершить паломничество на вертолете к Папскому Престолу. Судя по тому, как долго ты блюдешь воздержание, тебе понравится мо-

нашеский образ жизни. Возможно, тебе удастся проверить, как работают электронные схемы Папы.

Халдейн не мог понять, было это приглашение проявлением дружеских чувств или его товарищ по комнате, чувствуя неконформистские настроения Халдейна, искренне беспокоился о его духовном здоровье.

— Благодарю за приглашение, но мне надо так много прочитать.

— Не говори мне... эстетика математики... или это математика эстетики? Я всегда путаю ввод с выводом.

Когда Халдейн брился, готовясь отправиться домой, он вспомнил, что Хиликс подчеркивала логичность перемены ввода на вывод, и он осознавал, что уже работает над проектом, который должен перевести его в совершенно новую категорию, такую, в которой Хиликс сможет закрепиться так же легко, как входит в зацепление зубец шестерни.

Он сделает проект и создаст электронного Шекспира, что логически потребует параллельного развития литературной кибернетики.

Хиликс займется кибернетикой факультативно.

Заканчивая бритье, он пропел одну коротенькую песенку, и услышавший ее Малcolm спросил из комнаты:

— Что это за песенка?

— Одна из тех, что пели наши предки.

— Ну и кровожадные у нас были прародители.

Он спел нелепую частушку:

Лизи Борди топор схватила,
Мать в кусочки изрубила,
Но поняв, что натворила,
Папу мельче покрошила.

Его пение было отражением прозвучавшего в подсознании резкого, как выстрел, сигнала тревоги по поводу раздумий о том, что он собирается сказать Хиликс в субботу.

Как можно добродушно преподнести девушке топор, чтобы она порешила тех, кто дал жизнь ее духовным силам?

В этот вечер за шахматами Халдейн подбирался к тому, что знал отец, вооружившись для его ослепления искренностью.

— Читая биографию Фэрвэзера, я недоумевал, как он мог вступить в брак с простой работницей.

— Высокое положение дает соответствующие привилегии.

— Когда ты вступал в брак, со многими ли женщинами имел беседу?

— С шестью. Это больше, чем положено математику, специализирующемуся только в одной области. Мне всегда нравились азиатки, и если бы я оплатил ракетное путешествие в Пекин, ты был бы евроазиатом.

— А почему ты остановил выбор на матери?

— Она сказала, что умеет играть в шахматы... Не отвлекай меня. Думаю, смогу тебя разгромить.

Суббота в Сан-Франциско была ветреной. Русский холм, Шишак и Телеграфный холм уперлись в брюхо облаков и так глубоко в него погрузились, что оказались лемехами плуга, стремительно и плавно рыхлящими темный суглинок. Дождевые заряды наносили мощные удары по заливу, а весь Алкатрац как бы опух, окутанный мглой.

С книгами под мышкой вошла Хиликс и наполнила гостиную хвалебным гимном интеллектуальной красоте, глаза светились переполнявшими ее мыслями.

— Служение дела Фэрвэзера было в ноябре 1850 года. Его супруга умерла в феврале того же года. Если отталкиваться от даты их бракосочетания, она дожила только до середины пятого десятка, так что не могла умереть естественной смертью. Возможно, даже весьма вероятно, что ее смерть и судебное разбирательство были вызваны одной и той же причиной. Фэрвэзер сделал в тот год что-то ужасное, если она выбросилась. Вы согласны с логикой возможности того, что она выбросилась?

— Логическая возможность. Она была супругой человека, идеи которого не могла разделить, потому что тогда в мире не было и полутора десятков чело-

век, которые могли в полной мере проникнуть в смысл его теорий.

— Хорошо! Есть еще фигура Фэрвэзера II, их сына. Упоминается только факт его рождения и то, что он стал профессионалом-математиком. Больше о нем ничего нет, но мы знаем, что он пережил свое двадцатичетырехлетие, поскольку стать профессионалом он мог не ранее этого возраста. К тому времени его родители состояли в браке уже двадцать восемь лет. Статистика показывает, что большинство женщин выбрасываются в возрасте от тридцати до тридцати шести, когда брачные узы ослабевают, то есть появляются мотивы для самоубийства. Так что, скорее всего, она выбросилась не потому, что не могла понять идеи своего мужа. На это мало шансов, поскольку они принесли ему, а следовательно и ей, удовлетворение всемирного признания. Мы должны предположить, что она пошла на самоубийство по другой причине.

— Что такое мог совершить Фэрвэзер, если это стало и причиной самоубийства его супруги и поводом для его судебного преследования Церковью на предмет отлучения? Что он должен был сделать, чтобы раскаяние заставило его лизать тот сапог, который его же и пинал? Каким громадным и насколько искренним должно было быть это раскаяние, чтобы оно было принято Церковью и позволило Папе Льву вновь открыть двери Церкви раскаявшемуся грешнику?

Она встала с кушетки и, отойдя, повернулась к нему лицом.

— Логика приводит меня к одному-единственному объяснению — детоубийству. Фэрвэзер убил своего собственного сына. Помните: «Призвав на помощь мощь людских приличий, болиголова яд в твою мешаю пищу».

— О Хиликс, — он почти выкрикнул свой протест, — вы выискиваете личные мотивы в самом неличностном, универсальном уме, какой когда-либо существовал.

Она покачала головой:

— Вы сотворили себе кумира. Вы верите, что Фэрвезер был не способен ни на что, кроме богоподобного поведения. А я смотрю в лицо возможности практического осуществления цензуры государством. Наберитесь мужества, сопоставимого с моим, и повернитесь лицом к логическим фактам.

— Я могу положить на лопатки вашу логику, предоставив сведения о том, что Папа Лев был гуманистом, — сказал он. — Но ваша логика сбивает вас с толку. Если бы Фэрвезер убил своего сына, он был бы отлучен от Церкви.

— Не обязательно, если имелись законные сомнения, — она сделала ударение на слове «законные», — которые могли помочь ему получить поддержку Соца и Психа. Именно они имеют дело с законностью, тогда как Церковь заботится о морали. Если он напустил в плавательный бассейн пираний, ничего не сообщив сыну... Вы понимаете?

— Да, — согласился он, — но Соц и Псих не смогли бы выступить против Церкви с одной лишь приверженностью букве закона.

— Ах, они не смогли бы? — вспыхнула она. — Что была для них жизнь полупрола? Ничего! А что значило для Церкви то, как именно он умер? Все!

— Теперь давайте предположим, что Соц и Псих не встали на защиту Фэрвезера, вооружившись настолько мощно, чтобы противостоять Церкви и сокрушить ее. Предположим, они набросились на Фэрвезера и превратили суд над ним в скандальный процесс. Что бы они выиграли?

Именно на это намекал отец, у которого знаний гораздо больше, чем у нее. Его интерес обострился еще больше, когда она подошла и схватила книгу по истории.

— Я отметила одно место. Слушайте: «На тайном совещании в феврале 1852 года произошло перераспределение сфер влияния, которое дало Церкви полную духовную власть над этими верующими-непрофессионалами...» — помните, в первой половине девятнадцатого века еще оставалось несколько буддистских сект и сект фарисейских евреев — «... а полная по-

лицейская власть была отдана Департаменту Психологии, тогда как функции законодательной власти были делегированы Департаменту Социологии». Эта подвигска была, вероятнее всего, прямым следствием суда над Фэрвезером.

Халдейн откинулся на кушетке. Она провела блестящий анализ, но она устанавливает причинно-следственные связи по-женски, интуитивно. Сперва она выстраивает теорию, а потом подыскивает факты для ее подтверждения, вместо того чтобы создавать теорию на основе фактов.

— Если судить исключительно по его работам, — сказал Халдейн, — то Фэрвезер был величайшим гуманистом. Гуманисты не способны на убийство.

— Гуманист! — Хиликс подошла и села перед ним на шуфик, как бы моля понять ее позицию.

— Еще детьми и вы, и я в обязательном порядке должны были наблюдать за прибытием и отправлением кораблей Тартара. Помните этих ужасных серых слизняков, падающих с неба. Помните этих космонавтов, вразвалку приближающихся к съемочным камерам, их тяжелые подбородки, их оплывшие туши, напоминающие жаб, истекающих первобытной слизью. Помните Серых Братьев в их сутанах с капюшонами, жалобно воющих свои литургии над живыми мертвцами, которых они несли по длинной сходне этого корабля? Помните глухой звук закрывания последнего входа, подобный клацанию двери склепа? Вы помните эти счастливые мгновенья нашего детства, Халдейн?

Эти милые упражнения по выработке условного рефлекса страха, эти невинные телевизионные шоу, которые нас заставляли смотреть, несмотря на то что после них мы просыпались по ночам с пронзительным криком ужаса, эти корабли, эти команды космонавтов, все это — от ума Фэрвезера. И вы называете это гуманизмом?

— Хиликс, — сказал он, — вы смотрите на это исключительно глазами чувствительной девочки, которая была сильно запугана. Я и мальчишкой никогда не боялся смотреть на эти корабли, потому что

для меня они были не кораблями в ад. Они были просто звездолетами.

Фэрвезер проектировал их не как тюремные транспортные средства. Он дал их человечеству как мост к звездам, но Парки — три сестры Соц, Псих и Церковь — отогнали их от звезд. Когда исполнительная власть отменила космические разведывательные полеты, Фэрвезер сделал единственное, что он мог сделать, — он спас корабли и остатки их команд.

Эти неприветливые космонавты — кровные братья ваших романтических поэтов.

«Харон» и «Стикс», перескакивающие порог деформации времени между нами и Арктуром, — наследство, которое оставил нам Фэрвезер. Когда мы наконец осмелимся снова подняться на те высоты, которых уже достигали наши праотцы, эти корабли будут ждать нас, чтобы вознести к звездам.

— Халдейн, вы — удивительный и странный парень, но вы не в состоянии относиться к Фэрвезеру объективно.

— Я могу относиться объективно ко всему... Если я соглашусь с вашей тезой о том, что Фэрвезер мог убить собственного сына, вы сможете считать мою объективность сопоставимой с вашей?

— Несомненно.

Он стал неторопливо загонять ее в угол.

— Можете вы объективно взглянуть на свою собственную смерть?

— Не менее объективно, чем любой мужчина!

— Если я говорю, что люблю вас и хочу умереть за эту любовь, вы, со всем вашим знанием романтических влюбленных, могли бы допустить, что я бескорыстен?

— Это — один из догматов культа влюбленных. Теоретически я приму это, но я никогда, даже всуе, не попросила бы доказать мне вашу искренность.

— Вы так бескорыстны?

— Мне нравится думать, что да, но я никогда не ответила бы на этот вопрос, если бы не была бескорыстной.

Эти ответы завели ее в расставленную ловушку софистики, и он захлопнул клетку.

— Чтобы вывести вас на чистую воду, я намерен попросить набраться бескорыстия, сопоставимого с моим, потому что собираюсь добровольно пойти на смерть ради вас, и прислушаться к тому, что я скажу, со всей вашей хваленой объективностью.

Итак, он с холодным сердцем вслушивался в собственные слова, которыми в самых общих чертах излагал свой план взаимопоглощения их профессий, которое даст им возможность вступить в брак. Сначала он подробно познакомил ее со своей математической теорией эстетики в ее приложении к литературе, и с самой первой фразы она уловила ее скрытый смысл. Он это понял по тревоге и грусти, появившихся в ее взгляде. Хотя многое из того, что он говорил ей, было облечено в математические термины, она слушала сосредоточенно и с полным напряжением внимания, и это говорило ему, что она его понимает. Только один раз, когда он объяснял ей принцип задания математических весов элементам речи, она прервала его вопросом, прозвучавшим горячко и хрипло:

— Какие веса вы задаете номинативным абсолютам?

Он объяснил и стал подробно говорить о дисциплинах, за изучение которых она должна взяться, чтобы добиться поступления в аспирантуру и получить степень доктора философии в той новой категории, которая поглотит обе их нынешние категории. Все объяснение заняло у него полтора часа.

Она отвела взгляд от его лица и посмотрела в окно на залив, теперь сияющий в лучах солнечного света, лившегося с промытого дождем неба.

— Темно, темно при свете дня!

Она повернулась к нему с грустным смирением полного подчинения:

— Я хотела открыть эти двери, одну для вас, другую для себя. Я хотела принести на эту добрую, старую планету ее последнюю ясноглазую любовь. Я надеялась, что наша любовь сможет пышно расцвести, пусть совсем ненадолго, в этой пустыне. Но в нашем оазисе живет тигр.

Уже долгое время климат Земли становится все более и более суровым для нас, поэтов. Неудивительно, что почти умерло то пламя, которое нас согрело. О, я не такая уж невинная овечка. Я раздула пламя вашего влечения ко мне, и теперь понимаю, что горю в нем сама.

Поступая так, не отворачиваюсь ли я от пепла моих предков и храмов моих богов? Да, но потому, что я не настолько глупа, чтобы морить голодом свою любовь, подкармливая лишь ее чувство собственного достоинства. А вы. Если ваша затея кончится неудачей, вы будете сосланы на Тартар. Если добьетесь успеха, чуточку больше человеческих существ перестанут быть гуманистами.

— Но если я добьюсь успеха, вы и я будем неразлучны до самой смерти.

— Моя любовь к вам простирается до таких глубин, таких просторов и высот, каких только может достичь моя душа, поэтому у меня нет ни единого повода для сомнений. Для меня, это вопрос моего бытия. Я принимаю ваше предложение.

Он не вскочил с кушетки, чтобы запечатлеть на ее устах церемониальный поцелуй. Он расслабился, так и оставшись сидеть откинувшись на своем месте. Договор был заключен, пакт торжественно провозглашен, и он физически ощущал, как эту сердцевину определенности обволакивает аура прощания навсегда. Он испытывал такое же чувство, какое должен был испытывать Колумб, проплывая мимо Геркулесовых столбов, или Ивановна, оставлявшая позади себя постепенно тускневшее многоцветье родного земного шара, — чувство окончательной решимости, окрашенной страхом.

Он поднял лицо к Хиликс:

— Есть одна вещь, которую я должен знать точно. Может ли основатель новой категории сам определять генетические требования? Логично ответить — да, но если ответ отрицательный, нам останется только бросить проклятье Господу Богу и умереть.

— Как нам найти ответ?

— Я могу спросить у отца.

— Если у него возникнет подозрение о существовании этого плана, он провозгласит словесный эдикт, — предостерегла она, — и последние в мире влюбленные так и не смогут отдаваться своей любви.

Это ее замечание не очень тронуло Халдейна в кипении обуревавших его тогда мыслей, однако позднее, когда подошло Рождество, и он надолго остался вдали от нее на время каникул, у него было достаточно времени, чтобы вспоминать и анализировать все ее замечания, и он понял, что за этими словами скрывались обещание и желание.

Из дома в Сосалито она прислала его отцу поздравительную рождественскую открытку, и он понял, чем заняты ее мысли. Сделав из года в год повторяющуюся закупку джина для отца, он на том и закончил предрождественское хождение по магазинам. Неделя до Рождства и неделя до новогоднего праздника были заняты чтением.

Он читал полное собрание сочинений Джона Мильтона, потому что ему запомнилась какая-то ядовитость в ее фразе: «...Этот отвратительный Джон Мильтон», и Халдейну не терпелось узнать, почему у нее было презрительное отношение к этому поэту. Ему полюбились звучные высокопарные фразы языка той эпохи, особенно он восторгался образом Люцифера из «Потерянного рая». Вот это был человек!

Он понимал, что такое произведение должно было быть запрещено государством, но поэма написана до того, как Линкольн довел дело до гегемонии Объединенных Наций. Задолго до того, как на поэму могли быть навешены любые ярлыки подрыва устоев и уклонизма, она была признана классической, и за Станой закрепился статус Властелина Тьмы.

Читая одну за другой работы Мильтона, он наткнулся на строку: «Темно, темно при свете дня» и вспомнил, что Хиликс ее цитировала, когда была в состоянии стресса от его предложения. Ему даже захотелось позвонить ей и спросить:

— Если вы питаете отвращение к поэту, зачем же цитируете его?

С отцом он вел себя очень и очень осмотрительно. Он был на редкость покорным и почтительным сыном, безотказно играя с отцом в шахматы и проигрывая десять процентов партий. Только в воскресенье, первое после Нового года, в последний раз переночевав дома, он почувствовал, что наступил самый подходящий момент превратить в наличность свои дивиденды от примерного поведения.

Склонившись над шахматной доской, он спросил:

— Папа, проводят ли генетики скрещивание категорий?

— Когда возникает необходимость. Несколько лет назад у нас было затруднение с межпланетными штурманами, которые не могли противостоять космическому умопомешательству. Скрестили женщину-математику с бегуном на длинные дистанции. Удар его пульса составлял около половины нормы для обычного человека, и у него была нервная система черепахи. Идея состояла в том, чтобы их отпрыск оказался математиком в спячке. Скрещивание повторялось три раза, и каждый раз отпрыск получался слабонервной черепахой. Мать очень привязалась к своим детям и выбросилась, когда усыпили ее последнего; производитель продолжал бегать.

Халдейн изучил положение фигур и сделал ход конем.

В этой позиции он мог сделать мат в три хода и знал, что отец в этом разберется; однако занятый проблемой отражения атаки коня, он не замечал главной угрозы, слона, который еще был на своей исходной позиции.

Как он и предполагал, отец ушел в глубокую защиту, обороняясь от коня.

Халдейн двинул слона.

Отец отчаянно защищался, но нашел контратакующий ход, предупреждающий движение слона. Следя за мыслью отца, Халдейн сказал:

— Ты когда-нибудь слышал о выборе супруги по требованию самого профессионала?

— Фэрвезер единственный, о ком я слышал.

Отец ответил походя, не отвлекая внимания от доски.

Халдейн спросил снова:

— Предположим, два члена одной бригады, но разных категорий, очень хорошо скоординировали свои усилия на выполняемой работе...

— Социологи узнают об этом!

— Примут они ходатайство от этих двух членов бригады?

Это не было грубым вопросом в лоб, вопрос камуфлировался легкомысленностью. Медлительность отца сводила Халдейна с ума, но ответ оказался неполным:

— Возможно. Это будет зависеть от обстоятельств.

Отец сделал атакующий слона ход. Халдейн пошел конем и сказал:

— Шах!

Халдейн III облизнул губы и стал изучать доску. Его затруднения могли быть разрешены. Он мог пощеровать ладью и освободить ферзя, чтобы шаховать короля сына, которому придется уступить коня.

Халдейн ждал вспышки полуулыбки на лице отца, которая должна была последовать за оценкой имеющихся у сына альтернатив. Когда она появилась, Халдейн спросил:

— Если бы антрополог наткнулся на какой-то аспект примитивной культуры, который, как он думает, может пролить новый свет на проблемы нынешнего времени — то есть если его исследование привело к крутому виражу в область социальной антропологии — мог бы он в этом случае ходатайствовать перед социологами о том, чтобы его супругой стала социолог, а не антрополог?

— Предположим! Предположим! Какого черта ты в это лезешь?

Внимание Халдейна III переключилось с шахматной доски на сына, его глаза горели пламенем, бледность заливала лицо.

— Господи, папа, выходит, я не могу задать гипотетический вопрос, не опасаясь, что ты прыгнешь мне на грудь обеими ногами?

— Позволь мне дать тебе на твой гипотетический вопрос не менее гипотетический ответ. Если бы в таком ходатайстве проявилась какая-то подлинно социальная потребность, оно было бы рассмотрено. Если обнаружатся малейшие основания для подозрения в том, что поводом для него послужило сексуальное влечение, будет проведено тщательное обследование обоих подозреваемых на предмет выявления регрессивных наклонностей. Если у профессионала будут обнаружены признаки атавизма, он будет переведен в пролетарии и стерилизован по государственному указу. Любой профессионал, который подаст такое ходатайство, подпишет тем самым свой смертный приговор. Эта опасность будет опасностью вдвойне, если предметом ходатайства будет надкатегорийное скрещивание. Опасность утроится, если предлагаемыми для взаимного поглощения категориями являются наука и искусство. Это будет неопровергjимым фактом, если такими категориями являются математика и поэзия!

Его отец все знал!

Весь застарелый антагонизм к отцу завертелся в его мозгу, но осторожность не позволила выразить это действием.

Продолжая притворяться легкомысленным, он сказал:

— Это слишком конкретный ответ на гипотетический вопрос.

— Мне не нравится, когда играют в темную. Твоя мать полагала, что я самонадеянный глупец, но я просто всегда был честен. И я намерен дать тебе маленький отеческий совет. Забудь эту девушку, Хиликс!

— Зачем ее сюда приплетать?

— Не валяй дурака! Неужели ты в самом деле думаешь, что я не догадываюсь, почему искусство и я стали так сильно привлекать твое внимание, особенно после того, как эта Сафо со счетами под мышкой практически заставила меня пригласить ее в мой дом. Эпическая поэма о Фэрвэзере — вот ведь плутовка!

Сарказм в голосе отца уступил место задушевности:

— Слушай, сынок. Эти генетические законы защищают нас. Без них любая краля юношеского возраста с мечтательными глазами могла бы разбухнуть дефективным отпрыском от любого, походя встретившегося, живительного источника, который легко умасливается с помощью содержимого ее сумочки для косметики. Их ублудки добрались бы до наших пупков.

Эти законы защищают тебя. Ни одно дилетантское качество не обладает способностью производить качественный продукт, цена которого соответствует произведенным затратам, и, когда бы ты ни отправился в козлиный загон за шерстью, это всегда будет кончаться для тебя уплатой двойной цены за дешевку.

Эти законы защищают меня. Я не хочу видеть красную отметку X, на которой заканчивается линия Халдейнов только потому, что мой сын оказался неумелым купцом на рынке краль.

Халдейна обидело ехидное замечание о его купеческих способностях от человека, который швыряет алмаз на прилавок мелочной лавки.

— Кажется, этой линией ты гордишься больше, чем мной!

— А почему бы и нет? Ты и я — только частицы этого континуума, но имя, которое мы носим, кое-что значит.

— Может быть, я не хочу быть одной из цифр ряда. Может быть, мне больше нравится быть суммой цифр.

— Боже правый, что за самонадеянность! Будь ты ребенком, я мог бы отнестись к твоему лепету с симпатией. Если тебе нет дела до твоей династии, подумай, по крайней мере, о своем собственном интеллекте. Если ты, каким угодно действием, лишаешь общество услуг твоего разума, ты тем самым совершаешь преступление против всего рода человеческого.

— Если у меня есть серьезные сомнения по поводу ценности самого этого общества, то что бы я ни вложил в него, это будет грехом перед самим собой.

— Серьезные сомнения в ценности общества! Кто ты такой, чтобы сомневаться в обществе? Тебе только двадцать. Этих мыслей ты нахватался у этой крали?

Халдейн поднялся, все его тело напряглось, лицо побледнело.

— Знаешь, старик, я устал слушать, как ты называешь ее кралей.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, кто она есть на самом деле?

Халдейн осторожно отступил от стола. Аккуратно поставил стул на место. Чуть ли не робко вошел в библиотеку и собрал свои книги в ровную стопку. Он туто перевязал их, соорудив из ремня ручку-петлю.

Он достал из шкафа плащ-накидку, взял книги и направился через гостиную к выходу.

Отец встал и пошел за ним к двери, спрашивая:

— Куда ты идешь?

— Я решил уйти отсюда до того, как сверну тебе шею.

Внезапно Халдейн III заговорил ласково:

— Послушай, сынок. Я прошу прощения за то, что вспылил. У меня нет других оснований быть недовольным этой девушкой, кроме ее силового давления на тебя. Я имел удовольствие быть в фокусе действия ее своеобразной энергии, но она не для нас. Ей не много лет, я знаю, но она никогда не была молодой. Ты со своей бесхитростностью попал во власть Далилы. Меня заботит не она, а ты. Ты — мой сын, моя единственная замена...

— Папа, мы на многие версты отдалены друг от друга. Да, я — твоя замена. После меня придет Халдейн V, проштампованный тем же самым серийным номером. Мы детали компьютера! Гуманизм Фэрвэзера проявился в его иронии, когда он превратил Бога в твердотельный компьютер.

Какова наша цель? Куда мы идем? И это, по-твоему, лучшее из всех возможных обществ на лучшей из всех планете.

— Ты не веришь в это?

— Больше нет.

Халдейн III сел на кушетку. Он выглядел ошеломленным:

— Она сделала это с тобой.

— Она ничего не делала. Она задавала вопросы, а я находил ответы. Ваше общество, эта вычислительная машина, обесчеловечивает все, даже наши с тобой взаимоотношения. Но, папа, я намерен разбить эту машину. Фэрвезер это делал, значит, смогу и я!

— Сядь! Я хочу кое-что рассказать тебе.

Несмотря на бесцветный тон отца, в его голосе был какой-то жар, который заставлял покориться. Халдейн сел.

— Ты думаешь, что последним гуманистом был Фэрвезер. Нет. Последним гуманистом был Папа Лев XXXV.

Отец на мгновение замолчал, как бы пытаясь сбраться с мыслями. Его взгляд сосредоточился на чем-то, находящемся очень далеко, а в дыхании появились какие-то скребущие звуки.

— Я открою тебе государственный секрет. Фэрвезер породил с этой пролетарской супругой чудовище, Фэрвезера II, существо, которое творило на этой планете большее зло, чем любое другое со времен Великого Голода. Несмотря на зловредность Фэрвезера II, Папа Лев затеял судебное разбирательство против Фэрвезера I с целью отлучить его от Церкви за то, что он выдал своего сына полиции.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая только хриплым дыханием отца. Наконец он продолжил:

— Я хочу, чтобы ты знал это, потому что, если ты прав в своей самонадеянности, если ты способен повторить его подвиги, я хочу, чтобы ты знал, какого рода действия ты выбираешь.

Папа Лев считал предательство моральным преступлением. Он строил обвинение против Фэрвезера на чисто человеческой основе. Социологи и психологи возражали, утверждая, что Фэрвезер I поставил чувство долга перед обществом выше морального долга.

Они победили. Папа потерпел поражение. Но Фэрвэзер I сослал своего сына на Тартар.

— Откуда ты это знаешь?

Халдейн III мгновенно подобрался, став прежним холодным, высокомерным профессионалом.

— Ты подвергаешь сомнению знания члена департамента, студент?

— Я имею право усомниться в обоснованности такого обвинения в адрес Фэрвэзера, член департамента!

— Пошел вон! — Властностью горела каждая черточка лица Халдейна III.

Халдейн сгреб свои книги и, широко шагая, прошел мимо него, но в дверях обернулся, сам не свой от бешенства и отчаяния.

Перед ним сидит ниспровержитель, неколебимый, бескомпромиссный, пристрастившийся к джину и помешавшийся на шахматах старик. Он ненавидит Хиликс. Он ненавидел свою супругу. Он ненавидит собственного сына. Теперь он ненавидит и память о Фэрвэзере!

Его взболтанные мозги отказывались соображать, и он выпалил:

— Скажи-ка мне, моя мать выпала из окна или она выпрыгнула?

Отец обмяк на кушетке. Злость сменилась болью. Когда сын со стуком захлопнул за собой дверь, Халдейн III закрыл глаза и жестом тщетности усилий и краха надежд махнул рукой.

Пока он вел машину, возвращаясь в Беркли, злоба покинула его, а когда гнев улегся окончательно, он уже знал, что это был последний тропический штурм перед наступлением ледникового периода в его уме. Король умер, сраженный уверенностью Халдейна в том, что отец говорил правду, а Хиликс — это снегурочка, потерявшаяся в морозной мгле. Фэрвэзер, этот хуже чем детоубийца, просто церковный лизоблюд, сотворивший Папу-робота.

Он хотел чему-нибудь молиться, но в его огромном одиночестве только привидения древних богов давились от смеха. Но вот, едва его душа настроилась на

эту суб-субарктику, некая аура заискрилась холодными вспышками, затем полыхнула ярким пламенем ослепительной картины шуршащего мимо него света, который испускала поющая в венах кровь.

$$LV^2 = (-T).$$

Если он сможет это доказать, у него не будет нужды молиться никаким богам!

Картина несущегося мимо света исчезла. Он знал, что так и должно быть, но ни в одной лаборатории Земли продемонстрировать это невозможно.

Его мысли снова вернулись в пояс вечного льда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первая лекция в понедельник, по анализу напряженных состояний, позволила Халдейну окунуться в привычную жизнь. Сначала он остановил выбор на этом скучном предмете нудного лектора в надежде иметь некий буфер для той боли, которая мучила его в это первое утро недели. Но теперь, истомленный бессонной ночью, он обнаружил, что вдвое необходимо и вдвое труднее сосредоточиться на вещах, не несущих в себе эмоциональной нагрузки, чтобы не отчаяться оттого, что самая дальняя периферия его сознания так и не поддается полному контролю.

Мощное сооружение его мысли, которое он планировал воздвигнуть в полном секрете, было обнаружено экспромтными умозаключениями отца. Хиликс теперь упорхнет от него, не оставив ему ничего, кроме обломков самомнения, потому что мнение поэтессы о Фэрвезере оказалось верным, а математик ошибался. Останутся еще черепки от вдребезги разбитого идола, который предал человечество таким чудовищным образом.

И над всем этим стояло воспоминание о боли на лице отца. Он ни секунды не сомневался, что смерть матери не была самоубийством, но было достаточно воскресить в памяти отца упрек в собственный адрес

по поводу какой-нибудь давнишней семейной ссоры, чтобы это обвинение резануло его, словно лезвие бритвы.

Он едва усидел на месте, когда угрызения совести уступили дорогу гневу.

— Декан Брак желает видеть вас, Халдейн IV.

Посыльный вошел в аудиторию тихо и шепнул эти слова Халдейну на ухо.

Халдейн собрал книги и вышел из класса.

Он прекрасно понимал, что отец не звонил декану, чтобы предупредить об атавистических наклонностях собственного сына. Такой звонок поставил бы под угрозу его самого.

Не отступая от принятой членами департаментов практики, Халдейн III переводит сына для «расширения сферы его образования». Вероятно, ему дают новое назначение в metallurgicalский колледж на Венере.

У самого Халдейна очень мало пружин, на которые он мог бы давить; по успеваемости он в первых десяти процентах учащихся своего класса, и декан Брак не станет стремиться избавиться от студента, который повышает средний показатель успеваемости математического колледжа. Он доставит декану все боеприпасы, какие тому понадобятся, чтобы воспрепятствовать давлению отца.

Сжав челюсти, напрягшись всем телом, Халдейн шагнул в кабинет декана, и секретарь махнула рукой, приглашая занять место в голове шеренги студентов, ожидающих приема. Он обрадовался тому, что задержка будет небольшой. Ему хотелось ввязаться в бой немедленно.

Повода обнаруживать декану агрессивность не было. Перед тем, как переступить порог, он сделал на лице маску безликого профессионала.

В декане, напротив, безликость не ощущалась вовсе.

— Садитесь, Халдейн, — сказал он очень ласково.

— Благодарю вас, сэр.

— Обычно я начинаю беседу с моими студентами вопросами об их отметках, но о вашей успеваемости мне известно, и меня она радует.

— Благодарю вас, сэр.

Он как бы ощупью искал подход к Халдейну.

— Иногда мне приходится выполнять неприятные обязанности... Я... э-э... послушайте, юноша, я не могу придумать ничего такого, что было бы приятно услышать. Прошлой ночью ваш горячо любимый и талантливый отец скончался.

— Как?

— Кровоизлияние в мозг. Он умер во сне.

— Где он? Куда его дели?

— Его тело находится в морге Сутро. Завтра состоится государственная заупокойная служба в его память в Соборе Святого Гаусса. Вы, конечно, освобождаетесь от занятий на остаток недели.

Декан помолчал, выражая своим молчанием сочувствие. Наконец он предложил:

— Если вам необходимо религиозное утешение, часовня открыта.

У Халдейна не было тяги к религиозному утешению, но предложение декана подействовало на его мозг как команда; он в оцепенении покинул кабинет и направился через университетский двор к часовне.

В часовне было холодно и темно. Он преклонил колена в оградке близ алтаря, над которым неясно вырисовывался Арбалет.

Он пытался думать о мучениях Иисуса во время Его последнего наступления на Рим, но Иисус умер на вершине Его окончательной победы, полной скрытого смысла смертью от рук врагов Церкви. Стрела, пронзившая Его грудь, не была послана Его сыном.

Только покинув часовню, он почувствовал себя более спокойно. Она была тем темным местом, где он смог ощутить боль своих ран и зализать их.

Вернувшись к себе в комнату, он лег и отдался на растерзание долгому, скребущему душу дню.

Малcolm пришел позднее и выразил свои соболезнования. Как только телевизионные новости сообщили о смерти, выразить сочувствие приходили и другие

студенты. Пока они разговаривали с ним, он не оставался наедине со своими мыслями. Он боялся наступления ночи, несущей одиночество.

Малcolm предложил отвезти его на заупокойное богослужение, и он согласился.

Когда они с Малcolmом прибыли в собор на Стоктон-стрит, там было многолюдно и стоял удушающий аромат цветов. Большинство присутствующих были из класса профессионалов, которые знали его отца, но были и группы пролетариев, пришедших поглядеть на покойника, над которым будет совершаться погребальный обряд.

Халдейн позабыл обо всех них, как только его и Малcolmа ввели внутрь. Едва сев, он почувствовал пожатие руки и, повернувшись, увидел Хиликс, которая сидела рядом с ним. Она не плакала, но глаза были грустными.

Хиликс разбудила его сознание, и он заметил среди присутствующих других женщин, некоторые открыто прикладывали носовые платки к глазам. В странном соседстве с его горем появилась мысль, что отец, возможно, был вхож в сферы, о которых его сын не имеет представления.

Хотя эта мысль ошеломила его, но не принесла облегчения, так же как не давали его цветы, друзья и соответствующие происходящему интонации голоса священника, повторявшего торжественные обеты, которые люди испокон веку используют, чтобы обмануть боль утраты.

Он заметил, когда пошел впереди процессии прощавшихся с останками усопшего, что на лице отца остался след улыбки. Это было только начало улыбки, немного сардонической и вполне довольной, какую он видел на его лице тысячи раз, когда он поднимал голову над шахматной доской, сделав ход, заманивающий сына в ловушку.

Выходя на солнечный свет и вдохнув чистого, бодрящего воздуха, Халдейн подобрался и придал своей скорби черты официальной формальности.

— Хиликс, позвольте представить вам Малколма VI, моего товарища по комнате. — Повернувшись к Малколму, он сказал: — Хиликс знала отца.

— Всегда рад знакомству с поэтом, — сказал Малколм, заметив эмблему «A-7», вышитую на ее куртке. — Время от времени не мешает перелистнуть страницу-другую. Я умею отличить хорей от анапеста. Итак, вы знали его отца. Я с ним никогда не встречался.

— Это был прелестный человек, — сказала Хиликс, прибегая к языку официальной беседы, потому что промолчать было неловко. — Его смерть — утрата для общества.

— Давайте зайдем выпить по чашке кофе, — предложил Халдейн.

— Не могу, — запротестовал Малколм, — сегодня во второй половине дня устный экзамен, и я готовлюсь к нему. Я должен вернуться, чтобы не пропустить его. Рад был с вами познакомиться, Хиликс.

Помахав рукой, Малколм уехал.

— Он не захотел везти вас обратно? — спросила Хиликс.

— У меня неделя отпуска.

— Это тот парень, родителям которого принадлежит та квартира, да?

— Да.

— Он знает о нас?

— Конечно нет... Я говорил ему о вас, когда встретил в Пойнт-Сю, но он забыл... Слушайте, Хиликс. О нас знал отец.

— Как он мог знать?

— Он сам до этого додумался.

Внезапно черты ее лица исказились испугом:

— Я вернусь на занятия. Вы отправляйтесь и укладывайте ваше имущество. Не оставайтесь на ночь в квартире папы; это вас будет подавлять. Снимите номер в гостинице.

— Я могу не беспокоиться о безопасности, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами. Давайте встретимся в той квартире.

Почти шепотом она сказала:

— Если вы нуждаетесь во мне, у меня нет выбора. Я буду там.

Наблюдая, как она уходит, он почувствовал себя первозданно одиноким в толкотне выходивших из собора одетых в траур людей, выражавших ему со-болезнования приличествующим случившемуся похло-пыванием по спине, пожатием руки или едва слыш-ным: «Сожалею».

Хиликс уже ждала его, когда он появился в квар-тире. Она взяла его за руку и повела к кушетке, где он выпалил:

— Хиликс, я убил своего отца.

— Вздор. В новостях сообщалось, что он умер от удара.

— Я был его причиной.

— О нет, — сказала она.

Сначала запинаясь, а потом скороговоркой, Хал-дейн выложил историю своего спора с отцом. Она слушала молча, пока он говорил, нагромождая одну подробность на другую, не щадя ее самолюбия.

— Когда я нанес ему удар, усомнившись в слу-чайности смерти матери, это убило его.

— Вы оба были в гневе. Вас можно винить не больше, чем его.

— Это я должен был позаботиться о спокойном течении разговора. Я младше, я — сын. Он мог бы смягчиться, мог бы помочь нам. Ни разу он не вынес эдикта, запрещающего наши встречи. И вы уже про-будили его примитивизм, так что ему была известна его мощь.

Если бы он вытолкнул мать из окна, он был бы не более достоин осуждения, чем я, потому что я влил ему яд болиголова.

— Как только вы перестанете повторять это, вы перестанете в это верить. — Ее голос звучал уверен-но. — Это неправда. У вас был семейный спор, со злостью, но без ненависти. Вы сказали ему, пусть не явно, что намерены совершить преступление против государства. Неужели вы ожидали, что он будет прыгать от радости? Конечно нет, глупыш! Он был в

шоке, и этот шок сделал свое дело в его и без того ослабленном организме. Ваше презрение не убивало его. Его убила его любовь к вам, и это был несчастный случай.

— Я устал, — сказал он. — Смертельно устал.

Каким-то образом ее слова притушили остроту его ощущения вины, и он внезапно почувствовал себя так, словно целую вечность находился на ногах без сна.

— Прилягте, Халдейн. Сюда, положите голову ко мне на колени.

Когда она погладила его по волосам, он сказал:

— Я любил его. И я люблю вас; что ж, если одна любовь должна перечеркнуть другую, я предпочитаю перечеркнуть любовь к нему, потому что без вас... Мне сказали, что он умер во сне. Я не верю этому. Тот удар должен был поразить его мозг подобно кузнецкому молоту... Но это было легким толчком по сравнению с ударом, который я нанес...

Она не мешала ему бессвязно бормотать, потому что он говорил не как мужчина, а словно наказанный ребенок, которому совершенно нечего сказать в свою защиту.

Его исповедь дала ему облегчение, он погружался в сон, и в его памяти всплыло лицо отца. Он увидел гримасу боли на этом лице, и его тело оцепенело, но он пробормотал:

— Я должен умереть.

Она достала носовой платок и вытирала ему лоб, напевая вполголоса:

— Милый мальчик, милый мальчик... — Напрягая голос, она боролась с подступавшей волной вины, терзавшей его мозг, и крепко обнимала его голову, как будто пыталась спасти от бушевавшего внутри нее шторма.

Он почувствовал, что она перестала гладить его волосы, но его глаза были закрыты, и он не видел проворного движения ее руки, которая расстегнула куртку. Он ощущал, что она склоняется над ним все ниже, прижимаясь к нему все теснее, и почувствовал нежный клинышек, раздвигающий ему губы, когда она проникновенно пропела:

— Эй, дитя, младенец сладкий, напитайся соком жизни!

И он познал ее во всей ее первозданной простоте и красоте, и это познание ее не было похоже ни на что, что он когда-либо знал или хотя бы представлял, что мог бы узнать.

На следующий день он возобновил занятия.

Печаль утраты не покидала его долгое время, но раскаяние сменялось сожалением, и это происходило постепенно, по мере того как Хиликс убеждала его и высказывала свое суждение о смерти отца.

Оставалось четыре месяца до возвращения Малколмов, и они с Хиликс продолжали проводить время в их квартире так же, как в тот мрачный и блестящий вторник. Он не чувствовал пресыщения, и они возрождали и возрождали старинные нежности романтизма. Они были любовниками и так и называли друг друга.

Даже когда вся его страсть растрачивалась до полного изнеможения, ему доставляло удовольствие говорить с ней, касаться ее и ловить взглядом мелькание наготы интимных сторон красоты ее тела.

В ее сладости могла появляться кислинка.

Однажды, когда он расточал ей комплименты, восторгаясь чисто технической стороной дела, она сказала:

— Кто-то должен был взять инициативу в свои руки, дорогой. Если бы я не злоупотребила твоей печалью и не совратила тебя, мы до сих пор сидели бы на кушетке, держа друг друга за руки.

Он спросил ее о неприязни к Джону Мильтону.

— Меня не беспокоит тон его морального протеста. Время от времени грех судит себя сам, и в пользу дьявола всегда существует какой-нибудь аргумент. Этот человек был государственным деятелем до того, как появилось государство. Он не более чем апологет социологов.

Время, казалось, неудержимо неслось к субботе их последнего свидания.

В первую субботу апреля, когда впереди оставалось всего три свидания, прияя в квартиру, он увидел, что она явилась раньше него. Он обычно приходил первым, чтобы убрать пыль, проверить, нет ли микрофонов, и принести цветы, которые стали такими необходимыми в той духовности, которую они для себя воссоздали.

За окном шел моросящий дождь, который приносил налетавшие один за другим шквалы, и она, печальная, осталась стоять у окна, пока он один прихорашивал букет.

Он мог понять ее грусть. Он ее разделял. Они сняли со стены кухни календарь, который было видно из гостиной, и договорились не вспоминать о времени.

Покончив с цветами, он подошел к ней сзади, обнял за плечи и сказал:

— Теперь я знаю, что подразумевалось под этими глупыми словечками: «На дыбе времени...»

На ее глазах были слезы. Она обхватила его руками и почти совершенно разбитая пошла с ним к кушетке.

— Вспомни, милая, у нас остается всего три встречи, и мы не можем позволить себе сидеть, словно два пожилых человека, жмущиеся друг к другу под ударами надвигающегося небытия.

Вместо того чтобы, как обычно, повернуться к нему со свойственным ей пылом, она только взяла его руку в свои и продолжала пристально смотреть в окно.

Вдруг она заговорила, и в ее голосе звучала бесконечная грусть:

— Теперь «на дыбе времени тебе не снести мученья. Любовь, убью тебя, тем дав благословенье». Халдейн, я беременна.

— Боже мой! — Рука, которой он обнимал ее, внезапно обмякла и упала.

Он физически ощущил присутствие государства.

Одно дело выходить на поединок с драконами на ристалище тех далеких дней с отточенным копьем, на коне и покрытым броней. Совсем другое, не имея ни копья, ни доспехов, обнаружить изрыгающего пла-

мя дракона, который свернулся кольцами прямо здесь, в комнате.

Она была в ловушке. Эта девушка, с такой нежной плотью и таким хрупким скелетом, носила в себе улику преступногоговора, которая погубит их обоих.

— Ты уверена?

— Уверена.

Он встал и зашагал по комнате.

— Есть средства.

— Только обратись за ними в аптеку, и тебя арестуют прямо на месте.

— Как звали того француза, не Таро, который высказал мысль, что бегая на четвереньках, можно добиться выкидыша?

— Это был Руссо, — сказала она. — И он говорил, что это облегчает роды.

— Если бы мы могли покрутить тебя в центрифуге.

— Этого не добиться, если не собираешься лететь на другую планету.

Он сел на кушетку, тяжело дыша.

— Может быть, трамплин...

— Как будет выглядеть профессионал, кувыркающийся подобно цирковому пролу?

Он на минуту задумался. Она могла бы отправиться в Парк Морского Льва и покататься на американских горках. Если бы она наклонялась телом вперед так, чтобы истинный перпендикуляр был все время направлен по ходу плода...

— Я думаю, — сказал он, только что обратив внимание на то, что если парчовый тигр бросится вперед, то не попадет по носу вытянувшейся в прыжке косуле, служившей основанием ночника. Он вцепится ей когтями в глаз.

— Что же ты думаешь?

— Я думаю, что бы мы ни говорили или что бы ни делали, все это будет носить чисто академический характер. — Он поднялся, подошел к ночнику и поднял его. Под полым основанием лампы на столике лежал маленький металлический предмет не больше тарантула, но многое более смертоносный.

Абсолютно все звуки, которые они издавали, были им пойманы и переданы по радио на удаленный от них усилитель.

Где те, кто их слушал? За квартал от них? За полквартала? Прямо в этом здании?

Где бы они ни были, они слышали, что он поднимал лампу. Слышали они и как он зажал в руке микрофон, когда понес его к окну, слышали и хруст, когда он оказался на тротуаре восемью этажами ниже.

— Должно быть, ты разбил его, — сказала она. — Теперь тебя обвинят в порче государственной собственности. Они заставят тебя пожалеть об этом и раскаяться.

Потрясенный волнами гнева и страха, которые взаимно погасили друг друга, он стоял перед ней, внешне спокойный, готовясь сообщить последнюю волю и предсмертное завещание своей любимой, своей единственной.

Он почувствовал, что в том смятении, которое одолевало ее, она и не на многое обратит внимание, и не надолго запомнит то, что он будет сейчас говорить, если ему не удастся как-то ассоциировать свои слова с теми фразами, которые ей известны и которые она никогда не забудет. Поэтому, заботясь о том, чтобы сохранить для нее навсегда память о его любви, он призвал на помощь весь свой дар отчаянного вдохновения и сказал:

— Пожалею о микрофоне? Нет! Ни это, ни то, что доносчики Соца и Психа еще могут со мной сделать, меня не заставит раскаяться или изменить мое отношение, потому что я всегда буду чувствовать огромное презрение к этим безмозглым пастьрям, которые задушили нас своими зловонными умащиваниями.

— Но что же нам делать, Халдейн?

— Любимая, я не знаю, какой путь можешь выбрать ты, но что касается меня, я буду бороться. Я буду бороться с ними здесь, я буду бороться с ними в болотах Венеры, я буду бороться с ними, если будет

необходимо, и прозябая в ледяных углах Тартара. Я никогда не сдамся!

Я не хозяин своей судьбы, но я капитан на мостице своего разума, и я не прекращу работу ума, не дам спать мыслям в моем мозгу, пока мы не построим что-то совсем новое на этой Земле, некую обустроенную систему свободы... — его голос упал, — ...или смерти.

Он продолжал сидеть возле нее, его лицо было белым от ярости, он с трудом учащенно дышал, беспрестанно ловя открытой ладонью злобные удары сжатой в кулак правой руки.

Ее проницательный ум смог проникнуться его устремлениями. Наклоняясь, чтобы погладить его волосы, она воскликнула:

— Это так прекрасно, так смело! — Потом заговорила более спокойно: — Я не могу изменить направления твоих мыслей, не могу превратить предстоящее нам судебное разбирательство во что-то такое, на что не стоит обращать внимание, но если я осмелюсь поднять руку на ту улику, которая находится во мне, и сказать: «Вон, пятно позора», мое сердце тут же закричит: «Держись!», потому что эта моя рука скорее разошьет приданое младенца звездными лучами, которые разукрасят тусклую ткань яркими полосами их света.

О, я была бы рада готовить тебе кофе и печь твои любимые булочки, и подавать чай, когда наступит время чаепития, и какао на ночь. Когда я буду далеко от тебя, вспоминай иногда обо мне.

Ее голос оборвался, она больше была не в силах говорить.

Его голос тоже прерывался, но он принудил его литься ровно:

— Вспоминай! Я всегда буду помнить этот апрель, как смех сквозь слезы, пропитавшие глаза, потому что ты открыла мне переулки радости в темной ночи наших душ. Но эта ночь такая штука, которую можно создать только в мечтах, и моя память о тебе будет окружена для меня этой ночью, словно смертью в приятном сне.

Твой светлый, фантастический образ всегда будет жить в моем сердце, ты останешься в нем веселой, беспечной и жизнерадостной, потому что ты — королева среди женщин, Хиликс, обратившая взор в мою сторону. Моих дум постоянный спутник, ты никогда не состаришься.

Исступленно прижавшись, они бормотали друг другу приходившие на ум фразы, которыми могли бы обмениваться, полагая, что живут в те старые времена, когда еще существовало дружеское общение, которое государство теперь отвергло навсегда.

Для трех полицейских, среди которых была одна женщина, вошедших в комнату, их язык должен был выглядеть воркованием слабоумных голубков.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Участок был почти пуст, когда полицейские доставили туда Халдейна. Первые часы пополудни слишком раннее время для субботних пьяниц, но помещение благоухало ароматами их последнего присутствия. Уборщик возил шваброй, размазывая по полу неприятно пахнущий дезинфицирующий раствор, который перебивал еще большее зловонье. Единственным гражданским лицом, находившимся в полицейском участке, был долговязый человек в теплом полупальто, взгромоздившийся на скамью с ногами, чтобы уберечь их от шнырявшей по полу швабры. Он был целиком поглощен чтением карманного размера бестселлера.

— Получите его, сержант, — сказал один из арестовавших Халдейна дежурному полицейскому, который сидел за письменным столом над раскрытой книгой для регистрации происшествий.

— Имя и геноп, — спросил сержант, глядя на арестованного холдным безлиским взглядом професионала, который обычно предназначается для proletariев.

Халдейн сделал на лице собственную маску и ответил.

— Что за ним, Фроли? — спросил сержант полицейского.

— Геносмешение и, предположительно, беременность. Мы отправили девицу к дежурному по медицинской части города. Протокол должен поступить из их конторы к полуночи.

— Отведите его в предварилку, — сказал сержант, — и составьте протокол.

— Одну минуту, сержант, — долговязый гражданин опустил сложенные домиком ноги на пол, встал со скамьи и подошел к ним. — Могу я поговорить с арестованным?

— Конечно, Хенрик, — сказал сержант. — Он — общественная собственность.

Гражданин Хенрик достал из кармана блокнот и огрызок карандаша. Полупальто распахнулось, и стала видна его куртка. Халдейн заметил на ней едва различимое под грязными пятнами то ли от пива, то ли от приправы к мясу обозначение его профессии: коммуникатор, класс 4.

Он был худ, краснолиц, рыжеволос, с веснушками на лице и отвратительно выпирающим кадыком. В уголках его тонких губ поблескивала слюна, а исходивший изо рта запах виски был сильнее испарений дезинфекции. Будь он собакой, вид его унылых голубых глаз не оставил бы сомнения, что это щенок коккер-спаниеля. Но он не был собакой; он был газетным репортером.

— Меня зовут Хенрик. Я работаю на «Обзервер».

В том, как он представился, звучало какое-то дурацкое застенчивое удовлетворение его связью именно с этой газетой.

— Ну, и? — сказал Халдейн.

— Я слышал ваше имя и геноп. Был еще один Халдейн, М-5, который умер второго или третьего января этого года. Как я помню, он был III. Из этого следует, что вы — его сын, не так ли?

— Да.

— Жаль, что он умер. Он мог бы помочь вам. Не могли бы вы сообщить мне имя и геноп женщины?

— С какой стати?

— Я не хочу работать сверхурочно. Сегодня мне нужно быть дома. Я бы мог получить эту информацию из регистрационной книги, но протокол поступит только к полуночи. Если вы не скажете, мне придется ждать. Сюда не так часто доставляют профессионалов. А обвинения в беременности очень редки, так что это большая сенсация.

Халдейн не произносил ни звука.

— Есть более важная причина, — продолжал Хенрик. — Я специалист по сенсационным очеркам, а не ординарный борзописец, способный лишь переписывать протоколы. Как я напишу, так и будет напечатано. Я могу представить дело под любым из двух углов зрения. Могу обрисовать вас, как очень бестолкового парня, который не догадался принять меры предосторожности, что очень порадует пролов. Им нравится видеть профессионала, свалявшего дурака.

С другой стороны, я могу разрисовать вас рисковым юношем, этаким монстром из давно почивших в бозе времен, который возгорел неудержимой страстью к девице и сказал себе: «К черту перчатки с трясущимися руками!». Это сделает вас героем в глазах пролов.

— Какое мне дело до того, что подумают обо мне пролетарии?

— Сейчас вам нет до этого дела. Но через пару недель или, может быть, немножко больше все станет иначе. Вы окажетесь здесь среди них.

Халдейн был поражен логикой этого человека не меньше, чем его неуверенностью в себе. В этом проявлялась принадлежность к «С-4», категории, десяток лет назад допущенной стать официальной профессией. Как большинство принадлежащих к ней, он не мог быть счастлив. День-деньской он сидел в полицейском участке, наблюдая за проходившими через него негодными произведениями рода человеческого и пытаясь ткать на этой основе с помощью тонкой пряжи

собственной выделки некий гобелен, расцвеченный если не красотой, то «интересами человечества».

Хенрик, без сомнения, относился с симпатией к проплывавшим мимо него обломкам, а курившийся вокруг него запах виски говорил о его сильном перенапряжении.

Воспринимая находившегося перед ним человека не как символ всех репортеров на свете, а как личность, обремененную своими проблемами, поднимающую чувство собственного достоинства на борьбу с реалиями выпавшей на ее долю работы и поддерживающую это чувство алкоголем, когда оно спотыкалось, Халдейн впервые в жизни почувствовал сострадание к постороннему.

Сбросив маску, он вежливо спросил:

— Хенрик, почему вам сегодня необходимо быть дома?

— Дело в моей супруге. Она не Бог весть что, но волнуется из-за меня по пустякам. Ей кажется, что я слишком много пью. Сегодня день ее рождения, и я хочу сделать ей сюрприз — быть дома к обеду.

— Хенрик, я не желаю, чтобы вы заставляли свою супругу ждать в день ее рождения.

Халдейн сообщил ему имя и генетическое описание Хиликс.

— Помягче обрисуйте девушку в своем очерке. Мягкость была ее единственным преступлением, поэтому и вы отнеситесь к ней по-дружески.

Неформальность отношений между профессионалами при первой встрече считалась бес tactностью и рассчитывать на понимание не приходилось, потому что, даже в глазах третьей стороны, такое поведение граничило с сентиментальностью и фамильярностью. Халдейн не искал оправданий, он просто ощущал какую-то тайную жалость к этому изможденному, рыжеволосому человеку.

Его сострадание искало ответного чувства и нашло его. Хенрик подошел и схватил его за руку:

— Всего хорошего, Халдейн.

Но рукопожатие Хенрика оказалось не единственным откликом; когда Халдейн поднял глаза, он за-

метил, что из взгляда сержанта исчезла холодность. Фроли, полицейский, тронул его за плечо и сказал почти ласково:

— Сюда, Халдейн.

Фроли провел его по коридору до камеры, отомкнул ее и ввел Халдейна внутрь. Стены помещения были оклеены обоями, в нем находились койки, стул и стол с лежавшей на нем Библией. Если бы не прутья на окне, помещение могло бы сойти за комнату в гостинице.

Халдейн повернулся к Фроли:

— Как вы узнали, что мы бываем в этой квартире?

— Ваш друг, Малколм, донес нам. Вы пользовались помещением с его позволения, и он решил, что может быть обвинен в соучастии. Я не должен говорить вам об этом, но вы, кажется, не похожи на других профессионалов. Вы ведете себя почти как прол.

В ушах еще звучал этот сомнительный комплимент полицейского, когда Халдейн сел на край койки и снял ботинки.

За время этой трагедии с арестом произошли два подбодривших его события. Одно в дежурном помещении, где его гуманизм позволил навести мосты, хотя и хрупкие, между ним и другими человеческими существами.

Другое случилось в квартире Малколмов, когда полицейский-женщина увела Хиликс. Бросив последний земной взгляд на девушку, которую любил, он прочитал выражение ее лица и не обнаружил в ее взгляде ни ужаса, ни беспокойства. Вместо них он увидел в нем достоинство и торжество, как если бы она решила, что ее любимый святой, и сама засветилась радостью разделения с ним его мучений.

В эту ночь он спал таким крепким сном, каким не спал уже многие месяцы, поднялся полным сил и с удовольствием позавтракал.

Он понимал, что подошел ко второму ледниковому периоду своего ума, но был еще в состоянии акклиматизации к этому холоду. Его органы чувств замерзли, и все его проблемы были проблемами мертвеца.

Отчаяние без тени надежды было универсальным болеутоляющим средством.

Примерно через час после завтрака бодрый порыв свежего ветра распахнул дверь камеры и внес в помещение портфель, оказавшийся в руке улыбающегося молодого блондина, который влетел с протянутой для приветствия рукой и сказал:

— Я Флексон, ваш адвокат.

Как только Халдейн поднялся, чтобы пожать его руку, вошедший швырнул портфель на стол, отодвинул стол в сторону свободной рукой и, подцепив ногой за ножку, пододвинул стул к койке Халдейна. Он уже сидел на стуле лицом к Халдейну еще до того, как тот снова опустился на край койки.

Флексон не тратил попусту ни одного движения. Халдейн был уверен, что более энергичного человека ему встречать не приходилось.

— Прежде чем мы приступим к делу, я расскажу о себе. От вас этого не требуется. Я на ногах с четырех утра и провел время за чтением полицейского протокола и вашего досье. Вы первый профессионал, которому меня назначили. Многое в предстоящем суде нам не добиться.

Я первый Флексон. Мой отец был простым юридическим служащим в Сан-Диего, и когда у меня проявились способности к юриспруденции, государство дало мне шанс. Я выдержал конкурсный экзамен и был третьим среди 542 учащихся. Вы видите перед собой главу новой династии.

Автобиография Флексона вызвала на лице Халдейна глуповатую ухмылку.

— Восходящему вверх пламенный привет от падающего вниз.

— Неправильное замечание, Халдейн, — улыбчивое лицо Флексона сделалось серьезным. — Почему? Оно свидетельствует о легкомысленном юморе в серьезной ситуации, который, в свою очередь, есть результат безразличия к своему общественному положению. Вы, представители категории во втором или третьем поколении стремитесь сделать вашу ответственность перед государством слишком легкой.

Мы не можем не видеть, как наносится урон государству в каждом сете каждого гейма. Далеко за примерами ходить не надо, прямо здесь, в этом округе, есть судьи, которые проводят на теннисных кортах больше времени, чем в суде.

Возьмем вас. Превосходный пример! При всем множестве домов развлечений, предоставленных государством студентам для восстановления сил, вы вторгаетесь в другую категорию, и, черт побери, просто кровь стынет в жилах, даже не прибегаете к противозачаточным средствам. И она тоже! Вы оба просто стремились быть схваченными за руку!

— В ее беременности нет сомнения?

— Конечно нет. Вам инкриминируется зачатие.

— Вы видели Хиликс, говорили с ней?

— У меня нет нужды встречаться с ней. Я защищаю вас. Какое мне до нее дело? Пойдем дальше. Вы виновны в том, в чем обвиняетесь. В этом нет сомнения, потому что зачатие доказывает покушение на геносмешение, а геносмешение — уголовно наказуемое тяжкое преступление. Это так же неопровергимо, как то, что гору не сдвинуть ломиком.

Через неделю или дней десять, в зависимости от количества назначенных к слушанию дел, вы предстанете перед судом и получите приговор. До судебного заседания у вас будут беседы с присяжными: социологом, психологом и священником. Полагается еще и четвертый, выбираемый в зависимости от категории обвиняемого, в данном случае — математик. Наша задача — повлиять на мнение присяжных.

— Но, Флексон, какой смысл беспокоиться о мнении присяжных или судьи, если заведомо решено, что я виновен?

— Хороший вопрос. Он показывает, что вы не перестали мыслить. Ответ: мы будем оправдываться с целью добиться снисхождения.

Деклассификация многослойна, как мы говорим в наших законах. Предположим, вы будете стерилизованы и низведены до прола; степень снисхождения может простираться от мягкой постели на Земле до

урановых рудников на Плутоне. Так что ставка высока.

В своем плане вашей защиты я предусмотрел два параллельных подхода. Во-первых, мы представляем все смягчающие вину обстоятельства, которые нам удастся выявить, чтобы умерить строгость решения суда. Во-вторых, и это более важно, я намерен создать в глазах присяжных настолько благоприятное впечатление о вас, что они сами будут просить судью о снисхождении к вам.

Прежде всего я хотел бы задать вам несколько вопросов, один из которых относится к области курьезов, но вместе с тем и вселяет надежду, что ответ на него может оказаться очень важным: почему, черт возьми, вы не пользовались противозачаточными?

Отвечая, Халдейн, захваченный темпом речи своего адвоката, быстро подытожил события, связанные с похоронами отца:

— Мы еще не успели подготовиться, — оправдывался он, запинаясь.

— Хорошо! — Казалось, голос Флекссона потрескивал от возбуждения. — Такой ответ важен. Вы были охвачены горем. Вы обратились к девушке за утешением. В этом не было умысла нарушить государственные генетические законы. Согласно показаниям вашего товарища по общежитию, Малколма, вы встретились с девушкой на похоронах. Поскольку она присутствовала на траурной мессе по вашему отцу, она любила его. Значит, вы оба обратились друг к другу, ища поддержки и утешения в терзавшей вас огромной скорби.

— Флексон, мне не доставляет удовольствия браться за замечаниями, идущими вразрез с вашим подходом, но все было совершенно не так. Я находился в состоянии шока после смерти отца, и Хиликс исходила скорее из необходимости поддержать меня, чем скорбела вместе со мной.

— Правдивость описания событий не является неотъемлемым качеством самих событий, потому что отражает точку зрения очевидца. Вы говорите, что побудительным мотивом ее поведения было участие к

вам, а не разделяемое с вами горе. Я же делаю вывод, что побуждение вызвано событием, которое было внешним для вас обоих. Моя точка зрения является правильной с позиций судебного разбирательства. Мы хотим запечатлеть сцену, на которой происходили действия, естественным образом приведшие к зачатию, — объяснял Флексон. — Мы играем на некоем возникшем у вас притяжении друг к другу, потому что сила этого притяжения является мерой вашего примитивизма. Мы намерены представить это как секс в чистом виде.

Мы можем рассматривать последующие тайные свидания исходя из предположения, что вы нашли в нем что-то новое, что-то такое, чего раньше не было, что-то, дающее ощущение бодрости. Девушка не принадлежит к пролам, поэтому мы можем полагать, что она оказалась приятной заменой тому, что можно получить за деньги в государственном заведении... Эй, погодите-ка! — Стремительное перекатывание шаров, которыми играл Флексон, резко прекратилось. — Когда умер ваш отец?

— Третьего января.

— Но она беременна всего месяц, а сейчас апрель! Что за чертовщина! Кто из вас отвечал за безопасность того, чем вы занимались в этой квартире? Вы или она?

— Она. Мне казалось, что так это менее... неделикатно.

— Боже, неужели она действительно проворонила! Если она не пошла на это, чтобы убить себя, то, клянусь, она намеревалась привести на виселицу вас... Ладно, с вашим делом все ясно, если не считать, что в его составе кроме элемента скорби надо полагать присутствие элемента грандиозного тупоумия. Из чего вытекает, что вы двое просто интеллектуально неспособны причинить вред государству... Может быть, такой взгляд на вещи послужит вам на пользу.

Казалось, Флексон едва осознавал присутствие своего клиента, когда, откинувшись на спинку стула, анализировал будущую защиту со всей прямотой,

которая терзала Халдейна почти так же жестоко, как обвинения, но это было правдой.

До сих пор он даже не удосужился задуматься о том, сколь долгим был этот промежуток времени.

Вдруг Флексон выпрямился и наклонился вперед. Его взгляд сверлил глаза Халдейна:

— Теперь вопрос, стоящий сотни других. Почему вы швырнули микрофон в окно?

— Я не сомневался, что полиция услышала достаточно. Было мало смысла транслировать по радио мою последнюю волю и завещание, поскольку я не обзавелся наследниками.

— Вы рационально осмыслили совершенное, — сказал Флексон с грубоватой настойчивостью. — Теперь говорите мне правду! Почему вы швырнули микрофон в окно?

— Хорошо, я был зол. Это произошло спонтанно. Я сделал это, ни о чем не думая.

— Мы приближаемся к правде. Правда может оказаться плохой, но мы ее найдем, если собираемся обратить в свою пользу. Итак, ответьте еще раз: почему вы швырнули микрофон в окно?

— Я его ненавидел!

— Но это неодушевленный предмет. Как вы можете питать ненависть к неодушевленному предмету?

— Я ненавидел то, что он представлял собой.

— Вот мы и докопались до основной породы. Вы ненавидели его, потому что он представлял собой мощь государства. Другими словами, вы ненавидели государство. Это плохая правда.

Может статься, что этот выброшенный микрофон — худшее из всего совершенного вами, и именно благодаря этому Департамент Социологии не станет вручать вам медаль за хорошее поведение.

— Вы слишком много откопали в одном импульсивном движении, — сказал Халдейн.

— Я ничего не откопал; меня заботит лишь то, как будет думать присяжный-психолог. Психологи думают не так, как вы и я. Они мыслят некими вереницами нанизываемых друг на друга вывертов,

которые скрепляются между собой очень неопределенными связями.

Даже если бы вы были виновны в массовом оплодотворении путем изнасилования представительниц сорока различных категорий и стояли перед ним, потирая руки от удовольствия, психолог перестал бы интересоваться вашими преступными посягательствами на незаконное деторождение и уставил бы на ваши руки. Он все равно соорудил бы вам виселицу из этого микрофона, поверьте, ради Иисуса!

Говорю вам, микрофон — это очень плохо, но мы подумаем об этом.

Флексон всплеснул руками, как бы на время отгораживаясь от этого трудного направления мысли, поднялся и подошел к окну. Минуту он смотрел в него.

Внезапно он повернулся, снова подошел к койке и сел на стул.

— Мне думается, какая-то схема уже есть, что-нибудь мы сможем сделать привлекательным, но мне надо много-много больше. — Он откинулся на спинку стула и немного помолчал, размышая, потом снова обратился к Халдейну:

— Хочу предложить вам план. Опишите мне каждую подробность, которая имела место быть между вами и девушкой с са ой первой встречи. Не надо суждений. Не надо объяснений. Предоставьте это мне, но пишите правду, даже если она вас огорчает.

Вы можете рассказать мне все. Я сам стану вашим вторым Я и дам объяснение всех действий.

Все, что вы напишете, не подлежит оглашению. Когда я прочитаю записи, я их сожгу. Можете не сомневаться, пока я буду жив, я никогда не выдам ваши секреты, как эта крыса, Малcolm, потому что, если бы я сделал это и вас отправили на Плутон, вы, находясь на каторге, имели бы право считать меня заслуживающим быть повешенным за то место, которое послужило причиной вашей туда ссылки.

У меня в портфеле есть бумага. Вы можете начать, как только я уйду. Моя цель — настолько изучить вас, чтобы я мог так нарисовать вас и ваш характер,

чтобы созданная картина вызывала симпатию. Какой будет степень симпатии, которой мы сможем добиться в глазах присяжных, такой же будет и степень снисхождения, которое будет даровано вам судьей.

Халдейн откинулся на койке, облокотившись на локоть.

— Из четырех присяжных вам не придется слишком много беспокоиться о математике. Он будет неким опекуном вашей квалификации, своего рода экспертом по назначению вас на работу. Он будет исходить из ваших интересов, поскольку в его задачу входит оценить ваши способности, о которых я судить не могу. Но священник...

Он вскочил на ноги, всплеснул руками и опять подошел к окну.

— Священнику не понравится, что вы обратились за утешением к другому человеческому существу. Во всем, что касается человеческой морали, он ожидает обращения за утешением к Церкви. В сущности, вы променяли Нашу Святую Мать на земную женщину. Кстати, вы верующий?

— Нет.

— Возникли у вас какие-нибудь религиозные мысли, когда вам сообщили о смерти отца?

— Я пошел в часовню на территории университета.

— Очень хорошо. Это лучше, чем мысли! Вы молились?

— Я стоял перед алтарем на коленях, но я не умею молиться.

— Прекрасно!

Флексон отвернулся от окна и принялся шагать туда и обратно по камере. Халдейн заметил, что даже этой его спонтанной подвижности была не чужда рациональность. Он делал пять максимально больших шагов, которые допускало пространство, поворачивался и делал те же пять шагов обратно. Он говорил на ходу:

— Это именно то место, с которого мы начинаем ваять правду. Подышите момент, чтобы сказать священнику, что вы отправились в часовню и опустились

на колени перед алтарем. Он подумает, что вы молились, а за его мысли вы ответственности не несете.

Может быть, вы и молились. Может быть, пробороматали хотя бы пару слов из Отче Наш или перебрали одну-две четки?

— Нет, я пытался проникнуться симпатией к Иисусу. Но в конце концов решил, что не смогу, потому что он этого требовал, а мне этого не нужно.

— Не говорите ему об этом! В своей взаимосвязи с Нашим Благословенным Спасителем вы выглядите плачущим в его манишку, а Церковь любит смиление не только перед Господом Богом, но и перед его представителями на Земле. Держите эту Библию открытой, и не важно, читаете вы ее или нет, но проследите, чтобы она не оказалась открытой на книге Песни Песней Соломона.

Флексон подошел и вытащил из портфеля пачку писчей бумаги.

— Это для ваших заметок. До вашего допроса присяжными у нас в запасе пять дней, но я смогу добиться продления этого срока, если появится необходимость.

Думаю, с тем, что случилось зачатие, нам повезло. Не будь его, вас для верности пропустили бы через психоанализ, а мне что-то подсказывает, что результаты психоанализа означали бы для вас Плутон. Сейчас, когда ваш примитивизм является установленным фактом, мы можем представить нашу картину видения событий прежде, чем позволим психологам нарисовать свою. Кстати, вы когда-нибудь подвергались гражданскому психоанализу?

— Один раз, когда был еще ребенком.

— На предмет чего?

— Агрессивности. Я сбросил несколько цветочных горшков с наружного подоконника и чуть не убил прохожего. Моя мать выпала из окна, когда поливала цветы, и я считал виновными горшки.

Флексон всплеснул руками, и на его лице засияла широкая улыбка:

— Ну, тогда с микрофоном все в порядке!

— Как так?

— Когда вы швыряли его из окна, вами руководил рецидив привитого в детстве инфантального поведения. Хиликс заняла место вашей матери. Микрофон, который ее уничтожил, был цветочными горшками, которые погубили мать. У вас открылась не вполне зажившая старая рана.

— Для меня эта идея выглядит притянутой за уши.

— В этом ее прелесть. Слушайте, — Флекссон наклонился вперед, и сама его напряженность требовала абсолютного внимания, — как только появится психолог, скажите ему, как бы просто поддерживая разговор: «Я не впервые встречаюсь с человеком вашей профессии».

Он, естественно, заинтересуется подробностями, и вы познакомьте его с ними. Позвольте ему прийти к собственным заключениям. С этими заключениями ни вы, ни я ничего не сможем поделать.

Он вытащил носовой платок и вытер лоб.

— Ну и ну, меня так беспокоил этот микрофон.

Халдейн понял, что он действительно беспокоил Флекссона, и это подтолкнуло его навстречу человеку, который менее чем за час так глубоко проникся его проблемами. Он прекрасно знал, что адвокаты обязаны защищать своих клиентов, но ему было приятно, что государство назначило человека, который взялся за его дело настолько рьяно, что назвал Малколма крысой, несмотря на то что тот просто выполнил свою гражданскую обязанность.

— Теперь вот что, социолог — это старшина присяжных, — продолжал Флекссон. — У него административные обязанности, и это означает, что другие присяжные составляют мнение, а он дает оценку. Частенько он будет окутывать какую-нибудь незначительную мысль фразеологией важной речи. Его предложения будут такими длинными, что вы можете забыть подлежащее, пока он доберется до сказуемого, но вы должны вознаграждать его самым пристальным вниманием, я подчеркиваю, пристальным.

Если вы поняли, что он старается выказать осторожие, улыбайтесь. Если вы уверены, что он острит,

смейтесь. Он — член департамента, который заведует установлением рангов, поэтому заискавайте перед ним.

В общем, помните, что вы — профессионал и на вас будут смотреть как на профессионала, до тех пор пока не будет вынесен приговор. Будьте дружелюбны, будьте легкомысленно небрежны, будьте откровенны, но не давайте никакой информации по собственной инициативе. У них достаточно данных для выполнения своей работы без вашего содействия.

Флексон подошел к окну и, глядя в него, сказал:

— У нас уже есть кое-что в нашу пользу. Вы обладаете высоким интеллектом, вы — незаурядная личность, а это дело началось в момент чрезмерного эмоционального кризиса. Мы в состоянии убедить их, что ваш проступок не был мотивирован атавизмом.

Он повернулся и посмотрел на Халдейна почти с укоризной:

— Откровенно говоря, судя по тому интересу, который вы проявили к девушке, это не что иное, как возврат к предкам, но лично я не вижу в этом ничего плохого. — Он ухмыльнулся: — У меня самого есть несколько атавистических наклонностей.

Не тяните с этими заметками. Я вернусь утром, чтобы забрать написанное вами. Помните, чем больше фактов вы сможете мне дать, тем легче будет выхватить правду, которую мы сможем использовать для представления вас в облике благородного, верного закону парня.

Едва перестав говорить, Флексон протянул руку, обменялся с Халдейном быстрым рукопожатием и со стуком захлопнул за собой дверь.

Повернувшись к столу, Халдейн сложил в стопку рассыпавшиеся листки. Он не переставал удивляться тонкости интеллекта людей заурядных профессий. У Флексона, зажатого рамками социальной ортодоксальности, был блистательный и искрометный ум, способный на проникновенное понимание и прочно опирающийся на человеколюбие.

Ему понравился этот человек. На протяжении их общения Флексон и улыбался, и хмурил брови, и погружался в задумчивость. Но он ни разу не надел на себя маску.

Халдейн принял честно, в хронологическом порядке описывать все, что произошло, начиная с встречи в Пойнт-Сю, вплоть до своего ареста. Он писал до ленча, все еще писал, когда подали ужин, и отправился в постель только после того, как не осталось бумаги.

Утром он приветствовал Флексона словами:

— Советник, мне не на чем писать.

Флексон был к этому готов. Он вытащил из портфеля пачку бумаги, похвалил Халдейна за разборчивость почерка и тут же откланялся, унося законченную часть рукописи.

Целиком уйдя в работу, Халдейн переживал заново каждый миг своей жизни с Хиликс. Главной целью его сочинения была ясность, но он обнаружил, что в появлявшихся на бумаге словах присутствовала какая-то эмоциональная тень тех страстей, которые обуревали его в описываемые моменты. По мере продвижения работы, он все больше убеждался, что представляет на суд публики одну из последних любовных историй на Земле.

На анализ записок Флексону приходилось тратить больше времени, чем Халдейну на то, чтобы их написать. Поутру он появлялся измученный и невыспавшийся, но неизменно под парусами, раздуваемыми его моторной энергией.

— Если речь зайдет об этой эпической поэме о Фэрвезере, — бросал он замечание, — не говорите священнику, что перестали заниматься ею, потому что она не могла быть опубликована. Скажите ему, что вы бросили работу над темой, как только узнали, что биография запрещена. Вы ведь действительно бросили работу, а он увидит в этом религиозный мотив.

После этого он делал одно из сугубо личных, как бы второстепенных замечаний, что особенно импонировало в нем Халдейну:

— Не углубляйтесь в детали вашей математической эстетики в беседе с математиком. Я знаю всего лишь, что эта идея — не фикция и вы, может статься, захотите работать над ней, став пролом. Подкиньте ему ее, и лет через двадцать, возможно, обнаружите, что к вашей теории прибавлено еще чье-то имя.

Ту же самую мысль он мог осветить под другим углом:

— Социологу расскажите о своей теории. Ему понравится образ общественного мышления, который он усмотрит за вашей попыткой поглотить категорию искусства.

Нанесите ею удар и психиатру. Он поверит, что если вы занимались с девушкой такого рода деятельностью, то взаимоотношения между вами должны были лежать в плоскости сверх-Я. Следовательно, ваш ид выскользнул просто по недосмотру.

Ум Флексона непрестанно был занят исследованием материала, получаемого из рукописи.

— Не дайте социологу понять, что корабли Тартара никогда не вызывали у вас страха. Эти ребята потратили время, энергию и деньги на то, чтобы обусловить у вас ощущение ужаса. Им нелегко смириться с поражением.

Однажды он обронил одно из подобных замечаний, которое разволновало ум Халдейна:

— При ваших знаниях математики Фэрвэзера вы могли бы стать хорошим механиком в машинном отделении звездолета. Бряд ли у вас появятся конкуренты.

Несмотря на то что их дружба крепла, Флексон не хотел наводить справок о Хиликс.

— Если я спрошу, сразу будет понятно, откуда растут ноги, и о вас сложится предвзятое мнение. Кроме того, наказание ей определяется вашим, только будет более легким. В случаях геносмешения женщина никогда не рассматривается в роли инициатора, потому что с точки зрения закона она в этом не заинтересована.

Чтобы подготовить своего клиента, Флексон ежедневно часа по два комментировал выписки, которые он составлял, основываясь на заметках Халдейна.

— Наконец, о девушке. Меня растрогало то, что я о ней прочитал. Вы создали правдивый портрет. Он несомненно привлекателен, может быть, немного предвзят и совершенно атавистичен. Вы преуспели в ее представлении в моих глазах, и я надеюсь добиться такого же результата в представлении вас в глазах присяжных.

Итак, я вас предупреждаю. Ни в коем случае не давайте понять присяжным, что вы чувствовали к ней нечто большее, чем преходящее желание. Это они поймут. Больше этого они понять не захотят, и это — не в ваших интересах.

Флексон вычерпал его до дна, не оставив ничего, кроме оболочки и имени Халдейн IV.

Не меняя основных обстоятельств дела, Флексон вылепил образ, который позволял Халдейну предстать перед священником молодым человеком с глубокими религиозными убеждениями, появиться перед математиком в облике блестящего, но ортодоксально мыслящего теоретика, перед социологом — общественно активным парнем, который возгорел желанием ликвидировать причиняющую беспокойство категорию, а перед психологом — нормальным сверх-Я, споткнувшимся на либидо высшей пробы.

По истечении пяти дней, после нескольких репетиций, они с Флексоном решили, что исполнитель главной роли готов к выходу на сцену.

— Завтра с вами начнут беседовать, — сказал Флексон. — Ночью я сожгу вашу рукопись, а завтра после полудня забегу к вам, чтобы поинтересоваться, как прошли беседы. Вы позаботитесь о присяжных, я возьму на себя заботу о судье. Мне досталась сторона попроще.

Они попрощались за руку, и позднее, вытянувшись на койке, Халдейн впервые почувствовал уверенность в себе, которой у него не было уже многие месяцы. Какая-то степень снисхождения ему была гарантирована, и он знал, что Флексон добьется для него

наивысшей, какой не смог бы добиться ни один адвокат, но он не ищет наивысшего уровня снисхождения; он намерен выбрать самую низкую работу по шкале приоритетов.

Вступив в свой первый ледниковый период неудовлетворенности, он разглядел неполноту Теоремы Фэрвэзера об Одновременности, $2(LV)-S$. Но его оттолкнуло то, что крылось за этим открытием, потому что он, смертный, находился под прессом обыденных дел и знал, что никакая земная лаборатория не могла бы предоставить ему возможность проверить Теорию Халдейна, $LV^2-(-T)$. Но теперь приоткрывался доступ к такой лаборатории, но не на этой Земле.

Он готов был поверить, что какое-то божество направило его к этому концу и не позволило утвердиться в убеждении, что мельницы, которые приземляют, не боговы.

$LV^2-(-T)$ должна смыть пятно крови отца, стереть клеймо проклятья, опозорившее его, и опрокинуть этих Роковых Сестер!

Церкви доставит удовольствие получить в свои руки самого кающегося геносмесителя со времен основания Священной Израильской Империи, а друзья по университету Халдейна О, урожденного IV, потеряют дар речи, узнав, что бывший Пол Баньян отдельных кабинетов домов развлечений выбрал обусловленную обетом безбрачия жизнь механика лазерного машинного отделения звездолета.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Одним из последствий жестокого сражения Халдейна с литературой девятнадцатого века стал появившийся у него вкус к рассказам о сильных страстиах и жестокости, которыми он упивался на следующее утро, когда раздался стук в дверь. Перелистив Библию, он оставил ее открытой на Нагорной Проповеди и подошел к двери встретить стучавшего.

В коридоре стоял старик, едва ли не восьмидесяти лет, и неуверенно вглядывался в его лицо.

— Вы Халдейн IV?

— Да, сэр.

— Извините за беспокойство. Я — Герлик V, М-5, мне было велено прийти и поговорить с вами. Можно войти?

— Конечно, сэр.

Халдейн пропустил его в камеру, вошел следом и предложил стул. Он присел на краешек койки, и старик начал говорить, поскрипывая стулом:

— Меня привлекли к выполнению обязанности присяжного впервые за последние десять лет. Между прочим, я знал вашего отца. Примерно три года назад мы с ним вместе работали над одним проектом.

— В январе он умер, — сказал Халдейн.

— Да-да, это очень прискорбно. Он был хорошим человеком. — Старик блуждал взглядом, силясь сбраться с мыслями, что очень бросалось в глаза. — Мне сказали, что вы увлеклись молодой леди из другой категории.

— Да, сэр. Она тоже знала папу.

Присмотревшись к старику, Халдейн решил, что утаивать от Герлика какую угодно теорию нет ни малейшего основания. В лучшем случае ему оставалось жить какой-то десяток лет, и в течение этого десятилетия больше всего его будут интересовать физические функции собственного организма.

— Имя Герлик мне кажется знакомым, сэр. Вы когда-нибудь преподавали в Калифорнийском?

— Да. Я преподавал теоретическую математику.

— Возможно, я встречал ваше имя в ежегоднике.

— Да-да. Когда я узнал, что меня выбрали вашим присяжным, я созвонился с деканом Браком. Он говорит, что вы — чародей как в теоретической, так и в эмпирической математике. Максимумом, которого мне удалось достичь во второй дисциплине, было увлечение системой оценок выигрышер в тик-так-бап.

Скажите-ка, сынок, — его голос упал до шепота, — вы знакомы с Эффектом Фэрвэзера?

Первой реакцией Халдейна на этот робкий, униженный вопрос было желание прослезиться. Перед ним сидел математик, значительно более пожилой, чем был его отец, и просил поделиться с ним знаниями, на что его слишком гордый родитель так никогда и не решился. Ему захотелось крепко обнять старика за его отвагу на такую смиренность.

Халдейну пришло на ум, что старик устраивает подвох, задавая ему этот трудный вопрос, чтобы выведать его рабочую квалификацию. Прекрасно. Если это квалификационный вопрос, он хочет быть квалифицирован как можно выше.

— Да, — ответил он.

— Что он имел в виду под определением «отрицательное время»?

— Время при избытке одновременности.

— Дайте определение! — В пожилом математике проснулся педагог, и его голос хлестнул Халдейна, словно выкрик команды.

— Так называемый временной барьер препятствует увеличению скорости сверх определяемой одновременностью, потому что ни один материальный объект не может находиться одновременно в двух местах. Вы не можете покинуть Нью-Йорк и оказаться в Сан-Франциско на час раньше, чем уедете из Нью-Йорка, не выходя из земного отсчета времени, потому что в противном случае вы были бы в Сан-Франциско, находясь в то же время в Нью-Йорке. Но вы не можете быть одновременно в двух местах.

— Ваше объяснение выглядит очень простым.

— Мое знание лежит вне умственных способностей, — скромно признался Халдейн, — Фэрвезер постигается сноровкой ума. Приходится мыслить не общечеловеческими понятиями. Фэрвезер недвусмысленно обращал внимание на природу такого познания в своей работе «Скачок через деформацию времени»; до сих пор некоторые математики не способны постигать его идеи умом.

— Как он мог приложить нечеловеческие понятия к механическим устройствам, вроде кораблей Тартара? Объясните-ка мне это, молодой человек.

— Он этого и не делал, — сказал Халдейн. — Звездолеты работают в соответствии с ньютоновым законом о противостоянии каждому прямому действию реактивного. Он придумал пропульсивную лазерную установку, в которой свет собирается в одной точке для того, чтобы дать импульс до того, как лучи начнут расходиться. Принцип действия точно такой же, как в примитивном реактивном самолете.

— Да, будь я проклят, если есть под солнцем хоть что-то новое. Мне так хочется прожить чуточку по-дольше, чтобы увидеть, каким будет следующее достижение.

— Если бы я посмел позволить себе пророчество... — начал говорить Халдейн, но в его мозгу за- сверкала предупредительная сигнализация.

Он подошел к самой последней грани раскрытия идеи, осенившей его подобно северному сиянию во время той глубочайшей зимы его разума, а этот въедливый старик больше похож на судью, чем на присяжного.

Как ни странно, старика не насторожила оборвавшаяся фраза. Герлик отвел взгляд своих водянисто-голубых глаз к окну и мило, до смешного по-человечески, почесался. Болезненные, со вздувшимися венами руки, быстро и суетливо массировавшие иссушеннную временем нижнюю часть живота, вызвали у Халдейна чувство жалости. Если этот дряхлый профессор занимается со студентом игрой в кошки-мышки, то Халдейн вполне может считать себя собственной бабушкой.

— Да-да. В последнее время у меня появилось множество неприятностей из-за моих почек. Не думаю, что надолго задержусь в этом мире, но все равно ничего не могу поделать со своим желанием узнать, каким будет следующее достижение.

Он так ненадежно балансировал на кромке небытия, что Халдейну стало за него страшно. И тем не менее в этом обтянутом пергаментной кожей черепе еще горела наивная любознательность то ли ребенка, то ли математика.

— Я плохой пророк, сэр, но может быть, удастся пробиться через световой барьер. Вы не можете быть в Сан-Франциско, прежде чем покинули Нью-Йорк, но тогда вам не обязательно быть и в Нью-Йорке.

— Люди всегда спешат... Сынок, я должен был выяснить, какие чувства вы питаете к людям, в том смысле, что предпочитаете вы работать в составе группы или в одиночку, но мне пора идти. На случай, если это судебное разбирательство кончится для вас плохо, есть ли у вас на уме какая-нибудь работа, которой вы предпочли бы заниматься?

— Я не против работы в составе небольшой группы и хотел бы заниматься лазерными лучами.

— Да-да. Вы pragmatik. Я запомню это... Ну, не смею вас больше задерживать. Я пойду.

Он медленно поднялся и протянул руку:

— Спасибо за приглашение. Был рад поговорить с вами. Не могли бы вы показать мне туалет, сынок.

Халдейн проводил его до двери и показал, как пройти по коридору к туалету. Торопливо ковыляя к своей цели, Герлик крикнул, не оборачиваясь:

— Передайте поклон отцу, сынок.

Вернувшись в камеру, Халдейн с грустью подумал об увядающем разуме человека, который принес ему извинения за беспокойство, забыв, что говорит с заключенным, и передал поклон человеку, которого уже три месяца нет в живых.

Уныние Халдейна испарилось с прибытием второго собеседника.

Отец Келли XXXX имел невозможный династический номер, появившийся, как результат ожесточенной междоусобной схватки за статус между церковниками иудеями и ирландцами. Группа ирландцев в духовенстве без всяких оснований присвоила себе номера с периода задолго до Великого Голода, обосновывая нумерационную систему знанием предков-священников. Евреи организовали отсчет от своих предков, возможно, начиная с Иисуса. Отец Келли XXXX, по-видимому, решил включить в династическую линию и тех своих предков, которые были друг идскими жрецами.

Невозможный номер отца Келли вполне соответствовал его личности. Он был неправдоподобен.

По ту сторону стола победно, реально и зримо на сцене появился человек, представительнее которого Халдейн никогда прежде не встречал. Его длинная черная ряса подчеркивала высокую, широкоплечую фигуру военной выправки. Блеск его черных волос и бровей уравновешивался изысканной белизной воротника. Тонкий, слегка вздернутый нос выглядел таким чувствительным, что, казалось, он вот-вот начнет мелко подрагивать. У него были тонкие губы и квадратная челюсть с раздвоенным подбородком, а кожа имела такую бледность, которая у кого-нибудь другого могла показаться нездоровой, но на лице отца Келли XXXX создавала самый подходящий фон для его темных волос и глаз.

Глаза, глубоко посаженные и сверлящие, были карими, но настолько темными, что зрачки почти терялись. Он фокусировал их на собеседнике с силой гипнотизера или фанатика, и они были самой не-привлекательной, но одновременно и наиболее неотразимой чертой его лица.

Если можно говорить о самой сильной стороне человека, так непомерно одаренного красотой грубых черт лица, то этой сильной стороной отца Келли был его профиль. Боковая проекция его лица, казалось, вырезалась маститым скульптором, который долгие годы не торопясь трудился над формой носа и линией губ.

Халдейн знал его. Он часто появлялся на экране местного телевидения в качестве главного действующего лица похоронных ритуальных шоу по знаменитым актерам. На экране он выглядел статным. Воочию — подавляющим. Он заставил Халдейна сожалеть о малых размерах камеры.

Первое замечание, после того как он представился, отец Келли сопроводил улыбкой полного понимания и самоосознанной поглощенности божьего человека мирскими делами:

— Сын мой, мне сообщили, что вы поломали шею, гоняясь за подолом юбки.

— Да, отец.

— Это произошло с Адамом. Это случилось с вами. Это могло бы случиться со мной. — Он жестом разрешил Халдейну сесть на койку, а сам отправился глядеть в окно. За окном не было ничего, кроме переулка. Взгляд Флексона даже не останавливался на виде из окна, но отец Келли вскинул голову и, казалось, упивался солнечным светом.

— Да, сын мой, думаю, это могло случиться даже с Нашим Благословенным Спасителем, потому что он знался с женщинами, о которых справедливо сказать, что целомудрие отнюдь не было их добродетелью.

Такое замечание было необычным для священника, но оно подчеркивало нормальное «сочувствие» отца Келли, и Халдейн получил возможность слегка расслабиться. Если он и был способен отдавать чему-то предпочтение в священниках, то предпочитал нормальное сочувствие, хотя давно обнаружил, что они настолько злоупотребляют самим понятием нормальности, что зачастую оказываются в состоянии полной ненормальности.

— Уж коль вы обмолвились об этом, святой отец, я хотел бы сказать, что Иисус наверняка привлекал к себе женщин так же, как мужчин.

Вдруг священник повернулся и посмотрел на Халдейна в упор. Эти глаза пригвоздили заключенного к стене.

— Сын мой, вы раскаиваетесь в вашем грехе?

Внезапная благочестивость Келли после его раскованного неблагочестия застала Халдейна врасплох, и его чувство предрасположения к священнику резануло слово «грех».

— Отец, я раскаиваюсь, несомненно... но...

— Но что, парень?

— Я не думал, что это грех. Я считал это граждансkim поступком.

На святое лицо вновь снизошла приветливая улыбка:

— Да нет. Я и не надеялся, что вы будете осуждать это как содеянный грех. Ни одному живому человеку не нравится даже думать, что он грешен.

Он отвернулся, обратив на сей раз взор в сторону двери, и немного поднял подбородок, и эта замершая поза переполнила Халдейна пониманием сути происходящего. Отец Келли тщеславен. Он подходил к окну, чтобы оказаться наилучшим образом освещенным, а сейчас демонстрировал свой профиль.

Когда он вновь повернулся к Халдейну, черты его подвижного лица изменились. В глазах была надменность и чопорность в очертаниях губ.

— Вы не можете судить об этом, но могу я. Ваше дело — математика, мое — мораль. Говорю вам без обиняков, чувственность есть грех.

— Отец, — Халдейн почувствовал, что его губы непроизвольно приобретают явно чопорный вид, — я познал чувственность во всем разнообразии ее форм в тех домах, что получают государственную поддержку, и мои отношения с девушкой по сравнению с приобретенным опытом имели для меня такое же значение, как обретение святости для язычника.

— Вы неверно понимаете взаимосвязи, — строго сказал священник. — Это дело было чувственностью, а будучи чувственностью, оно было грешным. Мы грешим, если причиняем вред тому, кому вреда не желили. Вы навредили себе, девушке и государству. На вас тройной грех.

Вы грешник, сын мой, и проведете остаток своей жизни в искуплении греха. Пройдет он в молитве или нет, дело ваше. Наша Святая Мать не желает видеть вас наказанным. Она желает простить вас. Но не может быть прощения, если грех не распознан.

Какие-то новые огоньки засверкали в его глазах. Росла горячность его голоса, который то поднимался, то падал, наполняя камеру своими раскатами. Замолчав, священник отвернулся и выставил профиль.

— Отец, меня наказывает не Церковь. Меня наказывает государство.

— Наше государство, сын мой, триедино. Церковь — третья его опора.

— Выходит, сэр, если я подвергаюсь наказанию государством, Церковь грешит против меня.

— Сын мой, я сказал, что грешить — значит причинять вред тому, кому мы не желаем вредить. Государство желает причинить вам вред.

— Отец, вы только что сказали, что Наша Святая Мать не желает мне вреда.

— Я имел в виду Деву Марии, сын мой.

Софистика Келли в сочетании с его преклонением перед собственной персоной привели в действие машину враждебности Халдейна. Он помнил предостережение Флексона о необходимости создавать впечатление смирения, но перед этим монументом благочестия невозможно было создать никакого впечатления, потому что он сам был так сосредоточен на впечатлениях от собственной персоны, что любые сигналы на входе заглушались выходными сигналами.

Халдейн был не в силах не противопоставить этому собственную софистику, поэтому он задал сквозящий кротостью вопрос таким голосом, который просто курился смирением:

— Отец, Иисус наказывал нам любить ближнего. Церковь пожелала наказать меня за то, что я любил ближнего?

Отец Келли покопался в своей рясе и достал плоский портсигар. На ходу он предложил сигарету Халдейну, но тот отказался, отчасти из страха, что подожжет ее концом с фильтром. Отец Келли закурил и повернулся так, чтобы лицо было освещено в северных полутонах.

Он не отвечал, но склонил голову, создавая впечатление раздумья, и легкая улыбка превосходства на его губах говорила Халдейну, что он занимается не изучением глубины вопроса, а придумывает, как получше сформулировать ответ для этого бестолкового математика.

Халдейн провел небольшой самоанализ. Его не прельщают моральные разборки перед профессиональными моралистами. Кроме того, у него появился чисто клинический интерес; его обуревала страсть исследователя разобраться в мыслительных процессах священника. Однако он был заинтригован и возможностью того, что отец Келли получил божественное

благоволение, но не заметил этот сверток, затерявшийся среди других даров, которыми Господь Бог его так щедросыпал.

Отец Келли поднял глаза, выпуская колечки дыма из ноздрей.

— Сын мой, когда Иисус сказал: «Любите ближнего», он имел в виду именно это. Мы должны любить друг друга настолько сильно, чтобы не ущемлять социально права друг друга. Когда вы пытаетесь принести на эту перенаселенную планету несанкционированную жизнь, вы не любите меня. Иисус говорил: «Возлюби ближнего». Он не говорил: «Занимайся любовью с ближним».

В софистике Халдейну было далеко до этого человека. Этому священнику не было равных ни на Земле, ни на Небе. Испытывая его, он ступал по кромке беды, потому что этот изворотливый ум, приводимый в действие праведностью, мог поймать его в капкан, как вероотступника, даже еретика, и тогда с ним будет покончено.

Он поднял почтительные серые глаза к черным четкам священника:

— Спасибо вам, святой отец, за просветление разума моего.

В мгновение ока гончий пес небес преобразился в некий суррогат пастыря, милостиво уставившегося на своего агнца.

— Давай помолимся, сын мой.

Они опустились на колени и помолились.

Хотя церемония была недолгой, она произвела на священника потрясающее действие. Явившийся в камеру к Халдейну отец Келли XXXX был подвижным, улыбчивым и нормально сочувствующим; уходил же, словно процессия сановного духовенства, состоящая из него одного.

Третьим собеседником Халдейна был социолог Брандт.

— Этот отец Келли опередил меня?

— Да, сэр.

— Халдейн, обратите внимание, сколь мудро государство. Во всем, что касается геносмешения, этот человек — знаток.

— Вам лучше знать.

— Когда-то я был его прихожанином, но унес ноги вместе с супругой — надеюсь, до того, как стало слишком поздно.

Внезапно Брандт переменил тему разговора на более серьезную и повел его с чистосердечной прямотой, подействовавшей освежающе после театрального представления Келли.

— Халдейн, вы на скользком пути. Было чертовски беспечно так попасться. Государство ждало от вас больших свершений. Для человека с вашими мозгами... Не стоит об этом. Для меня многое здесь непонятно. Как произошло зачатие — выше моего понимания. Не будь его, я мог бы вас вытащить всего лишь с напутственным внушением.. Ведь Калифорнийский располагает одним из лучших домов в государстве.

Я учинил в связи с этим проверку. Красавица была ошеломлена, разозлена и загрустила. У вас была полная власть над этим домом. Она сказала, что другие студенты — просто любители по сравнению с вами.

Какая-то чертовщина с бубенцами! Как вас угораздило связаться с профессионалкой, да к тому же поэтессой?

— Она помогала мне в одном исследовательском проекте.

— Исследовательском! Что вы там исследовали, стихотворные ритмы совокупления с поэтессами?

— Ничего настолько интересного. В общих чертах, я работал над одной идеей, которая имела целью полную ликвидацию ее категории.

— С ее помощью?

— Она не догадывалась о скрытой социальной направленности работы. Я начал с того, что помогал ей писать поэму о Фэрвэзере, но когда обнаружилось, что биография Фэрвэзера находится в списке запрещенной литературы, мы оставили это дело. Я убедил ее помочь мне создать электронного Шекспира.

— Не трудно представить, каким образом вы ее убеждали.. Что ж, я приветствую ликвидацию нефункциональных категорий, но не присвоили ли вы себе привилегии, которые не принадлежат вам по праву? Мы, в нашем департаменте, решаем, какие категории ликвидировать или создавать.

— Вы правы, сэр. Но вы оперируете на уровне завершенных проектов. Разработка этой идеи находилась лишь на предварительной стадии. — Халдейн хлопнул кулаком по своей левой ладони. — Брандт, может быть, вы думаете, что я носился с несбыточной мечтой обрести знатность и не представил бы вам идею, пока не продемонстрировал программу, однако я знаю, что вы бы приняли идею. Черт возьми, нажим Департамента Образования раздавил бы вас, если бы вы ее отвергли. Она прошла бы по каналам, и я обронил бы словечко неофициально.

— Возможно, мы приняли бы ее, — согласился Брандт. — В моем списке штук пять таких категорий, и поэзия — одна из них.

Он задумчиво потер шею, и Халдейн дал ему время собраться с мыслями. Внезапно он положил обе руки ладонями на стол и наклонился к Халдейну.

— Вношу предложение, Халдейн. Я — старшина присяжных. Теоретически, у меня административная работа, но если посмотреть на вещи с холодным рассудком, я имею огромный вес. Предлагаю вам сделку, прямо здесь, за столом. Послезавтра вы будете в штате рабочих и, следовательно, не сможете свидетельствовать против меня, так что я говорю, не боясь навредить себе. Понимаете меня?

Халдейн кивнул.

— Я готов порекомендовать судье дать вам наивысшую степень снисхождения. Это означает, что вы выбираете любую работу, какую пожелаете, без подключения к ней профессионалов. При наличии такого проекта, как ваш, это значит, что вы сможете продолжать работу над ним. Как привилегированному пролу, вам будут предоставлены рабочие возможности и необходимые материалы.

— В чем же хитринка этой уловки? — Халдейн подогнал свой язык под удивительно прямолинейный язык социолога.

— Уловка вот в чем: вы сможете продолжать работу по вашему проекту, обеспечивая ее результативность и для сопоставимого проекта по моему выбору.

Халдейн насторожился. В открытой и простой манере речи Брандта изменений не произошло, но пальцы, волнообразно задвигавшиеся по крышке стола, отражали его внутреннее напряжение.

Халдейн медленно проговорил:

— Что такое этот сопоставимый проект?

— Ликвидация Департамента Математики.

— Это мой департамент!

— Поправка. Он был вашим.

Силясь не потерять контроль над выражением своего лица, Халдейн спросил:

— Вы думаете, я мог бы с этим справиться?

— Декан Брак сказал мне, что вы были у него самым лучшим теоретиком. Если вы можете сделать это в литературе, в математике будет справиться проще. У нас есть компьютеры, которые могут решать любые математические проблемы, интересующие нас, но нам нужна транслирующая машина, которая преобразовывала бы словесные указания в математические понятия.

Халдейна передернуло от этой идеи, но инстинкты говорили ему, что Брандт не лукавит. Кибернетический транслятор построить можно. Но почему предложение исходит от Брандта? Математики наверняка думали об этом прежде.

И ничего не сделали!

— Черт возьми, я мог бы сделать такую машину одной левой, но зачем ликвидировать департамент? Он так далек от вас.

— Грейстон подталкивает к снятию запрета на космические разведывательные полеты. Если бы пришлось открыть космос, общество стало бы динамичным, растущим, взрывоопасным. Социальным ценностям был бы нанесен урон научными разработками. Мы должны оградить себя от такой возможности.

Выходит, Халдейн был не одинок в своей мечте возродить дух человека. Громадные силы вступили в противоборство в высших правительственныех кругах, и ему предлагали присоединиться к худшей стороне.

— Предположим, у меня не получится?

— Вы будете переданы в штат общего назначения по вашему выбору.

— Если я добьюсь успеха?

— Мы предпримем новую атаку.

— Атаку чего?

— Департамента Психологии.

— Брандт, — сказал он, пытаясь справиться с улыбкой, — если вы преуспеете в ликвидации категорий оптом, здесь не останется чем управлять; так вы ликвидируете и самих себя.

— Об этом я позабочусь сам! — голос Брандта был резок.

— Предположим, я откажусь?

— Тогда вы попытаете ваши шансы в суде, заранее, конечно, не предрешенные, но все еще шансы.

Брандт предлагал ему бессмертие, бессмертие маркиза Сада или Фэрвэзера I.

Несомненно, такие предложения делались тысячам математиков за последние два с половиной столетия, но принял подобное только один. Брандт предлагал ему на выбор либо бессмертие, либо смерть в благородных традициях. Невидимая Брандту, рубашкой вверх на столе лежала третья карта, которая может ликвидировать самого Брандта, но Халдейн мог быть ликвидирован первым. Рисковать собой он волен, но не Департаментом Математики, не Грейстоном, его возглавляющим.

— Убирайтесь, Брандт. Я — не Фэрвэзер I. Я не буду строить вашего Папу.

Брандт поднялся и ушел. Прощального рукопожатия не было.

Во время перерыва на ленч Халдейн перебирал в памяти прошедшие беседы.

После натаскивания Флексона он чувствовал себя перетренировавшимся атлетом. Он готовился к стре-

мительному натиску глубоко пронизывающих вопросов, умно поставленных, чтобы поймать его в капканы атеистических, атавистических или антиобщественных взглядов. Вместо этого он имел бессвязную беседу с дряхлым педагогом, стал объектом для напыщенных тирад религиозного фанатика и отверг взятку, предложенную социологом.

Флексон ошибся только в одном предсказании. Социолог не был расплывчато-многословным; наоборот, его речь была исключительно пунктуальной.

Ему казалось, что он выдержал образ целеустремленного молоденького студента, который опрометчиво сбился с пути, но ни один из его присяжных не проявил особого интереса к его образу. У них были собственные проблемы.

Халдейн ждал психиатра, и тот не разочаровал его.

Глендис VI, его четвертый собеседник, принадлежал к генеалогической линии, взявшей начало еще на заре селективного скрещивания. Это был блондин, очень стеснительный и едва ли старше самого Халдейна. Манеры профессионала проявлялись в нем нерешительно — он был почтителен.

После рукопожатия Глендис развернул стул и сел на него боком, сложив руки на спинке, его взгляд блуждал по камере.

— Считается, что психолог должен уметь сочувствовать, и я очень сочувствую вам.

— Мне это необходимо. Это была солидная встреча... Кстати, вы не первый психолог, с которым я имею дело как с профессионалом.

— Вас подвергали психоанализу?

— Давно, когда мне было лет шесть-семь... — Халдейн поведал ему историю с цветочными горшками.

— Этим объясняется закавыка с микрофоном. Это мучило меня больше, чем Хиликс. В сущности, мне не трудно понять вас. Если придерживаться рифмованного жаргона, ее можно назвать выдающимся объектом охотничьих угодий Беркли.

Хотя он не был знаком с рифмованным жаргоном, Халдейн подозревал, что это очень личный комли-

мент, но замечание психолога заинтересовало его с юридической точки зрения. Флексон говорил, что девушка персонально не должна привлекаться к этому судебному разбирательству.

— Вы с ней виделись?

— Да, по глупости. Я еще не освоился с обязанностями присяжного и не знал, что не должен был говорить с ней. Но она не нанесла вреда в вашем деле. Все, о чем ей хотелось говорить, был Зигмунд Фрейд, а все, что хотелось делать мне, слушать.

Эта девушка по-настоящему начитанна. Она читала больше Фрейда, чем я. Она сказала мне, что сейчас получает огромное облегчение от чтения поэзии этой Браунинг, поэтессы... Говорит, что ей становится лучше, когда она читает о тревогах другой женщины.

У него стало тепло на сердце от весточки, посланной Хиликс. Все, что она хотела передать, было кристаллизовано в сонете «Как я люблю тебя», и это было тем, что она оставляла ему в наследство.

Халдейн даже почувствовал теплоту к этому невольному ее посыльному, который по-мальчишески беззаботно болтал о пустяках:

— Должен сказать вам, Халдейн, целиком возвыситься над либидо просто невозможно. Когда мне было лет семнадцать, у меня была непонятная, но очень сильная реакция на одну ненормальную по имени Лолопрatt. Она не спускала с колен пекинского мопса и лопотала с ним, как с младенцем. Я никогда не забуду эту пеки, она звала ее Флопит. Маленькая сучка укусила меня.

Думаете, я могу ударить собаку? Никогда в жизни. Я научился лопотать. Можете вы представить себе девушку, лопочущую с собакой, как с младенцем, на месте Хиликс?

— Хиликс замечательная женщина, но я никогда не смотрел на нее, как на представительницу противоположного пола, вплоть до дня похорон.

— Ой ли? — Возглас Глендиса был отмечен вопросительно-саркастической ухмылкой. — Должен сказать, что в таком случае вы нуждаетесь в психоанализе.

— Ну, вернее сказать, я не думал об этом, не желая подвергнуться деклассификации.

— Знаете, — сказал Глендис, — иногда я думаю, что наказание за смешанное зачатие находится вне логики наследственности. Возьмите отпрыска, говорю я, вырастите его и откажите родителям в брачных привилегиях. Дайте отпрыску шанс. Может быть, эти маленькие помеси окажутся профессиональным материалом.

— У вас готовая идея, — непринужденно согласился Халдейн. — Почему бы заодно не отказаться от родительской квоты на количество детей и не посмотреть, что получится из ребенка. Математически почти невозможно вывести социально-личностную характерную черту при более чем стомиллионном числе переменных в любой одной оплодотворенной яйцеклетке.

— Может быть, вы правы, — сказал Глендис. — Но у генетиков есть что-то, чему они отдают предпочтение. Взгляните на древних юкезов и калликаков, посмотрите на нынешних мобильных черных. Обратите внимание на скаковых лошадей.

— Мы говорим о характерных чертах вне физических особенностей, — подчеркнул Халдейн, — которые могут появляться не на генном уровне, а как результат родительского окружения. Культура — один из наиболее важных факторов. Величайший математик мира, может быть, прямо сейчас катает тачку.

В знак согласия Глендис шлепнул себя по ноге.

— Вы попали в самую точку. Эти специалисты по окружающим условиям никогда не обладали тонким слухом. Все это — на совести Фрейда! Если бы мы прислушались к Павлову...

Вы знаете, почему у окружденцев никогда не было шанса? Потому что эти бесчинствующие бароны захватили управлением и сделали генетиков субдепартаментом биологии, ответственным перед Социологией. Если бы Психология управляла скрещиванием, могли бы происходить удивительные вещи.

— Давайте лучше не будем обсуждать эти вещи, — предостерег его Халдейн. — Потому что они граничат с критиканством в адрес государства.

— Это привилегированная беседа, — весело отмахнулся Глендис, — а для меня государство — это Департамент Социологии.

— Если я правильно понимаю, вам нет дела до социологов?

— О, они все мне нравятся как индивиды. Некоторые из моих лучших друзей — социологи. Но как группа они стоят низко по шкале Крафта-Стенфорда, всего на две ступени выше нас, а наш ранг — пятый снизу.

Халдейн ухмыльнулся в ответ на эту откровенность:

— Если ваши две категории ранжируются так низко по шкале группового интеллекта, как получилось, что вы оказались первыми и вторыми в иерархии?

— Мы — социально мыслящие. Другие категории подобны овцам, которые щиплют траву в своем загоне, никогда не поднимая головы, чтобы заглянуть за изгородь. Например, вы, математики, — счастливые малюсенькие эмбрионы во чреве ваших собственных проблем. Вы не стремитесь к широте взгляда.

Мы, психологи, обладаем широтой взгляда, поэтому являемся исполнительными вице-президентами в деле обусловливания. Социологи — всего лишь администраторы. Нужда в обусловливателях будет всегда. Но как только этот процесс завершится, администраторы станут ненужными. Социологи отомрут.

Поскольку речь зашла об обществе через тысячи лет, Халдейн счел себя вправе возразить Глендису:

— Скажем, вы добились такого полного общественного порядка, при котором овцы пасутся под неусыпным оком психологов. Здесь есть одна маленькая ошибка. Абсолютное единобразие означает, что пастухи суть овцы. Не будет ни социологов, ни психологов. Как психолог вы должны присматриваться к индивиду, а не устанавливать общественный порядок.

Халдейн больше не был уверен в правильности своего первого, благоприятного впечатления от Глендиса. Ему не понравился яркий блеск в глазах молодого человека.

— И вы окажетесь у пульта управления, Глендис, управления чем?

— Полностью единообразным общественным порядком.

Халдейн медленно колотил кулаком по ладони, пытаясь упростить свою мысль настолько, чтобы она дошла до Глендиса:

— Если единообразие есть цель вашего обусловливания, и эта цель была поставлена социологами, то вас просто водят за нос. Вы отомрете в массовом порядке, тогда как администраторы все еще будут властствовать над вашим обусловливанием.

Он заметил проблеск сомнения в глазах Глендиса и усилил нажим:

— Ваша область — человек, а не все люди вместе. Ваша обязанность — помочь раскрытию индивида. В государстве, где все абсолютно подобны друг другу, нет нужды в справочнике Крафта-Стенфорда или людях, которые его составляют. Если нет различий, то нет и шкалы для их измерения.

Глендис, вы губите себя по воле манипуляторов, которые опытнее вас, по воле социологов.

Глендис слушал внимательно. С выражением озабоченности на лице он поднялся и положил руку на плечо Халдейна:

— Простите меня за издевку над вашей категорией. Я пошел на это, чтобы разозлить вас, не надеясь, что вы будете говорить со мной свободно, когда мы соотносимся как присяжный и обвиняемый. Видите ли, — он убрал руку и отступил на пару шагов, — я знаю, что ваш рейтинг высок, и мне нужна ваша помощь.

Он вернулся к стулу и сел, на этот раз его руки сжимали спинку стула.

— Вы понимаете, наша проблема заключена в социологах.

Возьмем, к примеру, их практику отвода в сторону человеческой энергии в этих домах терпимости. Бесстыдное использование первородного удовольствия, являющегося опиумом для народа. Закрой мы эти дома, какие умопомрачающие отклонения в поведении произошли бы, что за неврозы расцвели бы!

Подумайте о чувстве страха перед наказанием, которое породит одно только самовозбуждение. Какой урожай историй болезней пришлось бы нам собирать. За пять лет моей психологической практики, Халдейн, я столкнулся всего с одним случаем кожной сыпи, который можно было диагностировать как психосоматический. Ни одного язвенника. Ни одного алкоголика. Только самоубийцы. Самоубийств — масса, но никакого индивидуализма. Они выпрыгивают из окон. Они всегда выпрыгивают!

Глендис сложил руки на спинке стула и опустил на них голову. Он угрюмо уставился в никуда, не говоря ни слова. Халдейна охватило чувство вины.

Наконец Глендис поднял голову:

— Как-то я проводил беседу с одним пожилым экономистом, он был уклонистом, которого ожидал Тартар, но он ежился от одолевавшего его страха, что государство достигло окончательного синтеза крайней тезы и крайней антитезы. Это был несущий чепуху неврастеник, и мы мило, очень мило побеседовали. — Он громко вздохнул. — Таких психов больше нет.

Глендис предавался воспоминаниям о своем неврастенике, пока прилив его кровяного давления не отхлынул до нормальной отметки. Затем посмотрел на часы.

— Я должен бежать, Халдейн, но осталось несколько стандартных вопросов, которые я обязан задать. Вы готовы?

— Готов.

— Какой бейсбольной лиге вы прочите победу в мировом чемпионате?

— Никакой.

— У вас есть любимая команда?

— Может быть, «Иволги», либо Нью-Йоркские «Меты», либо «Храбрецы» из Канзас-Сити.

— Кто, по-вашему, победит в Калифорнийско-Стенфордской встрече в декабре?

— Не догадываюсь.

— У вас есть любимый вид спорта?

— Дзю-до.

— Что вам нравится больше, читать книгу или играть с парнями в кегли?

Халдейн нехотя стукнул кулаком по ладони:

— Вы меня озадачили. Здесь две переменные: книга и парни. Ответ зависит от них.

— Люблили вы отца больше, чем мать?

— Да.

Глендис поднял брови:

— У вас, кажется, совершенно нет сомнения.

— Я не знал своей матери. Помните?

— Ах да... Вот и все, что интересует Департамент Психологии. — Он встал и пожал Халдейну руку. — Я получил удовольствие от нашего маленького нелепого заседания. Вы дали мне пищу для размышлений... Кстати, полагаю, адвокат говорил вам, что ваше назначение на работу зависит от степени даруемого вам снисхождения. То, что я говорю, не для отчета, поскольку это не мое дело, но есть ли у вас соображения о том, что бы вы предпочитали делать?

— Черт побери, я не знаю, Глендис. Если говорить серьезно, я здорово взбудоражен. Чувствую, что для успокоения разума я должен буду заниматься чем-то тяжелым, не обязательно приятным. Может быть, я мог бы быть назначен механиком на один из звездолетов.

— Братец, вы сами подставляете шею!.. Хорошо, если у вас в полном смысле слова винтика не хватает, я вспомню, чего вы хотели, когда буду составлять рекомендацию для судьи... Всего хорошего, Халдейн. Завтра увидимся.

Пришедший ближе к вечеру Флекссон внимательно выслушал отчет Халдейна и не удивился, когда тот рассказал ему о предложенном Брандтом подкупе.

— Так уж они работают, — сказал он, — между департаментами огромное соперничество. Его предложение было деловым. Он не настаивает, если вы его не принимаете. Возможно, у вас был шанс сорваться с крючка, но вы не позаботились об этом, значит, таково ваше решение.

Может быть, он проверял вас, чтобы посмотреть, не предадите ли вы собственный департамент. Если это так, то ваш ответ был правильным, потому что преданность своему департаменту доказывает, что ваша обусловленность *bona fide* — неподдельна.

Больше всего меня беспокоит Глендис. Психологи всегда настороже, когда дело касается криминальных наклонностей, и тот факт, что между вами установилось взаимопонимание, ничего не значит. Если бы он действовал открыто враждебно, вы оставались бы немы, и он никогда не смог бы оценить вашу личность. Может быть, вы слишком много наговорили, когда упомянули корабли Тартара. Я не знаю.

Как бы там ни было, это уже позади. Если вы их обработали, мне удастся обработать судью.

Попытайтесь хорошенько отдохнуть за ночь, — закончил Флексон, — увидимся утром в суде. Я работаю над одной сногшибательной штуковиной, которая обеспечит благоприятные условия для заявления подсудимого о снисхождении. Если пожелаете, вы сможете свидетельствовать в свою собственную защиту, но не более чем отклонять пункты обвинения прокурора. А пока постарайтесь успокоиться. Полностью это вам не удастся, но у меня хорошие предчувствия о ходе предстоящего слушания.

Как ни странно, ночь Халдейн спал хорошо и долго не просыпался утром, пока его не разбудило выскочившее из подсознания воспоминание.

Он вспомнил, откуда знает имя Герлика. Его не было в ежегоднике Калифорнийского университета. Оно было в библиографии к прочитанной им книге по механике Фэрвэзера. Это имя было в числе тех пятнадцати человек на Земле, которые полностью понимают теорему об одновременности.

Человек, которому он пытался покровительствовать, как дряхлому педагогу, был гениальным математиком.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шел моросящий дождь, когда автомобиль, в котором Халдейна везли на суд, влился в поток уличного движения, круживший по Гражданской Площади. Он глядел на бездельников, сгрудившихся, словно промокшие цыплята, на скамейках, и завидовал всем этим людям, у которых достаточно здравого смысла, чтобы не метаться в поисках укрытия от непогоды.

На Гражданскую Площадь здание суда выходило открытым всем ветрам, парящим над площадью фасадом с тонкими дорических колоннами из розового пластирамора. С переулка, куда была загнана машина, оно походило на мавзолей с единственной узкой щелью в центре — входом для заключенных.

Флексон, ожидавший в приемной, пристроился сбоку к своему клиенту.

— Готовя речь о снисхождении, я благодаря одному из ваших листков наткнулся на идею и стал рыться в примитивной литературе. Взяв за основу нашпигованную иностранными словечками защиту Леопольда и Леба по делу Уоррена Хастингса, я подкрепил ее Иоганнесбургским Посланием Линкольна. Если вы убедили присяжных, я справлюсь с судьей.

Халдейн, которого не переставало беспокоить запоздалое раскрытие личности Герлика, не разделял энтузиазма Флексона. Образы могли создаваться обеими сторонами, и если Герлик не был рассеянным маразматиком, которого изображал перед ним, то приходилось отдавать предпочтение старику как гораздо более искусному актеру.

Большинство зрителей в зале суда имели отличительные эмблемы коммуникаторов. Среди них был и Хенрик, выбросивший свою костлявую руку в знак

пожелания удачи, когда Халдейн проходил мимо него по проходу между рядами.

— Ваш друг?

— Не совсем. Скорее доброжелатель. Он из «Обзервер».

— Она напечатала три статьи, все доброжелательные. Какой-то вздор слезливого братца.

— Он пытается подстелить мне соломку.

Зал судебных заседаний опускался под уклон к ровной площадке перед возвышением для судей, над которым господствовал вырезанный на деревянных панелях девиз: «Бог есть справедливость». Справа и слева из стен торчали небольшие трубы телевизионных камер, которые использовались во время судебных разбирательств, представляющих общественный интерес.

Как только они вошли в зал заседаний, конвой Халдейна — два дежурных чиновника — отстал, и Флексон повел его к одному из столов для юристов перед судейским возвышением.

— Прокурор, — сказал Флексон, — вон тот человек за столом слева, похожий на канюка. Это Франц III. Может быть, он попытается слегка поносить вас, чтобы компенсировать впечатление от рассказиков «Обзервер», но это что-то вроде сам режь — сам и ешь, пока не наскучит.

Он представит доказательства: показания Малкомма, ленту записи, медицинское заключение и напоследок — вероятнее всего, не без драматического эффекта — испорченный микрофон.

Я представлю заявление обвиняемого, чтобы вовлечь судебное разбирательство в слушание аргументов в пользу снисхождения. Затем сделаю свое собственное заявление, а вам останется сидеть и слушать.

Присяжные не дают показаний в случае преступлений против человечества. Они подают свое заключение прокурору и судье. Прокурор может отвести мое заявление или промолчать. Если он дает ему отвод, вы имеете право отвести его отвод, *viva voce* — устно — через меня, или в письменном виде. К письменным отводам обычно не прибегают, за исключени-

ем случаев, требующих технических решений, потому что связанная с ними затяжка времени может неблагоприятно повлиять на судью.

— Имя судьи — Малак, — говорил Флексон, — он страдает тем, что частенько клюет носом. Если мне удастся заставить его бодрствовать, считайте, что половина нашего сражения выиграна.

Халдейн тем временем заметил, что тонкошней Франц поднялся и бочком подбирается к ним.

Ухмыляясь, он подошел к Флексону:

— Советник, постарайтесь уложиться с вашим заявлением о снисхождении минуты в три. У меня нынче важная встреча во второй половине дня, и мне хотелось бы на нее попасть.

— Не беспокойтесь, прокурор, — заверил его Флексон. — Я уверен, вы не пропустите первый забег.

Пока два юриста были заняты поучительным спором о какой-то лошади в третьем забеге скачек в Бей-Медоуз, на возвышении для присяжных появился Брандт. Герлик был уже там и клевал носом на угловом сидении рядом с отцом Келли. Не было только Глендиса.

Когда Франц вернулся за свой стол, Халдейн полураздраженно сказал:

— Вы, законники, кажется, относитесь к суду не очень серьезно.

— Зачем бы нам относиться серьезно? — ухмыльнулся Флексон. — Здесь не наши хвосты развесиваются для просушки. — Затем, заметив обжигающий взгляд своего клиента, он добавил: — Не беспокойтесь. Мы умеем должным образом оценивать серьезность момента. Однако здесь, в самой процедуре судоговорения, которое разыгрывается в зале суда, есть определенная доля того, что называется «ты мне — я тебе», и у нас только что попросили чуточку «ты мне».

— Ого, что-то новенькое. — В голосе Флексона появились нотки заинтересованности, как только из двери за возвышением появился Глендис, раскланившийся со своими партнерами-присяжными.

— Что случилось?

— Псих был в кабинете судьи. Надеюсь, он заходил туда, только чтобы разбудить его.

— Это плохо?

— Не обязательно плохо, но это необычно. Он мог зайти, чтобы уточнить какой-нибудь пункт закона.

— Понятно, — сказал Халдейн, — он впервые выполняет обязанности присяжного.

— Это он вам сказал?

— Да.

— Он лгал, — грубо вымолвил Флексон. — Его специально назначают присяжным, потому что он — дока по криминогенному умственному развитию.

Чувствуя холод дурных предзнаменований, Халдейн повернулся к адвокату:

— Согласно букве кодекса чести, члены департаментов никогда не лгут.

— Всякая правда относительна. Ложь во благо общегосударственного дела есть правда в глазах государства.

— Вас этому учат в ваших юридических школах?

— Не в таких выражениях, но мы быстро постигаем суть. Мы с вами использовали точно такой же тактический ход против присяжных.

Действительно, подумал Халдейн, но дело было в целостности образа, который они с адвокатом создавали. Они вытягивали одни картины правды и приглушали другие, но никоим образом не извращали факты. Глендис лгал напропалую, Герлик — окольным путем.

Цепь его мыслей оборвал судебный пристав, на ходу прицеплявший наплечную лычку служащего суда. Он вышел из кабинета судьи, схватил молоток и трижды ударил по судейскому столу.

Присутствующие встали.

— Слушайте-е, слушайте-е, слушайте-е, судебное заседание начинается. Вы собрались здесь, в суде пятнадцатого округа префектуры Калифорния Союза Северной Америки Всемирного Государства для слушания судоговорения по делу Халдейна IV, М-5, 138270, 3/10/46 против народа Планеты Земля. Он обвиняется в том, что преднамеренно, без соответст-

вующей санкции предпринял геноисмещение. Председатель суда — Малак III. Суд идет. Всем встать.

Малак вышел из своего кабинета, облаченный в черную мантию и белый парик, его взгляд, окидывавший зал заседаний, был настороженным и властным. Какое-то мгновение он изучал Халдейна с пытливой серьезностью. Халдейн чувствовал, что такой человек не может уснуть за судейским столом.

Когда он опустился в кресло, зрители сели.

Малак дал слово прокурору для предъявления доказательств обвинения.

Казалось, Франц скучал, читая вслух показания Малколма, свидетельствовавшего, что он был уверен в противоправной любовной связи, имевшей место происходить в квартире его родителей, далее приводился адрес; прокурор представил их как вещественное доказательство А, воспринятое не более чем донос, но подтвердившееся последующим дознанием.

Медицинское заключение о состоянии Хиликс он представил как вещественное доказательство В.

Халдейн слушал беспристрастно, пока не началось представление вещественного доказательства С — ленты с записью его и Хиликс голосов, зафиксированных и переданных микрофоном.

Возможно, это было обдуманным деянием Франца, хотя могло быть и результатом технического несовершенства записи, но так или иначе, воспроизведение шло в замедленном темпе, и нервное напряжение его голоса и голоса Хиликс приобрело тональность размежленной расчетливости. Его голос основательно взвешивал приходившие в голову предложения с целью собрать воедино все, что можно предвидеть.

Затоплявшую его разум злобу рассеял шепот Флексона, прозвучавший облегченно и недоверчиво:

— Вы таки обвели вокруг пальца Глендиса, парень. Злосчастный микрофон он даже не предъявляет в качестве доказательства.

Затем он услыхал говорившего нараспев судью.

— Доказательства могут быть приняты. Есть ли у обвиняемого оправдательное возражение?

Флексон поднялся:

— Обвиняемый признает себя виновным, ваша честь.

— Желает ли защита представить прошение ответчика о снисхождении?

— Защита желает, ваша честь.

— Приступайте.

Как первый выступающий в судебном разбирательстве Флексон вышел вперед, став так, чтобы оказаться лицом и к судье, и к присяжным.

— Ваша честь, господа присяжные...

Сначала он говорил с остановками, как бы на ощупь, словно не был в себе уверен. Он рассказывал о первой встрече в Пойнт-Сю, о случайному стечении обстоятельств, в результате которых Хиликс была приглашена в дом Халдейна его отцом, почитаемым и ныне усопшим членом департамента. Его голос становился все выше, темп речи возрастал, и Флексон превратился в хор древнегреческого театра из одного певца, сплетающего воедино нити клубков жизней Халдейна и Хиликс с неумолимостью рока.

В продолжение остальной части речи голос Флексона обрел самообладание и глубину, и его звучание почти незаметно перемещало логическое ударение на юношу, наивного и непорочного, медленно затягиваемого в водоворот вихрями смертельной опасности, пока, уже погружаясь в него, он не попытался поменять галс, но дело было сделано.

— Преднамеренно? — Голос Флексона прокатился громом негодования и сразу же упал до шелеста дождя в безветренный день. — Не более преднамеренно, высокочтимые господа, чем вспышка утреннего луча солнца в капле росы на лепестке розы.

Халдейн чувствовал, что речь была несколько утирированной, но Флексон играл для невзыскательной публики, и играл хорошо. То там, то здесь раздававшийся треск стенографических аппаратов стал разрастаться, наполняя помещение, но потонул в приглушенном гуле едва сдерживаемых голосов.

Флексон уловил этот гул, и он вдохновил его на более высокую неподдельную патетику заранее отрепетированной риторики; адвокат повел аудиторию за

собой. Он создавал о Халдейне благоприятное впечатление, какого не могли бы создать все Хенрики Планеты Земля.

В глубине души Халдейн восхищался адвокатом, хотя желал бы для себя более глубокого и менее артистичного оправдания. Но на этой планете больше не было Кларенсов Дерроузов, и поэтому он аплодировал первенцу поколения Флексонов. Что бы ни дала впоследствии династия Флексона, ее основатель хорошо справлялся со своими обязанностями.

Только один человек в зале оставался равнодушным к аргументации адвоката — Франц. Он читал лежавший перед ним на столе документ, пока его не оторвал от него грохот аплодисментов, которые означали окончание речи Флексона, но быстро были подавлены судьей, и прокурор поднял взгляд.

Халдейн знал, что аплодисменты не были в порядке вещей, но если реакция зрителей отражает и чувства судьи, ему обеспечена наивысшая степень схождения.

— Есть что сказать обвинению?

Франц встал:

— Ваша честь, на основании доказательств, содержащихся в этом заключении присяжных, я снимаю обвинение в геносмешении, выдвинутое против Халдейна IV народом.

Радость Халдейна, повернувшегося к Флексону, подавило оцепенение на лице советника, уставившегося на прокурора.

— Это не хорошо?

— Что говорит защита? — спросил Малак.

В данный момент защита была занята.

— Конечно, это, может быть, и хорошо. Но это в высшей степени необычно, особенно для Франца. Он — коварная птица. Может быть, что-то новое в медицинском заключении.

— Но он говорил о заключении присяжных, — обратил Халдейн внимание на его ошибку.

— Верно. Но Глендис беседовал с девушкой. Он мог сделать дополнение к медицинскому заключению о силовом воздействии ее либидо, на что имеет право,

будучи квалифицированным психиатром, а такое дополнение должно представляться в заключении присяжных.

— Защита, проснитесь. — Малак терял судейскую уравновешенность.

Разум Халдейна обжег скрытый смысл слов Флексона, и его тревогу дополняло памятное замечание Глендиса о том, что Хиликс — лучший объект охотничьих угодий Беркли. Теоретизировал этот департаментский хлыщ или говорил, основываясь на собственном опыте?

Флексон был на ногах.

— Ваша честь, могу ли я просить о пятиминутной отсрочке для разъяснения положений закона обвиняемому?

— Что говорит обвинение?

Флексон повернулся так, чтобы заслонить подаваемые им знаки от сидящих на возвышении, и показывал один палец одной руки и четыре другой. Халдейн быстро расшифровал этот код, адресуемый юристу обвинения: если Франц гарантирует отсрочку, то увидит первый забег, если нет, Флексон будет канителить слушание до четвертого забега.

Франц безотлагательно промолвил речитативом:

— Согласен на отсрочку.

Флексон сел и начал поспешно расчерчивать в своем блокноте диаграмму.

— Вот ситуация с точки зрения закона. Если Франц знает, что девушка — нимфоманка, а я не заявляю протест, то вас отпускают домой. Государство предъявит девушке обвинение в преступлении против вас...

— Она не нимфоманка!

— ...но если я не заявляю протест, а девушка — полицейская голубка, то вас подвесят для просушки, потому что он может хлопнуть против вас обвинением в уклонизме...

— Она не голубка-провокатор!

— ...и пока я не опротестую непредъявленное обвинение — это заключение присяжных — во второй фазе оно так и останется непредъявленным, и мы не

будем иметь ни малейшего шанса выхватить еще тлеющий уголек из преисподней, который позволил бы разобраться в этой ловушке. Полиция никогда по собственной воле не признается в тайном сговоре.

— Хиликс не нимфоманиакальная голубка-проводникатор!

— Согласен! В этом и заключается красота маневра Франца. Он знает, что мы уверены, что она ни то и ни другое — полиция никогда не выпустит ее из своей голубятни. Но если я протестую, а она — нимфо, вы собираете манатки! Максимальным наказанием для вас будет ссылка на Плутон, потому что ее наказанием определяется и ваше, а она будет отгружена на Плутон ближайшей транспортной ракетой. Вы могли бы быть оправданы, но отправитесь вместе с ней, потому что уже заявили о вашей виновности.

— Я мог бы быть оправдан? — Халдейн был поражен коварством закона.

— Мужское правило Нотона гласит: любой мужчина, который в состоянии отличить право от лево или добро от зла, то есть любой нормальный мужчина не имеет никакого другого выхода, кроме как вступить в сношение с возбужденной бледной печенкой — это жargonный термин для нимфо у законников.

— Но почему Плутон? Почему государство не направляет туда проституток?

— Проститутки быстро стареют в каторжных поселениях. Их клиентами оказываются низкие, низменные, бесстыдные, испорченные дегенераты, которые как раз и являются подходящей свежатиной для нимфо-дьяволиц.

— Там не место нежносердечной девушке восемнадцатого века!

— Согласен, — сказал Флексон, — если в ней не развилась нежность к низким, низменным, бесстыдным, грязным, порочно-развратным дегенератам, но девушка — не моя клиентка.

— Будет у меня право навещать ее, если мне определят каторгу на Плутоне?

— Примерно по пять минут в неделю, но вам придется дожидаться свидания в длинной очереди... Ну, а если я не протестую, а он шлепает против вас обвинением в уклонизме, ваша защита должна будет строиться на том положении закона, что ложное толкование не обязательно является уклонением. Правда, вы оба конспирировались с целью извращения генетических кодов в личных целях, но не совершили явных действий, которые могли бы быть квалифицированы и подтверждены, как вмешательство в государственную политику. По очевидным причинам, вы никогда не выходили из этой квартиры вдвоем, так что открытого обструкционизма быть не могло.

Халдейн размышлял. Хиликс много читала. Любая девушки, читавшая Фрейда, должна была прочесть и своды законов о легкомысленных развлечениях. Она могла достаточно хорошо знать законы, чтобы прикинуться нимфоманкой и попытаться помочь ему, потому что любила его. Нет, он не может принять ее жертву.

— Давайте протестовать.

— Это не легко... Если ловушка расставлена, они вас поймают. Они даже не будут подвергать вас стерилизации по государственному указу, и это — вне всякого сомнения — будет Тартар... Как говорят в юридической школе, ликвидация по государственному указу поглощает стерилизацию по государственному указу... Мне ненавистна мысль упустить шанс нимфомании, даже если это означает дать ей возможность сорваться с крючка как провокатору.

Однако есть множество доказательств того, что она провокатор, а если я не протестую, то навсегда откажусь от шанса выяснить, в чем состоит ловушка. — Флексон явно зашел в тупик. — Она могла бы быть нимфо: уж слишком легко она забеременела. Это свидетельствует об амурной поспешности, алчности и стремлении утолить голод. И еще — во время чтения вашей рукописи меня не покидало ощущение, что ваш условный рефлекс разрушился знатоком этого дела, замыслившим заманить вас в ловушку. Кроме того,

она лгала вам, но эта ложь не указывает ни на нимфоманию, ни на связь с полицией.

— Вы хотите внушить мне мысль, что она — лгунья?

— Нет. Я определяю ее положение по отношению к закону. Тысяча правдивых высказываний не делает человека честным, но одна-единственная ложь, обретенная среди этой тысячи, клеймит его, с момента этой лжи и навсегда, как проклятого лжеца. Вы мой клиент, и я чувствую, — каким бы иным недостатком вы ни обладали, — что вы ведете себя честно, по крайней мере, в состоянии растерянности. Следовательно, я не могу считать вас лжецом.

— Я потерял нить ваших законно-причинных рассуждений.

— Чтобы проверить ваши записки, я пошел в библиотеку и заглянул в Полное собрание поэтических произведений Фэрвэзера I. Об этом четырехстрочном стихотворении с длинным названием девушки говорила правду, но вот «Жалоба приземленного звездного скитальца» оказалась на четвертой странице книги.

— Может быть, из ее книги она была вырвана?

— Она должна была знать об этом, если действительно читала так много, как вы говорите. Эта «Жалоба...» есть в любой антологии в публичной библиотеке.

Однако истекает время нашей отсрочки. Это ваш шанс, Халдейн. Если вы протестуете, а она нимфо, вам конец. Если не протестуете, а она — полицейская голубка, вам конец... Ну, кем она у нас будет, нимфо или провокатором?

Потрясенный сложностями закона и пораженный компьютерным умом Флексона, он сказал:

— Мужчина не может взять на себя принятие подобного решения, если речь идет о женщине, которую он любит... Вы мой адвокат, советник. Метните вашу монету!

— Лично меня прельщает шанс заглянуть в заключение присяжных. — Флексон поднялся на ноги. — Протестую, ваша честь, на том основании, что обвинение не предъявлено.

— Протест поддержан.
— Ваша честь, — сказал Франц, — отзовет ли защита протест, если заключение присяжных будет предъявлено?

— Что вы скажете, защита?
— Защита отзовет.

Внимательно наблюдавший Халдейн увидел свет улыбки на лице отца Келли XXXX, который сидел прямо позади Франца. Почти рефлекторно священник повернул лицо, и Халдейн понял: отец Келли XXXX готовится предстать перед телевизионными камерами. Этот жар кротости в его глазах говорил Халдейну, что Хиликс не была нимфоманьяком.

— Съемка разрешается... Суд удаляется на перерыв на тридцать минут, чтобы дать возможность защите ознакомиться с заключением присяжных.

— Что-то говорит мне, — сказал Флексон, — что я не сделал ошибки. Никогда не вредно немного наклониться вперед, принимая груз обвинений... Тем не менее мне следовало бы знать, что вы были в состоянии распознать нимфо.

Он встал и ушел в судейский кабинет, и дежурные чиновники сразу же шагнули вперед, чтобы встать по бокам возле Халдейна.

Трудно было поверить, что она, при всех ее ресурсах ума и привлекательности, могла быть тайным агентом полиции. Он чувствовал себя больным от одной этой мысли.

Но он мог исповедовать собственные эмоции. Опыт и логика должны были уже научить его, что кто угодно мог быть кем угодно. Вот Флексон был адвокатом.

Он сосредоточил внимание на прыгающей по кругу стрелке часов, находившихся на стене справа от судейского возвышения, и следил, как она заполняет время размежевано отпускаемыми секундами. Наконец он услышал позади себя шарканье ног возвращающихся зрителей, а из кабинета вышли Франц, Флексон и судья Малак. Деревянной походкой Флексон подошел к столу, и дежурные отступили. У него были остекленелые глаза. Он занял свое место рядом с

Халдейном, когда дежурные чиновники зашагали назад, а Малак сделал судебному приставу знак подняться на возвышение.

— Она была голубкой, — сказал Халдейн, — а я влип.

Флексон не смотрел на Халдейна. Он говорил сам с собой.

— Я голубок, — говорил он, — и мы влипли. Мое пятое судоговорение... Большинству адвокатов он даже не снился. Старине Флексону он выпал на пятом судоговорении. На моем пятом... на моем пятом... на МОЕМ ПЯТОМ!

Халдейн потряс его за плечо. Флексон был в шоке.

Его внимание отвлек от адвоката судебный пристав, завершивший свое «слушайте-е», — ..для слушания судоговорения по делу Халдейна IV, М-5, 138270, 3/10/46 против Всемирного Государства, обвиняемого в уклонизме.

Халдейн больше не обвинялся только в преступлении против человечества; он обвинялся в преступлении против государства.

Над телевизионными камерами замерцали красные лампочки, и Халдейн по опыту знал, что произойдет за пределами зала суда. Хриплые, дружески фамильярные споры в тавернах прекратятся. Разговоры и звон серебра по фарфору в общественных ресторанах умолкнут. Домохозяйки радостно прильнут к экранам, на которых прервутся их телевизионные сериалы.

Так же как пять веков назад собирались толпы у подножья Тайбернского холма, соберутся они и сейчас, но соберутся не для лицезрения нехитрого чародейства спрятавшегося под капюшоном человека, который раскрывает петлю для невинно приговоренного к смертной казни через повешение. Они будут трепетать от растягиваемого ужаса искусно продлеваемой агонии чувств предаваемого смертной казни через жизнь.

Судебный пристав называл по списку присяжных, и теперь Халдейн точно знал, что откликавшиеся на

вызов люди были не оценщиками особенностей его личности, а его палачами.

Немного раньше, когда он еще умственно соответствовал своему назначению, Флексон предположил, что Хиликс была «правдива», говоря, что стихотворение состояло всего из четырех строк. Халдейн следил за наступлением третьего ледникового периода в его мозгу, и как только услыхал похрустывание льда, он с интуитивной определенностью осознал, что эти четыре строки и были тем, что целиком представляли собой «Откровения с наивысшего места, с исправлениями». Остальные Хиликс присочинила, сидя напротив него за столом в Пойнт-Сю.

Она вживила эти строки, зная, что встретится с ним снова и воспользуется зароненными сомнениями, чтобы разрушить его преданность государству. Когда полиция его уводила, триумф и ликование в ее глазах были вызваны к жизни не экстазом разделемого с любимым мученичества, а удовольствием от успешного выполнения ее гнусного плана.

Как убийца преданности она преуспела даже больше, чем представляла себе, потому что умерла и его преданность ей. Возможно, как заключил Флексон, она и не была полицейской голубкой, но она предала его и теперь она была мертва, покоялась на своем смертном ложе, и холодные ветры уже начали выть над могилой, в которой он похоронил ее.

Хиликс ушла. Отец умер. А Флексон был в шоке.

Его понесет звездолет, но не как механика лазерного отделения, а как груз в один конец при очередном рейсе на Тартар.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как член старшего департамента и старшина присяжных, Брандт, социолог, давал показания первым.

Он явно предвидел направление хода судебного разбирательства, потому что сделал определенные приготовления. Судебный пристав расставил позади

него демонстрационную треногу, на которой была вывешена большая диаграмма. Брандт повернул ее таким образом, чтобы она была частично видна судье и присяжным, но к телевизионным камерам она была поставлена лоб в лоб.

— Ваша честь, авансом прошу снисхождения за сжатость моего сообщения, которое основывается на чисто сексосоциальном профиле ответчика, полученным в результате рассмотрения транзитивных феноменов посредством проецирования общей характеристики ответчика в соотнесении с группой равных, к которой он принадлежит, на некоторую вертикальную плоскость, большей частью методами курсорной оценки, потому что в данном измерении мои уважаемые коллеги дадут, я уверен, более адекватно обработанный материал, в отличие от оценки социоэкономических группировок, окружающих группу равных ему и соотнесенных с нею на определенном горизонтальном уровне, содержащей, и здесь нет намерения играть словами, доступные для верификации объективные эмпирические данные, которые пригодны для строго направленного сердцевинно-сквозного анализа в сексосоциологических областях, поскольку мои департаментские обязанности держат меня под постоянным прессом; поэтому я должен просить извинения не только за сжатость сообщения, а также выразить надежду на вашу, ваша честь, терпимость к субъективному анализу в глубь представленных в горизонтальном направлении факторов, но и попросить освободить меня от необходимости присутствовать на заседании после окончания моего сообщения.

— Просьба удовлетворена, — сказал судья Малак. — Продолжайте.

Халдейн не понял, просьба о чем удовлетворена, и, полагая, что слушал невнимательно, решил сосредоточиться на том, что говорит социолог.

— В ракурсе сексосоциального поведения, помимо развлекательных ценностей, холостой студент практикует некую форму поиска своего статуса в пределах группы равных, так же как между группами равных, как особо подчеркивается в монументаль-

ном исследовании этого предмета Мерком, Болтеном и Фрингом, которым мне хотелось бы выразить свою признательность. Я построил диаграмму, демонстрирующую кривую Гроссингера для шести представительных групп, выбранных не случайно и ранжированных от студентов-теологов, здесь... — Брандт подошел и показал на малюсенькую полоску на диаграмме, простиравшуюся на два-три сантиметра от базисной вертикали диаграммы, общий размер которой был едва ли не метровым, — ...до студентов инженерно-механической специализации, здесь, — инженеры-механики вызвали в аудитории свист удивления. Их диаграммная полоса доходила почти до края демонстрационного плаката. Пятью сантиметрами ниже, по соседству с последней, я отметил студентов-математиков.

Взглянув на полосу, Халдейн почувствовал досаду от обиды за свой департамент. Он выглядел впечатляюще, но все же был вторым. Как только ребята-математики узнают, что они вторые, немедленно постараются приложить больше упорства.

— Два экстремума, студенты инженерно-механической специализации и студенты-теологи, позволяют установить некий средний для всех студентов критерий, которым не принимаются в расчет летние каникулы и статистически отбрасываемые такие аномальные отклонения, как самостимуляция, взаимосопричастность и отдельные случаи самопринуждения к целибату, которые имеют место быть даже среди студентов-математиков и инженеров-механиков, тяготеющих к теологии, как обратная форма поиска статуса. Но, ваша честь, эта общая характеристика поведенческого ракурса мало что значит, если не иметь в виду, что она является прелюдией к более знаменательному или, точнее, поразительному анализу этого предмета в отношении группы равных ответчика, но особенно в отношении самого ответчика. Ваша честь, из уважения к суду, я должен признаться в некоторой доле благоговейного страха перед сексосоциологическим профилем, подвергнутым анализу в рамках группы равных за 1967 и 1968 годы, самого

ответчика. С разрешения суда позвольте представить вашему вниманию сексосоциологический профиль Халдейна IV!

Жестом, претендующим на драматизм, он протянул руку и сорвал плакат с обзорной характеристикой; под ним оказался другой, представляющий некое подобие графика, на котором красная линия Халдейна IV выглядела весьма внушительной по сравнению с голубой его собратьев-математиков и ярко-фиолетовой студентов инженерно-механической специализации.

— Ваша честь, я хочу обратить внимание суда на то, что поскольку данный показатель базировался исключительно на статистике по дому развлечений в Беркли, департаментом была взята в расчет возможность социальной мобильности и подготовлено досье ответчика, в которое включены фотодокументация мобильности и детальный анализ его технических приемов, в том числе одного *modus operandi*, то есть способа действия, существо которого состояло в надевании наручного секундомера для фиксации продолжительности периода «стимул-реакция» его соучастниц и использовании своеобразного кругового движения, известного в городке Калифорнийского университета под названием «палочки для коктейлей Халдейна», данные о котором получены посредством совершенно бесспорной идентификации, без фотодокументации, но на обширной территории, простирающейся в северном направлении до Сисайда, Орегона и в южном направлении — до Писмо-Бич.

Указывая на график, Брандт продолжал:

— Если вы, ваша честь, пожелаете обратить внимание, то заметите, что график подразделяется на три временных периода: 1967, 1968 и 1969 годы. За периоды 1967 года, когда он был первокурсником, и 1968 года, второго года его пребывания в университете, ответчик единолично поднял рейтинг целиком всей своей категории на 0,08 процента. Далее, ваша честь, обратите внимание на то, что обе линии, и фиолетовая инженеров-механиков, и голубая его группы равных, но без него, продолжаются за март

месяц текущего года, тогда как красная линия Халдейна IV обрывается 5 сентября 1969 года, то есть точно в день его случайной встречи с тогда еще девственной и сверхкатегорийной студенткой Хиликс, содержащейся в настоящее время под стражей, и состояние которой, беременность, подтверждается вещественным доказательством В, подшитым к делу секретариатом...

— Он вас подвешивает им на растерзание, — пропстонал Флекссон.

Халдейн знал, что он подвешен. Брандт молол вздор, заняв придаточными предложениями львиную долю получасового выступления, чтобы выявить такие внутренние импульсы, которые было бы невозможно сублимировать в создании компьютера какой угодно сложности, но которые необходимо было расходовать в развлечениях с Хиликс.

Затем Франц вызвал для дачи показаний Герлика.

Хотя у него и не было с собой никакого демонстрационного реквизита, старик с трудом добрался до свидетельской трибуны, но преодолел всю дистанцию без посторонней помощи. Когда он заговорил, подетски высокий диксант казался каким-то свистом перед микрофоном, но голос доносился отчетливо.

— Успокоив мозг юноши простым вопросом об отце, которого я немного знал по профессиональным взаимоотношениям, я стал зондировать его глубинные залежи.

Судья, если вы посмотрите седьмую строку на странице 83 этого заключения присяжных, то найдете, какое именно замечание сделал юноша: «Я, быть может, плохой пророк, но на следующем шаге пробьют световой барьер».

Человек, память которого настолько слаба, что он посыпает поклоны давно умершему, на память цитировал, точно указывая строку названной им страницы заключения присяжных.

— Ни один на сотню тысяч не мог бы сказать «световой барьер». Это как раз то, что далеко не общеизвестно, но именно то, о чём говорил Фэрвезер, и этот молодой жеребец об этом знает. Обычно ис-

пользуется термин «временной барьер», потому что так это называется в Теории Одновременности, но фэрвэзерова механика утверждает, что время и свет для теоретических целей суть одно и то же явление, происходящее в разных средах.

Так что, судья, я могу говорить без опасения быть пойманым на слове, потому что мой язык — не тот, на котором говорят в вашем мире, и если вы, оказавшись в вашем мире, перескажете то, что говорю я, вас не поймут и поэтому не вспомнят обо мне; но я говорю вам, ваша честь, на уме у этого мальчишки отрицательный свет, а вы не в состоянии мыслить в нечеловеческих понятиях, не обладая внечеловеческими концептуальными способностями. Это означает, что он — такой же выдающийся мыслитель, как и я, и это мне не нравится!

Теперь я обращаюсь к нему, и он знает, о чем я говорю, потому что для него тот факт, что отрицательный свет есть лишь иное название для понятия отрицательного времени, является непреложным, и если Фэрвэзер был прав, то прав и он.

Отсюда следует, что этот мальчишка — грешник. Что еще хуже, он — теоретик-прагматик! Он намекал мне, что хочет получить койку на одном из кораблей Тартара. Не работы ищет этот простак. Он хочет иметь лабораторию.

По моим наблюдениям, ваша честь, такие грешники не раскаиваются в грехах, прося отеческого помилования. Они раскаиваются, лишь будучи схвачены. Это притворные угрызения совести!

Этот парень тоже ни в чем не раскаивается. Он намеревается провести небольшую коррекцию допущенной им ошибки. Он собирается попробовать снова. Он знает, что я имею в виду!

Халдейн знал это слишком хорошо. Необозримая и хранимая им в тайне идея, которая осенила его спокойный оледенелый ум, обещая освобождение, была приколота кнопками к демонстрационной доске старика.

— А в разговоре с Брандтом, страница 76, строка 22, он сказал: «Я не Фэрвезер, я не буду строить вашего папу».

— Я думал, эти разговоры не подлежат огласке, — прошептал Халдейн.

— Так оно и есть. Они не фиксируются монитором. Даже сейчас он не имеет права зачитывать их вслух. Но он цитирует по памяти.

Старик говорил бессвязно:

— Вы бы не стали подобным образом высказываться о государственном герое, если бы не чувствовали себя ему равным...

— Я предостерегал вас в отношении Иисуса, но не мог же я предупредить каждый ваш окаянный поступок.

— ...Этот электронный Шекспир, которому, как он говорил, он уделял свое свободное время, стал бы воспроизведением мозга, более сложного, чем мозг любого Папы, и он должен был сделать его за восемь лет, если собирался выпрыгнуть из своего загона к этой молодой кобылке до заката ее способности жеребиться, а у Фервезера на постройку Папы ушло тридцать лет.

Я думаю, он смог бы с этим справиться! Судья, сейчас я рискую быть удаленным из зала, но я говорю, что этот молодчик заполучил мозг, в котором практическая аморальность в сочетании с потенциально возможным бессмертием может повести себя так, что завладеет и моим и вашим делом, поэтому я рекомендую подвергнуть этот мозг глубокому замораживанию.

Как только Герлик, с трудом и прихрамывая, покинул трибуну для свидетельских показаний, держа курс за кулисы, отец Келли рванулся вперед, настроил свой профиль на телевизионные камеры и приступил к даче показаний, гораздо менее сокрушительных, чем его предшественников. Даже по поводу утверждения Халдейна о том, что Бог есть любовь, он уклонился от сути вопроса.

— Этот образчик софистики, — сказал священник, — свидетельствует, что ответчик ополчился на

краеугольный камень Церкви. Не будь концепции Бога, как справедливости, и сопутствующей этой концепции непреклонности, которую Святой Дух проявляет через строгое управление порядком, был бы воскрешен Фрейд, проповедовался бы Дарвин, а Дарроу трепал бы зубами наши рясы.

Келли закончил выступление на ноте кротости. Он будет молиться, чтобы душе Халдейна IV была дарована справедливость.

Глендис, молодой департаментский деятель, выходил для дачи показаний решительным шагом, словно гладиатор на арену.

— Ваша честь, до беседы с ответчиком я провел большую подготовительную работу с намерением установить атмосферу сопереживания. Полагая, что субъект, видимо, атавистичен, я ознакомился со стандартным текстом Бута Таркингтона «Семнадцать», определяющим отклонения личности, обозначавшиеся у древних термином «быть влюбленным».

Надеясь, что объект либидинальной фиксации субъекта может пролить свет на его личность, я провел беседу с объектом. Она передала со мной замаскированное сообщение субъекту, которое, по существу, заключалось в том, что ему для успокоения следует читать сонеты некоей Э. Браунинг, поэтессы, которые отличались чрезмерной сентиментальностью даже в ее эпоху, характеризовавшуюся новой волной сверхсентиментальности. Когда сообщение было передано, глаза субъекта засияли и вся манера его поведения выражала ощущение счастья.

Обладая утонченной проницательностью, я понял, что атмосфера сопереживания установилась и атавизм раскрыт.

Использовавшиеся в дальнейшем приемы снискания расположения составляют основу психологии полицейских допросов; я создал впечатление, что, возможно, наказание за геносмешение чрезмерно жестоко, поскольку существует вероятность того, что продукты антисоциальных рождений могут оказаться социально полезными.

Почувствовав союзника, субъект стал демонстрировать, что теория селективной евгеники математически некорректна и что причиной ее успехов могут быть факторы окружающей среды.

Я с удовольствием обращаю внимание суда на то, что теория психологического воздействия окружающей среды объявлена еретической.

Флексон отреагировал автоматически:

— Протест!
— Принят, — властно изрек Малак, — ересь не имеет отношения к делу.

— Установив предрасположение субъекта, — продолжал Глендис, — я обратился к стимуляции озлобления и возбудил идеоаггрессивность, издеваясь над его категорией. Ответная реакция была издевкой над моей категорией за ее неудачи в развитии личности индивида, обнаружившая таким образом подсознательное возобладание его эгоизма над обусловленной реакцией, или индивидуализма над величайшим благом для величайшего большинства. Это дает мне неоспоримое право обратить внимание суда на то, что такую мысль нельзя считать неаристотелевой или антипавловской. Это не что иное, как пропаганда Фрейда!

На этой стадии беседы я обронил замечание об отклонениях от нормы социального психопата. По обзорным отчетам других присяжных я обратил внимание на его озабоченность личностью нашего знаменитого героя, Фэрвэзера I.

Его интерес к идеям Фэрвэзера I я отнес бы на счет юношеского увлечения, характерного для его категории; но антипатия к самому государственному герою указывает на наличие у ответчика садомазохистической связи типа «любовь-ненависть».

Этот человек искал личного бога! Он отвергает социально признанное почитание Иисуса лишь на том основании, что оно социально принято. Он отвергает Фэрвэзера I лишь потому, что он стал государственным героем. Этому человеку нужен не единий, не победоносный, не конформистский, не государством признанный бог.

Слушая, Халдейн ощущал яростный, морозящий волна над ледяными просторами своего мозга. Это не полицейская конспирация, а гнусная ловушка, устроенная государственными чиновниками. Его заманивали в нее. Даже большая часть брошенных вскользь замечаний его присяжных были приманками для этого капкана, и этот, натасканный на вкусе влажной крови, рыбогубый парень, такой безобидный на первый взгляд, просто мастер искушения.

— Ответ на стандартный вопрос об Американской Национальной Лиге, естественно, был отрицательным. Он показал полную индифферентность к коллективным видам спорта и двусмысленно выразился по поводу групповых развлечений, что вполне подтверждается и данными, собранными без углубленного анализа Департаментом Социологии. Но он проявил очень большой интерес к индивидуалистическому, обостренно-конкурентному, самовозвеличивающему виду спорта, дзю-до.

Ваша честь, окончательное раскрытие антисоциальной ориентации субъекта выявилось при его ответе на вопрос о месте работы: он хочет работать на кораблях Тартара!

Сэр, были потрачены миллионы на то, чтобы создать в уме субъекта нервно-психическую тартарофобию, а этот жеребец... это прошло мимо внимания субъекта. — Глендис задржал от не внушающего доверия негодования и воздел свою рыбью физиономию к своему макрелевому богу, моля его засвидетельствовать эту мерзость.

— И тут я спросил себя, ваша честь, если государство потерпело неудачу в этой главной области обучения субъекта основополагающим принципам, в каком числе других, менее важных областей могли иметь место неудачи?

Оказалось, что это не просто атавизм. Я собрал его профиль-характеристику и загрузил данные в департаментский анализатор личности.

Ваша честь, из 153 пунктов, указывающих на Синдром Фэрвэзера, у субъекта набралось 151. Для вы-

несения этого диагноза достаточно простого большинства.

Бомба замедленного действия не взорвалась, но она продолжает тикать. Это не психоз, потому что явное проявление действия места не имело, но здесь, — он показал пальцем на Халдейна, — сидит вполне зрелый Синдром Фэрвэзера. Департамент Психологии можно поздравить с его выявлением.

Он отвернулся от Халдейна и обратился к судье:

— Внешне ответчик располагал к себе, был чистосердечен, говорил убедительно; не обладай я натренированностью, которую дал мне мой департамент, этот социопсихический гений скитался бы по солнечной системе, не подвергнувшись надлежащей проверке. Мое первое подозрение вызвал один его чисто реактивный жест, на который другие не обратили внимания, его привычка с размаху колотить кулаком по раскрытой ладони, указывающая на сублимированную агрессивность.

Пусть мое заявление от имени департамента будет присовокуплено к протоколу суда.

Как только судья провозгласил:

— Секретарь, присовокупите. — И победоносный Глендис отправился на свое место рядом с остальными присяжными, Халдейн повернулся к Флексону:

— Вопрос, советник. Если Фэрвэзер такой пария, почему ему позволили создавать Папу?

— Синдром назван не по имени математика, — сказал Флексон. — Это название он унаследовал от его сына, Фэрвэзера II.

— Кем был Фэрвэзер II?

— Революционером с безумным взором, который организовал армию из диссидентов-профессионалов и пролов, чтобы сокрушить государство. Можете себе представить, что за деятель это был! Прежде чем вас сцепали, вы заполучили всего лишь девушку и одного глупого адвоката.

— Я никогда не читал об этом в исторических книгах.

— Вы думаете, государство стало бы публиковать руководство для революционеров? Единственные лю-

ди, которым это известно, те, кто стоит на страже, противостоя этому, люди вроде адвокатов, социологов, психологов... некоторых то есть адвокатов!

На этом деле с Флексонами покончено. Синдром Фэрвэзера не защищают, о нем рапортуют! — он опустил голову на руки. — Девяносто девять процентов адвокатов проходят свой жизненный путь, даже не слыхав о нем, а я столкнулся с ним на своем пятом говорении.

Какой-то участок мозга Халдейна симпатизировал этому находившемуся подле него жалкому человеку, но любопытство отвлекало его внимание не только от Флексона, но и от собственной персоны, и он спросил:

— Что стало с армией?

— Была разгромлена! Отец Фэрвэзера дознался и донес в полицию. Они ждали, пока он начнет. Восставшие на неделю захватили Москву, взорвали несколько энергетических станций в Америке, разградили Буэнос-Айрес, но со всем этим было покончено в считанные дни.

— От этого осталась только одна хорошая вещь. Личность Фэрвэзера, до того, как его увезли на Тартар, была подвергнута анализу, так что государство всегда под охраной, поскольку каждый.. кроме то есть меня.

Голос судебного пристава оборвал размышления Халдейна:

— Поднимется ли ответчик?

Халдейн встал.

Судья Малак наклонился вперед и с любопытством изучал Халдейна, как если бы хотел запечатлеть в своем мозгу черты лица того, кто обладает ужасным синдромом.

Когда судья заговорил, он выглядел беспристрастным:

— Ввиду полученных судом данных, Халдейн IV, его решение обязательно будет вынесено не в вашу пользу. Однако я откладываю вынесение приговора, чтобы дать вам время для апелляции, до 2 часов пополудни завтрашнего дня и оставляю вас на попе-

чение Церкви, пусть Господь Бог отнесется по справедливости к вашему заявлению о снисхождении.

Халдейн сел, а вокруг него уже поднималось шарканье ног покидающих зал зрителей, гасли лампочки телекамер, и его обступили дежурные чиновники. Повернувшись к сидевшему с одеревенелым лицом Флексону, он спросил:

— Что это за суд, к которому мы апеллируем?

Флексон поднялся, сунул под мышку свою складную папку и сказал:

— Это не мы. Это вы, хотя Небу известно, что это и мой последний шанс. И вы апеллируете не к суду. Вы апеллируете прямо к Господу Богу.

Он повернулся и пошел без обычного для него проворства, и Халдейн с грустью следил за исчезающей в толпе спиной первого и последнего из династии Флексонов.

Франц, как он заметил, уже был у самого выхода. Он успевал к первому забегу в Бей-Медоуз.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Развернувшись по широкой дуге над Бишопом и западной кромкой гор Иньо и совершив замысловатый вираж, они приближались к Маунт-Уайтни с юго-востока, почти под прямым углом спланировав в Долину Смерти, расстилавшуюся теперь под ними в массиве Сьерр.

Сидя в переднем кресле самолета между отцом Келли и дежурным чиновником, Халдейн внимательно вглядывался в стену гранита перед собой, покрытую растительностью по берегам ручейков, сбегавших со снежных полей. Ледниковые отложения Панаминта и дюны Долины Смерти, лежавшие под ними, очерчивали заброшенный проход к Божьему Граду.

— Это здесь, — прошептал священник в благоговейном страхе.

Халдейн разделял его чувства. Они скользили достаточно низко и были уже совсем близко, чтобы

ощутить громадность горы, на которую взгромоздился собор, ставший обителю машины, которую люди называли Папой.

Плывущие подобно бабочкам с распластанными крыльями, слетающимися со всех сторон к единственному цветку, вокруг них замаячили белые корабли паломников, но черный самолет, несущий Халдейна, не менял коридор своего полета. Ходатаи за возможностью ускользнуть от ужасов Тартара обладали приоритетом перед паломниками, возносящими хвалу; Божий Суд вершился без промедления.

К западу от собора было посадочное поле, выдолбленное в цельном граните, на которое опустился их самолет. Оно немногим превышало футбольное поле максимальных размеров и было заставлено кораблями паломников.

Оставив своего пленника дежурному, отец Келли выпрыгнул из самолета и приник к земле, став на колени, обратив лицо к собору, опустив веки и бормоча латинские фразы. Халдейн и дежурный выползли наружу, как только священник закончил молитву словами:

— *Mea culpa, mea culpa: Haldanus maxima culpas* — Мой грех, мой грех: Халдейна величайшие грехи.

Дежурный чиновник торопливо осенил себя арбалетным знамением, но остался стоять, не сводя глаз с Халдейна. Халдейн не делал ничего. Он считал собор не обителю Бога, а монументальным памятником родительскому чувству вины.

Отец Келли поднялся:

— Следуйте за мной, сын мой.

Прибывшее трио совершило долгое восхождение по ступеням. Они шагали мимо ожидавших очереди паломников, которые глядели на черную униформу Халдейна враждебно, потому что он шел впереди них без очереди.

В дверном проходе их встретил одетый в серую сутану с капюшоном монах ордена Серых Братьев. Он почтительно приветствовал отца Келли, и они побеседовали приглушенным шепотом. Все, что смог

уловить в их речи Халдейн, было: «Deux ex machina — Бог из машины», но он видел, как отец Келли пронянул монаху карту с индекс-отверстиями.

Монах взял карту и быстро растворился в полу-мраке здания.

Отец Келли повернулся к Халдейну:

— Брат Джонс введет копию стенограммы вашего судебного разбирательства, которая будет настроена на ваше досье, находящееся в памяти Папы. Он справится с этим, пока мы дойдем до алтаря. Пойдемте.

Внутри было прохладно, освещение тускло, а воздух тяжел от избытка кислорода. Поглядев вверх, Халдейн едва различил потолок, настолько высок был собор.

Медленно, приоравливаясь к шагу отца Келли, Халдейн и дежурный двигались следом за ним по длинному нефу к аспиде и высокому алтарю, на котором находился Папа.

Священник остановился на трансепте:

— Предписывается, чтобы вы делали свое заявление без моего посредничества. Станьте на колени. Говорите, обратившись прямо к алтарю, голосом нормального тона. Сообщите Папе свое имя и генеалогическое обозначение. Просите его пересмотреть полученные судом данные по вашему делу. Скажите, что вы ищете всего лишь справедливости. Заявите о любых обстоятельствах, которые могли бы, по вашему мнению, смягчить вину. К Папе принято обращаться: «Ваше превосходительство».

— И будьте кратки, — предупредил отец Келли, — потому что аудиенции ждут и другие.

Направляясь к коврику для коленопреклонений, Халдейн ощущал трепет сильного любопытства. Вне зависимости от мотивов, которыми руководствовался его создатель, этот компьютер был самой совершенной машиной из когда-либо изобретенных. Не было необходимости в уходе за ней, потому что она сама ликвидировала свои неисправности. Она отвечала на устную речь на языке обращавшегося к ней, и до Халдейна доходили слухи, весьма, правда, сомнитель-

ные, что, если к ней обращались на поросячей латыни, она отвечала на поросячей латыни.

Ее решение окончательно. Были известны случаи освобождения от ответственности убийц и разрешения уклонистам выйти из собора с очищенными от обвинения протоколами.

Он прошел через предписанный отцом Келли ритуал и завершил его заявлением всего одного пункта:

— Я прошу не справедливости, но милосердия и отдаюсь на суд во имя Нашего Спасителя. Я любил ближнего любовью, которая была выше понимания моих братьев во Иисусе.

Внезапно из алтаря раздался мощный голос, звучавший неестественно и механически резонансно, но и с огромной теплотой:

— Эта любовь была к Хиликс?

— Да, ваше превосходительство.

Наступила тишина, в которой слышалось низкое мурлыканье генераторов, и в этой тишине надежда вспыхнула в уме Халдейна и осветила мозг невиданным великолепием.

Этот голос был слишком теплым, чтобы осудить невиновного, слишком добрым, чтобы оторвать его от теплой, зеленой матери-планеты и зашвырнуть на замороженные пустоши Тартара. Халдейн наклонился вперед в ожидании слов, которые сделают его свободным, восстановят Хиликс в ее профессии и вернут Флексону его династическую линию.

И слова пришли:

— Решение суда верно, и во всех отношениях; таков окончательный Божий приговор.

Это был стрекочущий и клацающий, безысходный и безвозвратный конец. Халдейн был так шокирован, что не мог подняться с колен и оставался на молитвенном коврике, пока дежурный чиновник и священник рывком не поставили его на ноги.

Изменилась даже акустика, когда Папа выдавал эту буллу, и слова раскатывались по огромному помещению. Ошеломленный, шагая между священником и дежурным, Халдейн вышел на яркий солнечный свет и разреженный воздух горной вершины. Как

только гипнотическое влияние Папы осталось позади, он почувствовал себя обманутым, и в нем заклокотала дикая ярость. Он обратился к не ожидавшему этого священнику:

— Если это нагромождение транзисторов, состряпанное моральным идиотом, есть Бог, то я отвергаю Бога и все его деяния.

Отец Келли в ужасе повернулся к нему, и его обычно набожные глаза пылали гневом:

— Это богохульство!

— Действительно, — согласился Халдейн, — и что же Департамент Церкви может с этим поделать, приговорить меня к аду вместо Тартара?

Ироническая логика Халдейна поразила священника своей правдивостью, он вскинул голову, и правдивость восторжествовала на его лице:

— Да, сын мой, здесь нет для вас Бога. Вы будете ощущать его отсутствие каждую долгую, как час, минуту, каждый долгий, как месяц, час, в течение медленных, тянувшихся целую вечность месяцев в вашей загробной жизни на безбожном Тартаре, и вы будете страдать, и страдать, и страдать.

Они возвратились в Сан-Франциско до полудня. После ленча Халдейн вновь был доставлен в суд и удивился, обнаружив, что зал судебных заседаний заполнен больше, чем днем раньше. Красные лампочки уже зажглись над телевизионными камерами, присяжные уже были на своих местах, а воздух помещения был напоен предвкушением.

Отсутствовал только Флексон. По причине, как полагал Халдейн, какого-нибудь нового назначения, возможно, мытья коридоров в здании суда.

Халдейн решил, что вынесение приговора даст разрядку напряжению, потому что теперь уже известно, что его апелляция отклонена, но внезапно вспомнил, что вынесение приговора всегда играло роль занесенного кинжала. Это был миг, который превращал народы мира в единый народ на его всенародном празднестве. В этом был свист топора заплечных дел мас-

тера, хруст ломаемой шеи, кульминационный накал судебного разбирательства. Они пришли поглазеть на его гибель под гнетом этого напряжения, как он сам не раз глазел, когда на телевизионном экране разворачивался судебный процесс по делу какого-нибудь уклониста.

Обычно, как он помнил, эти спектакли начинались показом раболепного, подобострастного смирения осужденного, который благодарил каждого за прекрасно проведенное судебное разбирательство, частенько тряс руку отдельным присяжным, а потом разражался истерическим лепетом, моля о помиловании, о котором не могло быть и речи. Напряжение достигало наивысшей точки, когда преступник бросался на пол, расстилаясь лицом перед судейским возвышением, целуя край судейской мантии, хныча, стеная или падая в глубокий обморок. Таков был стандартный тон, и обычно он выдерживался; не считалось хорошим томом и не удовлетворяло публику, когда преступники падали в обморок преждевременно.

Эти вещи были хлебом и зрелищами для черни и весьма действенным наглядным уроком, которым департаменты исполнительной власти государства били на то, чтобы дать народу прочувствовать ужасы, ожидающие уклониста.

Внезапно он вспомнил о Фэрвэзере II. Несомненно, этот разум, втайне и в одиночку почти опрокинувший сестер рока, не ежился от страха перед этим тяжелым испытанием, а у него, Халдейна, одинаковые с Фэрвэзером II особенности личности. Гордое желание не нарушать традицию воспламенило порох его гнева, и решение отразилось взрывом в мозгу Халдейна.

Он преподаст черни совсем иной урок.

Как и в прошлый раз, судебный пристав монотонным голосом поднял присутствующих на ноги, вошел судья и в театрально-торжественном исполнении отца Келли речитативом прозвучало решение Папы.

Малак сказал:

— Не могли бы вы встать, осужденный?

Халдейн встал.

— Если осужденный желает, до вынесения приговора он может обратиться к суду, прокурору и присяжным. — Отеческий тон Малака вибрировал рвением.

Наступил момент попытаться повилять хвостом перед присяжными. Настало время склониться в почтительном поклоне и поканочить о помиловании. Он начал ровным голосом:

— Я был рожден для почетной профессии математика, четвертым в династии Халдейнов. Если бы все шло по плану, я решал бы назначенные мне задачи, женился бы на подходящей мне женщине и умер бы в почете, как умер мой отец, и его отец, и отец его отца.

Он сделал паузу. Сказанное было достаточно банально и вполне походило на покаяние.

— Затем я встретил женщину; то, что оберегало в ней общество, было запретно для меня, но в моих глазах она обладала красотой, которую я не в силах описать словами. Когда я оказывался рядом с ней, старый мир внезапно становился молодым, из ее обаяния я сплел полог волшебного очарования, и под этим пологом я наблюдал прекрасные виденья и научился многим премудростям, нашел Священный Грааль и прикоснулся к философскому камню.

Поймите же меня. В своей невинности я сам сплел этот волшебный полог. В моем неведенье я сам дудел на дудочке, которая привела меня к роковому концу.

Эта женщина вознесла меня на ту высочайшую вершину самосознания и самозабвения, которую одни называют «озарением», а другие — «романтической любовью».

Если я пил из этого кубка цикуту, полагая, что глотаю эликсир, так ведь я сам подносил его к губам. И если песня, которую пела мне моя любимая, была обольстительной песней Цирцеи, то я бы снова и снова слушал эту песню, потому что она была проникновенно прелестной.

И пусть известно будет суду, я не отвергаю эту женщину.

Так довелось мне осмыслить самоу сущность свою, потому именно мое осознание самого себя, как индивида, а не любовь мою к девушке, привело меня на порог Тартара и заклеймило меня как человека, посвятившего себя делу Фэрвезера II. Следовательно, я могу говорить как единственный в этом роде авторитет и хочу, чтобы вы знали, что я отвергаю эту Землю и ее богов, и что я не отвергаю Фэрвезера II.

По мудрости своей и своему мягкосердечию Фэрвезер — это последний святой на Земле, поклявшийся людям охранить их индивидуальность, сберечь хотя бы их отдельные скрытые части от огульной штамповки теми, кто приходит к нам с убеждающими улыбками и безупречной логикой от имени религии, умственной гигиены и общественной обязанности, со своими знаменами, своими библиями и своими денежными кредитами, чтобы хитростью выманить у нас нашу бессмертную...

— Этого достаточно, преступник! — Малак навис над столом и закричал телевизионщикам, скрытым за стенами помещения: — Выключите камеры!

— Дайте ему высказаться, — завопил голос из зала, и послышались крики неодобрения и свист, когда Халдейн крикнул изо всех сил напоследок, пока еще не погасли красные лампочки в стенных нишах:

— Долой Соца и Психа! Крушите Папу!

Фаланга дежурных чиновников двинулась из бокового кабинета, чтобы оттеснить толпу к дверям. Халдейна окружили люди в униформе.

— Заберите его отсюда, — сказал кто-то.

Силы, толкнувшие Халдейна на демонстрацию не-повиновения, оставили его, и он позволил увести себя и запихнуть в огороженную барьером приемную. Один из дежурных сказал:

— Главный велел держать его здесь, пока мы не получим вооруженный автомобиль. Бога ради, поймите, это прежде всего забота о вашей безопасности, — недовольно добавил он. — Если мы сейчас шевельнемся, нам придется предпринять гонку по формуле А

до того, как чернь успеет собраться. Если нас засташтят ждать минут двадцать, его просто линчуют.

Дежурный повернулся к Халдейну.

— Вынужден пасовать перед вами, парень. Если вы собираетесь избежать Тартара, дав себя растерзать, то это — жестокая шутка. Беда в том, что вы можете прихватить с собой несколько хороших людей.

Тем не менее они ждали, и когда его вывели из приемной на площадку для погрузки заключенных, туда уже было загнано четыре автомобиля, из отверстий в их пуленепробиваемых окнах торчали ружейные стволы. Халдейн впервые в жизни видел демонстрацию силы полицией.

Процессия медленно выдвинулась из переулка. Около выезда на городское кольцо ее встречала бронемашина с лазерными пушками в башне, и процессия повернула налево к Рыночной улице. Они ехали медленно, расчищая путь воем сирен, но Халдейну казалось, что именно вой сирен вытащил на улицу людей, которые одеревенело стояли на тротуарах и тупо глядели на двигавшиеся мимо машины.

У пристани они повернули налево, и там тоже повсюду стояли люди, наблюдая за процессией, но не проявляя к нему признаков враждебности. Они выглядели погруженными в транс.

Когда они приблизились к длинному охраняемому мосту на Алкатрац, Халдейн заметил один жест из толпы. Перед тем как они повернули на мост, какая-то женщина подняла руку и махнула ему на прощанье. Этот прощальный жест оживил его мозг.

Дежурные чиновники полагали, что он подвергается опасности со стороны черни, но их мысли определялись условным рефлексом. Может быть, опасность поджидала этих дежурных, а не его?

Чем больше он думал о жесте той женщины, тем большей проникался уверенностью, что это скопище людей не могло представлять для него угрозу. Женщина помахала рукой, потому что это было все, до чего она могла додуматься. В прошлые времена люди могли бы швырять в дежурных чиновников камни, или возводить баррикады, чтобы остановить машины,

но подобные реакции были вытравлены из их сознания. Эта толпа не могла объединиться для строительства баррикад, если люди не знали, что это такое.

Пока его везли до тюрьмы, меняли серых судейских дежурных на охранников в синей форме и вели по бесконечным коридорам, Халдейна не покидала надежда, за которую он цеплялся словно за талисман против отчаяния в преддверии конца, что одинокий взмах этой женской руки дает ему право быть уверенным, что видения, рисовавшие Фэрвезеру II свободных людей и загнавшие его на Тартар, не были напрасными.

И в последующие дни ему нужен был талисман против отчаяния, потому что отчаяние колотилось в его мозгу подобно океанской волне, и он не выдержал. В темноте полуночи сознания он лежал на койке дни, недели, он не знал, сколько, лишь понимая, что его кормят внутривенно.

В конце этих горьких дней перед отправкой он стал слышать звук, подобный шепоту сивиллы, приходившей причитать в его сознании со своими пророчествами и обещаниями, пробуждавшими его.

Он находился в большом помещении с очень высоким потолком, окруженном балконами, по которым ходили патрульные охранники. На полу этого помещения располагались камеры со стенами и потолками из прутьев, позволявших охранникам видеть сверху их обитателей. Клетка Халдейна была одиночной.

Через коридор, в трех с половиной метрах от него, была большая клетка, в которой находилось несколько заключенных, пролов, как он предположил. Он не обратил бы на них внимания, если бы не пение, разносившееся по просторам тюрьмы подобно вою по усопшей душе.

Это была пролская песня под аккомпанемент гитары.

Отчаяние, которое почти уничтожило его, действовало как шоковая терапия, и мозг, прислушивавшийся к грубому пению, был так восприимчив и так же неразборчив, как малое дитя, разбуженное птичьим

пением. Слова песни несли надежду, и ему не было дела до красоты.

Дуют ветры,
Хлещут ливни,
Валит снег, и
Бьет мороз.

Но приходит
К нам *fear weather*
С теплым солнцем
Наших грез.

О, погода —
О, *fear weather*,
В свете солнца
Каждый босс.

Халдейн был на ногах еще до окончания песни и всматривался в большую клетку напротив его собственной через коридор. Он увидел громадного черного мужчину, валявшегося на койке и крепко прижимавшего к себе гитару, казавшуюся в его руках очень маленькой.

— Черный человек, — закричал он, — вы знаете, что вы поете? Вы знаете, кто такой Фэрвезер?

— Белого человека интересует, что такое хорошая погода?

— Меня интересует, кто такой Фэрвезер!

— Послушайте этого мыслителя. Он хочет узнать у меня, кто такой Фэрвезер!

— Почему мыслитель спрашивает у прола, — раздался громкий голос из другой клетки.

— Хорошая погода — это солнечный свет, белый человек.

В этом ответе снова была насмешка, презрительная, недоброжелательная, как если бы насмехающимся было известно что-то настолько очевидное, что даже спрашивать об этом — до смешного нелепо.

Они представляли собой разномастную, но единую агрессию, от бледного карлика до черного гиганта, который, если бы встал на ноги, был бы значительно больше двух метров ростом. Некоторые имели желтые отметины, характерные для побывавших на Венере,

у некоторых были по-рыбы серебристые бледные от-
метины шахт Плутона. Встреть он их на улицах
Сан-Франциско, скованных одной цепью, прошел бы,
не заметив, как мимо отходов межпланетной рабочей
силы, но теперь они были частью среды его обитания,
и он смотрел на них как на индивидов.

— Мне вы можете рассказать о Фэрвезере, —
крикнул он, — потому что я преступник, осужденный
на Тартар.

— С вами обошлись очень жестоко, — ответил ему
черный. — Нам, в этой клетке, только что определили
немножко понюхать цианидного газа.

Они пренебрегли им, и он понимал логику их
пренебрежения. Зачем делиться лелеемым секретом,
если секрет вообще есть, с обреченным человеком; а
если этот человек не обречен, значит он — шпион.

Этой ночью, когда слабые ночники тускло освещали
тюрьму голубоватым люминесцентным светом, а он,
бессонно тараща вверх взгляд, лежал на койке,
в его клетку скользнул бумажный самолетик и при-
землился подле него. Он поднял его, разгладил листок
и стал водить им под светом ночника.

Мы думаем, он был человеком вроде И. Иисуса, или
А. Линкана, или И. В. Уоббли. Никто толком не знает.
Моя мать говорила мне, что он был хорошим челове-
ком. ПОРВИТЕ ЭТО.

Он установил контакт, но его ум был в беде.

Он разорвал бумажку на мелкие клочки и близко
наклонился к ночнику, чтобы люди из клетки через
коридор напротив могли видеть, что он прожевал и
проглотил клочки записки.

Теперь для него было очевидно, что песня о пре-
красной погоде была песней о солнечном свете. Да и
как могло быть иначе, если эти необразованные люди
поставили на одну доску Фэрвезера и это И. В.
Уоббли, которое относилось вовсе не к человеку, а
обозначало древний профессиональный союз дегуста-
торов вин. Он не может упрекать этих людей, потому

что необразованные не в состоянии ни знать, ни хранить памятники своей истории.

Размышляя таким образом, Халдейн искал свой мир в этом мире, и получалось, что его миру нет здесь признания. Хиликс ушла, отец умер, профессионалы — всего лишь овцы, а пролы — грубые бесчувственные животные.

Бог — вычислительная машина.

Он думал, что перестал чувствовать, но за три дня до того, как пришли забирать его, он пережил такие острые мученья, каких не испытывал за всю свою жизнь.

— Эй, мыслитель!

Это был черный, оравший через коридор, стоя с гитарой, картино висящей на шее на грязном ремне, вблизи стены из прутьев.

— Достал новую песню, мыслитель. Один преступник только что принес ее с воли. Хотите послушать?

Это со стороны негра было дерзостью. Его широкая улыбка, граничившая с полным отсутствием подобострастия, всколыхнула в Халдейне поведенческие стандарты профессионала.

— Прежде чем заговорить со мной, вы, торговец свининой, должны стереть с вашего лица эту арбузную ухмылку!

— Меня уже невозможно оскорбить, мыслитель! Я — мобильный черный. Нас уже целиком выпотрошили все эти ваши ологи... Вам придется ее послушать, хотите вы того или нет.

Этот человек был прав. Во время Великого Голода, когда мясо негров считалось деликатесом, мобильные черные избежали пресечения своей расы, изолировавшись на маленьком острове у побережья Алабамы. Впоследствии антропологи удерживали расу в чистоте, и мобильные черные стали предметом бесконечного числа уничижающих их диссертаций ученых-социологов.

Он пропренькал несколько тактов и запел:

Жил человек, любил он краю.

«Тук-тук» — он к ней, его забрали.

«Женщину брось», — судья ему рек.

А он, — «Простите, я — человек».

Голову выше, бедный Халдейн,
Так держи и умей не реветь.
Голову выше, бедный Халдейн,
Мы тебе не дадим умереть.

Песня еще звучала, а Халдейн был на ногах и прильнул к прутьям клетки.

Как дешево хотел он продать этих грубых животных. Их историей были их песни. В одном-единственном и таком неуклюжем стансе балладист уместил все его судебное разбирательство, а в другой он поместил надежду, чтобы сохранить ее живой в умах людей.

Песня о хорошей погоде была именно песней о Фэрвезере.

Три дня спустя за ним пришли, одели в серый саван и повели по длинным коридорам к погрузочной площадке, где ждал черный автомобиль, в котором его повезут на посадочную площадку кораблей Тартара.

Он шел апатично безразличный, но голову держал высоко, и заключенные толпились у прутьев своих клеток по всей длине коридора.

И на этот раз вдоль Рыночной улицы стояли толпы, стояли и так же одеревенело глазели, когда его увозили прочь, но губы шевелились на деревянных лицах, почти незаметно, и голоса людей сливались в словах прощального припева, которые какой-то преступник подогнал под мелодию старинной песни, слышанной им в один из давным-давно минувших солнечных дней и называвшейся «Том Дули».

Держать голову высоко оказалось легко. Вторая задача давалась труднее.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Официально Халдейн IV был трупом.

Он был без сознания, когда Серые Братья доставили его на носилках на борт «Стикса». С пищей или

водой ему дали снадобье, замедлившее процессы в его теле.

Поэтому он не видел строя фигур в сутанах, движавшихся со своими ношами по длинной сходне и монотонно бормотавшими литургии по усопшим. Он не слышал ни лязга закрывавшихся входов, ни начавшегося жалобного воя ракетных двигателей. Не почувствовал он и сначала медленного подъема, а затем последнего резкого рывка, когда огромный корабль оторвался от притяжения Земли, не ощутил и легкой встряски, когда замолкли ракеты и вместо них заработали лазерные сопла, беззвучным пинком швырнувшие корабль в нарезной ствол космоса.

Тихие, бестелесные, защищенные от несущихся обломков космоса, они вошли в такое царство, где весь свет, за исключением света внутри корабля, исчез, как исчезает восприятие звука, когда отношение скорости объекта к скорости звука превышает 1. Они были светом, оседлавшим волну одновременности, которая могла бы швырнуть их сквозь солнце, не причинив вреда.

Халдейн спал три земных месяца, а каждую минуту по корабельным часам на Земле проходили сутки.

Его разбудила рука, прикоснувшаяся к плечу, и он увидел над собой грубое лицо космонавта, освещенное переносной лампой, прикрепленной к переборке.

— Просыпайся, труп. Подрыгай руками и ногами, как жук на спине... Ну, ладно... Пожалуй, стоит дать вам маленькую пиллюльку, небольшой кислородный форсаж.

Он находился в камере, уже не был привязан к койке, но все, что мог разглядеть в тусклом свете, не считая лица космонавта, был трап к люку в металлическом подволовке.

Он стал делать рекомендованные движения и почувствовал, что его мышцы реагируют с силой и упругостью, которые удивили его.

— Достаточно, — сказал мужчина, — вы можете сесть.

— Как долго мы в пути?

— Около трех месяцев, по нашему времени. Вот, возьмите.

Халдейн принял из его рук предложенный тюбик воды и пилюлю, вспоминая, что есть только два звездолета. Пятьдесят на пятьдесят, что этот человек был на корабле, забиравшем Фэрвезера на Тартар.

— Скажите мне, — спросил Халдейн, — не припомните ли труп по имени Фэрвезер, которого везли на одном из этих кораблей?

— Каждый на борту знал его. Тогда мы не укладывали их спать. Их возили бодрствующими всю дорогу. Он и другие трупы обедали вместе с экипажем. Благослови меня Господь, я никогда не смогу понять, зачем они отфутболили его с Земли. Он был самым мягким человеком, какого я никогда больше не встречал. Если муха садилась на его тарелку, он не отгонял ее прочь. Поверите ли, он говорил: «Пусть поест. Она тоже голодная». Но это была не слабая мягкотелость. Он был сильным.

— Как он выглядел?

— Высокий, худой, с золотисто-каштановыми волосами. Он не отличался от большинства людей, но если он говорил, люди слушали. Но не скажу, что он говорил много. Нет. Мы, как я считаю, любили его не меньше за молчаливость, чем за его речи. — Космонавт на минуту остановился: — Знаете, смешно сказать, вы спросите меня о человеке, и я скажу: «Старина Джо — хороший парень. Он с трудом попадает в бутылку, а стреляет по горлышку, но он отдаст вам последний доллар». Такого сорта ответ — вполне подходящий рассказ о старине Джо, но о Фэрвезере так просто не скажешь.

— Попытайтесь, прошу вас, — умолял Халдейн. — Для меня это важно.

Это было важно. Халдейн внезапно почувствовал себя верующим в Иисуса, который встретился с живым апостолом и сгорает от нетерпения узнать не попавшие в Писание подробности.

— Я попробую, но вы довольно скоро снова уснете.

— Умел он смеяться? — подбросил Халдейн крючок этому человеку, которым он мог заделить свою память.

— Он много улыбался, но я никогда не слыхал его смеха. Впрочем, это была не улыбка. Впечатление улыбки создавала его молчаливость и манера говорить. Прежде чем начать говорить, он думал о том, что собирается сказать, так что, когда он что-нибудь говорил, это казалось важным.

Не то, чтобы он читал нам лекции, напротив. Боже упаси, чтобы он этим занимался. Казалось, что он знает об истории Земли больше, чем кто угодно другой, с кем мне приходилось говорить об этом, но он этим не кичился.

Я полагаю, он грустил. Иногда в его глазах появлялся такой взгляд, что хотелось подойти и потрепать его по голове, но он никогда не жаловался.

Он не притворялся, нет. Иногда он говорил непристойные вещи, которые на поверку оказывались вовсе не непристойными, если хорошенько подумать о том, что он говорил. Однажды, помню, он сказал мне: «Сэм, в этой вашей недоразвитой промежности находятся семена лучшего поколения, чем то, которое у вас там будет получаться».

Это звучит непристойно, но глядя на молодое поколение, я думаю, понимаю, что он имел в виду.

Помню, как-то я нес вахту на навигационном мостике, а он вошел и поговорил со мной. Он спрашивал о приборах, о том, как мы пользуемся их показаниями, и о том, нравится мне быть космонавтом или нет. Я сказал ему, что каждый был бы рад прослыть героем, и тогда он сказал такое, что я запомнил на всю жизнь, и сказал как бы между прочим, как если бы он даже не задумывался над этим: «Это будут не розы, вовсе не будут роз. Боюсь, вы в последний раз видите розы».

И, знаете, он был прав! Мы находимся на Земле три дня после каждого рейса, и для большинства из нас — слишком много и два дня. У человека не появляется хорошее настроение от того, что, зайдя в бар, он сталкивается с тем, что парень на соседнем

табурете отодвигается от него на три или четыре места.

Но вам хочется услышать о Фэрвэзере.

Он умел слушать. Сидишь и говоришь с ним, а он сверлит тебя своими вечно молодыми глазами, и ты выкладываешь ему абсолютно все, что бы ни случилось с тобой. Он делал так, что простой моторист машинного отделения представлялся себе не менее важной фигурой, чем капитан.

Себе на уме, полагаю, такое у вас сложилось о нем впечатление, но у него на уме было так много всего, и понимания, и симпатии, а может быть того, что вы назвали бы любовью.

Это было, как если бы... — космонавт подыскивал слова, а Халдейн хотел завопить, чтобы он поторапливался, потому что наплыval туман и голос Сэма становился все менее и менее слышимым. Халдейн достаточно долго цеплялся за состояние бодрствования, чтобы все-таки услышать:

— Сам Иисус летел на полубаке нашего корабля.

Когда Халдейна будили во второй раз, в его ушах звучал уже другой голос, кричавший через люк:

— Поднимайся и надраивайся, труп. Поднимайся и надраивайся. Подрыгай ногами. Марш по трапу наверх и оставайся в коридоре.

Медленно, борясь с идущими на убыль приливами сна, Халдейн сел. Кто-то ослабил его ремень, и он чувствовал центробежную силу, прижимающую его к койке.

Ориентируясь по бьющему в глаза свету и понукаемый доносившимся сверху голосом, он выбрался из койки и стал карабкаться вверх по трапу.

Высокий, длиннорукий космонавт наклонился и помог ему преодолеть последние ступени. Ослепленный, он стоял в коридоре, чувствуя, что его тело клонится вперед.

Поддерживая его за руку, чтобы он не упал, космонавт дотянулся до находившегося позади него рундука и вытащил оттуда парку и пару подбитых овечьим мехом сапог.

— Надень эти шмотки и накинь капюшон парки. Мы на космической орбите и кружим в тысячах километров над Тартаром. Через несколько минут ты пойдешь по проходу. Твой отсек — восемь, литера «К». Видишь, там по коридору светящийся индикатор с цифрой «восемь»?

— Да.

— Когда назовут твой отсек, иди по коридору за трупом с меткой «J». Буква нашита у него на спине. Спускайся в люк и пристегнись в кресле, помеченном буквой «К». Дальнейшие инструкции получишь на месте высадки.

Он оставил Халдейна и пошел по коридору будить других.

Халдейн стоял несколько минут, пока не рассеялся в мозгу туман и по телу не разлилась энергия. Казалось, долгий сон подействовал на него не больше, чем обычный послеобеденный. Очень быстро, словно носильщик, только что сбросивший тюк, приспособливается к новой физической нагрузке, его вестибулярный аппарат принаоравливался к наклонному положению, создаваемому центробежной силой, и он смог стоя надеть теплую зимнюю одежду.

— Прошу внимания, — затрещало из громкоговорителя внутренней связи. — Прошу внимания! Отсек восемь, становись.

Увидев «J» на спине трупа впереди себя, он повернулся направо. Медленно, направляемая космонавтом, колонна пошатывающихся на нетвердых ногах трупов двинулась вперед и спустилась через люк, помеченный цифрой «8», в переходную горловину аэроплана, прикрепленного к корпусу звездолета. Халдейн был последним трупом в строю.

В спускаемый аппарат, который сбрасывался с корабля, когда отдавались удерживающие его лапы, вел узкий лаз. Пробираясь по тускло освещенному салону спускаемого аппарата, он нашел место, помеченное буквой «К», сел и пристегнулся ремнем.

Он услыхал над собой свист пневматически закрывающегося входа, и люк задраился. Сквозь окружав-

ший его металл он мог слышать голос, вещавший по внутренней громкоговорящей связи корабля-матки:

— Слушай команду, сбросить восьмой.

Затем, издалека и глухо, он в последний раз услышал голос Земли, отзовавшийся:

— Есть, сбросить восьмой.

Раздалось металлическое клацание отсоединяемых лап, пыхтение открывающегося люка, и появилось ощущение легкого движения, когда аппарат устремился по коротким направляющим в темноту тысяч километров над Тартаром. Наступила невесомость. Они падали сквозь холод и тьму, вытаскиваемые из безвоздушного космоса силой притяжения громадной планеты.

Заметного ощущения движения не было. Халдейн вытянул шею и выглянул в находившийся рядом с ним маленький иллюминатор.

Он первый раз осматривал дом отверженных Землей — замороженную планету — и поразился.

В бледном свете далекого солнца часть планеты была видимой. На одной ее стороне была тень ночи, а на освещенной стороне он мог видеть покрытую снегом поверхность, но она не вся была белой. Там было черное пространство, покрытое рябью облаков, и он понял, что это океан. Его внимание сразу привлекли извилистые линии, прочертывшие некоторые участки снежной равнины, не закрытой облаками.

Не было сомнения, что одни линии соединяются с другими. По мере того как падающий аппарат приближался к планете, его догадка превращалась в уверенность. Эти линии представляли собой систему рек, растянувшихся по белой поверхности континента.

Реки Тартара были незамерзающими.

Мягкий удар встряхнул аппарат, когда он входил в атмосферу, и он выравнялся под управлением автопилота. В кабине становилось заметно теплее. Халдейн чувствовал, как тормозные юбки аппарата колются о воздушную массу и подталкивают его тело вперед; стало слабо ощущаться гравитационное поле.

Они планировали, врезаясь в ночь планеты. Солнце пропало, но в небе неподвижно висела громадная луна.

Внезапно, уже полностью войдя в тень ночи Тартара, аппарат пошел кругами, нацеливаясь на маленькую точку света далеко внизу, которая то гасла, то вспыхивала в разрывах облаков. Медленно, все уменьшающимися и уменьшающимися в диаметре кругами они плавно снижались в толстом слое облаков и погружались в темноту, куда не пробивался свет луны.

Клюнув носом, аппарат полетел по прямой. Халдейн ощущал скрежет полозьев по снегу, услышал их высокий металлический визг. Самолет катился легко и быстро, немного рыская, а затем постепенно выправляясь в процессе замедляющегося скольжения по направлению к светящейся точке. Наконец он полностью остановился.

Халдейн IV прибыл на Тартар.

Как только прекратился скрежет полозьев аппарата, кто-то вскарабкался на фюзеляж, и рядом с Халдейном открылась дверь, впустившая холодный воздух ночи, такой темной, что, казалось, сама ее чернота входила в салон.

— Все на выход, становись парами! — пришла из темноты команда, и Халдейн, ближайший к двери, отстегнул ремень и вышел на сходню, а по ней на снежный наст, такой плотный, словно это был камень.

Рядом с ним находилась приземистая фигура, тускло освещенная потоком света из салона аппарата, а голос, который донесся от этой фигуры, казался отяжелевшим от невысказанных проклятий:

— Шагайте поживее! Как только дверь закроется, аппарат возвратится на корабль.

Тусклые фигуры поспешили повалили из дверного проема гурьбой. Явно удовлетворенный скоростью, с которой двигались изгнанники, мужчина отступил назад, и Халдейн спросил:

— Ваши ночи всегда такие темные?

Хотя вопрос был задан с обезоруживающим предрасположением, в нем звучала озабоченность. Халдейн ожидал, что по ответу мужчины он сможет определить, тюремный он конвойр или тоже изгнаник, грубость которого — просто естественный тон общения обитателей Тартара.

— Нет. Нынче ночью облака закрывают луну, а на поле — затемнение.

Его голос прозвучал до смешного ласково, словно голос учителя, разговаривающего с робким ребенком.

Отважившись, Халдейн спросил:

— Зачем вам затемнение?

— Мы не хотим, чтобы на корабле, находящемся над нами, знали, что у нас есть освещение. Но есть и многое множество других причин, кроме этой. Когда-нибудь ночью, когда этот ублюдок пойдет отсюда на орбиту, он встретится с другой глыбой металла, приближающейся с противоположной стороны.

Относительно статуса этого мужчины больше сомнений не было — это изгнаник.

Он сказал, обращаясь к обступившим его темным фигурам:

— Отступите назад и, когда я закрою дверь, дайте вашим глазам привыкнуть к темноте. Потом следуйте за мной. Если отделитесь от группы, ориентируйтесь вон по той светящейся точке. Заблудиться на этой планете — значит погибнуть.

Не спуская глаз с фигуры своего проводника, группа устало потащилась по снегу.

Им потребовалось десять минут, чтобы добраться до хибарки на краю взлетно-посадочного поля.

Внутри нее было тепло и очень светло, а кофейник в углу помещения наполнял его ароматом. Здесь были столы из грубо остроганных досок и деревянные скамьи; большего количества деревянной мебели Халдейн прежде не видывал.

Их проводник сбросил парку и сказал, не оборачиваясь:

— Кофейные чашки, сливки и сахар — возле кофейника. Обслуживайтесь сами. Ваши провожатые в город будут здесь через пятнадцать минут.

Он, так и не обернувшись, прошел в отделение, отгороженное от главного помещения деревянными перилами. В углу этого отделения находился радиопередатчик, и Халдейн, оставив без внимания кофе, наблюдал за тем, как он сел к передатчику и заговорил в микрофон:

— Джо, это Чарли. Группа для Марстон Мура прибыла. Три пары и двое поодиночке.

— Пятеро уже в пути.

— Свет включили?

— Через три минуты.

— Увидимся, Джо.

После того, как Чарли дал сигнал отбоя, Халдейн спросил:

— Каковы давление и содержание кислорода в атмосфере?

— Один и четыре десятых килограмма на квадратный сантиметр и двадцать восемь процентов.

— Откуда берется кофе?

— Из кофейных зерен, Иисус с вами!

— Два кусочка сахара и немного сливок, прошу вас!

Он повернулся на голос и увидел Хиликс с чашкой кофе в руках, направляющуюся к нему в позе трактирщицы с рекламы чая для профессоров и студентов состройной грациозностью старых времен. Он немного удивился, увидев ее, его больше удивила стройность ее фигуры и крайне поразила расплывавшаяся по лицу улыбка удовлетворения женщины, которая получает удовольствие от того, что ей удалось сохранить в полном секрете заранее приготовленный сюрприз от своего супруга до самого последнего момента. В этой улыбке не было ничего виноватого.

Он взял кофе и отхлебнул. Напиток был восхитительный, ароматный, пьянящий, но в то же время и крепкий. Он попробовал еще раз, но вкус не был иллюзией.

— У меня была мысль, что я настигну тебя здесь. Флексон считал, что ты — лучший материал для этой планеты.

— Кто такой Флексон?

— Это человек, который моет полы в здании суда Сан-Франциско. Но ты должна быть... — Он закончил свою фразу соответствующим движением руки.

— Такой большой, как воздушный шар, — закончила она за него. — По моему требованию доктор сделал задержку моей жизнедеятельности через три дня после ареста. Я была уверена, что государство отправит тебя именно сюда.

В его оценке ситуации было что-то в корне неверное, настолько неверное, что он решил быть осторожным. Что-то подсказывало ему, что благоприятных возможностей для развлечений на этой планете может оказаться недостаточно, а он не желает расставаться ни с одним потенциально доступным их источником.

— Каким образом ты могла быть уверена, что тоже попадешь сюда?

— Потому что я читала исторические книги. В соответствии с Папской буллой 1858 года, знаменитым указом о «грехе по ассоциации», на Тартар изгоняются супруг или супруга уклониста как соуклонисты.

— Предположим, они бы установили, что я не уклонист, и всего лишь стерилизовали меня по государственному указу?

— Я знала, что до тебя докопаются, — сказала она. — Я распознала твой синдром Фэрвэзера с первого дня нашей встречи. Как бы там ни было, доктор оживил меня в день вынесения тебе приговора. Я не могла пропустить это шоу.

И я не собиралась восемь лет дожидаться лотерейного шанса на законной генетической диаграмме. Поэтому и предприняла необходимое упреждающее действие.

— Вот, оказывается, как надо понимать твою промашку с мерами безопасности. Но что же позволяет тебе думать, что я стану супругом девушки, которая не девственна?

— Ты им уже стал, по Папскому декрету.

— На Тартаре Напа не считается непогрешимым, и ты не можешь требовать законности на планете, находящейся вне закона.

Она грустно покачала головой:

— Логика никогда не была твоим сильным местом, парень. Прежде чем предпринять свое деяние, я сверилась со статистикой и установила, что отношение числа мужчин к числу женщин на Тартаре составляет пять к трем. Прежде чем заговорить с тобой, я присмотрелась вон к тому седовласому джентльмену, выглядывающему в окно. Он выглядит очень одиноким и нуждающимся в женском сочувствии.

Он глотнул кофе и посмотрел на двух других женщин. Одна — коренастая блондинка, склонная к полноте, другая — слишком костлявая. Обеим было больше двадцати восьми.

Придет день, когда он раскусит Хиликс, это будет тот день, когда он найдет формулу квадратуры круга. Единственным ее глупым поступком было то, что она насмехалась над ним за то, что он ее любит. Кто за кем последовал на Тартар?

— Я беру тебя, — сказал он. — А ты возьми эту дурацкую чашку, тогда я смогу побороть свою робость и поцелую женщину в губы.

Он подбирался к ее губам, начав с шеи, под ее усиливающееся хихиканье и растущее восхищение публики демонстрацией непристойного поведения, которая освобождала мужчин с изможденными лицами от их оцепенения, а измученных страхом женщин-изгнаниц от вымученных улыбок.

— Так что ты — моя, — прошептал он. — Каково чувствовать себя супругой человека, который никогда не может прочитать все даже в маленькой книжечке стихов?

На этот раз ее хихиканье заклокотало не от щекочущих прикосновений губ.

— Я провела тебя с насмешником Мильтоном. Я знала, что с твоим синдромом ты бы так им увлекся, что никогда больше не вернулся к Фэрвезеру.. Психология мальчика-наоборот.. Но я гордилась тобой, Халдейн, и девушки в моем блоке аплодировали,

когда ты не сломался.. Когда ты поднялся на защиту моего... самого нелюбимого поэта и меня, после всего того, что я сделала; мне сделалось плохо, и я заплакала.

Ее глаза стали наполняться слезами гордости и облегчения, и, чтобы избежать превращения своей демонстрации в еще более непристойное зрелище, он сказал:

— Не знаю, позволяют ли нам обычаи этой планеты представиться другим изгнаниникам.

— Давай попытаемся, — сказала она.

— Ты не будешь разыгрывать спектакль для седовласого мужчины или того темноволосого довольно молодого человека?

— Ты — единственный преступник, за которого я готова выйти, — ответила она.

Они уже достаточно позабавляли наблюдавшую за ними группу, чтобы дать людям расслабиться, кроме пожилого человека, который тихо стоял и, защитив глаза руками от яркого света, вглядывался в то, что было за окном.

Они представились, и это было приветливо встречено присутствующими. Другие, как ему показалось, представлялись и рассказывали о преступлениях, которые привели их на Тартар, с трогательным волнением.

Харлон V и его супруга, Марта, были социологами, уличенными в изменении списков рабочих, назначенных к разбирательству на предмет ликвидации. Харлон подсчитал, что они с Мартой спасли от цианидовой камеры около пятидесяти пролов.

Хуго II был берлинским музыкантом, его длинные, нечесаные волосы торчали во все стороны. Говоря с сильным немецким акцентом, он бесцеремонно и кратко объяснил, что пытался образовать группу с целью прекратить исполнение синтезируемой машинами музыки на государственных празднествах. Четвертый человек, к которому он обратился, — музыкант его собственного оркестра — оказался тайным агентом полиции.

Его супруга, Ева, оказалась более разговорчивой:

— За нами пришли среди ночи, и о Хugo они знали все. Через три дня он был допрошен и осужден. Через пять дней мы уже были в пути.

Наши немецкие полицаи, ах, они настоящие дьяволы. Но мой Хugo тоже знает свое дело. Весь Бах — на микропленке — вклеен в его парик. Так что на Тартар мы прибыли все — Хugo, Бах и я. Не находите ли прелестным это название для такого заснеженного места?

Хайман V был счетоводом, чьи предки были фарисеями до Гегемонии Иудеи. Он был схвачен за чтением Торы, да еще на нем была и ермолка. По мнению Халдейна, обмолвиться о ермолке было так же бессмысленно, как говорить о зачатии, когда женщина явно беременна.

Внезапно он услышал в своем мозгу щелчок обратной связи и повторил про себя: «Я распознала твой синдром Фэрвэзера с первого дня нашей встречи».

Она разглядела модель поведения, которую просмотрели адвокат и три опытных следователя! Как? И каким образом она вообще могла знать о существовании синдрома Фэрвэзера?

Ему совершенно необходимы кое-какие дополнительные объяснения Хиликс.

Холл II, мужчина у окна, представлялся последним, говорил просто, без характерной для запуганного человека нервозности, и это Халдейну понравилось.

— Я был учителем, природоведом, и государство не интересовали мои методы, но на мне обвинение именно в них... Послушайте, я долго смотрю в окно и уверен, что вижу деревья. Деревья означают хлорофилл, а хлорофилл — это солнечный свет. То солнце, которое мы видели, не может обеспечить энергией даже одуванчики.

— Действительно, — согласился Халдейн, — и реки не замерзают.

— Свет идет не от солнца, — Холл повернулся к Халдейну, — если... — Его брови собрались в складки.

— Если планета оборачивается не по эллипсу! — сказал Халдейн.

— Правильно, сынок. Перигей — лето. Апогей — зима.

Внезапно на лицо Холла набежало смущение:

— Но почему на Земле не докопались до того, что здесь происходит?

— Может быть, здесь есть кто-то, кто нас любит, — сказал Халдейн. — Если космонавты не в сговоре с Тартаром... Но нет. Наш старина Чарли... да! Может быть, капитан боится сообщить...

— О нет, — запротестовал Холл. — Космонавты — это буйволы преисподней. Они не знают страха... Более вероятно, что графики... Да, это было бы возможно...

— Конечно, это возможно. Они никогда не отклоняются от графика. Но для Тартара графики не пересматривались...

Ход их рассуждений прервал Чарли, который вышел к ним, раздал карточки и сказал:

— Заполните их.

Ну вот, подумал Халдейн, они снова подлежат категоризации, классификации и распределению по щелям Тартара. Его возмущение росло, пока он не взглянул на карточку. На этом клочке бумаги требовалось указать имя, профессию и причину изгнания. Он заполнил карточку, нацарапав внизу: «Синдром Фэрвэзера».

Когда он закончил, послышался звон колокольчиков, доносившийся снаружи, и этот звон приближался. Он повернулся к Хиликс:

— Похоже на звон бубенцов конской упряжи.

Проводник собрал карточки, уложил их в стопку на краешке стола, вышел наружу и включил целое половодье огней. Через открытую дверь Халдейн мог видеть вытянувшуюся в линию цепочку саней, приближавшихся по предангарной площадке, запряженных лошадьми, которые напоминали мохнатых клайд-сайдских тяжеловозов. Но проводник закрыл дверь.

Когда она снова открылась, в помещение вошли пятеро мужчин, одетых в парки и меховые сапоги. Они сбросили парки, подошли к столу и разобрали карточки. Один из вошедших обернулся и позвал:

— Халдейн и Хиликс!

— Есть, — сказал Халдейн.

Мужчина подошел. Ему было лет шестьдесят, у него были седые, стального цвета волосы, тонкое и моложавое лицо. Глаза светились дружеским расположением и умом, а рукопожатие было крепким.

— Френсис Харгуд. Я назначен доставить вас в город, помочь обосноваться и открыть вашу программу ориентации. Это, как я понимаю, ваша жена, Хиликс.

Халдейн никогда прежде не слыхал слова «жена», но Хиликс сказала:

— Да, это — я, но он еще не вполне свыкся с этой мыслью.

Харгуд очень сердечно пожал Хиликс руку.

— А вы ставьте на нем точку при всякой благоприятной возможности. С вашей стороны было бы преступлением ограничивать себя обществом одного... Халдейн, скорее осваивайтесь в вашем браке. Счастливый брак — это хорошая основа для дальнейшей деятельности, и ничто так не привлекает женщин, как обручальное кольцо. Действует, как вызов... Садитесь в первые сани от двери.

Когда Халдейн, вслед за Хиликс, проходил через дверь, он стоял сбоку. Выйдя наружу, Харгуд сказал ему:

— Насколько мне известно, правда, мои сведения очень скучны, вы — первый математик с синдромом Фэрвэзера. Вам будут очень рады на Тартаре.

Халдейн помог Хиликс забраться в сани, а Харгуд обошел вокруг саней и заботливо подоткнул под нее откинутую полость. Затем он сам забрался в них с ее стороны и похлопал лошадь по крупу.

— Лошадь завозная? — спросил Халдейн.

— Нет, доморощенная. Флора и фауна Тартара во многом подобны земным в аналогичных температурных поясах.

Вскинув голову и выпуская из ноздрей пар, лошадь двинулась вперед, положья саней заскрипели по снежному насту, и под звон бубенцов они направились к находившейся на порядочном удалении полосе огней,

которых не было во время приземления спускаемого аппарата.

Эти огни освещали широкую дорогу, которая врезалась в какую-то видневшуюся впереди темную массу, по-видимому, сосновый бор. Когда они выбрались на дорогу, лошадь пошла рысью. Бьющий по щекам покалывающий морозный воздух и рука Хиликс, которую он держал в своей под санной полостью, создавали ощущение прилива радости, которая почти полностью отодвинула на второй план его дурные предчувствия.

Мужчина, встречавший их при посадке, действительно оказался угрем, а запряженная в сани лошадь — это примитивное средство передвижения, но Харгуд настроен дружески, и на планете существует хоть какая-нибудь технология, раз есть электричество и радио.

В поведении Харгуда было и еще что-то, не оставшееся не замеченным Халдейном.

Там, в хибарке, когда Харгуд прочитал заполненную Халдейном карточку, он небрежно порвал ее и бросил обрывки в мусорную корзину.

— Я доставлю вас в город, и вы вместе с другими разместитесь на постоялом дворе, — давал пояснения Харгуд. — Но после того как обзаведетесь одеждой и хоть немного акклиматизируетесь, вам придется столковаться на стороне, пока не постройте собственный дом.

— Между прочим, — добавил он, — вам двоим повезло. На вас поступил запрос из резиденции одного ученого, который живет в университетском городке. Большинство прибывающих получают назначения по жребию.

— Откуда он знает, что прибыли именно мы? — спросил Халдейн.

— Он не знает вас по имени. Он запрашивал только самого молодого математика-теоретика из высадки Н. Этот джентльмен весьма преклонных лет, но очень деятельный. Я думаю, по соседству с ним живет добрая сотня его отпрысков, так что не оставляйте его слишком надолго наедине с Хиликс.

Харгуд погладил свой подбородок:

— Меня только смущает, как он мог знать, что у меня вообще будет математик-теоретик из высадки Н, или А, или В, потому что такого рода вещи... Вы первый математик-теоретик, которого я встретил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Наш город, Марстон Медоуз, находится в устье реки Редстоун; население — пятьдесят пять тысяч; самая крупная промышленность, университет. Поскольку ближайший населенный пункт, город медных копей, расположен в трехстах километрах вверх по реке, вы можете понять, что мы еще не очень преуспели в освоении этой планеты. Но мы следуем библейскому завету: «Плодитесь и размножайтесь». У нас долгие зимы и нет телевидения, поэтому рост населения идет полным ходом.

— Это интересный город, главным образом благодаря университетской братии. Оттуда исходят по-настоящему прелестные вещи. Глава экономики, иными словами — рационалист, глаголет, что наступит день, когда Земля и Тартар объединятся вновь при окончательном синтезе тезы и антитезы.

Есть у нас несколько красивых пляжей, и я прямо сейчас могу напророчить, Хиликс, что, когда вы станете появляться на них в купальном костюме, возникнет бунт.

— Местные жители тоже называют планету Тартар? — вмешался Халдейн.

— Да, из уважения к Фэрвезеру I.

— Вы уважаете мнение человека, который изгнал сюда собственного сына?

— Наш Фэрвезер II в молодые годы не отличался осторожностью, поэтому отец отправил его сюда, чтобы спасти его шкуру. Потом он изобрел Папу, чтобы у его сына всегда были интеллектуальные партнеры для игры в бридж... Вы плаваете, Хиликс?

— Это один из моих любимых видов спорта.

— Вы полюбите Марстон Медоуз, и Марстон Медоуз полюбит вас. У большинства рожденных на Тартаре женщины широкая обвислая нижняя часть туловища. В этом отношении они напоминают ос. Не то, чтобы они непривлекательны; просто у всех них очень разные уровни привлекательности, и вы будете в первых двух процентах.

— Вы имели в виду, что Папа — это трюк с исполнительной властью?

— Да... У нас, в Марстон Медоуз, есть несколько очень привлекательных дамских магазинов. Здесь одеваются более пикантно, чем на Земле.

— Я уверена, мне пойдут гладкие платья и платья с яркими блестками. Я едва ли смогу...

— Я проклял Папу!

— Мы все его проклинали. — Харгуд повернулся к Хиликс. — Тот факт, что вы были обвенчаны Папой, вовсе не означает, что свобода любого из вас ограничивается другим...

— Планета движется вокруг Солнца по эллиптической орбите, не так ли? — прервал его Халдейн.

— Да, поэтому у нас четыре месяца — зима, по три — весна и осень, и два — лето; каждые полгода... Наше лето никогда не утомляет, а наши зимы могут быть очень интересными.

— Какова ваша специальность? — спросил Халдейн.

Харгуд засмеялся:

— Назвать человека специалистом на этой планете почти так же неприлично, как обозвать его сукиным сыном.

— Что это значит?

Хиликс тоже рассмеялась.

— Это древнее выражение. Оно означает, что ваша мать была собакой.

Халдейн нашел в памяти уголок для этого выражения. Оно было язвительным, и он мог себе представить, насколько неприятно оно может подействовать на человека, у которого чрезмерно развита привязанность к матери.

— Действительно, — продолжал Харгуд, — на Земле я был гинекологом.

— А я-то думал, откуда у вас такой, более чем не случайный, интерес к подобным материалам, — не выдержал Халдейн.

— Здесь я от этого отошел. Я — виолончелист в городском оркестре, вхожу в совет районных представителей муниципалитета, преподаю в университете.

На этой планете всего несколько человек являются специалистами. У меня восемь детей от моей жены и семь от жен других мужчин, так что я не специалист и как отец. Это очень необычная специальность по земным стандартам, — задумавшись, он сделал паузу, — но у нас очень долгие зимы.

— Как же к этому относится ваша жена? — спросила Хиликс.

— У нее двенадцать детей.

— Почему космонавты не сообщают на Землю, что это не ледяная планета?

— Когда, по данным разведывательных полетов, были выполнены расчеты маршрута, исследовательский экипаж приземлился здесь глубокой зимой и определил, что на планете имеются только самые минимальные условия для обитания. Фэрвезер I перепроверил расчеты, обнаружил ошибку и составил графики полетов тюремных кораблей таким образом, что они всегда прибывают зимой.

Они проехали мимо первого строения, двухэтажного сооружения, едва видимого в свете уличных фонарей. Оно было бревенчатым, и его стрельчатая крыша была покрыта снегом; блеск света в его окнах показался Халдейну пикантно веселым.

После того как лошадь тяжело протопала по деревянному мосту через широкий рукав реки, домов стало больше и в воздухе появился пьянящий запах дыма горящего дерева.

Хиликс сжала ему руку:

— Такой могла быть Англия восемнадцатого века.

Они проехали мимо каменной церкви; горевшие в ее преддверии фонари освещали витиеватый орнамент над порталом с надписью: «Бог есть любовь».

Халдейн обратил на надпись внимание Харгуда:

— Так вы поклоняетесь Богу любви, а не справедливости.

— С огромным усердием, — сказал Харгуд. — Хотя мы могли бы пользоваться более свободным толкованием смысла этого слова... Кстати, если вы были обвенчаны Папой, должна была существовать некая причина. Если вам нужен гинеколог...

— Мы поговорим об этом позже, — оборвал его Халдейн.

— Не похоже, что в этом деле вы продвинулись уже далеко.

— Я добровольно пошла на задержку развития, ожидая отгрузки вместе с любимым. — Она посмотрела на Халдейна. — Кстати, молодой человек, вы должны представить массу объяснений.

— Объяснений чего? — спросил он с неподдельным удивлением, полагая, что осталось совсем немного деталей, которые ей осталось выяснить.

— Сейчас не время и не место. Но место близко, а время близится.

Он никогда не мог догадаться, какой каприз руководит этой девушкой. Одно время на Земле он не находил себе места от страха, что никогда не будет в состоянии проникнуть в тайну ее безграничной переменчивости, и эта знакомая неопределенность опять возвращается. Но у него абсолютно не было сомнения относительно одной вещи, важность которой подсказывала интуиция, вставшая дыбом, словно перья на шее бойцового петуха: если он отложит решение ее загадки, то добрый доктор Харгуд будет рад взять этот труд на себя и сделает попытку преуспеть.

Харгуд смотрел на нее глазами, слишком открыто восторженными, чтобы быть распутными, и по-отечески ласково давал один медицинский совет:

— Конечно, на этой стадии беременности вашей активности не будет препятствовать существенная

ограниченность движений. Ваш медовый месяц может пройти без каких бы то ни было запретов.

— Что такое медовый месяц? — спросил Халдейн.

— Это период времени, когда только что вступившие в брак получают возможность получше узнать друг друга. Этот старый земной обычай мы возродили здесь, на Тартаре.

— Я думала, что у нас уже был медовый месяц, — сказала Хиликс, — но я обнаружила по разного рода... Смотрите, магазины еще открыты!

— Мы въезжаем в деловую часть города. Я приношу извинения за отсутствие у нас небоскребов, но мы в них не нуждаемся.

Всего несколько зданий имели высоту более трех этажей. Они стояли близко друг к другу, с ярко освещенными витринами, занимавшими первые этажи, и в их свете то здесь, то там можно было видеть пешеходов с множеством свертков, явно занимавшихся покупками. Глаза Халдейна ловили эту панораму света, убранство витрин, изобилие товаров в них, но его разум с какой-то чуть ли не нежностью одолевала мысль, что люди неторопливо прогуливаются по тротуарам без всякой цели. Это было прямой противоположностью Сан-Франциско, где на улицах не встретишь просто так гуляющего человека.

Харгуд повернул лошадь в узкую улицу, которая оказалась тупиком, окончившимся внутренним двором перед двухэтажным домом, который, как догадался Халдейн по множеству освещенных окон, был постоялым двором. В этот момент все пространство, до самого конца дорожки, расчищенной к нависшим над двором постройкам, внезапно осветилось появившейся в разрыве облаков луной, и заискрившийся снег придал всей картине средневековый вид.

— Похоже, проясняется, — сказал Харгуд, гоня лошадь по широкой дуге, чтобы подкатить сани к двери гостиницы.

Подошел выбежавший из двери мальчик лет пятнадцати и подхватил брошенные ему Харгудом вожжи.

— Привет, док, — сказал мальчик.

— Привет, Томми. Не почистишь ли, если тебе не трудно, мою лошадь? Я буду тебе очень признателен.

— Док, сегодня утром я выскоблил эту чертову скотину до костей.

— Хорошо, Томми, — сдержанно сказал Харгуд, — не надо чистить лошадь.

Когда мальчик повел коня через двор в конюшню, а они подошли к двери, Халдейн спросил:

— Отказ грума выполнить требование профессионала здесь в порядке вещей?

— Этого грума зовут Томми Фэрвэзер. А професионалов как класса у нас нет.

— Представляю, как перевернулся бы в могиле его дедушка, узнай он, что один из Фэрвэзеров трудится на конюшне.

— Случись это, многие люди изумились бы, особенно в университете, потому что они и не подозревают, что он умер... А теперь, друзья, один последний ритуал. Кругом!

Они были уже в вестибюле гостиницы, который оказался пустым, и команда Харгуда была именно командой. Халдейн остановился и повернулся кругом.

Он почувствовал, что рука Харгуда срывает с его парки нашивку, нашивку с классификационными литерами, о которой он позабыл. Отрывая ее, Харгуд говорил:

— Вот и конец вашей земной классификации. На Тартаре не пользуются династическими номерами. У нас в ходу обычные имена, на старинный манер. Хиликс — теперь Хиликс Халдейн. А вам необходимо имя.

— Дон Жуан, — предложила Хиликс.

Халдейн об именах и не думал. Он повернулся:

— Вы говорите, Фэрвэзер II еще жив?

— Вне всякого сомнения. Ему всего сто восемьдесят лет.

— Сколько же лет длится ваша жизнь на этой планете?

— Кому сколько нравится. Существует способ задерживать разрушение клетчатки. На Земле он из-

вестен, но там не могут себе этого позволить. Здесь продление жизни едва ли не обязательно.

Харгуд помог Хиликс снять парку. Халдейн сбросил свою и протянул ее доктору, который отнес одежду в гардероб, находившийся позади конторки отсутствующего коридорного.

— Уже почти два часа пополудни, поэтому Хильде, буфетчице, приходится работать по совместительству и коридорной.

Через открытые створки двери Халдейн мог видеть большой обеденный зал; в дальнем его конце в камине пылали большие поленья дров. Он обернулся к Хиликс:

— Ты слышала? Фэрвезер еще жив.

— О нет. Он умер... Приятный огонь, не правда ли?

Она казалась загипнотизированной пламенем камина, погруженной в красивую сказку.

— Харгуд сказал, что он жив!

— Он говорил о Фэрвезере II.

— Я тоже говорю о нем, Хиликс! Он — именно такисть, которой они меня раскрашивали.

Не выходя, казалось, из своего транса, она произнесла:

— Конечно, дорогой. Но мы занимались исследованием Фэрвезера I. Я думала, ты говоришь о Фэрвезере I.

Возвратился Харгуд и повел их в обеденный зал. Справа от входа был бар, а слева лестница, ведущая на верхнюю галерею, которая простиралась по всей длине зала с одной его стороны. Мрак громадного помещения освещался стоявшими на каждом столе лампами, а в глубине зала, по соседству с камином, были свободная площадка и вторая буфетная стойка, которая не использовалась.

Харгуд завел их в бар.

— Хильда, — сказал Харгуд, — познакомьтесь с Доном и Хиликс Халдейнами, только что прибывшими новобрачными. Предоставьте им брачные покой.

— Добро пожаловать на Тартар, — сказала женщина, поворачиваясь к доске позади себя, чтобы

снять ключ. Это была высокая, худая женщина со смертельно бледными щеками. Ее бедра не выходили за линию талии, а выражение взгляда, брошенного на Халдейна, было плотоядно-голодным. Хотя ее груди колыхались, словно двойные подбородки, а заплетенные в две косы волосы были с проседью, эти голодные глаза вызвали у Халдейна сверхъестественное эротическое ощущение. Он знал, что остался бы в баре, не будь здесь Хиликс.

Хильда, как бы нечаянно уронив, швырнула ему ключ, но это не выглядело оскорбительной дерзостью.

— Комната 204, прямо перед лестницей.

Она обратилась к Харгуду.

— На этот раз, док, вы привезли действительно славненький экземпляр мужика. Да еще и молодого.

Повернувшись к Хиликс, она сказала:

— Большинству изгнанников, которых мы здесь принимаем, по крайней мере за сорок. Ваш мужик, похоже, неутомим в этом деле. Он не больше среднего тартарианина, но довольно высок для землянина. И эти руки выглядят сильными. Если он утомит вас нынче ночью, сбросьте его ко мне вниз.

— Смешно сказать, — ее голос упал на целую октаву, когда она наклонилась к Хиликс по-бабы посплетничать, — лучше всего это дело мне удавалось с маленькими робкими мужичками; посмотрев на них, вы никогда бы этого не сказали.

Снова обращаясь ко всем троим, она сказала:

— Что прикажете, друзья? Вышивка за счет заведения.

— Пиво для всех нас, — сказал Харгуд. — И не думайте, что она так щедра. Для изгнанников — все за счет заведения.

— Зачем лишать ветра мои паруса? Я хочу, чтобы они считали меня филантропкой.

— Я заказал пиво, — объяснил Харгуд, — потому что мне хочется, чтобы вы его попробовали. Здесь все самое вкусное.

Харгуд пустился в рассуждения о вкусе на этой планете, приписывая все особым качествам здешней почвы. Поскольку его внимание почти целиком сосре-

доточилось на Хиликс, глаза Халдейна блуждали по бару.

Близ него сидел тщедушный темноволосый мужчина, чуть ли не с восхищением потягивающий напиток и стреляя непрерывными очередями быстрых учтивых взглядов по отражению Хиликс в зеркале бара. В дальнем углу бара он увидел великана в матросских сапогах и морской форменной фуражке. Его рот был открыт, а рыжая борода вздыбилась от статического электричества, которое, как полагал Халдейн, генерировалось желанием. Такое предположение пришло Халдейну на ум при виде блеска глаз этого мужчины — более выразительных глаз ему видеть не приходилось. В одно и то же время они раздевали Хиликс и сочиняли уже тридцать шестую вариацию — Халдейн подсчитал — на одну-единственную тему.

Халдейн бесцеремонно обратился к Харгуду.

— Не сесть ли нам за стол?

— Одну минутку. — Он наклонился над стойкой бара и обратился к игравшему в гляделки херувимчику: — Халапов, как насчет организации обеда на восемь персон?

— Конечно, док, — ответил черноволосый мужчина, — когда они будут здесь?

— Сразу же следом за нами.

Они взяли свои стаканы и пошли через зал к столику. В обеденном зале было больше дюжины пар, и хотя мужчины были в компании женщин, вслед Хиликс раздавался низкий свист одобрения.

Халдейна охватила вспышка злости, которая со средоточием на Хиликс. Она осознанно откликалась на этот звук какими-то грубыми полунамеками, и ее красивая, свободная покачивающаяся и широкая походка замедлилась до семенящих шажочеков, а лицо раскраснелось. Она шла с важным, самодовольным видом.

Его собственная, горячо любимая и беременная невеста радовалась тому, что ее освистывали!

Поднявшаяся злоба Халдейна вдруг резко оборвалась.

Когда они проходили мимо одного столика, он заметил рыжеволосую женщину, высокие скулы и прямая осанка которой придавали какие-то царственные черты ее неоспоримой красоте, подчеркнутой почти четвертьметровой ложбинкой, видимой в глубоком вырезе ее платья. Физическая красота этой женщины внушала трепет, ложбинка между ее грудями была даром природы, но создаваемое ею притяжение имело такое мощное силовое поле, что ноги Халдейна сами собой понесли его в ее направлении.

Беседуя со своим партнером, она случайно встретилась взглядом с Халдайном, сверкнула лучом света из глаз, признательно улыбнулась и свистнула.

Хиликс уловила неожиданное затруднение и метнула на женщину взгляд, который разрушил ее силовое поле и восстановил компасный пеленг Халдейна. Она отступила назад, схватила руку Халдейна и фактически толкнула его к столу.

— Тебе понравилась та!

— Ты сама уже несколько раз нервно подрагивала.

Харгуд выбрал столик возле камина.

Халдейн спросил его, для чего используется открытое пространство с отполированным полом.

— Главным образом для танцев. К сожалению, не всегда. Мы возродили общественные танцы как один из видов развлечений, потому что они оказывают стимулирующее действие.

Халдейн взорвался:

— Эти люди нуждаются в стимуляции?

Харгуд рассмеялся:

— Гражданин Земли может этого не заметить. Тартар в буквальном смысле преисподня для некоторых землян-мужчин, но очень мало женщин с Земли чувствуют себя здесь хоть сколько-нибудь несчастными. Всех их любят и оценивают по достоинству, в особенности оценивают по достоинству. Нет ни одной женщины, не обладающей привлекательностью. Просто у некоторых привлекательности больше.

Он взглянул на Хиликс.

Халдейн сидел, задумчиво уставившись на свой стакан с пивом. Он не какой-нибудь блюститель нравов, но ему определенно не хочется наезжать на супругу с пугачом каждый раз, когда она отправляется в бакалейную лавку. Он намерен быстро продвинуться на этой планете и не желает расходовать даже часть энергии на охрану собственного тыла и тыла своей жены.

— Какого рода технологией располагаете вы на этой планете?

— Достаточной для удовлетворения наших нужд, и у нас потрясающие громадные природные ресурсы.

— Могли бы вы построить звездолет?

— Это немного не по моей части. Но я уверен, что могли бы. Мы откачиваем с Земли лучшие умы. Почему вы спрашиваете?

— У меня есть одна идея звездолета, который может преодолеть одновременность... двигаться быстрее нынешних. Есть у вас карандаш?

— Ты планируешь возвращение обратно на Землю? — спросила Хиликс.

— Не на ту, которую мы оставили.

Он взял предложенный Харгудом карандаш и начал рисовать на скатерти чертеж.

— Вот, лазерная пропульсивная система. Свет, излучаемый этим источником, видите, устремляется вперед, чтобы собраться в одной точке, вот здесь, давая возможность потоку света ускоряться; это понятно. Как не трудно видеть, вы превышаете скорость света, тогда как мы знаем, что скорость света, если не учитывать принцип конвергенции, о котором вы, возможно, слышали, ограничена на фокусном расстоянии от лазеров до отверстия.

— Дон, я — гинеколог.

— Далее, этим символом обозначают одновременность — идеальную функцию собирающего объектива. На практике эта функция никогда не реализуется. Например, в масштабе реального времени нам потребуется шесть месяцев на преодоление четырех миллионов световых лет до созвездия Лебедя, что оцени-

вается примерно как 0,987643, если принять расстояние равным единице.

— Но я — гинеколог.

— У меня есть идея создания последовательного ряда кривых зеркал, располагаемых таким вот образом по окружности, которые будут ускорять исходный луч лазера, выбрасывающего пульсирующий пучок света, который, в свою очередь, будет увеличивать уже увеличенную скорость. Цепная реакция... Вы меня понимаете?

— Нет.

— Ладно, я уверен, что это здоровая идея, и определенные замечания, сделанные во время слушания моего дела, укрепили меня в моем мнении.

— Дон, вы даром тратите на меня время. Математика выше моего понимания.

— Простите меня, доктор. Я должен был помнить, что ваши интересы имеют другое направление... Но на этот вопрос вы можете мне ответить: какова у вас форма правления?

— Мы называем ее «демократией», по-гречески, но для меня она и остается только греческим названием. У меня не очень абстрактный ум. Если я не могу что-то потрогать, то не могу и по достоинству оценить это что-то. Но мы выбираем президента каждые шесть лет, а он назначает советников.

— Чем он добивается избрания?

— Ван Ли добился этого, пообещав уменьшить силы полиции. Слишком много людей оказалось арестовано за нарушение спокойствия... Хиликс, когда начнете планировку вашего дома на этой планете, не забудьте предусмотреть дополнительные спальни...

Халдейн размышлял, отключившись от Харгуда и Хиликса, потому что они просто болтуны.

Если обещания являются ключом к власти на этой планете, он найдет с чем обратиться к этим людям. Он подумал о закладке домов для развлечений и установлении института профессиональных затейников, но немедленно отверг эту идею. Такими бесплодными развлечениями не привлечешь на свою сторону

население, которое желает оплодотворять и быть оплодотворяемым.

— Но доктор, — говорила Хиликс. — Самой угнетающей меня проблемой является одежда. Я не взяла с собой ни единой вещицы.

— Завтра утром мы посетим магазины одежды.

— Белье и пижама мне понадобятся нынче ночью.

— В вашу брачную ночь?

Он может предложить государственные награды за рождение отпрыска. Это — мысль, но возникнет проблема с доказательством родительских прав мужчины.

Прибыли другие изгнанники со своими проводниками, их обслужили в баре, и они направлялись к своим столикам. Дурные предчувствия исчезли с их лиц. По пути к своему столу Харлон V и Марта остановились возле них, чтобы обменяться первыми впечатлениями.

Марта получила такое же обхождение, что и Хиликс, проходя через зал, но в несколько ослабленной форме, и ее дух возвышенной утонченности сменился оживленностью и удовольствием. На смену возвышенной утонченности Харлона пришло чувство собственного достоинства оленя-самца. Халдейн решил, что Харлон не выдержит конкуренции.

Халапов, если уж он стронулся с места, действовал быстро. Должно быть какая-то веселая дагестанская тайна самых дальних глубин его родословной управляла умением этого человека готовить шашлык, и он просиял, когда Хиликс похвалила поданное блюдо.

— Он еще и лучший аккордеонист, — сказал Харгуд, но все дальнейшие замечания потонули во взрывоподобном громыхании.

Начавшись с низких раскатов и поднимаясь до дрожи на самых высоких нотах, это громыханье разрасталось и падало долгими пассажами выкриков. Обернувшись, Халдейн увидел рыжебородого верзилу, важно вышагивающего к центру танцевальной площадки; он задрал голову к потолку и громадными узловатыми кулаками отбивал барабанную дробь на своей, подобной бочке, груди.

— Мое имя — Уайтуотер Джонс. Я — полуконы, полуаллигатор. Я могу пройти босиком по заграждению из колючей проволоки и умею высекать ногами искры. Я — тартарианин в третьем колене, и в тот день, когда я родился, выцарапал глаза рыжей рыси и сжевал ее хвост. Я стремителен, как молния, и силен, как мамонтовый медведь. Я задал трепку всем мужчинам и добился любви всех женщин от Марстон Медоуз до Пойнт-Портидж. Я не стреляю никакими пулями, кроме тех, которые дают жизнь.

Под этот рев с танцевальной площадки Халдейн спросил Харгуда:

— Что с ним?

— Увы, — ответил Харгуд, — будучи представителями народа индивидов, наши люди доходят до крайностей. Этот человек — задира, а в данный момент он совершает ритуал демонстрации способности к воспроизведению потомства.

Он гоняет речной пароходик, который ходит отсюда до Пойнт-Портиджа, и бывает в городе всего три дня в месяц. Ввязаться в драку и заполучить себе женщину — это его способ выпускать пар.

— У вас нет полицейских?

— У нас их на весь город всего девять. Если они попытаются упрыгнуть его под замок, наверняка пострадают, а через два дня будут вынуждены отпустить, потому что он — единственный лоцман на этой реке.

Под рев Джонса было трудно говорить, а его заявления заинтересовали Халдейна. Он хвастал, что перенес свой пароход на спине через песчаный перекат. Харгуд тронул Халдейна за плечо:

— Дон, вы проведете в этом заведении две недели медового месяца в качестве подарка от Папы — между прочим, существует традиция: жених должен перенести невесту через порог на руках.

Халдейн пытался слушать, но Джонс требовал к себе внимания.

— Халапов, разворачивай свой аккордеон и сыграй нам что-нибудь, пока я не треснул тебя так, что с тебя слетят весмушки. Ни одна из этих земных

кобылиц понятия не имеет о том, как надо танцевать, и Уайтуотер Джонс намерен давать им уроки. Ну, живо!

Халапов рванулся через зал к бару, где Хильда подала ему аккордеон. Это была самая поразительная демонстрация убеждения угрозой силы, какую Халдейн когда-либо видел. Халапов был по-настоящему напуган.

Харгуд не делал никакой попытки призвать этого человека к дисциплине, когда тот чванливо шествовал вдоль выстроившихся по дуге столиков, с возжеланием разглядывая женщин, оценивающие приглядываясь и к тем, которые прибыли с Земли.

— Уайтуотер Джонс желает танцевать, а если Уайтуотер Джонс танцует, он и ласкает. Любая еще не обласканная Уайтуотером женщина ощущает сейчас величайшее в ее жизни нервное возбуждение.

Его хвастовство достижениями на поприще сладострастия находилось в полном несоответствии с фоном печальной народной мелодии, который бесчисленными tremolo создавали дрожавшие от страха пальцы Халапова.

Он приблизился к столику Харгуда, уставился взглядом на Хиликс и заорал:

— Док, зачем вы держите взаперти эту маленькую гнедую кобылку? Выпустите ее за ворота!

— Вы слишком пьяны, — сказал Харгуд.

— Вы намекаете, что я не в состоянии контролировать выпивку? Я могу взять на грудь бочку самогоня и выпить ее до дна, не расплескав ни капли, съесть какого-нибудь медика для очистки желудка и поковыряться в зубах рукой земного мужчины вместо зубочистки.

Он остановился и положил свою массивную руку на плечо Хиликс. Его крик упал до воркования грома, предвещающего грозу, когда он сказал:

— Ма-ам, я знаю, что вы, земные женщины, понятия не имеете о том, как следует танцевать, но вальсировать совсем просто. Я буду вам признателен, если вы позволите мне дать вам первый урок...

Халдейн осторожно поднялся, прошел позади терзаемого любовным жаром моряка и уже вышел на танцевальную площадку, когда услышал, как Джонс говорит:

— Я всего лишь моряк, чужой в этом городе, и бываю здесь не часто. Мне очень хочется дать вам этот первый... — Он повысил голос и заревел на Халапова: — Играй вальс!

В наступившей тишине Халдейн крикнул:

— Подойди-ка сюда, потанцуй со мной, ты, сукин сын!

В момент одной из вспышек душевного подъема, который он так никогда и не смог до конца проанализировать, Халдайна осенило, что рыжеволосый великан должен очень любить свою мать.

— Как ты назвал меня, сынок?

По боли и недоверию, прозвучавшими в вопросе Джонса, он почувствовал, что ударил в больное место. По требованию моряка Халдейн повторил сказанную фразу и сделал ударение на предпоследнем слове.

Это оказалось не просто больное место. Он ударил по материнской жилке одержимого любовью к матери. Неслыханная скорость, с которой закипел этот великан и бросил на танцевальную площадку всю свою пьяную массу, атаковавшую Халдейна, не оставила сомнения в том, что Уайтустер Джонс был самым любящим сыном со времен Эдипа-царя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На вид беспомощный и слабый, точно газель перед разъяренным носорогом, Халдейн ожидал нападения, а Халапов тем временем грянул синкопированную вариацию «Вальса смерти».

Когда всей своей мощью бросившийся в атаку Джонс оказался рядом, Халдейн поставил подножку, и растянувшееся во всю длину тело понесло по навшенному полу. Голова Джонса колотилась о стоявш-

шие в ряд возле буфетной стойки пустые табуреты, они падали, словно кегли в игре в шары, и кто-то из обеденной части зала заорал:

— Бита!

Некоторые зрители одобрительно захлопали.

Уайтуотер поднялся на ноги, потрогал рассеченную губу и уставилсь на кровь на руке. Должно быть, вид собственной крови возбудил его до неистовства. Несмотря на это дополнительное подкрепление сил противника, Халдейн насчитал всего три столика, отдававших ему свои симпатии за проведенный прием, плюс временные постояльцы.

Тем не менее аплодисменты усиливались.

Важнее, однако, было то, что, маневрируя, он поставил Джонса в удобную для себя позицию. На третьей атаке ему удалось захватить вытянутую руку, подставить плечо и, оторвав матроса от пола, бросить его так, что, пролетев по воздуху, тот приземлился на свои лошадиные бабки, пару раз подскочил, пока скользил по полу, и угодил ногами в пылающее пламя камина.

Вопли боли от камина отзывались продолжительными аплодисментами из обеденной части зала и мелодией «Еще один вальс со мной, Вилли» из аккордеона.

Зачаточные способности воспринимать преподанный урок, видимо, у Джонса все-таки были. Включив в работу мозги вместо обожженных ног, он медленно заковылял к Халдейну, не делая ни одного быстрого движения, которое могло бы быть использовано против него. Он надвигался на землянина с выставленными, как клешни, руками, и эти руки медленно окружали Халдейна кольцом.

Он был в положении дрессировщика, голова которого уже находится в пасти льва. Хорошо слышимые звуки набираемого в грудь воздуха говорили о том, что он поступил опрометчиво, однако и завоевал расположение публики.

Руки-клешни осторожно подтаскивали Халдейна к огромной груди, а массивные ноги раздвигались, увеличивая площадь опоры для сокрушающего дви-

жения огромной неповоротливой массы. Однако Халдейн еще не был сокрушен и был начеку.

Он с взрывной силой бросил вверх колено.

С воплем на несколько децибел более высокого тона, чем вопль от камина, Джонс отпустил Халдейна и обеими руками ухватился за то место, которому только что было нанесено оскорблечение. Халдейн нанес удар карате по основанию шеи. Свернувшийся эмбрионом Джонс с грохотом упал на пол, держась руками за оба ушибленных места, хрюплю хныча кровоточащим ртом:

— Веревка приурка... Веревка приурка.

Халдейн никогда не слыхал о веревке приурка.

Он кружил около неуклюже упавшего громилы, который, на его счастье, лежал на правом боку, удобно подставив подбородок для удара носком правой ноги. От тщательно осмотрел этот носок, подысканная подходящее место на подбородке, и отступил на шаг, чтобы нанести смертельный удар, тогда как Халапов наигрывал «Время былое». Из толпы неслись крики одобрения.

— Отставить, Халдейн!

Это была властная команда професионала. Годы дисциплины закалили Халдейна.

Широким шагом Харгуд вышел на арену, забрызганный кровью, сочившейся изо рта Джонса:

— Когда он крикнул: «Веревка приурка», это означало, что он сдался.

— Простите, сэр, — принес извинения Халдейн, — я не знаком с обычаями страны.

— Встаньте, Джонс. Я хочу осмотреть ваш рот.

Медленно, сначала на одно колено, Джонсу с трудом удалось подняться на ноги, и он покорно открыл рот.

— У вас разбита губа, и вы можете остаться без зуба. Идите домой и ложитесь спать. Я наведаюсь к вам в десять утра.

Тряся головой и что-то бормоча себе под нос, этот полуконь-полуаллигатор, спотыкаясь, заковылял к задней двери с надписью «Выход».

— Что-то подсказывает мне, что вы решили как следует приспособиться к Тартару, Халдейн. — Харгуд взял его за руку и повел к столику.

Халдейна слегка трясло, но главной причиной этого было не происшествие.

Те присяжные на Земле были правы в его оценке. За тонкой оболочкой цивилизованности действительно скрывался свирепый неотесанный дикарь, и нынче вечером эта тонкая оболочка дала трещину. Он чувствовал себя так, словно после долгого бессмысленного блуждания в пустыне сдержанности бросился в чистую холодную воду необузданной жестокости. Он намеревался убить Джонса и знал, что сделал бы это с удовольствием.

Они еще не успели сесть, как Хиликс холодно бросила:

— Какое ты имел право так поступить?

— Я всегда раздражителен спросонья.

— Этот несчастный хотел всего лишь танцевать со мной. Я согласна, что он груб и неотесан, но в том, что он говорил, чувствовалась поэзия.

— Лишь хотел танцевать с тобой! — Халдейн смерил ее скептическим взглядом. — Ты так наивна? Если ты — именно то, что доступно магии его поэзии, я пойду и приволоку этого бездельника обратно, и ты сможешь провести мою брачную ночь с ним.

— Да, вы вполне подойдете для Тартара, — сказал Харгуд с грустной убежденностью в голосе.

— Ты очень агрессивен, не так ли? — упрекнула его Хиликс, но ее глаза сияли восторгом, который не оставлял сомнения в полном соответствии друг другу их отношений к происшествию. Она уже подходила для Тартара. Ее приспособление произошло так быстро, словно она вернулась на родную планету.

— Доктор Харгуд, я знаю, что вы устали и хотите домой к вашей жене и двенадцати детям, восемь из которых ваши, так что Хиликс и я удаляемся и просим извинить нас.

— Сомневаюсь, стоит ли мне идти с тобой наверх, — сказала она. — Ты такой псих.

— Как нам поведал один хороший доктор, здесь существует один древний обычай, которым жениху предписывается переносить невесту через порог на руках. Я с удовольствием хочу напомнить тебе об одном еще более древнем обычай — жених зата斯基вает невесту к себе в пещеру за волосы.

— Иду, мой господин, — сказала она, поднимаясь.

Опять это непредсказуемое воодушевление.

Он швырнул ее себе на плечо и понес, произительно визжащую и извивающуюся в притворном гневе, через зал, а затем вверх по лестнице, и приведенная в восторг публика поднялась и, стоя, провожала его овациями. На самом верху лестницы он обернулся, помахал толпе рукой, а напоследок хлопнул по ее обращенному к публике заду.

В ответ раздались топот, одобрительные возгласы и свист.

Он пинком распахнул дверь и внес свою шипящую, как раскаленная сковорода, невесту в комнату, где ревущий в камине огонь освещал роскошную кровать на четырех столбах, с балдахином и занавесями.

— Ты, грубое животное, — прошипела она. — Я теперь никогда не смогу ходить по Тартару с поднятой головой.

— В моем поведении не было ничего личного, — уверил он ее, отодвигая занавеси, чтобы швырнуть свою ношу в постель. — Это мое выступление открывает политическую кампанию, так сказать, стартовый выстрел в гонке за президентство. На этой планете не имеет значения, ходишь ты с поднятой или опущенной головой. Три пятых населения вообще никогда не смотрят выше... У этих грубиянов есть первозданная энергия, которой я намерен управлять и приводить их в повиновение с помощью единственной и понятной всем команды; они смогут создать технологию, которая необходима для реализации моей идеи.

Она лежала на спине, откинувшись на локтях, и смотрела на него снизу вверх с нескрываемым удивлением.

— Повинование! Ты боролся с ним на Земле... Папа оказался прав! Ты сделал бы Землю несчастной, не забери я тебя с этой планеты.

— Слушай, Хиликс, — он сел на кровать, каждая черточка его лица выражала решимость, — это тот случай, когда цель оправдывает средства. Я смогу освободить Землю от мертвой хватки социологов. Цепная реакция света, включаемая лазерным источником, будет означать достижение скоростей с бесконечным ускорением. Понимаешь, это похоже на детскую вертушку со светом вместо ветра, генерирующую внутри себя такую мощность, что потребуется вращающееся сопло не больше этого.

— Попрошу без непристойных жестов.

— И упор, создаваемый в этом сопле, будет всего лишь на острье световой булавки, но это острье должно быть таким мощным, чтобы отпала необходимость ракетного разгона при взлете... Зачем ты снимаешь блузку?

— Становится жарко.

— Огонь скоро погаснет... То, что я предлагаю, будет на практике чем-то вроде такси-кеба сквозь время. Само собой разумеется, что движение со скоростью выше световой будет опережать ход времени, но время течет только в одном направлении. Следовательно, если в течение следующих пяти минут совершил скачок на десять, я окажусь там же, где нахожусь сейчас; однако если я прыгну на пятнадцать минут, то буду подниматься с тобой по лестнице, как это было пять минут назад. В кебе не потребуется никакая система жизнеобеспечения, потому что при бесконечной скорости добраться до места назначения можно за сколь угодно короткий отрезок времени еще до того, как легким потребуется освободиться от отработанного кислорода... Почему ты снимаешь юбку?

— Становится прохладно.

— Это своего рода обратная реакция, которая напоминает мне закон Ньютона — каждому действию есть обратно направленное и равное ему противодействие — все еще действует. Вес кеба можно

уменьшить настолько, что потребуется энергетическая установка не более аккумуляторной батарейки. Понимаешь, Хиликс, вот в чем красота Теории Халдейна с классической точки зрения. Она обобщает теорию квантов, ньютонову физику, энергетическую теорию Эйнштейна, одновременность Фэрвэзера, и все они будут танцевать на могиле Генри VIII, а я присоединюсь к этому танцу, вальсируя под вариации $LV^2 - (-T)$. Ты куда идешь?

— Спущусь на кухню, хочу взять у Халапова несколько кулинарных рецептов.

— Я начал знакомить тебя с величайшей формулой со времен $E-MV^2$, а ты отправляешься вниз к повару.. Эй, на тебе нет ничего, кроме туфель!

— В этом весь смысл.

До него дошла великая истина, не имеющая ничего общего с математикой:

— Иди сюда, девочка.

Уперев руку в бедро и непринужденно облокотившись спиной о дверь, она спросила:

— Ты ревнуешь?

— И очень, к человеку по имени Флексон, самому хитрому и ловкому из когда-либо встречавшихся мне.

— Я приду, — сказала она, — если ты пообещаешь..

— Хорошо! Хорошо! Я больше никогда не буду говорить с тобой о Теории Халдейна по вечерам.. Мне бы следовало быть гинекологом.

— Это не то обещание, которое я хотела бы услышать, — сказала она, не отрываясь от двери.

Он схватил ее юбку и блузку и швырнул их в угол. Молитвенно разведя широко руки, он сказал:

— Повелевай.

— Скажи-ка мне, что представляет собой технический прием, именуемый «палочкой для коктейлей» Халдейна?

Он закрыл глаза и хлопнул ладонью по лбу жестом отчаяния:

— Из пяти тысяч трехсот восьмидесяти строк расшифровки стенограммы ты выхватила эту единственную фразу. Надойди, Хиликс, я растолкую тебе смысл

этого приема и объясню, почему никогда не пытался продемонстрировать его неопытной, как я тогда по-лагал, молодой девственнице в перенаселенном городе, таком, как Сан-Франциско.

Когда он открыл глаза, она стояла очень близко, глядя на него с любовью, восхищением и полная страстного желания. Он обхватил ее руками, чтобы не позволить сбежать к Халапову.

— Когда я впервые встретил тебя, — сказал он, — твои красота и стать представлялись мне неземными, но твой аналитический, рациональный, не женский ум поставил меня в тупик. Отец предостерегал меня, что ты не моего времени и места. Мой адвокат на-мекал, что твоя сущность — интеллект дьявола в образе женщины. Но теперь одно маленькое сомнение, касающееся одной случайно сорвавшейся с языка пикантной детали, неуместной и к делу не относящейся, убеждает меня в том, что ты — женщина. Однако моя надежда на роман с некоей вечной Лилит утрачена навсегда.

— Довольно крутить вокруг да около. Брось, Дон. Что это за...

— Почему все называют меня Дон?

— Я дала тебе это имя, Дон Жуан.

— О, в честь романтического героя Байрона?

— Не совсем. Скорее я имела в виду героя Дж. Б. Шоу.

— Кто он?

— Ну, он из девятнадцатого века. Ты наверняка его не знаешь.

— Не знаю. Я начал с восемнадцатого века и пошел другим путем.

— Мы здесь не для литературного диспута...

Раздался деликатный стук в дверь, и Халдейн швырнулся через плечо на середину постели свою обнаженную, но обутую невесту, говоря:

— Посиди за занавеской, пока я не отдалаюсь от этого тупого посыльного.

— Дай мне мою одежду, — прошептала она. — Это не посыльный, и ты от него не отделаешься.

— Неужели ты так же экстрасенсна, как и сверхсладострастна? — сказал он, закрывая занавеси.

Раздосадованный появлением посетителя, он подкрался к двери и распахнул ее.

Постучавший в дверь высокий мужчина с золотисто-каштановыми волосами заговорил едва ли не шепотом:

— Не позволишь ли войти на минутку, Халдейн IV? Мое имя — Фэрвезер II.

Халдейн отшатнулся назад и почувствовал себя баскетболистом, делающим бросок в прыжке с падением.

— Пожалуйста, сэр. Это честь для меня.

— Я надеялся заглянуть сюда до того, как вы приступите к своим брачным играм, но прежде чем подняться, я должен был расспросить Харгуда. Он говорит, что ты играючи прошел тесты на психическую уравновешенность и отвагу. Я горжусь тобой, сынок. Извини за фамильярность, но теперь тебе следует знать, что у нас с тобой больше общего, чем у многих старых друзей. Харгуд говорит, что ты докопался даже до моей Теории Отрицательного Времени?

— LV² — (—T)?

— Точно! — Сиявшая похвалой улыбка Фэрвезера почти полностью изгладила разочарование Халдейна от необходимости отказаться от авторского права на Теорию Халдейна.

— Не присядите ли, сэр? В данный момент моя супруга не вполне здорова.

Пока Халдейн пододвигал для него стул к огню, серые глаза Фэрвезера пробежали по комнате. Поблагодарив за приглашение, он сказал:

— Все еще носит эти туфли... — Потом обратился к занавешенной кровати: — Выходи, женщина, и забери свою одежду. Твоя нагота меня не обворожит.

— Сэр, это может быть немного неудобно... Я подам ей одежду.

— Не беспокойся, Халдейн. Я видел ее попку так же часто, как и лицо. Ее мать — одна из моих самых ленивых жен, поэтому мне часто приходилось самому менять ей пеленки.

— Вы хотите сказать, сэр, что вы — ее отец?

— Не суди меня строго, сынок. Когда она появилась, я был уже стар и устал от жизни. Кроме того, из восьмидесяти одного ребенка один-два непременно оказываются неудачными.

— Папочка, — запричитала Хиликс из-за занавесей, — я сама хотела ему рассказать.

— Сэр, для меня честь быть вашим зятем, к тому же у вас очень необыкновенная дочь, но.. — Краешком глаза он видел, как Хиликс стремглав выскочила из-за занавесей и сгребла свою одежду. — У меня возникают грустные сомнения в самом себе. Похоже, я — что-то вроде трофеяного голубка из Вселенной. Я полюбил эту девушку, а она со мной хитрила. Ваша дочь, сэр, самонадеянная женщина. Она заморочила мне голову пустой болтовней о целомудрии, чтобы соблазнить меня в значительно более глубоком...

— Пустая болтовня о целомудрии! — раздался вопль старой ведьмы из угла. — Папа, он вывалил имя Фэрвэзеров в грязи. Он похитил мою добродетель. Он довел меня до полного отчаяния и краха надежд. Он — отец моего неродившегося ребенка. И все это — пустяки?

Заправляя блузку в юбку, она вышла из своего угла.

— Отец, этот человек не оправдал мои надежды. Я намеревалась выйти за него, чтобы превратить его в целомудренного человека.

— Об этом у нас с тобой договоренности не было, детка, — упрекнул ее Фэрвэзер. — Спокон веку повелось, что отец должен одобрить избранника своей дочери.

Он повернулся к Халдейну.

— Она не собиралась выходить за тебя замуж, но мне думается, что все получилось прекрасно, потому что, принимаясь за выполнение этого задания, она уже подошла к той черте, после которой можно остаться старой девой...

— Фу на тебя, отец, — с негодованием сказала Хиликс. — Ты же знаешь, что я отвергла четыреста

двадцать предложений... Что же касается тебя, Халдейн, то вот этими моими руками ты отловлен среди шестидесяти пяти тысяч претендентов категории М-5 на планете. Так что если ты и голубок, то очень редкой породы.

— Я всегда могу рассчитывать, что моя дочь сделает то, чего хочу я, — сказал Фэрвезер, — до тех пор пока это не войдет в противоречие с тем, чего хочет она сама. Она согласилась на эту миссию, полагая, что хотя бы вполглаза присмотрит себе экземплярчик вроде тебя; не говори, что это не так, дочка.

— Это так, но довольно раскрывать мои секреты.

Ум Халдейна прокручивал подтексты того, что он слышал, но один из этих подтекстов выпирал из его мозга наподобие Аннапурны на равнине Солсбери.

— Сэр, если она отвергла четыреста двадцать предложений, то должна быть очень опытной женщиной.

— Скорее всего, да, — кивнул Фэрвезер, — но она была слишком разборчивой для тартарианки. Кроме того, ей было всего двадцать два, когда мы регрессировали ее до шестилетнего возраста перед отправкой на Землю. Двенадцать лет она прожила на Земле, не покидая ее, так что ей сейчас только тридцать четыре. Органически она, конечно, восемнадцатилетняя.

Совершенно отупев, Халдейн повернулся к ней и выпалил:

— И ты интересовалась моей опытностью! Ты уже играла в эти игры на этой планете, когда я запускал воздушных змей на той. О, как ты, должно быть, смеялась над тем, как я проводил свои опыты... Это зажигание сигареты с другого конца... Практическая йога.

Он по-настоящему рассердился, и она положила ему на плечо руку. Когда она заговорила, в ее голосе были нежность и сочувствие:

— Пожалуйста, избавься от этого ощущения несоответствия и не занимайся самоуничтожением, дорогой. Мы, более зрелые женщины, придаем гораздо

больше значения полному молодости энтузиазму, чем добытому практикой умению. И нигде на Тартаре не найти мужчину, который сумел бы поднять генеральное среднее на 0,08 процента.

Успокоенный ее покаянием, он ухмыльнулся:

— Ты — распутница. Но, сэр, — он повернулся к Фэрвезеру, — как вы отправили ее на Землю?

— С помощью устройства, реализующего возможности формулы отрицательного времени. По существу, это не космический корабль. Скорее, космическая шлюпка. Я уверен, тебе не трудно представить, какого типа транспортным средством мы пользуемся.

— Ну, а каким образом вам удалось втиснуть ее в необходимый отрезок времени, не нарушая логику событий?

— Над южной частью Тихого Океана потерпела аварию трансконтинентальная ракета. Родители девочки погибли. Уцелевших вообще не было, кроме ребенка, найденного чудесным образом оказавшимся на спасательном плотике близ места катастрофы... Нам оставалось дождаться супружеской четы А-7, потому что, ты ведь понимаешь, в Хиликс есть что-то от поэтессы.

— Но как вы могли знать, что ракета потерпит аварию... — он остановился. — Такси-кеб в состоянии двигаться сквозь время как в прямом, так и в обратном направлениях. Не отвечайте на этот вопрос, сэр.

— В таком случае, молодая леди, если вы крепко обнимете вашего отца и отправитесь тихо посидеть в уголке, то скоро сможете вернуться к вашим ритуалам Гименея, если я не злоупотребляю терминологией.

После церемонии объятий Хиликс села, а Фэрвезер повернулся к Халдейну:

— Если я правильно понял то, что читал о твоем синдроме, ты хотел бы помочь нам сломить Департамент Социологии и установить на Земле свободу человеческого духа.

— Сэр, я строил собственные планы бросить гаечный ключ в их машину, когда ваша дочь пригрозила

помешать мне. Она что-то стряпала на собственной кухне.

— Мало проку бросать гаечный ключ, если не знаешь, куда его бросить, — сказал Фэрвезер. — В истории очень немного периодов, и они наступают на ее ранних этапах, когда один человек в состоянии изменить линию поведения народов. Чтобы ликвидировать власть социологов, мы должны уничтожить семена этой власти, которые были выращены задолго до того, как социологи овладели властью.

Нам нужен математик-теоретик для осуществления перехода, потому что во время приближения к Земле потребуется выполнять нивелировки в пределах толщины волоса. Возвращение обратно проблемы не представляет. Ты всего лишь щелкнешь приводным переключателем.

Мы посылали Хиликс на Землю, чтобы доставить сюда тебя, потому что среди прибывающих изгнанников никогда не было математиков-теоретиков. Эти люди так поглощены своими проблемами, что им нет никакого дела до правительства; в действительности, они даже не осознают, что оно вообще существует. Хиликс должна была вырастить семена уклонизма. Твой синдром — такая удача, которой никто не ожидал.

Наши эксперты определили, что в заданный исторический период ты не должен оставаться на Земле более восьми лет. Восемь лет — это самое большое. Если ты пробудешь там дольше, то засыпешься, потому что не будешь стареть. Твой клеточный баланс будет стабилизирован, чтобы предотвратить болезни. Мы также научим тебя самогипнозу, чтобы ты мог управлять болью, и йоге, чтобы мог справиться с кровотечением на случай перелома конечностей или ран. Естественно, тебя научат оказывать самому себе необходимую медицинскую помощь.

Сигнальное устройство в пломбе твоего зуба будет твоим проводником и ночью, и в плохую погоду к спасательному транспортному средству, которое будет вести непрерывную передачу, работая на солнечной

энергии, так что ты будешь в относительной безопасности.

— Для подготовки твоего перехода потребуется четырнадцать недель интенсивных тренировок, которые начнутся после вашего медового месяца.

— Но, сэр, Хиликс... Я хотел бы быть с ней, когда придет время появления ребенка.

— Ты будешь отсутствовать не более трех дней, по ее времени. Механизм запрограммирован таким образом, чтобы потеря времени компенсировалась при возвращении назад.

— В самом деле, — сказал Халдейн, — ведь я могу увеличивать V^2 .

— Твоя капсула очень мала и построена так, что имеет сходство с валуном, но этот валун не может быть раздроблен никаким способом, известным на Земле в заданном историческом периоде.

— Мне дадут основы того, что относится ко времени и месту перехода?

— В режиме интенсивного обучения. Тебя будут обучать во сне, тебе имплантируют гипнотические капилляры, целую гамму.

С языком проблемы не будет. У нас есть ученые-грамматики, которые говорят на нем, практически на каждом прибывающем тюремном звездолете.

Как только ты осуществишь переход, на приспособление к местным условиям тебе потребуется времени не больше, чем ушло бы на это при переезде из Сан-Франциско в Чикаго.

Фэрвезер сделал паузу и посмотрел на огонь.

— Меня озадачивает только один серьезный вопрос, потому что я не могу ответить на него самому себе, а ведь мы с тобой — взаимозаменяемые «Я».

Он повернулся, и какая-то особенность в его голосе заставила Халдейна быть предельно внимательным.

— Способ забрасывания гаечного ключа целиком остается за тобой, потому что ты будешь на месте и сможешь оценить ситуацию. В университете тебе дадут альтернативные планы действия и рекомендуемые подходы, но окончательное решение будет твоим.

Есть определенная вероятность того, что в качестве способа тебе придется выбрать террористический акт. Есть ли в твоем жизненном опыте что-либо такое, что могло бы убедить тебя в том, что ты способен совершить убийство ради своих принципов?

Халдейн вспомнил тот смертоносный удар, который неминуемо прикончил бы Уайтуотера Джонса, если бы Харгуд его не остановил.

— Я мог бы убить, — ответил он решительно.

— Следующий вопрос сугубо личный, но я спрашиваю, потому что знаю самого себя: чувствуешь ли ты, что твоя любовь к Хиликс поможет сохранить твою верность цели, несмотря на уговоры женщин, которые будут искать возможности разубедить тебя?

— Сэр, я не поддаюсь на их штучки. Женщин я изучал на ней.

— Последний и очень важный вопрос: не отвергнешь ли ты свое решение, если я скажу тебе, что язык, которому ты должен обучиться, древнееврейский?

Халдейн внутренне присвистнул.

Он никогда не помышлял о богоубийстве.

Сидя здесь, на другой планете, достаточно простое дело — размышлять. Но выравнивать эту Фигуру на мушке арбалета будет совсем другим делом, когда придет время это сделать.

О дьявол, вспомнил он, арбалет был изобретен, когда Ему минуло шестьдесят пять, только за пять лет до Его смерти, а ему придется подобраться к Нему еще до Его сорокалетия; и это означает, что потребуется воспользоваться кинжалом или копьем.

Надобности в террористическом акте может и не быть, напомнил он себе.

Надо сделать так, чтобы быть очень уверенным в том, что такая надобность не возникнет.

Он поднял взгляд на Фэрвэзера:

— Решение изменено, но не отвергнуто.

Он вдруг улыбнулся:

— Сэр, если бы я уже прошел тренировку, то подготовился бы к израильскому переходу за три часа.

— Хвастун, — сказала Хиликс.

— В таком случае, это освобождает меня от необходимости извиняться за мое более чем необычное к тебе обращение.

Он поднялся, пожал руку, наклонился, чтобы поцеловать Хиликс, и остановился у двери.

— После вашего медового месяца — переезд в университет. Мы воссоздали древнееврейскую деревню с утварью, которой они пользовались, и пищей, которую они ели. Твоими инструкторами будут фарисейские евреи, большей частью неперевоссозданные, и они будут вести непрекращающуюся битву за Иерусалим. Не позволяй им увлечь тебя своими политическими пристрастиями, потому что, вероятнее всего, ты будешь на другой стороне.

Они будут называть тебя твоим именем-прикрытием, это имя будет Иуда, самое распространенное в тех местах того времени, и такое, которое не фигурирует в Его анналах. Полное имя, насколько я помню, Иуда Искариот.

ЭПИЛОГ: СНОВА НА ЗЕМЛЕ

Он питал отвращение к массовым студенческим сборищам на территории университета, со всеми их гладковолосыми девицами и бородатыми парнями. Ни один уважающий себя студент инженерно-механической специализации не стал бы даже глядеть на это. Но ему было необходимо пройти через университетский двор к Студенческому Союзу и, обходя толпу, он обратил внимание на девушку.

Она стояла поодаль от толпы слушателей, ее темные волосы, расчесанные от высокого лба, растекались по спине, а коричневые глаза выражали насмешливое презрение к выступавшему. По ее цветовой

гамме и мягким линиям тела он признал в ней ливанку.

В памяти ожили слова давно умершего друга: «В одной телесной оболочке загадочный Восток, благоуханный буйный Юг, искрящийся морозом Север и дерзновенный Запад. Но, Хал, вино любви наивысших качеств достойно пить громадными глотками лишь из ливанских бочек».

Обычно Уильям Шекспир знал, о чем говорил, но как раз в то время, вспоминал Хал, Вилли имел дело с девушкой из Алеппо. Тем не менее он остановился рядом с ней, как бы слушая оратора, и обернулся:

— Против чего протестуют на сей раз?

— Снова плата за обучение, — ответила она. — Оратор пытается организовать бойкот университета.

— Один римский студент по имени Юний как-то уже пытался это сделать, и Домициан Флавий выпотрошил его и четвертовал на Форуме.

— Судя по его горячности, этот, возможно, тоже Юний. Я жажду научить этих студентов основным методам организации.

— Поскольку вы испытываете жажду, — сказал он, — а я как раз направляюсь в кафетерий, готов угостить вас, если вы станете меня учить.

Она повернулась к нему и посмотрела повнимательнее:

— Вы хотите сделать попытку произвести на меня впечатление, изрядно истощив кошелек?

— Нет. Прошлым вечером я выиграл в кунекене и хочу попытаться избавиться от некоторой части свободной мелочи.

— Обычно я беру больше тридцати центов, но по пятницам на меня цены снижены.

Было время занятий, и в очереди в кафетерии стояло всего несколько студентов, поэтому ей представился случай, не торопясь, выбирать фруктовые пирожные. Оценивая совокупность ее очертаний, цвет кожи и тонкие семитские черты лица, он пришел к заключению — мила. А ее неторопливая переменчивость, когда она, нерешительно торгугаясь сама с собой, выбирала хрустящие пышки, была — ни дать

ни взять — картинкой прямо со средневосточного базара.

— Вы ливанка? — спросил он, пока они прокладывали себе путь к столику.

— Нет. Гречанка. Меня зовут Элен Патроклос.

— Это не так далеко к югу, как Алеппо, и не так далеко к востоку, как Багдад, но как раз так далеко, как надо.

— Коль у вас тяга к возрождению языческих шуток, — заметила она, — не голландец ли вы?

— Нет, — сказал он, — я еврей, Хал Дейн. Д-е-й-н.

— Для еврея это необычное имя.

— Это не настоящая фамилия. Моя еврейская фамилия — Искариот.

— Несомненно Иуда Искариот, — сказала она, выбрав столик, — и нет сомнения, что вы пытаетесь стянуть лосины с моих ног.

— Я бы не отказался от такого удовольствия.

— Это просто гусарское выражение, несмысленое.

— Но содержательное и очень земное, — сказал он. — Мне нравится ваш современный жаргон.

— Оно так же старо, как двадцать три Насреддина.

— Я знаю, — сказал он. — Впервые я услышал его от своей старой любови, которая интересовалась такими древностями.

— Где теперь ваша старая любовь. — В ее вопросе прозвучала личная заинтересованность, и он подумал: «Девушка в меня влюбилась».

— Потерялась там, где валяется впустую потраченное время, — сказал он, — где-то за Арктуром.

— Вы чудак!.. Можно, я буду макать?

— Бога ради.

Она была первой девушкой, виденной им с рассвета Христианской Эры, которая макала хрустящую пышку в кофе с таким обаянием.

— Что касается лично меня, — сказал он, — то мне доставляет наслаждение любоваться грацией вашей руки, и особенно запястья, в тот момент, когда

вы опускаете его в последнем движении обмакивания.

Она подняла брови и посмотрела на него поверх поднесенной ко рту пышки.

— Скажите, вы специализируетесь не в литературе?

— Нет. В инженерной механике.

— Вы говорите, словно поэт и историк одновременно.

Что-то в этом разговоре напомнило ему другой, происходивший почти на этом же месте и в это же время, когда он был здесь в первый раз и поначалу недооценил силу женщины.

— Меня восстановил против поэзии этот неблагодарный Мильтон, — сказал он, — тот, что представил Сатану в такой эпической манере, что люди оказались не в состоянии его узнавать. Он вложил так много чувства в его позу Властелина Тьмы. Насколько нам известно, Сатаной может быть самый обыкновенный тестя или свекор, в котором нет ничего необычного, кроме своеобразного склада ума.

— Вы — крепкий орешек, Хал, но мне нравитесь.

Он не мог сказать, искренно она или прикидывается, но как отличить одно от другого, должно быть, навсегда останется одной из тайн жизни для мужчины, обремененного боязнью показаться бестактным.

— А какова ваша специализация? — спросил он.

— Общественные науки.

— Я должен был догадаться. Вы всегда посещаете эти сборища.

— Только не я, — сказала она. — Нам не организоваться с помощью телевидения, паблисити, студенческих сидячих забастовок и бойкотов. Это не так просто. Организации формируются в результате переползания идей от ума к уму, посредством постепенного их доведения до сознания.

— Вы что-нибудь организуете?

— Да. Международную организацию студентов, чтобы ускорить установление всемирной дружбы совершенолетней молодежи. Кроме общения со студен-

тами здесь, в университете, я переписываюсь со студентами в Англии, России, Аргентине. У меня есть энергичный молодой парень в Хайфе, который горит желанием организовать Израиль. Но он пишет на иврите, а я по-английски... Вы говорите на иврите?

— Бегло, — сказал он, — на нескольких диалектах.

— Вы серьезно, Хал?

— Абсолютно. Я также говорю на арабском, греческом, итальянском, французском, немецком, испанском и русском языках.

— Скажите что-нибудь по-гречески, — потребовала она.

— На чисто афинском или с критским акцентом?

— Говорите на афинском, — сказала она, — но говорите медленно.

Он не сомневался, что она берет его на пушку, однако он не стал говорить медленно. В темпе обычной беседы он сказал ей чистую правду:

— Вы — одна из самых красивых девушек, каких я встречал, и хотя я знаю, что красота и добродетель редко уживаются под одной крышей, у вас есть они обе, и они — неразлучны. Я мог бы полюбить вас, в буквальном смысле слова, на сотню лет и не устал бы от этой любви, если бы вы могли оставаться так долго.

Пряча удивление и приятный испуг, она потупила взгляд и сказала:

— Я видела, как шевелились ваши губы, но не смогла понять ни одного слова.

Значит, она поняла каждое слово. Ладно, правда — она и есть правда.

Вдруг она наклонилась к нему и заговорила с твердой решимостью:

— Наше движение могло бы воспользоваться вашим талантом полиглotta. Нет, я буду с вами более откровенна. Вы мне необходимы. Все, что я могла бы предложить, это моя глубокая признательность, но вы могли бы получить удовлетворение, работая ради чего-то большего и более долговечного, чем вы и я.

Она размахивала руками, как это принято у греков или евреев, и эти руки, ее темные глаза, семитский облик, отраженный в чертах ее лица, терзали его приступом ностальгии, с которым он боролся, стараясь скрыть. Он снова был в старом Иерусалиме, а девушка напротив него была Мариеей Магдалиной. У нее был тот же накал страстей, сильных, убедительных, бескорыстных, что и у Марии Магдалины, и она использовала для убеждения почти тот же аргумент, что и Мария, когда уговаривала его освободить свое место для Джошуа, теперь называемого Иисусом, и уступить их другу поездку на последнем звездолете с Земли.

Модели не менялись никогда. Приливные волны истории откатывались, а его единственная земная любовь приходила к нему вновь. Мария Магдалина сидела перед ним, лишь слегка изменив облик и манеры, и ее ум и выразительность были теми же самыми, что у его единственной неземной любви, Хиликса. Он наклонил голову, притворяясь, что ему потребовалось потереть переносицу — она даже называет его «несмышленыш» и «крепкий орешек», как это делала Хиликса.

Когда он поднял глаза, Элен промолчала, но в ее взгляде была мольба.

— Вот что, Элен, почему бы мне не появиться в вашей квартире завтра вечером? Мы могли бы повернуть эту идею и так и этак и посмотреть, что из нее выползет.

— Я буду вас ждать, — сказала она, записывая адрес на почтовой бумаге, — потому что вы мне понравились и, я думаю, сможете стать очень полезным для организации. Ваше общественное мышление, вероятно, не сфокусировано ни на чем, потому что вы — инженер, а инженеры — люди действия.

— Да, — согласился он, беря ее адрес, — когда приходит время действий, мы в рядах первых трех процентов, в частности, и во всем, что касается союзов между студентами.

— О, я ничуть не сомневаюсь в столь темном орешке, — сказала она, поднимаясь. — И благодарю

vas за угощение и приятную беседу. Однако мне пора, я спешу к «Человеку и Цивилизации». Не забудьте — в субботу. Приходите около шести, я приготовлю что-нибудь перекусить.

Он знал, что о субботе не забудет, наблюдая, как она удаляется от столика, напоминая ему своими покачивающимися движениями Хиликс. В последнее время он думает о Хиликс все чаще. Уже остались считанные секунды, по ее времени, до самого поразительного в ее жизни и жизни ее отца сюрприза, когда откроется дверца космического такси и из него выйдет Еврейский Пророк. Но, может быть, это их не удивит.

Ладно, он должен был поступить именно так, как поступил; и без того между здесь и не здесь много вопросов осталось в подвешенном состоянии. Как однажды сказал Флексон, правда остается в глазах очевидца, но у Халдейна слабые глаза. Он не то чтобы верил, будто все говоренное было заранее продуманной ложью; однако в присутствии Фэрвэзеров правда вела себя как-то странно. Да и притчи Джошуа были кристально чистыми, только если принимать в соображение, что кристаллы преломляют свет, а Халдейн IV, кличка — Иуда Искариот, кличка — Хал Дейн, никогда не был силен в спектральном анализе.

Одна вещь все же беспокоила Халдейна — он только перевел стрелку истории, или пустил поезд грядущих событий под откос, когда уложил одурманенного травкой иссоп Иисуса в свой однокомнатник сразу же после снятия распятого с креста. Лично он ничего не терял ни в том, ни в другом случае. Если, отправляя звездолет, он включил Армагеддон, для него это будет забвением и он сможет насладиться сном. Эта пломба в зубе доставляет ему немало неприятных минут, но он не может ее удалить. Любой дантист, лишь бросив взгляд на радиоприемник, заподозрит в нем иностранного агента и завопит, вызывая к ФБР.

Как только ФБР обнаружит, что он уже триста лет является гражданином Джорджии, они сразу же поймут, что речь идет вовсе не о штате, который

границит с Алабамой, а о Грузии, и обратится к ЦРУ. ЦРУ свяжется с Интерполом, и международная полиция обзвонит Стамбул, Дамаск, Рим, Париж, Лондон и Москву (ну и мальчишка! Он надеялся, что до Тбилиси не докопаются и не вытянут правду из потомков Аилии Головиной), и у кого-то в голове зародится мысль, что в этом деле что-то шло с небольшим перекосом.

Ему уже видятся газетные заголовки жирным, 48-пунктовым шрифтом Футура:

**«ВЕЧНЫЙ ЖИД» ОБНАРУЖЕН ЖИВЫМ:
НЕ ОТРИЦАЕТ, ЧТО БЫЛ ИУДОЙ ИСКАРИОТОМ!!!**

А какой же поднимется переполох, когда обнаружится, что Иуда Искариот был христианином?

Этот зуб заставлял его мысли блуждать.

Элен Патроклос остановилась у выхода помахать на прощанье рукой, и Вечный Жид помахал ей в ответ. И в тот самый миг, когда его рука опустилась на стол, какой-то ковбой запел грустным голосом:

— Мне никак не сказать «до свиданья».

Если ему удастся придумать способ окончательного слияния крайней тезы с крайней антитезой, то это будет великий праздник, и никто не окажется в убытке, кроме, может быть, того профессора экономики из Марстон Медоуз.

Зуб не так досаждал, если ему время от времени удавалось поймать немногого популярной или классической музыки.

Он ничего не теряет, связываясь с Элен. Если ее организация поможет внести гармонию в этот мир, эта гармония должна будет ускорить развитие необходимой ему технологии. Если же нет, у него останется удовольствие от общения с нею, и он не откажется ни от одного развлечения, которое выпадет на его долю; при нынешней скорости научного прогресса пройдет еще две тысячи лет, прежде чем он сможет поймать космическое такси на этой недоразвитой планете.

Не исключена и другая возможность, которой он опасался. Может статья, что ему придется ждать, пока не вернется Он, а это для него будет означать Чистилище, потому что ему не останется ничего другого, как топтаться по этой земле, проходя путь от студента-второкурсника до студента предпоследнего курса, ближайшие десять тысяч лет. Жизнь станет действительно утомительной, просто жизнью наседки.. останется просто сидеть и слушать песни своего зuba о том, как треклята эта земля, и музыкальные отрывки из вестернов все это время.

РОМАН

Опылители
ЭДЕМА

Иди, поймай свою звезду,
Сделай беременным мандрагоры корень...
Сумей в пути
Ветер найти,
Что честного духом готов вести.

Джон Донн

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От кого: Начальника Медицинского Управления,
НАСА, Хьюстон, Техас

Кому: Директору Института Передовых Исследований, Санта-Барбара, Калифорния

По вопросу: Истории психического заболевания, Фреда Жанет Карон

Диагноз: Гуманизм с нимфоманиакальной омнифилией

Основания: (А) Письмо от 08.12.37, доктора Ганса Клейборга, Институт Передовых Исследований, — Министру Сельского Хозяйства

(В) Постановление № 27 Главного Прокурора Соединенных Штатов

Согласно документу (А) и в соответствии с документом (В), при сем представляется история болезни упомянутой пациентки — белой женщины, 24-х лет, в прошлом цитолога Бюро Экзотических Растений — для рекомендаций не медицинского характера.

Травматический эпизод с упомянутой пациенткой произошел 16—17 мая во время научной экспедиции С, сектора Чарли программы исследования планеты, имеющей несколько названий: Флора, Цветочная Планета, или Планета Цветов. Однако психоанализ, проведенный под наркозом, позволил установить, что события, послужившие поводом для госпитализации пациентки, начались в январе, по возвращении с Флоры на космодром Фресно первой экспедиции А, сектора Эйбл упомянутой программы...

Белокурая, стройная, как тростинка, Фреда Карон стояла на мостице вышки управления полетами и всматривалась в утреннюю голубизну неба над долиной Сан-Джоакин, направив бинокль коммодора Майнора в указанный им сектор. Ей удалось поймать самый первый отблеск солнечного света от «Ботани» — космического корабля Соединенных Штатов, когда его корма повернулась вниз перед началом спуска на Землю. Она заметила и первое облачко инверсионного следа, возникшее при входе корабля в атмосферу. Ее внимание было целиком поглощено капелькой ванадия 320 под розеткой видеокамеры, когда на мостице прозвучал голос дежурного наблюдателя:

— Эй, на «Ботани»!

Тормозные двигатели постепенно уменьшали скорость корабля в сгущавшемся воздухе, и звездолет стал видимой на небе точкой, которая медленно двигалась над посадочной площадкой на юго-запад, а ее инверсионный след, распадаясь, исчезал в восточном направлении. Точка росла. Слух Фреды уловил слабый рокот тормозных реактивных двигателей, который постепенно перешел в заунывный вой, а затем стал стихать, когда чаша взлетно-посадочной площадки сфокусировала его и направила обратно к источнику, заглушив пронзительный вой грохотом, слегка сотрясавшим вышку управления, которая находилась в полутора километрах от площадки.

Чем глубже корабль опускался в создаваемую им самим воздушную подушку, тем явственнее перед ее взором вырисовывалась стройная серебристая форма «Ботани». Прямо под Фредой, высасывая из своего громадного черепашьего панциря насадку для выхода экипажа, по плотному грунту космодрома к посадочной площадке тяжело покатилась дезинфекционная камера. В этот короткий отрезок времени, когда Земля принимала из космоса своих детей, все технические достижения человека, казалось ей, собрались воедино, и она ощущала какой-то внутренний трепет от этого зрелища, но потом...

Над ней, вниз и в стороны, раскрылись посадочные лапы «Ботани», удлинители которых, с их выступа-

ющими ребрами, создавали впечатление обтянутого ветром зонта, и грация звездолета превратилась в гротеск застывшего в молитвенном экстазе гигантского богомола. Когда «Ботани» опустился ниже линии горизонта по-зимнему зеленого Коустл Рейнджа, его серебристый цвет поблек, сделался синевато-серым, и корабль, недавний компаньон звезд, припал к Земле, словно покорный ей пленник.

Она знала, что сейчас внутри корабля система компенсации веса пассажиров, свернувшихся калачиком внутри яйцеобразных емкостей с водой, переключилась на такой режим работы, чтобы вытолкнуть их с палуб А, В и С на крутые скаты 1, 2 и 3. Пассажиры проснутся, пока будут скользить по этим круто изогнутым трубам, ветви которых сходятся на нижних уровнях, и попадут в бункеры 1А, 2В и 3С декомпрессионной камеры, отсортируются и распределятся по званиям и порядковым номерам, академическим степеням и кодам Службы Безопасности: штабной или строевой офицер, ученый или ассистент.

Ей казалось, что она слышит «шлеп-шлеп» падающих комочек, которые составляют штат сектора Эйбл программы исследования Флоры. Но ведь комочки — это ее друзья и помощники, у них есть имена Рекс и Хал и Кеннет. Среди них есть один особенный комочек, который она-то давно отсортировала, определила его ранг и выбрала в мужья.

Пол Тестон возвращался домой с Флоры. Не имей они намерение сыграть в июне свадьбу, Фреда сама отправилась бы в апреле на Планету Цветов с сектором Чарли.

Флора, Планета Цветов. Хоть эта избежала нумерации!

Фреда вспомнила телепередачу, в которой капитан Королевского Космического Флота Великобритании, открывший эту планету, отказался следовать стандартному правилу первооткрывателей и поставить свое имя перед орбитальным номером планеты. Она навсегда запомнила его слова: «Когда Большой Каньон назовут Канавой Пауэлла, я позволю именовать эту планету Рэмзботем-Твэтуветем № 3!»

Она все еще перебирала в памяти сцены из телепередачи, когда «Ботани» опустился на посадочную площадку так осторожно, что амортизирующие укосины едва прогнулись. Не успели стихнуть гироприводы, а дезинфекционная черепаха уже торопилась поднять и выдвинуть из развилики своих удлинителей, похожих на паучьи ноги, насадку для выхода пассажиров. Стоящий рядом с Фредой коммодор сказал ей с деланным восторгом:

— Баррон всегда приземляет их так легко, словно роняет лепесток розы.

Она согласно кивнула и улыбнулась, понимая, что старый космический волк просто соблюдает флотский этикет. Коммодор Майнор лучше других знает, что снижением корабля управляет коробочка размером не более человеческой головы и что любой только что закончивший обучение космонавт-резервист смог бы справиться с посадкой не хуже капитана Космического Флота Соединенных Штатов Филипа Барона.

Фреда поблагодарила коммодора за его приглашение на мостик и пообещала, что вместе с Полом присоединится к нему во время ленча. Спустившись с мостика, она направилась в зал для встречающих.

Обычно дезинфекция продолжалась полчаса. Ожидая в той части зала, которая отводилась для руководства, она испытывала чувство удовлетворения от того, что ее высокая должность дает определенные привилегии. В огороженном веревками пространстве зала толпились семьи членов экипажа и непрофессионалов, вынужденные толкать друг друга локтями в тесноте, вдыхать ароматы дезодорантов и слушать назойливые крики детей. Ее уже охватывала тревога: видимо, существует закон, думала она, в соответствии с которым беспокойство возрастает в квадратичной зависимости по мере приближения новой встречи с любимым.

Чтобы отвлечься и успокоиться, Фреда стала еще раз продумывать свадебные приготовления, которые намеревалась обсудить с Полом: список гостей, гравировку на кольцах, свадебный торт и фасон платья — все эти восхитительные мелочи, связанные с бракосочетанием. Большинство вопросов она легко

могла решить сама, не советуясь с Полом, но ей хотелось дать ему почувствовать, что его роль в организации бракосочетания не сводится только к тому, чтобы предстать перед алтарем. Потом она стала продумывать намеченную программу в обратном порядке, но беспокойство становилось паническим и перешло в перевозбуждение, когда она услыхала характерный щелчок открываемого черепахой замка сходни звездолета.

Процессия, спускавшаяся по сходне в зал ожидания, была организована в строгом соответствии с флотским церемониальным протоколом. Во главе офицеров корабля шел капитан Баррон, стараясь приправляться к земной гравитации и одновременно сохранять военную выправку. Широко шагая, он шел к лифту, своими неуклюжими подскоками напоминая Фреде человека на ходулях. Покачиваясь, слегка подпрыгивая и неожиданно спотыкаясь, иногда поскользываясь, за ним следовали офицеры корабля, все красиво загоревшие под солнцем Флоры. Далее шел доктор Гектор, научный руководитель сектора Эйбл программы; долговязый, он двигался по ровному полу тяжелым неровным шагом, приветственно помахивая Фреде рукой. За ним — остальные ученые — все руководители подразделений, но Пола Тестона среди них не было.

Пол Тестон, ее жених, не вернулся с Флоры!

Она сразу поняла, что он остался с сектором Бейкер. Прибывшие друзья приветствовали ее улыбками, но ее недавняя тревога превратилась теперь в глубокое разочарование. Если он был единственным морфологом в этой программе, нечего и сомневаться, что за четыре месяца ему не удалось выполнить все назначенные сектору рабочие задания. Теперь он вернется всего за несколько дней до свадьбы. Все предсвадебные хлопоты лягут на ее плечи, и потребуется вдвое больше времени, чем она планировала на это потратить, и это время придется отрывать от того, которое она собиралась посвятить скрещиванию марсианского лишайника с земным скальным мхом.

Она постояла минуту, наблюдая за текущим вниз по сходне потоком, который, вливаясь в толпу ожи-

дающих, вздымался гребнем волны и образовывал водовороты, из которых доносились крики «Вот и папа!» и «Я здесь, детка!». Она не сомневалась, что будь у нее слуховой аппарат, можно было бы рас слышать чмоканье и шлепанье этих соединяемых в поцелуях губ. С неприязнью и досадой она следила за Халом Полино, ассистентом Пола, который буквально штопором выкручивался из толпы, расчищая своими пирами пространство для двух керамических горшочков, которые он нес в обеих руках, прижимая к груди. В горшочках были тюльпаны в полном цвету. Заметив ее, он приближался, широко улыбаясь.

— Сложите губки для поцелуя, доктор Карон. Пол посыпает меня в качестве своего доверенного лица.

— Если вам нравятся публичные представления, — отрезала она, — обернитесь назад! Где Пол?

— Этот везучий зануда добился продления срока пребывания с сектором Бейкер для завершения опытов по опылению орхидей.

Полино заметил ее разочарование, и его широкую ухмылку сменила улыбка, а во взгляде появилось участие.

— Как бы там ни было, он посыпает вам вот это — подарок из волшебной страны самому прекрасному ботанику Земли. Это мои слова, не его. Его автограф — на именных табличках.

Она взглянула на растения. Их стебли были около трети метра высотой и гораздо зеленее, чем у земных тюльпанов. Цветки были переливчато-желтыми. Десятью сантиметрами ниже плодолистиков имелось бульбовидное вздутие с округлыми ребрами. На этикетках, вклеенных в специальные рамки на боковой поверхности горшочков, Пол вывел по-латыни: *Tulipa caronus sirenii*.

— Если Пол думает, что меня можно утешить, дав тюльпану мое имя, ему следует срочно менять взгляды.

— Это необычные тюльпаны, доктор. Послушайте.

Полино наклонил голову и свистнул посвистом охотника за юбками перед бульбом тюльпана, который он держал правой рукой. Отведя цветок на

вытянутую руку, он сделал полный оборот вокруг своей оси и, остановившись, приблизил горшочек к Фреде. Тихо, но очень отчетливо, цветок выводил мелодию свиста волокиты. Он до неприличия был похож на настоящий, и Фреда рассмеялась.

— Сумка для завязи — это воздушная камера с пластичной памятью, — объяснил Полино, — вот почему Пол дал им имя «сирена».

Фреда взяла у него тюльпан и заглянула внутрь цветка. Он был мужской — единственная тычинка без пестика.

— Это растение гетеросексуально, — сказала она.

— Совершенно верно, — согласился Полино. — Женщину я держу возле сердца.

Изумленная, она заглянула в женский цветок. Здесь, из глубины яйцевода выступалоrudиментарное рыльце пестика, но не было ни одной тычинки. Для женского цветка воздушная камера стала какой-то ненужной прищадой. Эти два растения достигли стадии гетеросексуальности, на несколько геологических эпох опередив своих земных родственников.

— Вы возвращаетесь на базу вместе со всеми? — спросил Полино.

— Нет, Хал. Я — надеялась, что вместе с Полом, — назначила встречу за ленчем с коммодором и намерена сдержать слово.

— В моем багаже есть для вас пакет, а в нем письмо. Пол хотел, чтобы пакет оставался у меня, пока вы не побываете на брифинге. Кроме того, он дал мне двадцать долларов, чтобы я пригласил вас пообедать. К письму имеется постскриптум, но он пожелал, чтобы я передал его вам на словах, потому что боится, что, прочитав письмо равнодушно и не выслушав моих убедительных доводов, вы можете подумать, что он закусил удила.

— Обсудим это после брифинга, — резко сказала Фреда. — А пока доставьте женский тюльпан ко мне в служебное помещение — это в оранжерее пять — и подвесьте его. Мужской отнесу я.

Это был приказ старшего по рангу, и Полино воспринял его как положено.

— Да, ма-ам. — И направился к автобусному пандусу.

Ее рассердила самонадеянность Пола, буквально приказавшего ей отобедать с каким-то простым ассистентом, да еще из тех, кто использует выражения типа «закусил удила» и называет своего руководителя «везучим занудой»; вот почему она так сурово обошлась со студентом. Направляясь к лифту, она чувствовала покалывания угрываний совести, но отнесла их на счет женской слабости. Когда Полино уходил, его грустные темно-карие глаза напомнили ей единственного любимца детства, коккер-спаниеля, который погиб, еще будучи щенком.

В лифте, где она оказалась один на один с подарком Пола, ее злость улеглась. Тюльпан был восхитительный, и ей следовало признать, — если оценивать поведение Пола без примеси злости, — что предложение пообедать с Полино он обставил очень умно. На двадцать долларов студенту придется повести ее в какой-нибудь скромный ресторанчик в итальянском квартале Фресно, где их наверняка не увидят обедающими вместе. Пол прекрасно знает, что доктор Гейнор, руководитель Бюро Экзотических Растений, не одобряет панибратство руководящего состава с персоналом нижнего эшелона, даже если этим персоналом являются аспиранты-биологи, прикрепленные к Бюро. Тем паче доктор Гейнор не одобрил бы обед руководителя подразделения — женщины — с Халом Полино.

Хал Полино — видный мужчина, к тому же итальянец, но его главными недостатками были отсутствие методичности, непочтительность к авторитетам и многообразие увлечений, в частности нравами двадцатого века. Он играл диссонансный джаз на гитаре, одевал клетчатую кепку, садясь за руль автомобиля, и, как ей говорил Пол, в «конуре» Полино было меньше журналов по специальности, чем философских работ Эйна Рэнда, Уильяма Джеймса и Хью Хефнера. Официально занимая административный пост руководителя цитологического подразделения Бюро Экзотических Растений Министерства Сельского Хозяйства, Фреда была обязана составлять характе-

ристики, отражающие как административные, так и научные способности сотрудников подразделения. В отношении Хала Полино обе ее оценки стоили одна другой, несмотря на опеку Пола над парнем. Полино определенно не тот материал, из которого может получиться младший руководитель; она всерьез сомневается, будет ли у него когда-нибудь письменный стол с его именной табличкой.

Выйдя из лифта и направляясь через ротонду к офицерской столовой, она задавалась вопросом, почему Пол доверил послание своему помощнику-студенту; он мучил ее настолько, что она стала подозревать существование некоего плана: Хал Полино мог задумать все эти военные хитрости, просто чтобы назначить ей свидание и тем поднять свой престиж «любовника-латинянина» в глазах остальных студентов. Над этим стоит еще поразмышлять, думала она, смущая остановившимся взглядом приближавшегося к ней по проходу матроса, ответный взгляд которого приобретал признаки плотоядности.

Когда он прошел мимо, поток воздуха от его движения заиграл в воздушной камере тюльпана, и внезапно раздался тихий, но отчетливый посвист охотника за юбками. Она слышала, как матрос остановился позади нее, почувствовала его пристальный изумленный взгляд и рассыпалась, как он проборотал:

— О, ласковые вспышки Ориона!

Фреда была рада, что матрос не видит появившуюся на ее лице усмешку. Он воспринял бы ее как еще один знак заигрывания, и тогда пошли бы слухи, и ей ничего не оставалось бы делать, как отражать высадку десантных отрядов флотского контингента, приданного станции.

За ленчем коммодор Майнор выразил сожаление по поводу отсутствия Пола, а ее анекдот о тюльпане и матросе позабавил его; но капитану Баррону, подсевшему к их столику, было не до шуток. Два его подчиненных удрали с корабля на Флоре.

— У обоих на Земле семьи, служат уже по десятку лет, — заметил он недоуменно. — Мы всегда ожидаем потери нескольких новобранцев, которым удалось

проводили флотских психологов и поступить на флот с намерением дезертировать.

— Для чего, как я себе представляю, требуются недюжинные умственные способности, — сказала Фреда.

— Большинство дезертиров — яйцеголовые, как мы, военные, называем вашего брата, ученых, — пояснил капитан, — у которых кишит тонка бороться за существование в технически развитом обществе.

Коммодор Майнор насвистал первые четыре такта «Якорей на весу» в воздушную камеру тюльпана и помахал перед ней рукой — тюльпан ответил теми же четырьмя тактами.

— Давайте еще раз, коммодор; посмотрим, смогу ли я петь с ним дуэтом.

Напевая под свист тюльпана, капитан немного приободрился, но проблема все еще угнетала его.

— Я не могу винить этих парней. Мы забыли, что такое тишина на земле. Приятно ничего не слышать, кроме шелеста ветра в деревьях, или смотреть ночью на небо и действительно видеть звезды, но теперь я введу в штат сектора Чарли оперативно-розыскной отряд. Мы не можем использовать тепловые искатели — деревья выделяют там столько же тепла, сколько и животные. Не годятся теперь и вероятностные датчики, базирующиеся на формулярах-объективках дезертиров. Один из них был главным помощником по компьютерной части и знает, как работают эти электронные мозги.

— А о собаках-ищиках вы не думали, капитан? — спросила Фреда.

— Фреда, это первый полезный совет, который я слышу.

— И неудивительно, у Фреды прекрасный коэффициент умственного развития, — сказал коммодор.

— Что угнетает меня, — сказал капитан Баррон, — так это то, что эти нарушения дисциплины могут лишить Флору статуса планеты с ограниченным доступом, а я хотел рекомендовать ее в качестве Базы Отдыха Флота.

— Фреда, если Пол Тестон нарушит дисциплину, — сказал коммодор, — я подам прошение на замещение дезертира.

— Флора не Фреда, она не обладает той же притягательностью, — возразил капитан.

Она была благодарна им за добродушное подшучивание, но ей хотелось быть предельно прямолинейной.

— У нас, ученых, дисциплина иная, чем у военных, джентльмены. Для нас Флора — объект, а не субъект. Мы так же индифферентны к ней, как хирург безразличен к телу красивой женщины, которую он оперирует.

— Ну, Фреда, теперь я совершенно уверен, что, прежде чем сделать предложение, Пол не загружал вашу объективку в компьютер, потому что он не абсолютно индифферентен к красоте. Даже для цветка он так рассчитал время, что тот прибыл в пору своего цветения.

Проницательность коммодора с возрастом не ослабла. Фреде стало стыдно, что не она первая разглядела, сколь внимателен Пол; но и у нее не было сомнений в том, что Пол не загружал ее формуляр в компьютер. Да и ей не приходило в голову сопоставлять свою объективку с его, хотя его формуляр она тайком все же сравнила с формуляром другого человека: просто, чтобы убедиться в совместимости и уверенно ответить «да» на его предложение.

— Но цветы Флоры цветут непрестанно. — Это замечание капитана Баррона принесло ей облегчение, и она мысленно поблагодарила его.

Анализируя появившееся ощущение облегчения, Фреда поняла, что ее угрозения совести возникли из страха, а страх — из сомнения. Каким-то образом слова капитана Баррона вернули ей веру в отсутствие у Пола чувственности, а ведь именно на этой вере покоилась ее уверенность в том, что он никогда не изменит Земле ради Флоры.

Замечание капитана Баррона не переставало будоражить мозг Фреды и после того, как доктор Гей-

нор, выполняя официальную обязанность руководителя Бюро, приветствовал собравшихся на брифинг, и после того, как доктор Гектор начал демонстрацию отснятых на планете фильмов. Если цветы Флоры цветут постоянно, не означает ли это, что они опыляются еще в зародыше? В оплодотворении есть своя логика. Неувядающий цветок отклонился от этой логики совершенно так же, как человек Земли отклонился от логики поведенческих моделей воспроизведения вида других животных. Она попыталась заставить себя сосредоточиться на том, что говорил доктор Гектор.

Однако сконцентрировать внимание на его речи было трудно. Мешали «ахи» и «охи», которые раздавались в зале каждый раз, как только на экране вспыхивала какая-то новая сцена; да и операторская работа раздражала ее. Цвета были более чем подчеркнуто сочными, то ли из-за плохой съемки, то ли виной тому были особенности солнечного света Флоры. Фреда подозревала первое. Видимо, оператор метался, как одержимый. Вот он описывает камерой полную окружность по горизонту, чтобы показать подобный парковому ландшафт; отклоняет камеру вверх, чтобы включить в пейзаж облака; широким размахом опускает ее вниз, направляя на рощицу деревьев, выстроившихся вдоль текущего в долине ручья на порядочном расстоянии от точки съемки, затем дает быстрое электронное увеличение, чтобы взять в фокус ствол отдельного дерева, как если бы это делалось для семинара по текстуре коры деревьев. Он не показывал отдельные части цветов, но создавал какие-то натюрморты, выхватывая цветочные композиции одной и той же заросли с четырех или пяти углов съемки. Одного чередования панорамных охватов со статическими задержками было достаточно, чтобы вызвать головную боль; и она взяла себе на заметку на ближайшем же административном совещании попросить слова, чтобы поставить вопрос о работе операторов. Она, конечно, не из тех, кто по пустякам вмешивается в дела других подразделений, но Управление Кадров не должно допускать к работе кинооператоров, которые — тут нечего и сомневаться —

только что унесли ноги из подпольного кинопроизводства.

Однако она достаточно тактична, чтобы не поднимать вопрос о том, что ее очень сильно встревожило и почему она не находила объяснения — поведение самого доктора Гектора. В учебной аудитории его голос шелестел потоком данных — таких точных, таких весомых и неоспоримых, что только начав слушать его лекции, она смогла постигнуть мастерство быстрого конспектирования. Теперь же, его комментарии были такими пылкими и такими несообразными, как будто это говорил влюбленный. Ей приходилось буквально выхватывать из потока его поэтики хоть какие-то фактические сведения.

Один такой факт появился внезапно в самом конце разглагольствований о прелестях плавания в стремнинах Флоры, — .. плывя под сводами этих тоннелей из зелени с колоннадами серых стволов, или следя за фосфоресцирующей кильватерной дорожкой ночью, как бы возвращаешься в чистоту мальчишеского детства, к его радостям, еще более светлым из-за безотрадности ушедших лет, а вокруг нет ни пчелы, ни комара, которые могли бы ужалить кого-то в голый зад. На Флоре нет насекомых.

Это замечание потрясло ее. Если там нет насекомых, зачем вообще существуют цветки? Кому нужна эта приманка, если опылителей нет? Она, конечно, разберется в этом на семинарах, которые на следующей неделе будут проводить специалисты, но ей нравилось давать руководящие указания себе самой еще во время брифингов. Гектор продолжал выводить ее из себя своим неистовством и отсутствием конкретных данных в его неистовых сентенциях. Очевидно, цветки все же оказались приманкой, но для кого? Видимо, для штата сектора Эйбл, думала она с сожалением, раз они так вдохновили их поэтичность и операторское искусство. Флора явно обладает сексуальной привлекательностью.

— Самым совершенным образом сбалансированная экология планеты, — говорил Гектор. — Полное отсутствие угрозы для жизни. Там невозможно поломать кость при падении: дерн очень пружинистый. Там нельзя умереть голодной смертью: ягоды, фрукты

и орехи беспрестанно зрелые. Кислотные свойства травы ускоряют гниение, так что луга планеты никогда не замусорены. Наклон оси вращения планеты небольшой, поэтому климат в любом поясе почти постоянный, а для жизни в умеренном поясе нет надобности в одежде. Там нет хищных зверей; по существу, вовсе нет животных, за исключением одного места в тропическом поясе планеты, на острове, которому мы дали имя Тропика и куда мы теперь направимся, чтобы присоединиться к Полу Тестону.

Фреде не терпелось поскорее удрать из этого при-станица поэтики к деловым комментариям своего жениха. Уж Пол-то представит ей факты, она-то знает. У нее даже было для него ласковое прозвище — «Король Прагматизма».

Пока добрались до Тропики, выявились еще одна кинематографическая неполадка. С вертолета, низко летящего над океаном, оператор стал накручивать бесконечный метраж, как только из-за горизонта показался горный пик высотой около пяти тысяч метров с окутанной облаками снежной шапкой. Когда они приблизились к острову, исполненным благоговения голосом геолог сектора Эйбл начал объяснять, как образовалось это многоярусное наслаждение: вокруг вулкана сформировался коралловый риф, и в результате последовательного поднятия пластов на протяжении геологических эпох один над другим поднимались следующие коралловые рифы, образовав в конце концов семиэтажную гору. Теперь ее слои поддерживают родительский кратер, вознесшийся на высоту двух с половиной тысяч метров над уровнем самого высокого плато. Фреде пришлось признать, что Тропика обладает богатой цветовой палитрой. Со своими коралловыми откосами, окружающими террасы, покрытые растительностью, она была розовой и зеленой с белой верхушкой над голубым морем.

Фреда нашла образец для своего свадебного торта!

Как она и ожидала, большую часть сообщения Пол предоставил делать своей кинокамере. Ее тюльпаны располагались на самом нижнем уровне, и Пол настроил прием звука и механику перемещения камеры на изучение опыления, зарождения и роста семян у женского тюльпана. Его единственное предваритель-

ное замечание, без всяких отвлеченных пояснений, было простым, — вы увидите самый замечательный пример симбиоза растения и животного, с каким мне когда-либо доводилось встречаться.

Его сдержанность проявилась даже в этом. Когда регистратор звуков был сфокусирован на обычных для тюльпана голосах флейты, вздохах и кудахтанье, Пол заметил:

— Как только цветочный сок забивает семенной канал, тональность меняется.

Она прислушалась — отметив, что он уменьшил интенсивность цвета, чтобы не отвлекать внимание от самого процесса, — и совершенно отчетливо уловила изменение тона звучания. В целом оно стало более высоким, более мелодичным, хотя самые низкие ноты сделались хриплыми.

Теперь, вторя порывам легкого бриза, тюльпан выводил трели, которые пронизывали воздух манящими призывами, такими чарующими и побуждающими на отклик, что она напрягла слух и подалась вперед, боясь упустить какой-нибудь нюанс или интонацию. Потом... какой-то распутник срочной службы издал посвист охотника за юбками, и хохот разрушил чары.

Ее досада улеглась, когда на экране запрыгал мохнатый зверек, похожий на землеройку, толстенький и пухленький, с мордочкой, широкоглазое простоявшее которой очень напоминало сумчатого медведя-коала. «Я назвал его коала-землеройкой», — прозвучал голос Пола. Тем временем зверек, который был не больше котенка, но гораздо забавнее, присел на корточки, мелко дрожа передними лапками, и прислушался. Слабый ветерок возбуждал воздушную камеру тюльпана, звучавшую нотами сладострастия — настойчивого и влекущего. Подпрыгивая и кувыркаясь, коала-землеройка понеслась к источнику звука. Изящным движением, очень проворным, но вместе с тем и очень осторожным, передние лапки поднялись вверх и повернули цветок вниз. Зверек прижал мордочку к цветку продолжавшего звучать растения, а быстро высунувшийся, по-змеиному раздвоенный язычок заполз внутрь цветка.

Когда Пол стал показывать процесс опыления в замедленном темпе, Фреда отвела взгляд от экрана.

Она почувствовала себя свидетельницей изнасилования, и лица, окружавшие ее в темноте, подтверждали, что для такого ощущения есть основания. Ониклонились вперед с похотливой алчностью, так похожие на затаившихся во мраке соглядатаев с извращенными наклонностями.

Потом она наблюдала, как семена развивались и выбрасывались из сумки растения, чтобы, плавно пролетев и сделав петлю, опуститься на почву на расстоянии, как сообщил Пол, пятнадцати метров. «Они должны удариться о землю с достаточной силой, чтобы проникнуть в дерн, — добавил он. — Иначе их убьет кислая среда травы».

Фреда обрадовалась, когда они добрались до более высоких уровней, где росли орхидеи, некоторые высотой до двух с половиной метров. Такие тяжелые прямые стебли не характерны для их земных родственников, но цветки и похожие на завитки ветви окончательно убеждали, что это именно орхидеи.

В начале сообщения об орхидеях Пол говорил прямолинейно, без европейского витийства, хотя однажды был на волосок от нарушения границ приличия, когда коснулся одного наблюдения, которое вызвало хихиканье тех участников собрания, которые поняли, что он имеет в виду. Это изолированное сообщество растений. Для женской корневой системы требуется радиус разрастания, по крайней мере метр с четвертью от стебля, так что мужские особи высажены за пределы этих окружностей в менее подходящие для произрастания зоны. Раздвоенной корневой системе мужских растений необходимо меньше пространства для роста. При тщательном изучении этой системы обнаружились трубчатые отростки, наличие которых убеждает, что древние, давая этим растениям имя «орхис», применили совершенно точный научный термин.

Когда Пол вошел в заросль, он отвел вбок завиток одной из орхидей и обнажил бедрообразное утолщение на стебле растения, примерно на одной трети высоты от земли.

— Как однажды сказал Бойль, орхидологу трудно удержаться от сравнения орхидей с животным царством. То, что вы видите здесь, — семенной стручок,

но бороздчатость клеточки вокруг этой части стебля наталкивает на мысль, что это мускульная ткань. Каждый раз вынашивается только одно семя, причем ни одно рождение не обходится без кесарева сечения.

Мне не удалось установить, каким образом совершается опыление. На Земле эту работу выполняют питающиеся семенами птицы и потоки воздуха.

А-а, подумала Фреда, вот вам и ответ.

— Но здесь птицы избегают орхидей, а цветенье не может переноситься по воздуху. Я продлил срок моего пребывания на планете, чтобы установить, как происходит опыление.

Я назвал этот вид «бедровыми орхидеями», но у этих цветов есть еще одна очаровательная особенность. Когда их девушки созревают для ухаживания, цветочный сок действует на них так, что они опускают головки и краснеют от смущения. Понаблюдайте за Салли. — Он поднял руку и притянул цветок вниз до уровня своей головы, следя за тем, как на перламутровое мерцание орхидеи постепенно наплывал розовый оттенок.

Когда включили свет, послышались громкие «ахи» и «охи» и аудитория взорвалась аплодисментами. Фреда поднялась и пошла по проходу между креслами, взволнованная и полная раздумий. Пол не просто поднял руку и обхватил стебель, чтобы наклонить цветок. Он сложил ладонь лодочкой вокруг стебля и притянул его к своему плечу так, как это делает мужчина, привлекая к себе голову девушки.

Поглощенная мыслями, Фреда с усилием улыбнулась, когда к ней подошел Хал Полино с большим конвертом в руках.

— Здесь заметки Пола о Карон-тюльпане, доктор, и его любовная записка к вам. Как я уже докладывал, есть еще длинный постскриптум, который мне велено передать устно.

— Что все это значит? — спросила она.

— Сначала вам следует прочесть письмо. Постскриптум — это то, ради чего Пол платит за наш обед. Он не хочет, чтобы этот разговор был подслушан технарями.

— Тогда спрячьте деньги в карман и загляните попозже в оранжерею... Кстати, — быстро добавила

она, чтобы не показаться неприветливой, — я хочу поблагодарить вас, Хал, за то, как вы подвесили тюльпан.

— Нет напряжения. Нет и боли. Температура в оранжерее почти оптимальна для тюльпанов, так что растение в безопасности... Но, доктор, нет обеда — нет и сообщения.

Теперь в его глазах не было мольбы, только таинственная уверенность.

— Бог с вами, Валентино — соблазнитель девушки-трудяги, но не верьте слухам, что я свистнула проходящему мимо матросу; это может ввести вас в заблуждение. Свистел тюльпан, не я.

— О, черт, — воскликнул он, хлопая себя по лбу. — Я должен был догадаться, что это злая сплетня. Мне бы следовало помнить, что страсти смертных Галатея неподвластна.

Хал выглядел петухом с поникшим гребнем, и она, едва не рассмеявшись, сказала:

— Я буду готова в семь, — и пошла через лужайку к находящейся на порядочном расстоянии оранжерее, удивляясь, что говорила о тюльпане, как об одушевленном предмете. Значит, во время брифинга ей передалась какая-то частица безумия Флоры.

Незаметно ее мысли перешли на Хала Полино. До того, как он узнал правду о свисте, выражение его глаз было точно таким, как у Пола, когда тот смотрел на орхидею, которую называл Салли.

Пол всматривался в цветок не глазами ученого-натуралиста; он глядел на него нежным взглядом юноши, томящегося любовной страстью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Письмо Пола не было ни тем, что на милом сердцу Хала жаргоне называлось «любовной запиской», ни тем, чего опасалась Фреда. Да она и не приняла бы предложение руки от сентиментального мужчины, который несдержан и лишен самоконтроля. Ей был хорошо известен один брак, который распался из-за

необузданных эмоций на почве чувственности. Натягивать удила слишком нетерпеливого жеребца — не ее идеал романтических отношений. Ей понравился вежливо-официальный тон начальных строк письма Пола.

Дорогая моя Фреда!

Прилагаемое — мои заметки о Tulipa sargonii sirenii. Ты уже побывала на брифинге, и тебе известны мотивы моего решения оставаться на второй срок, но это не в с е мотивы.

Хал вкратце познакомит тебя с тем, что я назвал «Гипотезой X» и что имеет отношение к опылению орхидей Флоры. Хал сам предложил эту гипотезу в один из моментов свойственного ему фантазирования, но я поддержал ее исходя из собственных соображений. Я не решаюсь доверить эту гипотезу бумаге. Если бумага потеряется или ее украдут, этого будет достаточно, чтобы отправить меня в Хьюстон, и навсегда.

Хал Полино не обладает ни умом бухгалтера, которого требует методология научной деятельности...

Ум бухгалтера! Это ей нравится! Если для расписывания научных данных по классификационным таблицам приходилось откладывать основную работу, то доктор Фреда Карон тратила на нее свое личное время, остававшееся свободным от ее «кухни».

...ни силой анализа или исключительной способностью к синтезу, по сравнению, скажем, с Фредой Карон, если этого «котика» позволительно сравнивать с королевой. И все же, когда его воображение несет по течению в правильном направлении, Хал способен выдавать идеи.

Теперь она поняла, на что намекает Пол. Один лишь сбор данных может показаться скучным и утомительным, особенно если никак не удается предугадать правильное направление исследования. Но ей не нравится использование Полом жаргона Хала даже

в шутку: ведь это означает, что педагог идет на поводу у студента.

Однако есть возможность подтвердить Гипотезу Х опытным путем: завитки орхидей растут парами на противоположных сторонах стебля, а листики вдоль завитков имеют ту же бороздчатую клеточную структуру, что и бедра женской особи — мускульные клетки. Кроме того, завитки мужского растения, так же как его стебель, многое толще женского.

Ты, конечно, понимаешь, что для такого эксперимента нужен читолог. Если сочтешь для себя возможным отложить нашу свадьбу и прибыть на Флору с сектором Чарли, считай, что мои согласие и благоволение у тебя уже есть... Кстати, если от меня требуется совет относительно свадебных приготовлений, загрузи мой формулляр-объективку в компьютер и получишь мое мнение «по доверенности».

Но вернемся к орхидеям. Ты уже достаточно хорошо знакома с тюльпанами и знаешь, что с точки зрения эволюции эти растения на целые геологические эпохи опередили своих земных родственников. Представь себе, красота тюльпанов — всего лишь тень красоты орхидей.

На участке заросли, которую я выбрал для исследования, каждая орхидея отличается только ей одной присущей индивидуальностью. Иногда, под дуновением ветра, какой-нибудь завиток как-то по-особенному касался моего лица, и я ловил себя на мысли, что они способны питать ко мне любовь.

Так оно и есть! Хал Полино приобщил Пола к не относящемуся к делу чтению, может быть, даже к поэзии.

Но это чисто интуитивная мысль, и пока она далека от подкрепления фактическими данными. Птицы осторегаются зарослей, а коала-землеройки, целую корзину которых я выпустил среди

орхидей, бежали, пронзительно повизгивая от ужаса, до самой кромки откоса и падали с трехсантметровой высоты, разбиваясь насмерть.

Может быть, подумала Фреда, коала-землеройки удирали из-за давления на их барабанные перепонки, вызванного увеличением высоты над уровнем моря.

Землероек я приносил в порядке эксперимента. Я уверен, что с помощью моего нехитрого лабораторного оборудования мне удалось обнаружить гемоглобин в соке орхидей. Значит ли это, что растения плотоядны...

Являются ли растения плотоядными, проверить легче легкого — накорми их радиоактивным бифштексом, да ищи себе следы гемоглобина.

...или так далеко продвинулись в процессе эволюции, что стали частью животного мира? Если верно последнее, то Гипотеза Х полностью подтверждается.

Откровенно говоря, здешняя логика находится за пределами логики человеческой. Вопрос, который на Земле показался бы кощунственным, здесь, на Флоре, просто шевелится на губах: цель жизни — сверхчеловек или сверхрастение? Сказано в Писании: «Бог не лицеприятен», но нет сомнения и в том, что он имеет непосредственное, именно личное, отношение к разнообразию видов.

Фреда грустно улыбнулась. Пол уже начитался не имеющего отношения к делу.

Наш гелиолог говорит, что здешнее солнце много старше земного. Флора в предсмертных судорогах. Если бы я был Госпожой Эволюцией, которая ищет форму консервации жизни, позволяющую выжить в условиях сжатия и взрывов вселенной, я выбрал бы семена. Между прочим, семя орхидей, сложенное в конверт, единственное, которое мне удалось найти, да и то оно сильно изъедено травой.

Теперь она была абсолютно уверена. Это заумное теоретизирование — чужеродные побеги, привитые к стеблю Пола Халом Полино. Пола необходимо освободить из-под этого влияния. К завтрашнему заседанию она предложит семестровую ротацию аспирантов — для расширения их академической подготовки, а текущий семестр заканчивается на следующей неделе.

Но великой тайной было и остается: как орхидеи опыляются? Иногда мне чудится, что они преднамеренно скрывают от меня свои секреты.

Чем бы ни оказалась Гипотеза Х, подумала Фреда, Пол достаточно проявил себя, чтобы быть достойным помещения в хьюстонскую психолечебницу!

Я набрасывал сети на женские особи в период течки...

Так-так, в довершение всех этих прививок Хала еще и фрейдовская прививка. Цветы в течке!

...но находил их рядом разорванными. Я натягивал сетки для ночных птиц и ничего не поймал. Я копал ямы — достаточно глубокие, чтобы вместить вола, — и закрывал их живой травой, но не попалось ни одного животного. Кем бы ни были опылители, у них есть зрение, потому что орхидеи настолько красивы, что это не укладывается в человеческом сознании. Кем бы ни были опылители, они имеют органы обоняния, потому что орхидеи-женщины выделяют такое чарующее благоухание, что если бы я мог упаковать его во флаконы и отправить домой, от земной экологии ничего не осталось бы за какие-нибудь девять месяцев. И опылители должны обладать интеллектом, потому что я вошел в цветущий сад — настоящий Эдем — вооруженный оборудованием технически развитого общества, а вопрос по-прежнему остается открытым.

*Кто опылители Эдема?
С любовью, Пол.*

Интересное письмо. Но Фреда не могла не видеть за простодушными англосаксонскими каракулями Поля по-итальянски изящный каллиграфический почерк Хала Полино. Она отложила письмо и достала из конверта пакетик семян тюльпана вместе с тщательно завернутым изуродованным семенем орхидеи, которое походило на не совсем очищенный от кожуры черный грецкий орех.

Фреда пришла к выводу, что целое семя было много крупнее — в обхвате по крайней мере такое же, как теннисный мячик, и имело овальную форму. Несмотря на обертку, оно выделяло слабый запах ванили, и она вспомнила, что ваниль производится из семян орхидей. Возможно, разведение орхидей Флоры на Земле будет иметь экономическое значение для производителей пищевых специй.

Она поместила то, что было когда-то семенем орхидей, в холодильник и обратилась к полевым заметкам Поля о Карон-тюльпанах.

Один пункт заинтриговал ее. «Посадить семена с интервалом пятнадцать сантиметров друг от друга и, как только определится пол тюльпанов, отсадить мужские особи на расстояние, по крайней мере один метр друг от друга. По-видимому, их корневые системы выбирают какой-то элемент из почвы, поэтому они не растут в близком соседстве друг с другом. Разместить их среди женских особей». В этом отношении, отметила она, тюльпаны — прямая противоположность орхидеям.

Автоматически она начала переносить его данные в журнал наблюдений. Она писала, но отчетливо различала звуки — гул реактивного самолета, шум уличного движения, доносимый с магистрали Пасо Роблз, слабое жужжание кондиционера. Она вспомнила, как восхищался капитан Баррон тишиной Флоры. Видимо, его чувства были сродни фрейдовскому желанию возврата во чрево матери; но Фрейд, скорее всего, неправильно трактовал восходящий к доисторическим временам инстинкт — стремление пещерного человека как можно быстрее оказаться в безопасности пещеры. Но прогресс находится снаружи, там, где солнечный свет и незнакомые звуки.

Лично она любит звуки цивилизации. Гул деятельного человеческого общества нравится ей не меньше, чем шум работающих машин, и она гордится тем, что является частицей этого общественного механизма.

Встрепенулся вечерний ветерок, и позади нее засмеялся женский тюльпан. Эта имитация ее смеха на космодроме заставила Фреду улыбнуться — смех был очень веселым; и она записала в журнале «Пластичная память женских особей хранит информацию более пяти часов».

Она заперла дверь — с заходом солнца температура быстро падала — и стала печатать ярлычок для журнала наблюдений. Напечатав «*Tulipa satrapus*», она остановилась и задумалась. В классическом смысле, сирена — это сладковзвучная певица, но время искажило исконный смысл слова и придало ему побочные оттенки. Не была она женщиной-вампиrom, искушениями доводящей мужчин до смерти; если они выбирали смерть от разочарования и безысходности, она могла им в этом помочь, даже подстрекать к этому, но решение мужчины принимали сами.

Она решила убрать слово «*siren*» из названия своего тюльпана. Пол сделался на Флоре немного фантазером. Главным образом, это влияние Полино, но не следует сбрасывать со счетов и влияние окружающей среды этой планеты. Наклеивая ярлычок на обложку журнала, она мысленно благодарила Министерство Космических Дел, не разрешавшее более двух сроков пребывания на неклассифицированной планете.

Но ее ничуть не удивит, если и после двух сроков Пол Тестон вернется с нестрижеными волосами, побренькивая на какой-нибудь лире.

Она перенесла женское растение на столик для фотосъемки, полила красителем вокруг его корней и установила флюорокамеру на экспозицию с пятиминутными интервалами. У нее оставалось еще два часа до того, как за ней зайдет Хал Полино, — этого времени вполне достаточно для проверки осмотического градиента растения.

Она срезала пластиначатый лист с нижней части стебля и помахала руками, заставив тюльпан издать прелестный вздох.

Под электронным микроскопом листовая проба не показывала отличия от того, что давали аналогичные пробы земных родственников этих тюльпанов, правда, Фреда могла судить об этом, только полагаясь на свою память. При таком поверхностном исследовании походившие на вены осмотические каналы казались такими же, как у земных растений, хотя на ощупь этот лист был более эластичным, чем листья земных тюльпанов.

В обычных обстоятельствах Фреда предпочла бы заморить червячка сандвичем и провести вечер с тюльпанами, но Гипотеза Х пробудила ее любопытство. Она с нетерпением ждала прихода Полино. При ее обостренном чувстве справедливости она не станет осуждать ассистента Пола за неподходящее влияние на педагога без всякой проверки, так что прежде чем обличать, она подвергнет его испытанию. Фреда наклонилась к тюльпану и сказала:

— Доброй ночи, милашка!

Как только она отворила дверь, чтобы выйти из помещения, тюльпан ответил:

— Доброй ночи, милашка!

Закрывая дверь, она улыбалась, думая о том, что остался один вопрос, касающийся приkleивания наименований, который ей хотелось обсудить с Полино. В слове «Галатея» она заподозрила подвох; наверное, с таким же подозрением любой итальянец отнесся бы к выражению «Ни рыба ни мясо».

Стоя под душем, Фреда вдруг поймала себя на том, что мурлычет недавно снова ставшую популярной народную песенку «Влепи мне, детка», и тут же осеклась, скорее изумившись самой себе, чем осознав непристойную двусмысленность припева. Она редко чувствовала такой прилив жизнерадостности, и это состояние ее встревожило.

Мгновенный самоанализ подсказал что заставило ее запеть: через ее сознание золотым светом проплыval послеобраз Карон-тюльпана. Кто-то сказал: «Образчик красоты — навеки радость», и тюльпан уже

четверть часа подтверждает справедливость этих слов.

Пока она занималась своим туалетом, потратив на макияж менее пяти минут, смех тюльпана не переставал возвращаться к ней, такой же приятный, как и в первый раз. Она надела зеленое платье для вечерних коктейлей и на несколько минут прилегла, чтобы расслабиться. Теперь этот смех вспоминался с примесью грусти. Она проанализировала и это изменение своей реакции: когда Полино встретил ее на космодроме, она тревожилась за Поля и была разочарована его отсутствием. Когда она засмеялась над тем, что тюльпан свистел, как заправский волокита, ее смех был реакцией расслабления после долгого напряжения, а также отражением царившего вокруг оживления. За время после полудня из памяти тюльпана отфильтровалось все тревожное, и она услышала себя смеющейся, как дитя, смеющейся так, как она умела смеяться только до развода родителей. С такой непосредственностью она не смеялась с десятилетнего возраста, а ее грусть была ностальгией по утрате детского простодушия.

Она уже навела порядок в эмоциональных уголках своего сознания, когда в отсветах заката возник зашедший за ней Хал, и смогла по достоинству оценить искренность, звучавшую в его голосе:

— В вашем платье из зелени и в золоте ваших волос, доктор, вы так же прекрасны, как Карон-тюльпан.

Вопреки своему желанию она улыбнулась и сказала:

— Поберегите ваши румяные яблочки для сеньорит из Старого Города. Лучше подайте мою накидку!

— Мог бы я звать вас Фредой, доктор Карон? Дело в том, что я не готов для официального обеда.

Она не одобряла обращений по имени между руководителями подразделений и аспирантами, хотя такая практика была общепринятой, но ей не хотелось, чтобы нынче вечером он держался скованно. Она предпочитала, чтобы он вел себя с ней как можно ближе к той манере, в которой держался с Полом.

— Можете называть меня Фредой, как только мы выйдем с территории станции. И я рада, что вы не готовились на сегодня к официальному обеду, потому что у меня есть для вас одна черная работа. Мы зайдем в оранжерею и подвесим женский тюльпан, который сейчас флюорографируется.

Как только они двинулись по мощенной каменными плитами дорожке к ее служебному помещению, он сказал:

— Мне удалось сделать заказ в «Наполи».

«Наполи»! Он в самом деле выбрал место, где их не сможет увидеть никто из персонала станции: это был слишком дорогой ресторан.

— Хал, двадцати долларов не хватит покрыть даже краешек счета в «Наполи». Мы устроим складчину.

— Нет, ма-ам, — сказал он твердо. — В студенческом общежитии некогда появился своего рода банк. Он существует уже три года, вырастая с каждым семестром и ожидая того первого студента, который заманит вас на свидание. Нынче вечером я без труда сорвал его.

— Вы выиграли на мне пари?

— Не обошлось без споров. Некоторые заявили, что я играю нечестно, поскольку знают, что вы хотите поговорить со мной о Поле — докторе Тестоне, но я убедил их, что дело исключительно в моем итальянском шарме. Однако существовали подзаконные акты, принятые уже после того, как объединенный фонд был образован. Выигравший дает обещание представить описание мельчайших подробностей проведенной с вами ночи в мотеле.

— Вы прекрасно знаете, что никакого мотеля не будет.

— Конечно, — согласился он, — но они получат описание, за которое заплатили. Так что, поскольку ваша репутация все равно загублена, вы тоже можете расслабиться и веселиться целый вечер.

Когда он открыл перед ней дверь оранжереи, она сказала с притворным негодованием:

— Ваша оригинальная логика не поможет вам заманить меня в ловушку... Смотрите, Хал!

Он щелкнул выключателем, и с первого взгляда она поняла, что женский тюльпан мертв. Цветок упал на флюороэкран, выбросив при падении семена. Некоторые остались возле экрана, но большинство крошечных черных капелек рассыпалось по белому ли-молеуму.

— Она упала замертво, — сказал Хал.

— Собирайте семена и кладите эти останки в холодильник. Я хочу посмотреть флюороснимки.

— Сраженная красителем для растений, — с грустью в голосе продолжал Хал, собирая семена, — и дня не пробыл на Земле. Я всегда говорил, что этот мир жесток.

Фреда вынула ролик со снимками и пошла с ним к своему столу. На последних кадрах, полученных перед тем, как растение упало, была хорошо видна система хитросплетенных вен, очерченная рамкой флюороэкрана. Эти линии не были осмотическими каналами; было очевидно, что они противились проникновению красящего вещества. Сеть вен поднималась вверх от основания, разбегалась от стебля по отросткам и сходилась в нечетко видимом узле под воздушной камерой, затем вновь расходилась и поднималась вверх.

— Я насчитал тридцать семян, — сказал Хал, складывая их в увлажнитель на ее столе.

— Должно быть тридцать два, но я поищу потерявшуюся пару утром. Положите погибшее растение в холодильник. Завтра я отправлю его в лабораторию.

Хал поднял горшочек и величественно понес к холодильнику, скорбно напевая «Приими, Господи».

— Полно дурачиться, — сказала она, — вы заставляете меня чувствовать себя убийцей.

Хал захлопнул дверцу холодильника и повернулся к ней:

— Ваша теория, доктор? Краситель для растений не может убить цветок.

— У меня нет теории, но искать ее, вероятно, следует в клеточном строении тюльпана. Здесь какая-то сложно переплетенная сеть, напоминающая вены.

Он посмотрел вниз:

— Или нервную систему с ганглием... Пойдемте, доктор. Мы можем прозевать наш заказ.

Когда они собирались уходить, Фреда, прежде чем выключить свет, долго смотрела на мужской тюльпан.

— Если есть какой-то способ адаптировать этот цветок на Земле, я его найду. Карон-тюльпан будет наследством, которое я оставлю будущим Тестонам.

— Иногда, доктор Карон, в ваших речах одинаково много и от влюбленной женщины, и от ученого-биолога.

Как только они прошли ворота автомобильной стоянки, Хал сказал:

— Теперь вы — Фреда, ведь формально — мы вне пределов базы.

— Хорошо, пусть автостоянка — уже не станция... Но взгляните на это множество машин. После четырех месяцев отсутствия — вы, конечно, понимаете — холостяки из сектора Эйбл должны бы быть в городе.

— Когда мужчина сказал женщине, которую любил целых четыре месяца, «прощай навеки», проходит по крайней мере неделя, прежде чем у него снова появляется желание гоняться за шнурками.

— Что такое шнурок?

— Это термин двадцатого века для обозначения девушек-кокеток. Он происходит от выражения «шнурок для виселицы», смысл которого в том, что, пово-лочившись за шнурком, ты рискуешь оказаться на виселице брака с нею на шее.

— Не трясили бы вы попусту время на откапы-вание всех этих несуразностей.

— Теперь вы — доктор Карон... Фреде было бы только приятно оттого, что кавалер вытащил ее из дома, несмотря на свежесть своих воспоминаний о Флоре.

— В таком случае благодарю за комплимент, Хал, — сказала она перед открытой для нее дверцей машины.

Усадив Фреду, Хал обошел автомобиль кругом и, сев на водительское место, выгнулся, чтобы забраться в карман за ключом зажигания. Мог бы достать ключи до того, как сел в машину, подумала она, но

промолчала. В этот вечер ей надлежало быть просто Фредой.

— Обычно, — говорил он, как бы извиняясь, — когда я забираюсь в маленький автомобиль с красивой женщиной, во мне просыпается инстинкт осьминога, но из уважения к моему недавнему другу и наставнику — а также вашему жениху Полу Тестону — я намерен вести себя пристойно. Это мой способ выставить свою персону в качестве кандидата на роль близкого приятеля в связи с тем, что Пол переметнулся к Флоре.

— Вы действительно только шутите?

— Она могла бы его пленить. Но Пол — специалист, а специалисты, они вроде монахов, которые несут крест непорочности по отношению ко всему женскому роду. Флора — женская планета. Вы слышали болтовню Гектора. Неопытный мужчина видит в ней полную страсти безмолвную даму, а я — просто немую девку... С вами, Фреда, мне не приходится подбирать выражения — ведь ваши умственные способности признаны компьютерами.

— Благодарю, кандидат в близкие друзья.

— Зная женщин, я ступил на Флору, как мастер карата выходит на ковер. Но, если серьезно, я думаю, Пол в безопасности. У него нет слабостей, и у него есть вы.

— Спасибо, приятель.

Его голос понизился до хриплого шепота, а рука поползла по спинке сидения позади нее.

— Странные духи прячутся в цветах Флоры. Я-то знаю, потому что я — Зеленый Шершень.

— Спокойно, приятель, — сказала она, отодвигаясь. — Скажите-ка мне, Зеленый Шершень, что такое «Галатея»?

— Галатея была статуей, такой прекрасной, что ее создатель влюбился в нее, и его любовь вдохнула в нее жизнь. Но Венера Милосская оказалась ревнивой и превратила Галатею в камень...

— Все это из греческой мифологии. А вы — итальянец.

— Рим превзошел Грецию. Что бы ни сделал грек, итальянец сделает гораздо лучше.

— Еще вопрос. Что такое Гипотеза Х, о которой говорит Пол?

Черты его лица, видимые теперь в неоновом сиянии деловой части Фресно, стали серьезными.

— Вы не готовы для этой идеи, Фреда. Сначала я хочу дать разминку вашему уму, позабавив более простенными идеями. Гипотеза Х — так высоко висящий и такой крепкий орешек, что он по зубам разве что Эйнштейну.

В намерение Фреды не входило проведение сравнительного исследования способностей греков и итальянцев, но она допускала, что лавры первенства принадлежат итальянцам во всем, что касается предварительных заказов в итальянских ресторанах. Фаланга центурионов проводила их к столику у окна, невообразимо елейный метрдотель усадил отдохнуть и полюбоваться видом огней Фресно, мерцающих пятьюдесятью этажами ниже и тянувшихся к югу до самых высоких башен Бейкерсфильда, огни которого виднелись на горизонте. Но даже от такого зрелища ее внимание отвлек официант, разливавший вино; скорее всего, он учился своему делу, дирижируя Миланским симфоническим оркестром. Когда Фреда обмолвилась о духе товарищества его соотечественников, Хал охладил ее восхищение:

— Любой швед мог бы сделать это не хуже меня. Вам нравится вино?

— Необыкновенно. Как выглядел Пол, когда вы оставили его?

— Он был похож на голого южноамериканского индейца в вихрях ветра, поднятого вертолетом. Мне не удалось поработать с Полом на Тропике, потому что после того, как я помог ему поставить лагерь, Гектор дал мне назначение на континент. Потом я навещал его всего дважды, первый раз, чтобы взять образцы почвы, а второй, чтобы захватить вам посылку. Та почва, кстати сказать, напичкана редкоземельными элементами. Некоторые растения какое-то время после захода солнца пышут жаром, и во время второго визита я позволил себе заметить, что если растения способны испускать свет, то они могут и принимать его. Лично я знаю клены с психической

приманкой, но Пол набросился на мою идею о приеме света. К тому времени он уже закусил удила опылителя; он полагает, что цветки орхидей могут быть зрительной приманкой для других орхидей.

— Но это не объясняет назначение аромата, — сказала Фреда.

— Его нет. Всего лишь мускусный запах... Еще вина?

— Да, пожалуйста.

Пока Хал наливал, она вспоминала строки из письма Пола: «...орхидеи-женщины выделяют такое чарующее благоухание, что если бы я мог упаковать его во флаконы и отправить домой, то от земной экологии ничего не осталось бы за какие-нибудь девять месяцев». Если Хал говорит правду, а у него нет причин лгать, его замечание означает, что он не видел женских орхидей. Как бы невзначай, она спросила:

— Где вы разговаривали с Полом, когда прилетали?

— Обычно около вертолета. Мы садились на коралловую площадку у кромки откоса.

— Вы хоть раз заходили с Полом в глубь заросли?

— Никогда. Если быть точным, однажды я высказал предположение, что у него в заросли самогонный аппарат. Он сказал, что там нет ничего интересного: увидишь одну орхидею и считай, что видел их все. А еще ему нравился вид с откоса, и это впечатляющее зрелище: тремястами метрами ниже края откоса и примерно в трех километрах на противоположном краю террасы поднимается другой откос, высотой около двухсот метров.

Хал сделал паузу — перед ними, как бы прилетев по воздуху, появились тарелки с министроне. Она стала есть суп и размышляла: если Хал каждый раз проводил с Полом какой-то час времени, он не мог оказаться слишком сильное отрицательное влияние на своего педагога. Хал молитвенно склонился над супом, который действительно был восхитителен, но внезапно поднял голову:

— Почему вы спросили, брал ли Пол меня в заросли?

— О, мне просто все интересно. Вы начали что-то говорить о кленах.

— Ах да! — Он широко улыбнулся. — Вы знаете, у психологов есть какая-то теория о чем-то таком, что они называют состоянием нереагирования, находясь в котором парень как бы изгоняет из себя всякую робость. Они говорят, что такой парень, как я, хорошо разбирающийся в женщинах...

— Как мастер карата, выходящий на ковер, — перебила она, отчасти как Фреда, из чистого ехидства, а отчасти как доктор Карон, чтобы обратить внимание на непоследовательность мышления.

— Тушé, — он почти ликовал, размахивая ложкой, зажатой в кулаке, и импульсивно тянулся свободной левой рукой, чтобы взять Фреду за руку. — Шутки в сторону, здесь вас двое — Фреда, пылкая и острогумная, и доктор Карон, не терпящая возражений поборница теории морального совершенствования. Никогда не оставляйте доктора Карон, Фреда, потому что она доставит вас на те вершины, где делается политика, а без ее совета в коридорах власти не обойтись; но и никогда не забывайте Фреду, доктор Карон, потому что с ней гораздо веселее.

Он убрал руку. Такая милая, такая импульсивная речь, подумала она, и он наверняка искренен. Но она благоразумно не поддалась его обаянию: чем привлекательнее Хал, тем опаснее Полино.

— Как бы то ни было, эта теория трактует, что пылкий любовник на самом деле латентно гомосексуален, но это не более заметно, чем, скажем, то, что вы стали ботаником, потому что подсознательно хотели пройти практику скотовода.

Всего лишь аспирант, думала доктор Карон, и осмеливается ополчиться на целую науку; но для Фреды его речь была полна смысла. Она слушала внимательно, не одобряя лишь его выразительное размахивание суповой ложкой. Плохие манеры за столом говорили ей об отсутствии сдержанности.

— Вернувшись на континент, — продолжал он, — я время от времени уходил в кленовую рощу почитать. Все эти танцующие желтые нарциссы только сбивали с толку, а рощица была тихим местом. В деревне нет

ничего сексуального. Даже на Флоре они гермафродиты.

Ага, подумала Фреда, вот и нашелся источник «течки» у цветов.

— ..Прошла неделя, и я стал отдавать предпочтение одному дереву. Это же нормально! И у вас было, наверное, любимое дерево...

И в самом деле было, подумала Фреда. Ведь была когда-то вязовая роща, куда она — девочка — убегала успокоиться и отдохнуть, когда ссоры родителей доводили ее почти до истерики. Она навсегда полюбила вязы.

— Сначала я совсем ни о чем не думал. Просто было удобно сидеть между его корнями, привалившись спиной к стволу. Да, это был клен из кленов! — На мгновение он остановился, и его глаза сделались мечтательными. — И он был по-мужски красив. Крепкий, с сильными ветвями. Это был тот род дерева, которому доверится любая сорока.

Как-то днем я сидел под моим кленом и читал, когда на меня случайно набрел какой-то флотский нижний чин. Ни на одном из нас не было одежды, но я определил, что он флотский, по переводной картинке на руке. Он бродил в поисках желудей.. На Флоре они большие и съедобные... Он как раз раскачивал один, сдавливая ладонями, и нагнулся полюбопытствовать, что я читаю. Он стал присаживаться на один из корней моего дерева, но я приказал ему убираться. Подбирая весьма специфические выражения, я сообщил ему, что сделаю, если определенная часть его тела коснется дерева. Он пошел прочь, оглядываясь на меня и приговаривая: «Ладно, приятель! Ладно!», — как если бы был совершенно уверен, что имеет дело с бельчонком.

— Как интересно, — заметила Фреда, трогая вилкой лазане, которое поставил перед ней официант. Блюдо было воздушным и нежным, как суфле, без намека на запах чеснока, и кьянти великолепно его дополняло.

Хал сменил суповую ложку на вилку и повысил передачу своего размахивающего механизма.

— Когда я понял, что мог убить матроса за то, что он околачивался возле моего дерева, меня охватила паника и я удрал из рощи, воображая себя вполне годящимся для массовок в Голливуде. Позже, думая об этом, я сообразил, что эти охотники до содержимого чужих черепов ошибались и ошибаются по сей день, но главное в том, что напугали меня именно они.

Его вилка болталась, как метроном.

— Я позволил земным фрейдистам запачкать мне мозги. Своим страхом я осквернил рощу!

— М-м-м, да!.. Я не вполне улавливаю смысл ваших слов, — сказала Фреда.

— Вот что я имел в виду: то, что дает дерево, не обязательно только фрукты, и я почувствовал...

— Вы правы, Хал, — заметила она вскользь, отчасти соглашаясь, но главным образом, чтобы сбить ритм вилки. — Дерево дает еще и орехи.

— То, что я чувствовал к кленам, было духовной общностью. Вот и все! Голый зад матроса осквернил бы мою обитель, потому что, совершая обряды вне всякой ритуальности, я достиг взаимопонимания с духом рощи. Фреда, вы видите перед собой последнего живого священника-друида.

Она видела и нечто большее. «Логика за пределами логики» — это еще одна легковесная фраза, заимствованная Полом у этого малого. По духу Харольд Полино был вроде лазане ресторана «Наполи», думала она, но, как говорил Пол, он выдает годные к употреблению интуитивные догадки.

— Вы думаете, на Пола это произвело бы такое же впечатление?

— Нет. Пол — морфолог. Он изучает строение растений. Стержень его интереса не в их духовных качествах или их индивидуальности. Он мог бы предпочесть одну орхидею другим в заросли. Так же, как могли бы вы. Как мог бы я. В масштабе эволюции растений, орхидей — что полубоги в сравнении с деревьями. Я не говорю, что он совершенно безразличен к растениям. Но должна наступить очень темная ночь, чтобы старина Пол смог отважиться вступить в любовную связь с корнем мандрагоры.

— Ешьте ваше лазане, пока не остыло!

Огороженный ее тоном, он принялся за лазане, и, медленно попивая кьянти, она не мешала ему спокойно есть. Она выпила сегодня больше, гораздо больше, чем обычно выпивала за обедом, но это не повредило ее рассудительности. Вино только расслабило ее, сделало восприятие более открытым. Когда он почти покончил с едой, она сказала:

— Не думаете ли вы, что мой мозг получил достаточную разминку; я чувствую, что созрела для Гипотезы X.

— Позвольте снова наполнить ваш бокал, — сказал он. — У вас будет в нем необходимость.

— Вам виднее, доктор, — ответила она отрывисто.

— Пристегнут ли привязной ремень вашего кресла, Фреда?

— Ремень пристегнут.

— Все в норме, вот она, Гипотеза X. — Едва ли не ухмыляясь, он медленно и членораздельно выговаривал каждую фразу. — Ваш Пол верит, что эти орхидеи ходячие. Он убежден, что орхидеи-мужчины по ночам сооружают маленькие полянки для ухаживаний. Он думает, что они там прогуливаются при луне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Широкая улыбка Хала не могла унять боль от ударов этих слов, каждое из которых буквально выбивало из нее радостное настроение.

Весь вечер она забавлялась догадками, создавала теории, строила умозаключения, многие из которых заслуженно могли бы быть отмечены скаутскими значками; однако мысль, на которую наводили слова Полино, ей и в голову не приходила: ее жених помешался на бредовой идее!

— Вы подали Полу эту идею?

— Я не смею приписывать эту заслугу себе полностью, — он явно скромничал, — но во время моего последнего визита Пол не переставая дудел в дуду

опыления, и когда он показал мне раздвоенную корневую систему, я сказал ему, что если тамошнее солнце живет уже достаточно долго, то у орхидей могли бы отрасти и ноги. Пол, как одержимый, ухватился за эту мою догадку, и его понесло еще дальше, как гончую, почувствовавшую след.

Она знала, что Хал говорит правду; и это знание не было обычным пониманием очевидного, оно было чем-то более глубинным, засевшим не только в нейронах мозга, но и в кончике каждого ее нерва — знанием за пределами знания. Этот удивительный парень затащил ее сюда, убаюкал волшебными сказками, поддразнивал и шокировал ее, восхищался ею, но все это — более для оживления ее эмоций, чем разминки ума, с единственной целью — подготовить к этому финальному удару.

Она нужна Полу на Флоре!

Без обиняков сделанное ей Полом предложение прибыть на Тропику было мольбой о помощи.

Пол нуждается во мне, думала она. Нет, не то! Пол только думает, что нуждается во мне. На самом деле ему нужен самый обычный уход... В письме он пытался намекнуть ей, что если она не прилетит за ним, ему останется выбор только между Флорой и Хьюстоном.

Любой, в ком сохранилась хоть толика здравого рассудка, предпочел бы Флору Хьюстону, так разве беспокойство Пола не было проявлением здравомыслия? Она сама предпочла бы сейчас сернистое зловоние палимой солицем Венеры любому — какой ни назови — уголку Техаса, лишь бы вернулось ее радостное настроение.

Она резко подвинула свой пустой бокал Халу и сказала, тыча пальцем в бутылку:

— Напьюсь до чертиков!

— Мы допьем ее вместе и закажем другую.

— Так наливайте!

Он налил вина, которого осталось еще на два полных бокала. По принятому, как сказал Хал, в Италии обычаю они переплели через стол руки и сделали по глотку, при этом сплетенные руки мягко облокотились одна о другую, и Хал сказал:

— ЧАО! — Не отпуская ее руки, он добавил: — Ваши глаза — голубые озера. Как бы мне хотелось сбросить одежду и нырнуть в их глубину.

— Я выпью за это, — сказала она и, выпив, добавила: — ЧАУ-ЧАУ!

Ее восклицание заставило его высвободить руку.

— Что это за чертовщина, чау-чау?

— Рубленые зеленые помидоры. Но мы здесь не для обсуждения рецептов. Пол нуждается в нашей помощи. Проблема вот в чем: как нам ухитриться тайно устроить на Флоре медицинскую палату со всем необходимым для самого заботливого ухода за душевнобольным, но так, чтобы о нашей затее не стало известно Национальному Космическому Управлению?

— Он пока не безумен, Фреда, — успокаивал ее Хал. — Его помешательство еще только начинается. Если бы ему удалось решить эту треклятую проблему — как опыляются орхидеи, — он был бы таким же нормальным, как вы и я, разве что орхидеи действительно гуляют. Но тогда безумны мы, а он в здравом рассудке; и он, может быть, прав.

— Он хочет, чтобы я помогла ему на Тропике, — сообщила она подчеркнуто твердо.

— Не могу представить себе лучшего места! — сказал Хал.

— Если бы не эта наша злосчастная свадьба, я с радостью отправилась бы на Флору и, думаю, смогла бы показать Полу один-два приема опыления.

— Не уверен. — Хал с сомнением покачал головой. — Пол так безнадежно непорочен. Почему бы нам обоим не отправиться на Флору и не показать ему, как это делается?

— Нет, Хал. Вы еще не получили вашу ученую степень, а мы с Полом еще не поженились.

— В моих кругах оба эти препятствия считаются чисто академическими.

— Но вы не понимаете, Хал. Я — девственница.

— Если вы этим хвастаете, то я с удовольствием пошучу с вами на эту тему. Если вы жалуетесь, то мне хотелось бы убедить вас в том, что между сексом и моралью не существует противоречия, — когда одна

девушка лишается девственности, это знаменует собой расцвет другой.

— Вы все еще не понимаете, Хал. Это не вопрос этики. Мой психиатр говорит, что во мне глубоко затаился страх перед вступлением в близкие отношения с мужчинами.

— Фреда, я терпеть не могу делать обобщения, но то, что говорит вам какой-то психиатр, вероятнее всего, — пустая болтовня. Я могу доказать, что у вас нет этого страха. Только подождите, пока я допью эту бутылку вина.

— Нет, мы допьем ее вместе, — запротестовала она, — вы же за рулем.

Пока Хал разливала вино, она сидела, откинувшись на спинку стула; ее мозг был совершенно ясен и работал превосходно. Она, например, знает, почему скатерти в итальянских ресторанах всегда с красными отметинами: экспансивные итальянцы расплескивают на них вино.

Лишь стоило ей вспомнить о загвоздке с тюльпанами, как она — благодаря нынешней ясности ума — сразу же сообразила, что веноподобные переплетения, которые она увидела на флюорограмме, только венами и могли быть. Если это так, то эти растения хотя бы чуточку еще и животные. Даже чуточку животные должны обладать инстинктами. Пол говорил, что мужские тюльпаны живут вперемешку с женскими. Вполне вероятно, что тюльпаны могли научиться непосредственному опылению — с тычинки прямо в яйцевод, — ведь научились же подсолнухи вертеть головой за солнцем.

Идеи, конечно, сырваты, но они воодушевили ее, и курс, которым она должна следовать, вдруг лег перед ней так же отчетливо, как большая окружная дорога от Фресно до Уитуотерсреда.

Она наклонилась вперед и, понизив голос, заговорила:

— Мы здесь строим слишком много догадок, имея слишком мало информации. Я решила опылить эти тюльпаны собственными руками, надо только поймать начальный момент бракосочетания и обеспечить возможность контроля за оплодотворением. Если у них

это получается с помощью коала-землеройки на Флоре, то должно получиться и на Земле с помощью Фреды Карон! Я буду загружать в компьютеры все данные о том, что у них будет получаться, вплоть до седьмого колена, и решу все проблемы Пола прямо здесь, на Земле. Когда он приземлится, я преподнесу ему отпечатанную и переплетенную диссертацию «Способы опыления, используемые орхидеями Флоры». Моя диссертация послужит сразу двум целям — вернет ему здравый рассудок и покажет, кто из нас босс.

Она размахивала вилкой перед лицом Хала и, заметив это, поняла, что кьянти не только сделало ее мозг ясным.

— Обед окончен, Полино, — сказала она отрывисто. — Пойдемте.

По мере приближения к дому радостное расположение духа Фреды вовсе сошло на нет, зато рассудительность возвратилась на свое законное место. К тому времени, когда он остановил машину на подъездной дорожке перед жилыми корпусами для незамужних, у нее уже был готов контрплан по упреждению операции Хала «Анаконда».

Когда он, с затаенной угрозой в голосе, осведомился:

— Всего лишь «Спокойной ночи, доктор Карон», или Галатея ожила? — Она сразу же ответила:

— Не двигайтесь с места.

Легко выскользнув из машины, она энергично захлопнула дверцу, обошла машину спереди и, подойдя с его стороны, оказалась рядом с ним и над ним.

— Во-первых, вы не грек. Вы — латинянин, а латиняне — отвратительные любовники. У меня нет личного опыта, но я читала надписи на стенах дамского туалета... А сейчас, спрячьте руки под щиток управления.

Пораженный, он повиновался ее указаниям. Она обхватила его голову обеими руками сверху и снизу, наклонилась и поцеловала его так крепко, что он застыл, как в шоке. Быстро отпустив его, она сказала:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — почти проскурил он в ответ.

Она взбежала по ступеням, повернулась, помахала рукой все еще сидящему в изумлении парню и вошла в здание. Реакция Полино ее позабавила, а собственная выдумка развлекла. Шалости ради она повела себя как распутница, но не ожидала повергнуть его в такую растерянность и уж никак не думала, что обратная волна его шока докатится до нее и заставит затрепетать ее собственное тело.

Завтра она, скорее всего, пожалеет о своей ребячливости, но нынче вечером ей удалось изобличить во лжи психиатра, который однажды сказал:

— Мисс Карон, вы питаете отвращение к физической близости. Это делает вас идеально подходящей для занятия науками о растениях, однако брак будет сопряжен для вас с затруднениями, если вы не встретите мужчину столь же строгого и дисциплинированного, как ваш отец.

Но может быть, он и не лгал, подумала Фреда. Она, не колеблясь, остановила свой выбор на Поле, потому что его формуляр очень точно совпадал с формуляром ее отца.

Фреда чистила зубы и улыбалась своему отражению. В Хале Полино она не обнаружила ничего такого, чего уже не знала до этого обеда. Парень ей нравился, но он — плохое влияние, и не только на методологию Пола. Еще шесть месяцев в компании этого студента, и Пола можно будет застать прокрацирующимся вместе с ним в Старый Город с целью на практике доказать отсутствие противоречия между сексом и моралью. Теперь Хал Полино подвергнут испытанию, он изобличен, а проведенное судебное дознание успокоило ее совесть. С трудом забравшись в постель, Фреда громко пробормотала:

— Черт с ним, я же не нарушаю его конституционные права!

После трех чашек черного кофе на завтрак Фреда отправилась в оранжерею и предприняла две попытки найти потерянные семена. Первый поиск строился на логике умозрительного восстановления траекторий полета других семян с учетом возможного рикошета

от флюороэкрана. Второй она вела, методично про-сматривая один участок пола за другим, и явившийся на службу господин Хокада, ее полевой бригадир, застал Фреду на четвереньках. Она поднялась, сказала ему, что ей требуется два акра вспаханной земли между оранжереей и оградой, и попросила отнести в лабораторию мертвый тюльпан для химического анализа. Она решила, что два семени, должно быть, прилипли к подошвам обуви Полино, когда тот собирали их товарищей по стручку.

Она села за стол и стала тщательно формулировать свою рекомендацию о ротации студентов-аспирантов на базе семестрового, а не годового срока. Основание: «Чтобы дать им более широкое и более общее представление о всех взаимосвязях внутри и между различными подразделениями Бюро Экзотических Растений — с административной точки зрения; и обеспечить возможность более глубоко понять задачи наук о растениях как некоего целого, но и отдельного субфилума полного спектра биологических наук, их методологии, научных подходов и исторической роли в становлении технологически развитого общества — с образовательной точки зрения».

Это должно избавить Поля от Хала Полино! Ящик для предложений принес ей успех, и она чувствовала, что его львиная доля обусловлена четкостью изложения целей и ясностью слога ее предложений.

Она написала дополнительную служебную записку, в которой рекомендовала поставить шумопоглоители на компрессоры кондиционеров, работающих в оранжереях, поскольку создаваемый ими шум действует отвлекающе. В кабинете доктора Гейнора есть учетный листок, в котором указано количество предложений, поданных через ящик, и отмечается число предложений, принятых администрацией. Фреда обычно подавала по крайней мере два предложения к каждому административному совещанию. Сейчас она опережала всех остальных как по числу поданных, так и по числу принятых предложений Комитетом Ящика, который возглавляет сам доктор Гейнор.

В течение всего делового утра ей придавало силы и умиротворяло кудахтанье, воркованье и посвистыванье уцелевшего тюльпана. Когда подошло время отправляться на совещание в зал заседаний административного здания, от ее похмелья почти ничего не осталось, кроме пульсации в висках и ощущения, что все окружающее имеет склонность слегка расширяться и сжиматься.

Она задержалась в своей комнате, чтобы натянуть на себя строгий вязаный жакет — скромную одежду, в которой доктор Гейнор любил видеть женщин — руководителей подразделений — и подумать о дополнительных выгодах, которые может принести ей ротация студентов по ее программе. Вполне возможно, что ей удастся заполучить Судзуки Хаякуву и она сможет использовать ее ловкие руки для выполнения задуманного перекрестного опыления тюльпанов. Если прорастут все шестьдесят два семени, это будет еще та работа, но японские девушки понятливы, неутомимы и послушны. Ее нынешняя студентка-аспирантка, Мери Хендerson, срок пребывания которой вот-вот истекает, не заслуживает доверия. Мери, если за ней не присматривать, может засадить марихуаной чужой участок с маргаритками.

Для Фреды это было утро триумфа. Доктор Гейнор открыл заседание чтением перечня запланированных на неделю семинаров, на которых побывавшие на Флоре специалисты должны сообщить о своих открытиях. Затем был поднят процедурный вопрос, касающийся жалобы земельной компании Сан-Джоакина на качество контроля за цветочной пыльцой. Во время последнего осеннего сбора урожая было обнаружено, что пыльца одного инопланетного злака попала за изгородь на поле Сан-Джоакинской компании и зерно получившегося гибрида повредило их мукомольное оборудование. Фреда поднялась и предложила снабдить насадки распылителя гликоль-карбюраторами для создания на пыльце пленки, которая предотвратит возможность ее переноса по воздуху. Предложение оказалось настолько удачным, что было встречено аплодисментами и прошло единогласно.

Потом, во время оживленного обсуждения вопроса о размещении бункеров для отходов, Фреда увидела, как секретарь доктора Гейнора подошла к его председательскому месту и подала записку. Он просмотрел ее, затем постучал по столу, требуя внимания, и поднялся, чтобы объявить:

— Наконец-то после двух лет полного затишья мой секретарь миссис Везервакс вручила мне предложение о семестровой, а не годовой ротации студентов-аспирантов. Поскольку это не создает препятствий продолжающейся внеаудиторной работе, я считаю такой переход в высшей степени разумным. Я долго не прибегал к политике директив, потому что мне хотелось получить предложение, которое привело бы этот механизм в действие, от моей команды руководителей, тогда это убедило бы меня в осознании вами того, что функция Бюро состоит не только в выполнении роли научно-исследовательского рычага Министерства Сельского Хозяйства, но в равной мере — и образовательного учреждения. Я буду рекомендовать Комитету Ящика Предложений незамедлительно поддержать данное предложение, чтобы приступить к ротации аспирантов с начала следующего семестра. Хочу выразить признательность доктору Фреде Карон за эту долгожданную рекомендацию.

По обратившимся в ее сторону взглядам Фреда почувствовала, что сумбурно начавшееся утро мирно переходит в чудесный день. Она представления не имела, чем же он чудесен, пока доктор Гейнор не объявил:

— После того как мы разойдемся на перерыв, я хотел бы видеть доктора Фреду Карон, руководителя подразделения цитологии, и доктора Джеймса Беркли, руководителя подразделения психологии, в моем кабинете.

Так как она ничем не могла помочь решению проблем размещения мусорных бункеров, Фреда покинула зал и по пути к кабинету доктора Гейнора заглянула в амбулаторию принять аспирин. Миссис Везервакс, маленькая, но по-матерински солидная, седая, но расторопная, с улыбкой приветствия сделала ей знак рукой, приглашая войти в кабинет Гей-

нора. Войдя, Фреда обнаружила, что доктор Беркли явился раньше нее и, развалившись в кресле, разгадывает кроссворд.

— Привет, Фреда, — сказал он. — Вы не пришли еще к какому-нибудь решению по моей ноябрьской служебной записке?

— Нет, Джим, — ответила она, но он уже уткнулся в свой кроссворд.

Несмотря на прослушанный ею курс «Становления управленческого персонала», Беркли ее смущал. Его поведение не соответствовало моделям, анализировавшимся на занятиях. Он был психиатром фроммовской школы и говорил ей, что хотел бы заниматься практикой искусства любви, но, поскольку ему недоставало сексуальной привлекательности, с ним никто не стал бы сотрудничать. Он так часто получал отказы, что его либидо погрузилось внутрь, причем настолько глубоко, что жена стала изводить его и угрожать судебным преследованием за охлаждение к ней.

Фреда подозревала, что он страдает фетишизмом или обладает своеобразным чувством юмора. Как-то раз он забрел к ней в оранжерею в поисках дамской подвязки. Когда она спросила, подвязку какой женщины он ищет, Беркли отсутствующим голосом ответил:

— Все равно какой.

Он никогда не пытался прикоснуться к ней, открыто или украдкой, но прислал по внутренней почте служебную записку, в которой спрашивал позволения ущипнуть ее пониже спины. Сперва это ее немного разозлило, и она решила переадресовать записку доктору Гейнору, но после недолгого раздумья порвала ее. И не потому только, что об этом узнали бы все, беда в том, что это воодушевило бы доктора Гейнора попытаться продемонстрировать ей кратчайшие пути на более высокие уровни кабинетной власти.

Сейчас автор записки, снова отвергнутый, буквально утонул в бездне своего кроссворда.

Доктор Гейнор, стройный, видный седовласый мужчина, вошел бодрой походкой, кивнул им и, отодвинув стул, сел за свой письменный стол. Он рассеянно взглянул на свои ногти, вытащил из стола

щеточку и принялся полировать их. В его присутствии Фреда стала более внимательна к мелочам и заметила, что бледно-голубой костюм доктора Гейнора очень гармонирует с его бледно-голубыми глазами, а беспорядочные серебряные нити фактуры ткани костюма сочетаются с серебром его волос. Однажды в дамском туалете появились загадочные строки: «Если Чарли Гейнор не рыжий, то он подкрашивает что-то другое».

Глядя на серебряные нити на голубом фоне, Фреда вдруг интуитивно почувствовала, что надпись была небезосновательной. Гейнор многое моложе, чем выглядит. Его волосы подкрашены под цвет платинового блеска нитей ткани костюма еще и для придания хозяину кабинета авторитета возраста.

Внезапно доктор Гейнор поднял глаза. Он положил маникюрную щеточку в выдвижной ящик стола с защелкой военного образца и, широко разведя руки, ухватился за кромки стола; он подался вперед, глядя на доктора Беркли и Фреду с тем полусамодовольным, полулюбленным выражением, с каким учитель обычно смотрит на своих любимых учеников.

— Я считаю вас двоих самыми лучшими в моей команде. Когда меня призовут на более высокий пост в Вашингтон, я надеюсь поставить во главе этого Бюро одного из вас. Однако, прежде чем уйти с этой должности, чтобы занять другую в Министерстве, я хочу оставить вам здесь нечто такое, что будет напоминать вам обо мне... — Он сделал драматическую паузу. — Сегодня мне звонили от Клейборга из Санта-Барбary.

— Кто такой Клейборг, доктор Гейнор? — спросила Фреда.

Доктор Гейнор сделал удивленный вид:

— Доктор Ганс Клейборг из Института Передовых Исследований в Санта-Барбаре — всемирно известный авторитет в области энтропии. Он специализируется на потере энергии галактиками. Доктор Клейборг не спал целую ночь, читая фактографические мини-сводки по экспедиции на Флору, и был потрясен тем, что узнал из них. Он предлагает мне обратиться в Сенатский Комитет по классификации планет с

ходатайством объявить Планету Цветов открытой планетой — и по крайней мере, для экспериментальных исследований, — пока функционирует Международное Агентство. Его институт обладает правом только совещательного голоса, но он сказал, что лично поддержит это ходатайство, использовав весь свой авторитет.

— Это дало бы нам преимущество перед russkimi, — сказала Фреда.

— Вот именно. Из всех отчетов видно, что эта планета — ботанический рай. Интерес Клейборга к эволюции растений на умирающей планете состоит в том, чтобы понять, как эти растения... э-э-э... решают определенные проблемы. Он рекомендует организовать на планете постоянно действующую ботаническую экспериментальную станцию — Научно-Исследовательский Институт Гейнора. Это его предложение, не мое.

— Может быть, нам следовало бы отдать Флору russkим, — вмешался Беркли.

Гейнор проигнорировал это замечание.

— С собой в Вашингтон я беру двух членов моей административной команды — вас, доктор Беркли, потому что, побывав там, вы можете поддержать меня своими выводами; и вас, доктор Карон, потому что вы там не были и на ваших выводах не отразится пристрастие очевидца. Итак, вы понимаете, что таким образом мой штат консультантов будет полностью сбалансирован, а вы, доктор Беркли, могли бы довершить дело парой теорий в поддержку того, что условия жизни на Флоре благоприятно воздействуют на психику.

— Какого рода теории вы хотели бы от меня получить, Чарльз? — проворчал доктор Беркли, и Фреда с ужасом заметила, что он так и не оторвался от своего кроссворда.

Гейнор поднял взгляд на психиатра, и по его лицу пробежала тень досады, слегка поколебавшая его самообладание.

— Вы могли бы набросать картину в терапевтическом жанре, скажем, поразить их несколькими иде-

ями, поданными под углом зрения профилактики душевного здоровья.

— Берусь всесторонне изучить это предложение. Пока я не уверен в своих собственных реакциях, но реакции, которые мне пришлось наблюдать у других, сводятся всего к нескольким признакам, и все эти признаки свидетельствуют об охлаждении привязанности к Земле.

— Чепуха, Джим! Если кто-то из штата сектора Эйбл чем-то и болен, так это от неумеренного потребления цветочного сока. В любой административной группе всегда найдется несколько недовольных... У вас есть возражения?

— Несколько недовольных, которые попробовали цветочного сока. Я не желаю подписывать никакого ходатайства, которое потом могло бы быть истолковано, как зацепка для бегства... с Земли. Много ли времени вы даете на подготовку выводов?

— Десять дней — это самое большее, что я могу предложить. Хочу ковать железо, пока оно горячо, и отправить станцию Гейнора с сектором Чарли.

— Десять дней будет достаточно и в том и в другом случае.

— И в том и в другом случае? Вы хотите сказать, Джим, что я не могу твердо рассчитывать на положительное заключение вашего подразделения?

— О, что-что, а это-то вы получить сможете... С чем бы я ни пришел, доктор Янгблад непременно выскочит с противоположным мнением.

— Ах да, — сказал Гейнор, — доктор Янгблад произвел на меня приятное впечатление. Мне думается, у парня есть организаторская жилка.

По собственному опыту применения административных приемов Фреда знала, что замечание Гейнора было, figurально выражаясь, ножом, приставленным к горлу Беркли. Хотя она и сочувствовала фроммисту, в голове у нее появилась другая мысль: в структуре экспериментальной станции обязательно будет медицинская психиатрическая палата со всем необходимым для самого заботливого ухода за больным. Она ни на минуту не допускала мысль об отклонении Пола от нормы, но любой, кто всего лишь предполо-

жил, что орхидеи могут быть ходячими, потенциально уже тронулся.

— Доктор Гейнор, я сочла бы за честь собрать и обобщить фактические данные, свидетельствующие в пользу станции Гейнора.

Не испросив позволения удалиться, доктор Беркли поднялся и пошел к двери, проворчав:

— Ну да, бей русских!

Как только психиатр вышел за дверь, доктор Гейнор печально покачал головой:

— Можно подумать, что ходатайство представляет он. Иногда доктор Беркли для меня непостижим.

В ответ на это Фреда беззвучно выдохнула:

— Аминь.

Через четыре дня загадка потерянных семян разрешилась сама собой. У основания растения, подвешенного на стойке, выскочили два ростка, сочность зелени которых не оставляла сомнения в том, что их родина — Флора. Фреда была так занята ящиками с сеянцами, что прежде чем заметила их, новые растения поднялись уже на восемь сантиметров. Это так ее встревожило, что на следующий день, увидев Хала в очереди в кафетерии, она подошла к нему рассказать об этом.

Он слушал, хмуря лоб, потом сказал:

— Доктор, мужское растение находилось на высоте двух метров от пола и на расстоянии шести метров от флюороэкрана.

— Я знаю, поэтому я до вчерашнего дня и не обращала внимания на ростки.

— Вы не понимаете, — сказал он, ставя пустой поднос, — женщина стреляла семенами в мужское растение... Ваша оранжерея заперта?

— Да, но ведь это планирующие семена. Они могли пролететь и двадцать метров. В горшочке они оказались совершенно случайно.

— Нет, ма-ам, — сказал он многозначительно. — Когда стрелок всаживает две пули, одна в другую, из тридцати двух возможных, это удача, да-с. А вы

можете хотя бы представить себе, чтобы стреляли ради молодой... Могу я взять ваш ключ?

— Зачем он вам?

— Чтобы предотвратить убийство! Когда вы видели ростки в последний раз?

— Вчера во второй половине дня. Но если вы думаете, что здесь что-то не так, я пойду с вами.

— Все, что от вас потребуется, это открыть дверь, однако поспешим.

Пока они шли через лужайку, ей приходилось почти бежать, чтобы не отставать от его широкого шага. Когда она открыла дверь, он снял горшочек и перенес его на стоявший у двери стол. Два крошечных растения с вполне оформленными цветками выросли у подножья взрослого тюльпана, женский тюльпанчик продолжал стоять, а мужской, словно подкошенный, уткнулся в дерн. Взглянув на него, Хал сказал:

— Так и есть, он своего добился.

— Пол говорил, что мужская корневая система отсасывает из дерна какие-то химические вещества, необходимые другим мужским цветам, — сказала Фреда.

— Пол не хотел вас тревожить, но я не такой чувствительный. Смотрите сюда!

Он просунул палец под корневую систему мертвого тюльпанчика и, обхватив цветок ладонью, вытащил крошечное растение из дерна. На его корнях был крепкий узелок, к которому тянулись нити корневой системы большого тюльпана, уничтожившего маленького мужчину.

Хал укладывал погибший тюльпан на столе, словно омывал тело мертвого младенца; потом отступил от стола и, уперев руки в бока, сказал:

— Взрослый бык заблаговременно покончил с конкурентом.

Чувствуя, что он расстроен, она сказала:

— Чисто поведенческая ответная реакция корневых систем на химические раздражители, Хал. Тюльпаны не умеют мыслить.

— Фреда, вы запутались в собственной методологии, — сказал он. — Большая тварь разделась с

ребенком. Конечно, это была ответная реакция на химические раздражители. О чем тут еще думать?

Молчание — лучшее проявление осмотрительности, рассудила она, но понимала, что это потрясение притупило его способность мыслить трезво. Глядя на тюльпан, блиставший в солнечном свете, она не сомневалась, что такая красота никогда бы не стала бессмысленно убивать другую красоту.

— Может быть, я сверх меры чувствителен, — сказал Хал. — Но я очень трогательно отношусь к миниатюрным растениям. В субботу я собираюсь на выставку бонсай в Бейкерсфильде. Этот тюльпанчик не был малорослым. Он был просто ребенком, но там он произвел бы сенсацию.

Он старался выбраться из неловкого положения, в котором оказался, и она помогла ему.

— Вы были правы насчет редкоземельных элементов. Химический анализ мертвого тюльпана показал необычно большое содержание фосфора, фтора, а также калия. Конечно, такие анализы ничего не говорят о системе жизнеобеспечения.

— Да, — сказал он, — когда меня одолевает эгоизм, я напоминаю себе, что, по существу, я — всего лишь бадья воды.

Он подвесил тюльпаны на прежнее место и, запирая дверь, продолжил начатый им разговор:

— Доктор, вам было бы интересно побывать на выставке бонсай. Не откажите в любезности и составьте мне в субботу компанию? Я слышал, вы собираетесь в Вашингтон... Если вы окончательно не увязли в программе доктора Гейнора, я хотел бы поделиться с вами своими более оформленными мыслями о Флоре. Это, пожалуй, истинная причина моего приглашения.

— Я, конечно, стараюсь быть объективной, но пока все отзывы о Планете Цветов, которые я уже обобщила, были благоприятными.

— Ничего удивительного, — сказал он. — Специалисты не умеют заглядывать за стену своей специальности... А я только бедный священник-друид.

Шагая рядом с ним, она не собиралась спрашивать, где он почерпнул информацию о поездке, официаль-

ного объявления о которой не было. Просматривая доску информационных сводок в дамском туалете нынче утром, она прочитала нацарапанное небрежным почерком: «Чарли намерен сделать что-то с Фредой без любви, когда они отправятся в Вашингтон».

— Так или иначе, — сказал Хал, — я пришел к мысли, что экспериментальная станция доктора Гейнора может обернуться чем-то вроде Сибири для тех служащих Бюро, которые не подойдут под его мерку административного совершенства, и я скорее откажусь от своей профессии, чем вернусь туда.

Такое отношение в корне отличалось от охлаждения к Земле, которым пугал доктор Беркли. Фреда уловила для себя некую благоприятную возможность в этом различии.

— Я бы с удовольствием выслушала противоположное мнение, — заметила она, — в частности, мнение священника-друида. Позвоните мне в пятницу. Если я смогу вырваться, то поеду с вами в Бейкерсфильд.

Она решила, что если выбор руководителя Бюро действительно остановился только на ней или докторе Беркли, то предпочтение определенно заслуживает она. Среди настенных надписей ей как-то попалась такая, которая гласила, что Беркли одержим эдиповым комплексом влечения к девочкам моложе шестнадцати и что он коллекционирует порнографические чернильные кляксы тестов Роршаха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первые цветки на ее сеянцах должны были распускаться в субботу, поэтому Фреде очень не хотелось оставлять их ради выставки бонсай в Бейкерсфильде; тем не менее она поехала, и эта вылазка могла бы оказаться восхитительной, если бы Хал не напился.

Растения, искусственно задерживаемые в росте, демонстрировались в японском павильоне, оставшемся от когда-то проходившей здесь всемирной выставки.

Фреда была очарована пролегавшей среди лесочков из живых дубков, бежавшей мимо кукурузных и пшеничных полей миниатюрной железной дорогой, по которой двигались поезда, останавливаясь на станциях, украшенных клумбами живых роз — все растения взрослые, но во много раз меньше настоящих. Любаясь композицией, размещавшейся на фоне живописной панорамной декорации, она настолько реально представляла себя неким божеством двадцатого столетия, что прощала такие отклонения от сопротивленности, как экспресс-магистраль на Санта-Фе, грохотовавшую по другую сторону Фудзиямы.

Потом они отправились на чаепитие под сенью глициний в садике, возвышавшемся над обрамленной бамбуком заводью с перекинутым через нее каменным арочным мостиком. Девушка-японка в кимоно, подпоясанном оби, подошла к ним, постукивая деревянными башмаками, поклонилась и сказала, что ее зовут Хаки. С волнующей напевностью интонаций ломаного английского, выученного в Японии, Хаки объявила, что готова приступить к обслуживанию церемонии чаепития. Фреда так глубоко ощущала себя частицей Японии, что уже почти реально слышала звон ритуальных колокольчиков, но тут Хал распорядился:

— Налейте леди чаю, Хаки-сан, а для меня сопротивляйте двойной мартини.

— Но, Хал, — запротестовала Фреда, — это же Восток.

— Я ничего не имею против Востока, но я предан Мартини, самому великому, после Маркони, итальянцу.

— Бог с вами, поскорей выкладывайте ваше отрицательное заключение о Флоре, пока еще можете разговаривать. Доктор Беркли дал понять, что путешествие на Флору могло вызвать побочные эффекты: душевную аллергию, ностальгию и даже ослабление привязанности к Земле.

— Чтобы тронуть меня, этот охотник до содержимого чужих черепов слабее этой идеи не смог бы ничего придумать.

— Хал, временами вы меня раздражаете. Одним махом вам ничего не стоит опорочить целую область знаний.

— Не существует области знаний, именуемой психиатрией растений; послушайте, Фреда, растения Флоры до такой степени разумны, что это делает их опасными для существ нашего уровня умственного развития не меньше, чем они опасны друг для друга.

— Доктор Гектор, — напомнила она, — говорил, что жизнь растений Флоры протекает без соперничества.

— Только на первый взгляд. Почвенные условия, наличие дренажа, более высокая влажность дают определенным растениям небольшое преимущество, но, чтобы воспользоваться этим преимуществом, им приходится бороться. На Флоре нет ни пяди земли, где бы не шли баталии. Почва пропитана жизненными соками безжалостно убитых цветов. И я, как священник-друид, говорю вам, эти растения, включая и мои деревья, не знают милосердия.

— Вы хотите сказать, что уже не считаете, что вашему клену может довериться любая сорока?

— Да, — сказал он серьезно, — теперь я уверен, что дерево намеревалось меня убить.

Его бесстрастный гортанный голос насторожил ее. Шараная, подумала она.

Быстрой, семенящей походкой к их столику подошла Хаки, чтобы подать чай; и Фреда, признательная ей за вмешательство, наблюдала за движениями девушки, хлопотавшей с церемонным изяществом, призванным оживить церемонию чаепития. Но Хаки была универсалом. Когда она наливалась Халу мартини, ее движения сделались такими, словно в девушку вселилась игривость джина.

— Что об этом думает Пол? — спросила Фреда.

— Пол никогда ничего не утверждает, — сказал Хал, пригубив из бокала, — но внешним видом его не одурачишь. У вас есть тому доказательства.

Бережно удерживая чайную чашку в обеих руках и глядя поверх нее, Фреда спросила:

— Вы хотите сказать, что он не нашел меня привлекательной?

— Я был бы влюбленным в клен флорианином, если бы додумался намекать на такое! — Он начал жестикулировать. — Мужчина не берет в жены женщину только потому, что ему понравилась форма мочек ее ушей. Красота пропадает, любовное влечение быстро проходит, а страсть может иссякнуть в течение часа. Дайте мне Мону Лизу, и через пятнадцать минут она будет за дверью, все такая же улыбающаяся, но в придачу получившая пожелание радостей в жизни.

Этот парень действительно не в себе, решила Фреда.

— Время от времени мужчине нравится черпать ложкой из глубокой тарелки с яблочным пудингом, — продолжал Хал, — но женится он ради мяса с картошкой.

— Вы делаете мне комплимент?

— Да, и Пол знает, что во Флоре есть что-то отвратительное. Он говорил мне, что сначала цветки существовали, чтобы привлекать насекомых. Что случилось с насекомыми? Цветы их съели! — Он сделал паузу и продолжал упавшим голосом: — Это дерево зондировало мои слабости. Оно обнаружило мое либидо. Я бы умер в этой кленовой могиле ужасной смертью, такой, какой вы не можете себе представить... Но Поля они не получат! Они неправильно определили его слабость — за слабость они приняли его голую и стерильную научную любознательность. Значит, они — не суперрастения. Но много ли во вселенной Полов Тестонов по сравнению с Халами Полино. У Поля нет слабостей.

Фреда слушала как околдованная. Пол говорил, что орхидеи таили секреты. Хал мыслил непоследовательно, но на ощупь шел к теории, которая поддерживала правоту Пола. Пол говорил, что у Хала блестящий ум, но он не такой уж блестящий. Она вполне могла себе представить, какая смерть ожидала этого любвеобильного полусумасшедшего в его «кленовой могиле».

Он прикончил второй мартини и подал знак, чтобы ему принесли еще один.

— Возьмите жизнь животных, — говорил он, — на Флоре существуют все субструктуры, необходимые для царства животных, в частности травоядных, а за пожирателями травы приходят пожиратели мяса. Что случилось с пожирателями мяса?

Покачав свой бокал, он оставил вопрос без ответа.

— В океанах Флоры есть дельфины, и большая рыба пожирает мелкую рыбешку... Но и тут я не могу быть слишком оптимистичным. Если солнце не умрет слишком скоро, морские водоросли станут питаться рыбой.

— Вы считаете, что эти растения плотоядны?

— Нет, потому что трава вредоносная. Она отравила бы пасущихся на ней животных. Когда в эту траву падает семя, оно сразу же исчезает. И трава права! Любое растение Флоры опасно, потому что оно выиграло все свои эволюционные войны. Любое растение, которое вы видите на Флоре, является победителем, героем, непревзойденным убийцей.

Он остановился и осторожно бросил взгляд назад.

— Послушайте, Фреда, эти растения выживают. Цветы следят. Деревья зондируют. Где-то очень глубоко в их видовой памяти сидят воспоминания о двуногом, который висел на их ветвях, ел их ягоды и орехи, с корнем выдирал их слабые ростки. Память о двуногом, которому однажды они уже противостояли, которого уничтожили, но который вернулся и опять бродит среди них; и они будут сражаться снова. — Он замер над остатками своего мартини. — А тут этот ваш шеф, — и мой тоже, — добрейший доктор Гейнор, — девяносто процентов воды и десять процентов горячего воздуха, — ради увековечения ничего не значащего имени хочет разместить на этой планете человеческие существа. Этот осел! Этот администратор!

Он был готов сорваться, и она оборвала его:

— Полино, я не могу позволить высказываться в таких выражениях о руководителе Бюро в моем присутствии.

Хаки вновь подошла еще с одним мартини.

— Хаки-сан, вы знаете напыщенного старого осла по имени доктор Чарльз Гейнор, который ради карьеры утопил бы собственную бабушку?

— Он швыряется слюнявыми шариками, сэр?

— Именно, Хаки-сан! Он дедушка всех стрелков жеванными шариками.

— Хал, я настаиваю! Рассчитайтесь с девушкой, и пойдем.

Послушный, словно ребенок, Хал с трудом поднялся на ноги; прищурив один глаз, просмотрел счет и бросил на стол горстку скомканных банкнот. Он повернулся и подал Фреде руку; она вывела его из павильона. Когда они подошли к машине, она села за руль, а из горла Хала глухо вырвалась единственная за всю дорогу фраза:

— Не помогайте Гейнору, Фреда.

У Фреды не было намерения помогать Гейнору, тем более она не собиралась помогать Халу Полино. В понедельник утром она договорилась с миссис Везервакс о срочной встрече с доктором Гейнором.

Хотя она и была подчиненной доктора Гейнора как руководителя Бюро, разговоры с ним доставляли ей удовольствие. Его манеры, которые Хал назвал напыщенными, были изысканы, почти величественны, и от него, более чем от кого-либо другого зависело продвижение Фреды по служебной лестнице. Только он составлял докладные записки о ее деловых качествах. По этой причине она бывала в его кабинете реже, чем ей бы хотелось, потому что иначе некоторые руководители подразделений могли расценить это как намерение подольститься.

Однако Гейнор высоко ценил лесть, как бы невзначай проскользнувшую в беседе. Фреда улавливала его удовлетворение по обыкновению медленно щурить глаза и кивать головой, когда в разговор вкрапливался замаскированный комплимент. К тому же он был видным мужчиной, и ей казалось, что она ему нравится.

— Как прошел ваш уик-энд? — любезно спросил он, как только она вошла.

— Интересно, причем в нескольких отношениях, — ответила она. — Именно поэтому я попросила о встрече. Я очень благодарна вам за то, что вы так безотлагательно нашли для меня время в вашем графике служебных обязанностей.

Едва заметно кивнув и чуть прищурив глаза, он сказал:

— Моя дверь всегда открыта.

— В субботу я побывала на выставке бонсай в Бейкерсфильде в компании Хала Полино, аспиранта-ассистента Поля.

— А, понимаю. — В его замечании прозвучал упрек. — Вас сопровождал мистер Полино?

— Да. По существу, именно его персона послужила причиной моей вылазки. Я чувствовала, что его интерес начинаящего ученого можно подогреть примером специфического приложения науки о растениях. Но более всего на меня подействовал его неординарный рассказ о достижениях Поля на Тропике, и мне показалось, что его замечания свидетельствуют об определенном отношении к Планете Цветов, совершенно непохожем на ностальгию с признаками начала охлаждения привязанности к Земле, о котором говорил доктор Беркли.

— А, понимаю. — Взгляд доктора Гейнора начал оживляться. — Мне кажется, эта ностальгия слишком поразила доктора Беркли; она пройдет, как рассеивается приятное воспоминание о сельской местности, в которой нам довелось побывать в молодости.

— Мы обсуждали со студентом Полино эффект, который доктор Беркли назвал отчуждением и которому вы только что дали более точное и поэтическое определение. — Фреда была вознаграждена еще одним прищуром и новым кивком головы. — Но реакция мистера Полино была совершенно иной. Он считает, что эта планета недоброжелательна, что за ее красотой кроется дьявол. Он живописал это в таких выражениях, что меня перестала интересовать планета, а заинтересовал он сам. Он настолько подавлен, что считает планету опасной для человеческой жизни. Думаю, что для блага Бюро, так же как ради него самого, следовало бы порекомендовать подвергнуть

мистера Полино негласному психиатрическому обследованию. Если Сенатский Комитет примет решение глубоко изучить мотивы вашего ходатайства, назначенный Комитетом эксперт может заинтересоваться этим молодым человеком. Если он будет под психиатрическим наблюдением, его показания, конечно, не будут иметь законной силы. Возможно, стоило бы распорядиться о предоставлении ему дополнительных каникул, придав этому характер поощрения.

— Нет, это может показаться подозрительным. Если я отошлю его с базы, в случае углубленного изучения он будет первым, кого захочет опросить эксперт Комитета... Полино, Хал... Посмотрим. — Он повернулся на стуле, шелестя накрахмаленным серебристо-белым рабочим халатом, и вытащил из ящика стола картотеку — Полино, Харольд, — повторил он, разглядывая выбранную карту, — Харольд Микельанджело Полино, если быть совершенно точным. — Он вставил карту в сканер компьютера, нажал кнопку, и принтер забарабанил своим печатающим молоточком. Из принтера медленно выползала бумага.

Отклонившийся немного вбок, внимательно и напряженно вглядывающийся в текст досье Харольда Микельанджело Полино, в своем серебристом халате, с серебряными волосами и напряженно-неподвижным, бледным лицом, доктор Гейнор напоминал ей бюст, отлитый в платине. Вдруг он оторвал взгляд от распечатки и улыбнулся:

— Как вы знаете, доктор Карон, эти характеристики являются конфиденциальными, но, поскольку я всецело доверяю вам как руководителю подразделения и поскольку данная характеристика составлена Полом Тестоном, я прочитаю вам одну выдержку: «Означенный студент обладает богатым воображением, которое позволяет ему наблюдать явления с различных точек зрения. Для чисто исследовательской работы этот дар неоценим. Он, без сомнения, существенно дополняет его природную любознательность и превращает его в личность, но приижает способность сосредоточиваться на деталях. Его моторные реакции в большей степени связаны с эмоциональной, а не интеллектуальной стороной его натуры — это скорее

художественная, чем научная реакция. Несмотря на то что ему очень трудно настраивать себя на рабочий лад, он более чем квалифицированный зоолог, хотя, вероятно, мог бы целенаправленно и с большим удовлетворением работать в данной отрасли науки о растениях. В связи с направлением его нынешних исследований, я рекомендовал бы ему уделить определенную долю усердия цитологической подготовке, а в дальнейшем заняться биологией клетки. Его самым слабым местом в этом плане является методология. Он нетерпелив, если приходится анализировать явления шаг за шагом, и с большой неохотой занимается точной регистрацией фактов, но если бы оказалось возможным дать ему более широко поупражняться с целью избавиться от упомянутых недостатков, его вклад в науку о растениях мог бы оказаться неизмеримым».

— Чего-то я не поняла, — призналась Фреда. — То ли Пол посыпает его ко всем чертям, слегка похваливая, то ли хвалит, слегка чертыхаясь.

— По существу, Пол говорит, что он — блестящий аспирант, но ему нельзя позволять разгибать спину. Вот что он имел в виду.

Гейнор отвернулся от компьютера и минуту размышлял, легонько барабаня пальцами по полированной крышке стола.

— Думаю, если ему не давать разгибать спину, это послужит становым якорем для воздушных шаров его фантазии.. Поскольку я уже достаточно глубоко посвятил вас в свои секреты, доктор Карон, позвольте мне пойти еще дальше. В самых разных кругах вы не раз слышали благоприятные отзывы о скрупулезности и совершенстве вашей методологии. Записи, которые вы ведете, точны и всеобъемлющи.

Внезапно Фреда ощущала себя высоко в горах под снежным козырьком в тот момент, когда начинается оттепель. Доктор Гейнор зловеще продолжал:

— Вы проявили участие к этому студенту, и ваше участие делает официальную характеристику еще более весомой. Я высоко ценю вашу проницательность.. Так вот, по вашим рабочим планам на февраль я вижу, что вы намерены вручную опылять Карон-тюль-

паны. Это счастливое стечеие обстоятельств. Я не посягаю на ваши прерогативы руководителя подразделения, но я бы не смог придумать более кропотливой и скрупулезной задачи, чем ручное опыление... э-э-э... шестьдесят три тюльпана, дважды по тридцать два... Ваша служебная записка о ротации студентов утверждена Комитетом Ящика Предложений, и я собираюсь назначить Хала Полино к вам, не только для негласного психиатрического наблюдения, но также, чтобы обеспечить терапию кропотливым трудом студента-аспиранта, которому необходимо поупражняться в методологии.

Ее поглотила снежная лавина, разбуженная ее собственной запиской: чтобы спасти Пола, она пожертвовала собой. Полино достался ей. Никто и никогда не опротестовывал назначения, которые давал лично доктор Гейнор. Наоборот, в подобном случае каждый стремился продемонстрировать с трудом сдерживаемый энтузиазм.

— Как же это мне самой не пришло в голову, доктор, — сказала она искренно. — На ручном опылении он будет так занят, что у него не останется времени для высиживания этих своих мрачных фантазий.

Это заявление тоже было искренним. У Хала Полино не будет времени для разжигания неприязни к планете Флора. Всю мощь своего антагонизма он должен перенести на свою работодательницу. Пророчество настенных надписей сбылось досрочно: они еще не отправились в Вашингтон, а Чарли уже «сделал что-то» с Фредой.

Реакция Полино была точь-в-точь такой, какую она ожидала — огорчение и разочарование; но она была готова выдержать его сердитый взгляд.

— Это административное решение, мистер Полино, и вам остается только подчиниться. Я признаю, что это неприятная работа, но она необходима, и следующие две недели вы будете работать один. Все тридцать семян, которые вы собрали на полу, плюс тридцать два, присланные Полом, дали прекрасные ро-

стки. Тюльпан, который я вынула из горшочка, кажется, прижился в открытом грунте, поэтому я уверена, что вы сможете высадить сеянцы в грунт в ближайшие день-два. Если они смогут адаптироваться к земным условиям и суточным колебаниям температуры, в ближайшие две недели объем вашей работы будет расти, как снежная лавина, и вместе с тем она будет становиться все более ответственной.

— Как снежная лавина — это очень точно, доктор. Она меня завалит.

— Вы встаете в некорректную позу! — оборвала она. — Если эти растения адаптируются, вы прибавите красоты земной флоре.

— Если так, доктор, то лучше прямо сейчас внести корректизы в мою позу. — Он почти грубил. — Если эти скоты адаптируются, у меня не будет времени ее исправить.

— Пункт первый, я хочу, чтобы в журнале наблюдений был зарегистрирован каждый факт, имеющий отношение к Карон-тюльпанам, внесено время каждого наблюдения, записаны барометрическое давление и показание термометра на этот момент времени, отмечено любое погодное явление, которое оказало воздействие на цветы. — Он уставился на нее обиженными желтовато-коричневыми глазами, и она сказала немного мягче: — И мне не нужны записи в стихах!

Он широко улыбнулся в ответ на ее остроумную шутку и стремительно направился к выходу, напевая:

Он занят, как пчела!
Кто занят, как пчела?
Несчастный опылитель, я!

Чтобы им управлять, подумала она, надо быть твердой и авторитетной. И она не потерпит никакой фамильярности от студента, который дважды напился в ее присутствии.

— Еще один пункт, мистер Полино, — сказала она, и он обернулся. — Этот телефон только для деловых разговоров.

— Да, ма-ам, да.

Поездка в Вашингтон началась для Фреды удачно, главным образом по той причине, что в аэропорту Бейкерсфильда к их группе присоединился доктор Ганс Клейборг. Это был подвижный человек маленького роста; его мозг был так напичкан острословием и идеями, что волосы на его голове стояли торчком от насыщения статическим электричеством, которое вырабатывал этот мозг. Как только их представили друг другу, он сообщил ей, что это шведско-ватусийская прическа, которую он выбрал, чтобы отвлечь внимание от своих красивых зубов. Когда она заметила, что его зубы кажутся ей безупречными, он их вынул и, протянув ей, предложил рассмотреть поближе. Этот поступок успокоил и позабавил ее: с ним не скучно, и он так стар, что не представляет опасности для ее здоровья и благополучия.

Ей также было приятно, что доктор Беркли отказался от своей недавней позиции, хотя он составил всего лишь нейтральные выводы о психологическом воздействии Флоры на человеческое существо.

— Кое-какие оговорки об этой планете я оставил при себе, — сказал он ей во время полета. — Но они намного весомее, чем то, что я держу про себя о Земле. Юный доктор Янгблад составил такую — полную энтузиазма — записку несколько в другом направлении, что убедил меня. Открыто не осуждая мое мнение об опасности охлаждения чувств к Земле на этой планете, он утверждает, что великолепно выполненные декорации — его, а не мои слова — могутправлять свернутые шейные позвонки звездолюбов-мечтателей. По существу, он рекомендует Флору в качестве санатория для этих шеекрутов.. Я дам вам почитать его докладную записку.

Фреда была удивлена тем, что в Вашингтонском аэропорту их ожидали репортеры и что их поторопились отвезти в Палату Сенатских Слушаний для встречи с членами Комитета в присутствии прессы. Ее очаровал сенатор Хейбёрн, председатель Сенатского Комитета по классификации планет.

— Я бы рекомендовал держать молодую леди-консультанта афинян на заднем плане, — сказал он всем присутствующим, большинство которых были га-

зетчиками. — Потому что в этом Комитете я действую в качестве адвоката дьявола и боюсь, что не справлюсь со своими обязанностями в присутствии ангела.

Сенатор Хейбёрг распространял вокруг себя ауру добросердечия. Его большие добрые глаза, медленные движения рук, массивная голова с львиной гривой волос прекрасно гармонировали с его голосом. Она никогда не слышала другого такого же: низкий, хорошо поставленный, он наполнял зал резонирующими рокотом сыплющейся гальки. Доктор Клейборг говорил потом, что у него осталось впечатление рева туманного горна сквозь бархат, но Беркли сказал, что во рту у сенатора, по-видимому, была манная каша.

Реакция прессы напугала Фреду. Замечание Хейбёрна об афинянах исподволь внушало мысль, что где-то здесь должны быть и спартанцы. Из газет она вычитала, что спартанцы — это сенаторы-южане, члены Комитета, которые противились открытию любой новой планеты для колонизации, потому что постоянное истощение людских ресурсов отрицательно сказывалось на их штатах в большей мере, чем на других. По существу, они боролись за сдерживание роста заработной платы своих кухарок, и Фреда решила, что такая позиция никуда не годится: однако мнение газетных комментаторов почему-то раскололось. Некоторые — даже северяне — поддерживали спартанцев.

Она полагала, что слушание будет проходить по-джентльменски в тесном кругу, где доктор Гейнор всего лишь представит свое ходатайство. Опубликование отчетов сектора Эйбл было воспринято газетчиками едва ли не как запрещенный прием; даже стала формироваться оппозиция. Во второй половине дня на первом предварительном слушании юрисконсульт Комитета потребовал четырехдневной отсрочки для подготовки материалов стороной, выступающей против постоянной научной станции на Флоре. Фреда спросила доктора Клейборга, который, как ей казалось, хорошо разбирался в политике, почему кто-то должен быть против организации станции.

— Просто создается прецедент, — объяснил он. — И Организация Объединенных Наций, которая обычно действует по принципу прецедента, сделает его — под давлением русских — общепринятым. Русские уже отгружают с Земли своих диссидентов-узбеков, которые домогаются местного самоуправления.

Фреда отметила про себя, что для обоснования отсрочки речь Хейбёрна была слишком длинной, если учесть единственный ее лейтмотив «способствовать непрерывному диалогу между теми, кто „за“ и кто „против“, который делает эту страну великой».

— Он имеет в виду монолог, — шепнул ей Клейборг, — Хейбёрна подпустили к зерновому закрому южан, а это не хуже северного сена.

В отеле афиняне устроились в зарезервированном для них кабинете в обеденном зале, чтобы выработать стратегию. Доктор Гейнор — Фреда никогда не говорила ему «Чарльз» — отсрочкой был разочарован:

— Я надеялся протолкнуть свое ходатайство прежде, чем успеет организоваться оппозиция.

— Чарли, — фыркнул Клейборг, — линия фронта существовала еще до того, как Рэмзботем-Твэтуветем засек Флору своим телескопом.

— Может быть, нам следует запасти какой-нибудь резервный довод, — сказал Беркли, — что-нибудь не чисто научное, а такое, что разбудило бы сострадание в сердцах комитетчиков.

— Что, если дать ход идее доктора Янгблада, — предложила Фреда, — об использовании Флоры в качестве санатория для страдающих охлаждением чувств к Земле. По крайней мере, там они не разобьют коленную чашечку, если упадут, бродя по ночам.

— Мне бы очень не хотелось давать молодому спруту поднимать голову, — сказал доктор Беркли, — но, Чарльз, вы, кажется, прониклись к нему доверием.

— Как к потенциальному администратору, Джим, — сказал Гейнор. — Не мне судить о его профессиональном ноу-хау.

— Если вы пойдете по этому пути, — вмешался Клейборг, — у меня есть про запас настоящий козырь — Розенталь. Его держат в Сант-Элизабет, а

ведь до того, как он стал глязеть на звезды, Рози был баловнем Хейбёрна.

— Откровенно говоря, я бы предпочел обойтись без космического умопомешательства, — сказал Гейнор, — а вы как думаете, Джим?

— Это будет равносильно шоку. Насколько я помню, он был блестящим оратором, прессы обожала его и сделала популярным.

— Сматря какую прессу вы имеете в виду, — задумчиво сказал Гейнор. — С официальной прессой он не всегда ладил.

— Но с радикальной жил душа в душу, — сказал Клейборг. — Властью в Вашингтоне обладает только эта пресса.

Фреда вдруг поняла, что они говорят о Генри Розентале, бывшем министре Космических Дел, содер-жавшемся последние пять лет в Сант-Элизабет, где он грезит вознесениями в Космос.

Приверженный идеям морального совершенствования и обладая высоким чувством долга, Розенталь, будучи министром, не покидал капитанские мостики космических крейсеров, пока не валился с ног; там он и приобрел эту страсть к неизведанному благоговейному трепету перед расстояниями, которую называют по-разному: космическим помешательством, космическим восторгом и ослаблением привязанности или охлаждением чувств к Земле. Розенталь даже попытался совершить невозможное для такой заметной фигуры, как он, — покинуть Землю, и был задержан, когда прятался в звездолете.

К сожалению, правительство все испортило. Сразу же после того, как пресс-секретарь президента объявил об уходе Розентала в отставку «по личным мотивам», в радикальной прессе появился снимок, сделанный в момент его выхода из корабля под конвоем двух патрульных береговой охраны; его голова была закинута назад в манере, характерной для шатающихся по ночам шеекрутов. Фотография, сделанная сверху, запечатлела задумчивость и тоску в его глазах с такой остротой, что Фреда помнила этот взгляд и сегодня; запомнила она и подпись под фо-

тографией: «Он похож на глядящего в небо больного орла».

— А как у Рози... э-э-э... эта странность? — спросил Гейнор Клейборга.

— Он ведет себя совершенно нормально в течение достаточно длительных промежутков времени, — ответил Клейборг, — особенно если никто не вспоминает при нем о звездах и ночи. Джим мог бы пойти со мной утром в Сант-Элизабет и удостовериться в его уравновешенности. Если Рози проявит добрую волю, Джим не будет возражать, а вы дадите добро действовать, то получите вашу станцию Гейнора, а я — своего энтрописта в ее штате.

— А разве может быть официально принято то, о чем заявит психически ненормальный человек? — спросила Фреда.

— Это не официальное слушание, — пояснил Гейнор. — Мы просто попытаемся уговорить Хейбёрна... Добро, Ганс. Но если Розенталь согласится выступить на нашей стороне, его аргументация ни в коем случае не должна выглядеть отражением официальной позиции Бюро.

— Я могла бы вместе со своими доводами представить и мой тюльпан, — сказала Фреда, — это поможет убедить Хейбёрна.

— Фреда и ее говорящий тюльпан, — сказал Гейнор, похлопав ее по руке с задушевностью доброго дядюшки.

После этого стратегического совещания она отправилась к себе в номер почитать, но ее мысли все время возвращались к прикосновению руки Гейнора и возникшему у нее от этого отвращению. Она ожидала неминуемого легкого стука в дверь или телефонного звонка так, как если бы следила за неотвратимо приближавшимися кинжалами Железной Девы. Если Гейнор приступит к интимным маневрам, скрыть отвращение к его прикосновениям она не сможет. Она пыталась думать о нем как о Короле-лягушонке, но ее ум отверг эту уловку. Она встала и заходила по комнате. Коснись рука Гейнора ее бедра, и все, ради чего она работала, — председательское кресло в Бюро, перевод в Министерство, а потом и членство в

Кабинете, — потонет в пронзительном визге отвращения и страха, который будет невозможно выдать за проявление восторга.

Она зашагала решительнее, негодуя, что какие-то нацарапанные на стене туалета каракули сводят ее с ума. Гейнор женат, у него трое детей, он выставлял напоказ свое платиновое обручальное кольцо при малейшем удобном случае: такие мужчины — хуже всего! Ладно, решила она, просто скажу ему, что подхватила проказу.

Цепляться за соломинку проказы было настолько нелепо, что Фреда рассмеялась и на время расслабилась. Именно в тот момент, когда она развеселилась по-настоящему, зазвонил телефон.

Она вскочила и бросилась к аппарату, но остановилась, дожидаясь, пока он прозвонит второй раз. Ей хотелось хотя бы дать ему понять, что она не неслась к телефону, сгорая от нетерпения.

Она подняла трубку, намереваясь изобразить воркование, но получилось только кваканье:

— Говорит Фреда Карон.

— Привет, Фреда. Это Ганс Клейборг, меня интересует ваш тюльпан. Не пропустить ли нам по стаканчику на ночь в randevu-баре?

— Ганс! Можете ставить на вашего доброго ослика — я мигом спущусь!

— Что вы будете пить? Я иду заказывать.

— То же, что и вы, но мне — двойную.

Ганс ждал ее в угловой кабинке, он сказал:

— Говорят, у вас есть тюльпан из другого мира.

— Да, есть. Но сейчас он на станции под Фресно.

Его восхитило ее описание Карон-тюльпана. Смахнув второй стаканчик на ночь, она рассказала все о Поле и его орхидеях, Хале и его деревьях и о том, что оба они подозревают существование на планете заговора. С широко раскрытыми глазами, заряженный статическим электричеством сверх всякой меры, Ганс не мог вымолвить ничего, кроме:

— Удивительно!.. Неслыханно!.. Грандиозно!

Ганса, так же как Пола, озадачила загвоздка с опылителями орхидей.

— Я воспользовался бы той же методикой, что и Пол, и метод дедукции у него точно такой же, как у меня; но при такой алогичной несообразности факты сами собой не получатся. Да и ваша идея хороша. Это же надо, изучать тюльпаны и подвергать компьютерному анализу все данные, которые будут получаться на протяжении семи поколений!

Когда она закончила свой рассказ и они принялись за третью порцию, Ганс, захлебываясь в потоке собственных слов, стал говорить о том, как пришел к изучению энтропии:

— Я потерял так много запасенной энергии, гоняясь за женщинами в молодости, что у меня возник интерес к энергии как своего рода вещи в себе.

Он силялся объяснить ей причину, по которой в прошлом веке поднялась суматоха из-за звезд, взрывающихся в соответствии с законом Гольдберга об убывании энтропии, но она не могла разделить его страх перед гибелью звезд. Что из того, что жизнь вселенной стала бы короче на пятьдесят миллиардов лет? Как сказал бы ее психиатр, она не в состоянии соотнести себя с пятьюдесятью миллиардами лет. Если бы до конца этой недели погасло несколько тысяч звезд, то ведь остались бы еще миллионы.

Ее больше удивило согласие Ганса с Халом в том, что растения Флоры могут оказаться более разумными, чем человек, но он совершенно ужокощил ее предположением, что орхидеи Пола развивались не к ходячим, а, наоборот, от ходячих видов.

— Это тот мотив, который движет моим желанием иметь на Флоре энтрописта. Некоторые надеются научиться рассчитывать гибель солнц с точностью до одного дня, но подобные надежды гибельны для энтрописта, потому что они неосуществимы. А эти растения знают о своем умирающем солнце по ослаблению квантового скачка в их хлорофилловом процессе, и они могут подготавливать свои виды к тому, чтобы пережить долгую зиму смерти и выдержать жар нового рождения их мироздания.

— Вы мыслите, как Хал Полино, — сказала она.

— Да. Мы, в Санта-Барбаре, часто прибегаем к интуитивным подходам, — сказал он. — Человече-

ское существование, как мы знаем, не может сохраняться при гибели и новом рождении вселенных; но мы работаем над этой проблемой, даже пошли на захоронение капсул со стабилизированными аминокислотами на глубине полутора километров в пустыне Сахара. Шансы, что хоть одна из этих капсул выскочит на поверхности еще нерожденного океана какой-нибудь планеты, где очутится осколок того единственного, что даст толчок эволюции на следующем цикле творения, — это невозможные шансы. Но мы, в Санта-Барбаре, занимаемся именно невозможностями.

— Вот куда уходят деньги налогоплательщиков, — прервала его Фреда. — В дырку в земле.

— Семена могут выжить, — продолжал он жевать свою жвачку, — если бы нам удалось изобрести оболочку для человека-зерна...

— Теперь вы глаголете, как Пол Тестон! — воскликнула она и по настоянию Ганса пересказала, слегка кое-что подправив, теорию Пола о выживании орхидей.

— Мне думается, у него в это время появились кое-какие странности, — заключила она, — но все странности относительны. Человеко-зерно, ха-ха!

— Кстати, о зерне, — сказал Ганс. — Вы слышали об индианке с Севера, которая продавала свои прелести за пять долларов или пинту кукурузных зерен?

— Это звучит, как затравка для шестой порции, — сказала Фреда, — а я уже и так перебрала на одну свою норму — четыре... Уже два часа! Доктор Гейнор может сделать проверку постелей.

— Если Гейнор делает проверку постелей в два часа ночи, — сказал Ганс, поднимаясь, — то Фреде Карон лучше побыть под кроватью.

Они поддерживали друг друга по пути к лифту и внутри него. Из лифта, прежде чем уплыть выше, Ганс пожелал ей доброй ночи. Он говорил, что потеря энтропии потребовала, чтобы он отдался ей целиком. С четвертой попытки ей удалось попасть ключом в замочную скважину, но до постели она добиралась как бы идя галсами против ветра и при этом раз-

мышляла о странном открытии: после четырех коктейлей или четырех бокалов вина у нее исчезало отвращение к прикосновениям. А что должно быть после пятой, вяло спрашивала она себя. Обратная реакция?

Она проснулась почти в полдень с чувством отвращения к собственной лени, но потом сообразила, что в Калифорнии еще нет и восьми часов. Все же она поспешила одеться и, спустившись в скоростном лифте на главный этаж, бодро зашагала через холл к обеденному залу. Когда она подошла к кабинету афинян, все трое мужчин были в сборе, но доктор Гейнор беседовал с репортером из «Вашингтон-пост», а Ганс и Джим хмуро поздоровались с ней, едва кивнув. По их мрачному настроению она предположила, что либо Розенталь оказался в состоянии ремиссии своей болезни, либо отказался выступить на их стороне. Это опасение улеглось, когда она услыхала, как Гейнор сказал репортеру, что они очень обрадованы согласием бывшего министра Космических Дел Генри Розенталя высказаться в пользу объявления Флоры открытой планетой. При этом он несколько раз повторил, что какое бы мнение ни высказал Министр, оно будет его собственным и не имеет никакого отношения к мнению Бюро Жизни Экзотических Растений.

Когда репортер поблагодарил Гейнора и удалился, доктор Беркли взял экземпляр вашингтонской «Пост-хоул», лежавший рядом с ним на стуле, и протянул Фреде. Через всю первую страницу крикливо отпечатанной газеты проходили строки заголовка: «Спартанцы призывают Флот бороться против Флоры». Три колонки под заголовком занимал моментальный снимок, на котором были Гейнор и его сторонники, спускавшиеся по трапу самолета, — ее фотограф запечатлев в три четверти оборота, не в самом выигрышном ракурсе — и под ним была подпись: «Портрет четырех ягнят перед стрижкой».

Она пробежала глазами текст. Не кто иной, как адмирал Крейтон, начальник Дисциплинарного Уп-

равления Флота, вызвался выступить против открытия Флоры для размещения постоянной научной станции. Его консультантом, прочла она с удивлением, был Филип Баррон, командир «Ботани», космического корабля Соединенных Штатов.

— Почему, ведь капитан Баррон был очарован планетой!

— В этом и состоит ее грех, — сказал Клейборг, — Баррон там был. Если он даже не скажет ни слова — а он, вероятно, и не будет говорить — одно его присутствие нам повредит. Он находится в положении человека, свидетельствующего против собственной жены, из чего без слов ясно, что означенная леди — потаскушка.

— Если Розенталь скажет то же, что он говорил нам с Гансом, — сказал доктор Беркли доктору Гейнору, — я порекомендовал бы вам, Чарльз, нажимать на психологические факторы. Бейте Флот там, где он не сможет дать сдачи.

— Ганс, насколько коротка эта дружба между Розенталем и Хейбёрном, о которой вы говорили? — неожиданно спросил Гейнор.

— Рози изучал юриспруденцию, слушая Хейбёрна в Северной Дакоте, — сказал Ганс, — он был любимчиком Хейбёрна, стал организатором его предвыборной кампании в сенаторской гонке. В порядке благодарности Хейбёрн рекомендовал его на пост министра Космических Дел.

— Что-то вроде отцовско-сыновьей дружбы?

— Именно так, даже больше, Чарли. Хейбёрн чувствует себя ответственным за Рози — за его космическое помешательство, поскольку, по сути дела, Хейбёрн сам отправил его в это страшное черное никуда.

— Хейбёрн предан и кое-чему еще, — вмешался Беркли, — Флоту. Без ремонтной базы Ред-Ривер и взлетно-посадочной площадки Бисмарк Северная Дакота могла бы сматывать манатки и убираться восвояси из этого Комитета.

— А есть еще космический корабль «Хейбёрн», — подсказала Фреда.

— Корабль был назван в честь его сына, — сказал Беркли, — который потерялся в завитке волос Андromеды... А давайте-ка разменянем ферзей! Почему бы

золоту спартанцев не противопоставить афинскую красоту, Чарльз? Пусть Фреда представляет нашу сторону.

Гейнор тихонько свистнул:

— Джим, я веду агрессивную игру и не могу позволить себе пойти с единственной козырной карты.

— Если продолжать этот винегрет из метафор, — вмешался Ганс, — то я против того, чтобы мы начинали с выпада правой, потому что, если наш ошеломляющий удар не достигнет цели, мы все окажемся в нокауте на нашей коллективной заднице, а Фреде потребуются новые передние зубы.

— Мне не хочется выставлять доктора Карон перед этим Комитетом, — сказал доктор Гейнор. — Завидев блеск десятицентовика, эти южане теряют свой рыцарский дух... Если нам удастся убедить Хейбёрна, он найдет способ надлежащим образом направить их голоса. Давайте обрушим на них всю мощь ботаники, психологии, энтропии... Вытащим на Свет Божий теорию богадельни доктора Янгблада... Сразим их вашими идеями, Ганс, о приспособляемости растений на умирающей планете, как о процессе, для нас жизненно важном. Конечно, появление Фреды перед Сенатским Комитетом — это паблисити...

Быстро взвесив суть происходящего, Фреда закончила про себя эту двусмысленную фразу Гейнора. Если она предстанет перед Сенатским слушанием — после чего паблисити обеспечено, она наверняка привлечет к себе внимание министра Сельского Хозяйства, которого это слушание должно заинтересовать. Если она поведет себя достойным образом...

— Доктор Гейнор, какой бы ни была цена веры, она стоит того, чтобы за нее бороться. Поскольку это ходатайство подается от имени Бюро, я не колеблясь готова взять на себя любую обязанность, которую вы, джентльмены, пожелаете на меня возложить в интересах Бюро.

— Вот это девочка! — восхликал Беркли. — Мы водрузим на нее терапевтическую теорию Янгблада как нашу артиллерию главного калибра и вышвырнем эти линейные коробки Флота вон из Космоса.

— В этом есть логика, — признался Гейнор, — коль скоро наша главная цель — поколебать Хейбёр-

на эмоционально. Все, что служит победе, оправданно. Если на уме у Фреды не только паблисити, мы это попробуем... Джентльмены, не заказать ли нам выпивку, чтобы провозгласить тост за нашу новую Жанну д'Арк?

— По случаю такого решения, — сказал Ганс, — я закажу «Кровавую Мери».

Замечание Клейборга показалось Фреде каким-то зловещим, а его скрытый смысл возмутил ее. Похоже, Клейборг считает дело потерянным из-за того, что она вызывалась представлять ходатайство Бюро Комитету.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Фреда не испытывала сценической робости, оглашая перед Комитетом ходатайство Бюро; она держалась достаточно хладнокровно, только не переставала сожалеть, что все время приходится стоять обращенной в три четверти оборота к камерам. В конце концов вся эта атрибутика национальной популярности — юпитеры, камеры и потрескивающие автоматические стенографы — смущала ее гораздо меньше, чем прикованный к ней взгляд бывшего Министра Космических Дел. Розенталь заставил ее задуматься, уж не одни ли сиделки-мужчины работают в Сант-Элизабет.

Как ни странно, адвокат дьявола, сенатор Хейбёрг, отпустил ее с трибуны, просто выражив благодарность от имени Комитета, но тут попросил слова юрисконсульт Комитета.

— Доктор Карон, — спросил он, — не противоречит ли ваше утверждение о том, что Флора должна благотворно воздействовать наочных шатунов, данным эксперимента Стенфорда-Хаммерсмита с одержимыми космическим экстазом?

— Что такое эксперимент Стенфорда-Хаммерсмита? — спросила Фреда.

— Что ж, ма-ам, если вы не знаете ответа, то я... э-э-э... снимаю вопрос.

Еще до того, как он кончил заикаться, по залу пробежала легкая зыбь смеха, а когда он, споткнувшись, попятился к своему месту, эта зыбь переросла в волну смеха. Фреда вернулась на свое место и, пока Хейбёрг призывал зал к порядку, шепнула Гансу, сидевшему рядом с ней:

— Что такое эксперимент Стенфорда-Хаммерсмита?

— На этот вопрос можно ответить только после шестой рюмки, — тоже шепотом ответил он.

От замешательства юриста внимание аудитории отвлек адмирал Крейтон. Вызванный секретарем, он двинулся к трибуне, и полоски золотых звезд по наружному шву каждой брючины — знаки отличия космического пилота — поблескивали при каждом его шаге. Он был в полной парадной форме, с эполетами, золотым шнуром в петлице и золотыми нашивками полного адмирала, растянувшись от обшлага рукава до локтя. Блеск золота немного уравновешивался четырнадцатью рядами изящных орденских ленточек на маленькой голубой подложке с левой стороны груди, от знака отличия за примерное поведение в академии до ордена Южного Креста.

Перед слушанием Ганс коротко обрисовал ей Крейтона, и по его словам он был внушительной персоной. Ныне начальник Дисциплинарного Управления Флота, он первым «застегнул пояс Ориона», за что был награжден израильским орденом Иова. Он первым разорвал покрывало Венеры, получив за это французскую награду «За заслуги», и он испытал магнитные штормы, бушующие среди Семи Сестер. В общем, это был настоящий космический адмирал.

Без всякой бумажки Крейтон скороговоркой доложил суть встречного ходатайства, аргументируя его тем, что доставка гражданских лиц на Флору создаст трудности с поддержанием дисциплины на Флоте. Он говорил о двух военнослужащих, которые сбежали с корабля, и о своеобразных биологических особенностях планеты, которые затрудняют работу оперативно-разыскных отрядов. К счастью, капитан Баррон, пошарив в мальчишеских уголках своей памяти, вы-

ташил оттуда решение проблемы, которое, однако, потребует затрат на доставку на Флору собак-ищеек.

Фреде это понравилось! Уголки памяти капитана Баррона, вот это да!

— Флора способствует ослаблению дисциплины, — продолжал адмирал. — Наши синие блузы идут в увольнение совершенно без одежды и тут же долой с глаз офицеров. Офицеры никогда не подвергают их дисциплинарным наказаниям, потому что сами тоже раздеться. Капитан Баррон ввел временные знаки различия, которые через специальную бумагу переводились прямо на голую кожу; но командное принуждение ходить в увольнение нагишом, совершенно необходимое из-за климата планеты, стало сигналом общей тревоги во флотских кругах всего мира. Доставка персонала на любую постоянно действующую станцию на Флоре должна будет выполняться без помощи Королевского Космического Флота или Греческого Торгового Флота, а это связано с огромным риском для боевого духа нашего собственного.

Чисто по-флотски Крейтон перенес огонь атаки на теорию пароля и отклика в мотивации поведения.

— Флора — это громадный Сан-Диего, — сказал он, подчеркивая, что «закладные золотые кирпичики» сектора Эйбл флорианской научной экспедиции только помешали сбору основательной надежной информации, причем не просто помешали — было собрано всего десять процентов от статистического среднего по другим планетам. — Факт есть факт, на потраченный на Рамсее-7 десятицентовик на Флоре приходится целый доллар. Мы, флотские, обычно не интересуемся бюджетной стороной дела, но наш патриотический долг призывает нас обратить внимание Министра Финансов на это из ряда вон выходящее соотношение цен.

Адмирал Крейтон поклонился, развернулся и засверкал своими звездами к выходу, сопровождаемый капитаном Барроном, которому, как пообещала себе Фреда, еще придется дать ей кое-какие объяснения по возвращении на базу.

Затем для представления аргументов в пользу открытия Флоры секретарь вызвал Генри Розенталя.

Худой, нескладный, бывший Министр Космических Дел поразил Фреду своей манерой говорить и здравомыслием. Несмотря на работающие камеры, многолюдный зал и шепоток, которым было встречено его имя, он так обуздал свою болезнь, что не было заметно даже признаков тика. Голос его дрожал, но лишь от страсти, с которой он выкладывал свои доводы.

— Если сумасшедший кроток, не было бы проявлением более высокой гуманности освободить его из-под надзора? Разве не было бы разумно — в том числе и с точки зрения издережек, поскольку расходы на его пути много выше стоимости доставки, — чтобы ему предоставили право перебраться на планету, которая могла бы стать его единственной тюремщицей до тех пор, пока он этого хочет, может быть и навсегда, до самой могилы?

Почему же мы удерживаем пленников Земли? Нежели из-за непонятного порыва сердец таких людей, которые говорят, что тот, кто отвергает Землю, предает свою мать? Неужели из-за какого-то древнего обычая, который гласит, что тот, кто не чтит свою мать, не почитает и Бога? Глаза, которые глядят на чистые звезды, языки, которые смакуют пьянящую темноту космоса, губы, которые целуют подол юбки бесконечности, отвергают эту мать ничуть не больше, и ничуть не меньше, чем тот, кто сказал десяток поколений и два столетия тому назад: «Женщина, я тебя не знаю».

Фреда решила, что Розенталь вполне готов для Флоры. Он говорил, как флорианец в четвертом колене. Чем больше она слушала, тем большей симпатией проникалась к этому человеку.

— Флоре остается жить совсем немного геологических эпох, — продолжал Розенталь. — Когда поблекнет последний закат ее солнца, когда его чернота предъявит ей свой иск, а на Млечном Пути на радость детям наших детей вспыхнет какая-нибудь новая, я молюсь, чтобы и пылинка бытия, которой был я, смогла разделить эту радость. Ибо я — плоть от плоти Земли, плодами которой стали одни машины, на которой все Мильтоны немы, а любой Кромвель с удовольствием сменил бы эту бессмысленную пустоту

на что-нибудь другое. Так-то вот, мой старый друг и учитель. — Он повернулся к Хейбёру: — Джентльмены члены Комитета, я обращаюсь к вам от имени всех тех, кто с грустью встречает утренние зори, а вечерние закаты — с наслаждением. Дайте нам это святилище, где мы могли бы в таинстве и одиночестве поклоняться нашей владычице — Ночи.

Фреда не разделила суждение бывшего министра о современном обществе и не поняла, при чем тут Мильтон и Кромвель, но почувствовала, что выступление Розенталя произвело более сильное впечатление, чем речь Крейтона. Адмирал бренчал на струнах кошелька, тогда как Розенталь изо всех сил дергал за струны души, открыто ставя Комитет перед выбором: деньги или душа, наличность или гуманность.

Сенатора Хейбёра явно тронуло это выступление. Он пыхтел носом, когда поднимался, и смотрел на своего бывшего студента пристальным ласковым взглядом.

— Да, брат Легкомыслие, вот мы и послушали звон колокольчиков полуночи.

Откашлявшись, Хейбёрн повернулся к аудитории и камерам. Он поблагодарил выступавших и заверил обе стороны, что во время внутрекомитетских дебатов по ходатайству, которые будут закрытыми, будет торжествовать атмосфера беспристрастия и рассудительности.

— Когда мы дискутируем о звездах, мы обсуждаем будущее человечества; здесь, в Комитете, мы помним о своей ответственности перед вами, не забываем также и о грядущих поколениях, которым оставляем нашу вселенную в наследство, и да пребудет так, пока эта хрупкая живая картина не исчезнет бесследно.

Должно быть что-то им сказанное пробудило воспоминания, потому что взгляд сенатора стал слегка рассеянным, в мозгу возникла мысль и облеклась в слова, а из слов сложилась фраза, и в результате этой цепной реакции движения его рук превратились в ритуальные жесты опытного оратора.

— И дело вовсе не в звездах, а в нас самих, потому что наш последний удел — огни в небесах всего лишь

маяки, которые указывают нам путь все дальше и дальше — находится за пределами звезд, за пределами круговорота движения; пока мы не стали владыками всех звезд...

Фреда тайком наблюдала за Розенталем — он ведь изучал ее, не стесняясь — и увидела, как дернулась его голова, стоило Хейбёру впервые произнести слово «звезды». На втором слове «звезды» движение головы явно стало по-птичийм резким, а когда сенатор сказал «огни в небесах», голова Розенталя откинулась назад.

— Пока мы, пока...

Взгляд Хейбёра упал на Розенталя, и его голос замер в тишине. Сидевший подле своего старого друга и наставника бывший Министр устремил взгляд к зениту, как бы глядя в далекую даль сквозь крышу здания. Его болезнь предъявила на него свои права, и для Фреды он выглядел теперь в точности похожим на воющего на луну немого койота. Рядом с ней сочувственно вздохнул Клейборг.

— Рози не слушает, а нас Хейбёрн вытащил из раковины. — Фреда рассыпала не очень хорошо, но ей показалось, что Ганс Клейборг сказал именно «вытащил из раковины».

С застывшим лицом Хейбёрн обернулся к своим слушателям:

— Мы завязываем пояс пленительных Плеяд и развязываем пояс Ориона. Лекция окончена... э-э-э, объявляется перерыв, благодарю вас.

И вот, сквозь поднявшийся гул голосов и скрежет стульев, Фреда рассыпала сладковзвучный голос сенатора Хейбёра, обращенный к помощнику секретаря Комитета:

— Сынок, вот это постарайтесь отсюда убрать.

Трудно оценить значение событий этого дня, сказал доктор Гейнор, когда их везли в отель, потому что аргументы трогательной речи Розенталя очень запутаны, а возможная реакция Хейбёра на выкручивание шеи его бывшим студентом неизвестна. Единственным комментарием к сделанному Фредой представлению ходатайства был выраженный косвенно упрек:

— Доктор, вам бы очень помогло более широкое чтение вне сферы вашей профессиональной деятельности.

Она лишь кивнула, но почувствовала себя задетой несправедливостью его замечания. Она своевременно читала и помечала своими инициалами директивы Министерства, субдирективы Бюро, докладные записки исполнителей, внутреннюю почту, брошюры, ка-сающиеся административных мероприятий, и научные статьи, которые он направлял ей; у нее едва хватало времени отмывать чернила с пальцев и про-сматривать бюллетени дамского туалета, а читала она быстро.

Размахивая обнаженным клинком, Беркли поспешил прийти ей на помощь.

— Это пиковое положение со Стенфордом-Хаммерсмитом до некоторой степени на моей совести, Чарльз. Я не дал Фреде ознакомиться с эксцентричной теорией доктора Янгблада о терапии посредством окружающей среды. В его логике так много дыр, что даже юрист поймал бы его на этом.

Одним взмахом своего клинка Беркли зацепил ее адамово яблоко и перерезал горло Янгбладу.

Гейнор спросил Ганса, каковы их шансы на положительное решение.

— Примерно пятьдесят на пятьдесят, — ответил тот. — Мы узнаем об этом через неделю или дней десять.

— Хейбёрн говорил, четыре дня, — напомнил ему Гейнор.

— Я помню, но Хейбёрн устроит перерыв.

В отеле Фреду ждала телеграмма: «Поздравьте меня. Отец 2016 детей. Течение 8 дней, если выдержит мой мизинец, ожидаю стать дедушкой 64512. А что потом? Опылитель Полино».

Несмотря на испорченное слушанием настроение, телеграмма взбодрила Фреду. Состояние восторга не покидало ее до самого обеда, и в кабинете афинян она была единственным счастливым человеком. Она объяснила причину своей радости, но телеграмму не

показала: ее слишком фамильярный тон не соответствовал стандарту правильно установленных отношений между педагогом и студентом.

Царившее за столом подавленное настроение было вызвано, главным образом, фотографией на первой странице вашингтонской «Постхоул». Хейберн, размахивая руками в ораторском неистовстве, обращается к присутствующим, а Розенталь устремил отсутствующий взгляд вверх и вдаль. Фреда понимала, что этот снимок равнозначен для сенатора тысяче оскорблений, но Хал, лишь взглянув на него, сказал бы, что сенатор «паясничает».

После обеда она приняла душ, оделась в зеленое платье, так понравившееся Халу, и потратила на макияж на пять минут больше обычного. Она предвкушала удовольствие встречи с Гансом — удовольствие от ощущения значительного стратегического преимущества своего положения перед ним. Клейборг не годится на роль актера-любимца женщин при его росте метр с кепкой плюс сантиметров пятнадцать торчащих волос, которые бросаются в глаза, но он притягивает ее к себе, как пылесос, а его ум — просто какой-то волшебный фонарь.

Она следила за игрой теней от волшебного фонаря на стенах, пока комнату не окутал мрак. Она понимала, что если возлагаемые на ходатайство надежды не оправдаются, ее ждет еще одна милая беседа в кабинете Гейнора, возможно, с церемониальным чаепитием и обсуждением будущего Фреды Карон, и все это закончится предложением, неотвратимым, как нож гильотины.

— Фреда, может быть, вы почувствуете себя более счастливой в чисто исследовательской деятельности.

Когда-то в колледже у нее была подруга по комнате, вспоминала Фреда, девушка-католичка с беспечным характером, которая начинала девятидневную молитву через каждые двадцать восемь дней, и...

Зазвонил телефон. Ганс ждал.

— Приготовьтесь к шести порциям и обсуждению эксперимента Стенфорда-Хаммерсмита.

Сбежав по лестнице, она проскользнула в их угловую кабину и сказала:

— Прошлой ночью я перебрала. Моя норма — четыре порции.

— Как вы определяете вашу норму?

— У меня неприязнь к прикосновениям. Она проходит после четырех порций.

— Значит, ваши возможности эмпирически еще не определены. Вы только установили число порций, которое приводит вас в нормальное состояние. — Он выхватил из кармана счетную линейку и прищурился над ней в тусклом свете настольной лампы. — Судя по графику отражения, оптимум вашего настроения появляется где-то в районе пяти с тремя четвертями порций... Офицант, два двойных мартини!

Это был первый в ее жизни мартини, и ей понравился появившийся в ушах металлический звон.

— Если это колокольчик, — сказала она, — то он отбивает очень чистую ноту... Скажите мне честно, Ганс: каковы наши шансы добиться открытия станции Гейнора на Флоре?

— Очень слабые.

— Боже мой! Если это не получится, доктор Гейнор будет винить меня.

— Такова его игра, — вырвалось у Ганса. — Когда вмешался Флот, Гейнор понял, что ходатайство потерпит неудачу, поэтому он сделал из вас голубку, которую подсадил в качестве мишени для орудий главного калибра Флота. Теперь в провале ходатайства будете повинны вы.

— Если вы мне друг, Ганс, почему вы согласились доверить мне представление ходатайства?

— Я полагал, что вы увидели в этом свой шанс привлечь к себе внимание Министра Сельского Хозяйства, присутствие которого ожидалось, и я считал, что красноречие Рози и ваше обаяние дадут прекрасный шанс всем нам. То, что Рози выкрутил шею, было перстом изменчивой судьбы. — Он сделал глоток и добавил: — Но я не могу себе представить, каким образом космическое умопомешательство оказалось на первом месте в программе наших действий.

— На него нас вывел Джеймс Беркли, — сказала она. — Он и я — первые кандидаты на пост руководителя Бюро, и он все время меня подсиживает.

— Не беспокойтесь о кознях Беркли, — сказал Ганс. — Вы получите оружие, способное вышвырнуть его из любого укрепления, и я покажу вам, как им пользоваться еще до окончания нашего вечера. В чем-чем, а в кабинетной политике психиатр со своей методологией оказывается в неблагоприятном положении.

— Раз уж речь зашла о психиатрии, что такое эксперимент Хаммерфорда-Стенсмита?

— Стенфорда-Хаммерсмита, — поправил он, не спуская глаз с ее бокала. — Вы еще не созрели.

— Вряд ли вы сможете поразить меня еще чем-то, после того, как обрисовали мне кабинетную политику в обнаженном виде. Я читала руководство «Как вести себя, чтобы продвинуться по службе». Но читать о поножовщине — это одно, а ощущать нож в собственной спине — совершенно другое.

— Потрясающее смещение по фазе между теорией и практикой, — сказал он. — Сейчас вы истекаете кровью. Рано или поздно вы научитесь получать удовольствие от удара и его парирования, в особенности от удара.

Она видела, что он выражается витиевато, но этот его язык как-то легко наводил на размышления.

Он наклонился вперед:

— Первое правило кабинетной политики, Фреда, заключается в том, что необходимо завести дружеские связи на каком-нибудь высоком месте. В Санта-Барбаре, чтобы уберечь нас от внутренней кабинетной политики, всем присвоен кабинет-министрский статус. Конечно, — добавил он загадочно, — мы все еще не оставляем практику внешней кабинетной политики, помогая нашим друзьям.

— Почему-то, Ганс Клейборг, вы упорно не говорите мне, каков ваш кабинетный ранг.

— Я думал, вы знаете.

— Я заметила, что Гейнор считается с вами, но полагала, что из-за вашей осведомленности в политике. Мне и в голову не приходило, что люди чистой науки могут дойти до... — Она остановилась.

— Таких высот, — закончил он за нее, широко улыбаясь. — Официант, повторите заказ!

Первая порция мартини сделала ее дерзкой:

— Ганс, почему бы вам не переместить куда-нибудь Гейнора и не посадить меня на его место?

— Гейнор — это мой голубок, — он ухмыльнулся. — Я должен помочь ему, чтобы отправить специалиста по энтропии на Флору. Может быть, я проиграю эту битву, но война не прекращается.

— Вы так сильно возбудили его тщеславие этой станцией Чарльза Гейнора, что он.. готов пожертвовать мной, чтобы заполучить ее.

— Ну, я вижу, ваша рассудительность не ослабела. Вы готовы для теории Хаммерсмита-Стенфорда?

— Жарьте, Лука, — сказала она, прибегнув к одной из фразочек Полино, и подумала, что ей понастоящему нравится этот человек с проволочными волосами и рангом кабинет-министра. Пожалуй, она сделала бы его своим первым другом на высоком месте.

Он подождал, пока официант хлопотал вокруг их напитков, затем сказал:

— Хаммерсмит и Стенфорд, два английских психолога-экспериментатора, которые построили искусственный тропический оазис близ Лох-Ю в Шотландии. В этот сад, где в теплом благоуханном воздухе бренчат цимбалы, они помещали в разной степени не вполне одетых девиц и приводили молодых космонавтов, формуляры-объективки которых свидетельствовали об их прежде безудержном либидо, но которые стали ночных шатунами. Девицы и ворковали, и вздыхали, и подманивали их к себе, но все без пользы. Космонавты только таращили глаза на звезды.

Мне особенно запомнился один молодой лейтенант, Ян Харрис, которого в этом саду ожидала невеста. Они собирались пожениться после его первого полета, но он возвратился из рейса повернутым к звездам.

Ганс сделал паузу, катая свой бокал ободком подставки по столу, и Фреда могла поклясться, что его глаза стали влажными.

— Любимая Яна вызвалась помочь ему и поджидала в саду, когда он входил, пляя глаза на звезды. Она не была обнажена в классическом смысле этого слова, но одета дразняще соблазнительно. Когда Ян

вашел, она сказала: «Ян, я — твоя Сусанна, и я так одинока».

На какую-то долю секунды его глаза опустились, и он увидел ее. Его ответная реакция была моментальной, очевидной и совершенно нормальной. Но глаза вернулись к звездам, а голос, когда он заговорил, дрожал от страсти: «Сусанна, созвездие Стрельца нынешней ночью видно так ясно, что действительно можно разглядеть лучника».

Ганс допил свою порцию и попросил повторить заказ.

— Что случилось с девушкой? — спросила Фреда.

— Она вышла замуж за другого, лучше приспособленного к невзгодам космоса лейтенантика, который через его отца — тот был адмиралом — попал в космический командный состав, и теперь ее муж — капитан 3 ранга Королевского Космического Флота.

— Почему они не посадили ее на ветку, — вслух изумилась Фреда, — а Яна не привели под это дерево?

— Не думаю, что ошибка была в этом, — сказал Ганс, — но ошибка была. По этой проблеме я переписываюсь с руководителем психиатрического отделения в Хьюстоне. Думаю, что теория Хендфорда-Стаммерсмита шлепнулась на обе лопатки именно в чувственной области.

— Как так?

— Для интеллектуала — и обратите внимание, только самые чувствительные умы поражаются космическим экстазом — главной эрогенной зоной является мозг. Их либидо не сублимированы, а координированы. Интеллектуалы не «влюбляются». Они занимаются исчислением ценностей. Если, например, архитектор проектирует Картезианский Собор, какой-нибудь насильник, прокрадывающийся через его кабинет, не отвлечет его внимание от чертежной доски. Ваш парень Полино, возможно, привлекает вас, но ваше либидо, которое сильнее, чем у большинства людей, сосредоточено на жизни растений. Я утверждаю, что Хаммерфорд-Стенсмит предлагал чувственные приманки без сопутствующей оценки значимости.

— Если у меня сильное либидо, Ганс, почему меня возмущают прикосновения?

— Защитный механизм, засовы, чтобы держать зверя в клетке, дамбы, чтобы направлять поток на социально полезные цели, — он снова выхватил свою счетную линейку и прищурился над ней в том же тусклом свете. — Вы приняли три двойных; согласно моим расчетам, ваш зрительный бугорок должен находиться в равновесии с головным мозгом. Попробуем сыграть в игру «ощущение». Дайте-ка мне вашу правую руку.

Он взял ее правую руку в свою левую и пробежал пальцами вверх и вниз от локтя до плеча обнаженной руки.

— Есть какая-нибудь реакция?

— Гусиная кожа!

— Нормально. Вы немного боитесь щекотки. Теперь через пиджак крепко сожмите мою правую руку вашей левой. Какова она на ощупь?

— Твердая. Вы очень мускулистый.

— Я играю в гандбол.. Так, Фреда, закройте глаза и положите на стол вашу правую руку ладонью вверх. Я вставляю указательный и средний пальцы правой руки между указательным и средним пальцами левой и кладу все четыре пальца на вашу ладонь. Теперь слегка охватите эти четыре пальца. Прекрасно! Появилось отвращение?

— Абсолютно никакого!

— Очень хорошо. Так что же вы чувствуете?

— Я чувствую, что мне хочется повторить. Закажите еще по одной, пока я схожу почитать самые последние новости, и прикажите подать в мой номер. Этот буфетчик что-то слишком любопытен!

Впервые в жизни направляясь к автоматам, торгующим противозачаточными пилюлями, она чувствовала себя неестественно жизнерадостной и свободной. Правда, с гравитацией творилось что-то неладное!

Ощущение легкости явилось к ней отчасти вместе с уверенностью, что Ганс Клейборг — это лучший союзник на высоком месте, которого только могла бы желать женщина-администратор. Этот человек — подлинный гений. Он может читать ее мысли. Он умеет манипулировать руководителями бюро по телефону.

Он сумел объяснить теорию Гольдберга ботанику, а руководителю нейропсихиатрического центра указывает на несостоятельность теории Хаммерстанда-Смитфорда. Он обещал научить ее, как выбивать окопавшегося врага из укрепления. Рядом с ним она будет чувствовать себя в безопасности даже под угающим солнцем. Он-то сможет придумать, как снова зажечь этот светильник. Легонько постучав пальцами, он показал ей, что всю жизнь довлеющая над ней навязчивая идея — всего лишь детская антипатия, даже пусть он и не угадал истинную причину. У нее не осталось ни малейшего сомнения, что этот малый, рано или поздно, появится с пригоршней семян человеко-зерна.

Когда она вернулась, он поджидал ее стоя, и, ведя свою борьбу с гравитацией, заговорил:

— Я перепроверил выкладки под более яркой лампой на стойке и понял, что вы перешли оптимум. К тому же я боюсь услышать, как прислуга постучит в номер, прося разрешения войти. Моеей первой реакцией было бы выпрыгнуть из окна, но шестнадцать этажей — это долгое-предолгое падение.

— Что ж, малыш, пойдемте. Но в моем номере действует одно правило... Нет зубов! Вы их сняли. Ганс, вы не потеряли их где-нибудь?

Джентльмен при любых обстоятельствах, он принес со стола ее сумочку и, опуская в нее свои зубы, объяснил:

— Находясь в уязвимом положении, я попался в ловушку.

Ей виделось чудное представление, не было никаких дурных предчувствий, не было страха ожидания, не было даже любопытства. Доктор Карон плавала где-то под потолком и с клинической беспристрастностью наблюдала за крабом, который трусливо побегал к Фреде, издавая звуки, похожие на сдавленный лай тюленя. Но Фреде виделась черепаха, и это заставило ее хихикнуть.

— Над чем это вы хихикаете? — спросил он.

— Я вообразила себя полоской морского берега, — сказала она, — а вас — черепахой, роющейся в пе-

ске, чтобы отложить яйца. Но почему не клацает ваш панцирь?

— Если вам нравится клацание, я мог бы поклацать своими зубами, но они в вашей сумочке.

Чуть позже, затаскивая ее в душевую кабину, он говорил:

— И вправду, вы совсем не такая.

Как всегда обходительный, Ганс включил холодную воду, а она сидела в уголке кабинки. Наклонившись над ней и ухмыляясь своей беззубой улыбкой, он сказал:

— Ну, Фреда, еще раз о Гейноре. Он отдаст вам Бюро, отошлет Беркли в Таксон и в качестве дополнительного поощрения зашвырнет там на экспериментальную ферму.

Вдруг его живость сменилась мягкостью. Он наклонился под проливные струи, нежно поцеловал ее в щеку и сказал:

— Спокойной ночи, милая принцесса, пусть сонмы ангелов баюкают тебя, оберегая твой покой.

Ее тронула эта мягкость, и как только он осторожно прикрыл дверь душевой кабинки, она разрыдалась. Бедный Пол! Потеря девственности одной девушкой означает расцвет другой, говорил Полино; но сейчас, в ночь, которая должна бы знаменовать ее превращение в женщину, она не чувствовала ничего, кроме какого-то странного веселья, не думала ни о чем, кроме ракообразных.

Ее психиатр был прав. Навеки приговоренная к психологии девственности, она так же холодна, как текущая по бокам и спине вода. *Caronous siren pseudodos!* Замороженная Фреда! Пол, ее любимый, не получит ничего, кроме пустой упаковки. Ее теплые слезы смешивались с холодными струями душа, и она заснула.

Фреда проснулась около пяти с ощущением тошноты; выключив душ, она прошла в туалет, и там ее вырвало. Таблетка, подумала она. У нее аллергия к этим быстродействующим пилюлям. Но если объективно смотреть на вещи, времененная тошнота — это гораздо, гораздо лучше, чем в день свадьбы красоваться в белом платье на пятом месяце беременности.

Она растирала свое и без того уже вишнево-красное тело, пока не успокоила клацавшие от холода зубы; потом, удостоверившись, что Ганс не забыл забрать свои зубы, забралась в постель, которая была в полнейшем беспорядке.

Необыкновенно умиротворенная, она присоединилась к афинянам за завтраком. В их кабинете витал дух с трудом подавляемого восторга, хотя Ганс приветствовал ее с обычной для него сердечностью, ни на йоту больше, ни на йоту меньше, и протянул ей то, что явилось причиной их радости.

Фельетонист «Постхоул», подписывающий свои опусы псевдонимом «Слухач», сообщал, что дебаты в Комитете растворились в мелкопартийных интересах, а это означало, что если Хейбёрн примет сторону своей партии, Флора войдет в состав колониальной системы Земли.

— Что вы теперь скажете, Ганс? — спросил Гейнор.

— Кое-что проясняется, — сказал Ганс.

Гейнор одарил Фреду улыбкой:

— Если это пройдет, и станция Гейнора будет открыта, мы будем в долгую перед нашим подразделением цитологии.

Пока Фреда ждала заказанные яичницу с ветчиной под крышкой и пирожок с мясной начинкой плюс большой стакан апельсинового сока и «Кровавую Мери», она читала мысли Клейборга. Он и не думал, что ходатайство будет удовлетворено. Просто ему захотелось предоставить ей последнюю возможность погреться в лучах кабинетного солнца.

Она решила, что нынче вечером начнет ту девятидневную молитву. Она преодолеет ее третью часть. Она не особенно религиозна, но любой малостью, которая может помочь, не стоит пренебрегать. Все, что угодно, но только не направлять на Чарльза Гейнора свое орудие главного калибра.

Плотный завтрак и «Кровавая Мери» помогли ей снова обрести способность четко воспринимать окружающее, и Фреда большую часть дня провела в библиотеке Конгресса, читая вне области своей профессиональной деятельности. Она пропустила ленч и

обед с афинянами, но ее очень обрадовал одиннадцатичасовой звонок из бара.

— Не надевайте эту зеленую одежду, — сказал ей Ганс, — иначе я всегда буду держать свои зубы при себе.

Одетая в синий шелк, она вошла в бар, и Ганс с места в карьер погнал ее к пресловутой оптимальной точке, на этот раз подхлестывая шипением слиянки:

— Я знаю, что вы догадались, почему нынче утром я играл в оптимистической тональности. У нас с вами возникло взаимопонимание. Флотские намерены взять в оборот и испытать на прочность всю несущую конструкцию Хейбёрна, от носа до кормы. Заговорив о несущей конструкции, я вспомнил, что должен просить у вас прощения за прошлую ночь. Я ошибся в расчетах. Когда мы вошли в область чувств, я уже был не в состоянии видеть шкалу счетной линейки. Меня ослепили ваше зеленое одеяние и золотые волосы. Если не принимать в расчет нескольких особенностей вашего характера, вы — самая прочная конструкция из красоты и ума, какую мне доводилось встретить, но настоящей красоты не бывает без некоторого нарушения пропорций. Пожалуйста, милая леди, больше никогда не надевайте зеленого. Вам нужна Санта-Барбара. Санте-Барбаре нужен я, а вы выбиваете меня из игры. На наши встречи всегда приходите в синем флотском. Это совершенно безопасно, потому что у меня на Флот аллергия.

Его доводы были забавны, но во взгляде была напряженность, а в голосе — неколебимость, которые никак не вязались с юмором. Она нежно взяла его за руку:

— Ганс, вы открыли мне великие истины, и я благодарна вам. Я наслаждаюсь нашими ночных заседаниями и не хочу выбивать вас из вашей игры. Я обещаю вам, что никогда не надену зеленое, никогда не выпью больше четырех порций и никогда больше не буду просить вас вынимать зубы.

Невероятная способность Ганса экспромтом делать правильные предсказания блестяще подтвердилась, когда после трех дней дискуссий Хейбёрна увезли в Северную Дакоту в качестве гостя Космического Фло-

та, приглашенного на торжественное открытие учебной взлетно-посадочной площадки для тренировки пилотов-курсантов имени сенатора Хейбёрна. В ожидании его возвращения в работе Комитета наступил перерыв.

Фреда не теряла даром времени. Она не вылезала из библиотеки Конгресса, но с собой книг не брала, поэтому на ее имя не было записано ни одной книги. Она установила, что фригидность женщины — это поле битвы, борьба на котором не прекращается со временем королевы Виктории. Это поле усеяно поломанными копьями психиатров, психологов, гинекологов и шпильками французских женщин-романистов. Быстро читая, за шесть дней она проглотила сорок томов. Труды психиатров были подобны кратким судебным отчетам, начинавшимся с какой-нибудь предпосылки, подкрепляемой цитатами из других книг для подтверждения ее значимости, тогда как в этих других книгах цитировалась еще одна подходящая монография на ту же тему для подтверждения исходных предпосылок цитируемых книг. Вот, оказывается, как рождались «школы» психологии и как у каждой оказался свой духовный учитель. Расшвыривая трутней, чтобы добраться, наконец, до пчелиной матки, она нашла-таки два хорошо аргументированных заключения: 1]. В женском организме органически нет места фригидности. 2]. Женский организм органически может обходиться без оргазма. На седьмой день она просто отдыхала и подбрасывала монетку: орел — «да», решка — «нет»; но ее платоническая дружба с Гансом доросла уже до такого уровня, что она, не стесняясь, кое-что могла бы с ним обсудить. И Фреда перевалила на Ганса свою проблему.

Пораженный, он хлопнул себя по лбу:

— Дитя, как вы наивны. Я же говорил вам, что это была ошибка счетной линейки.

— Но вы оценивали только мои оптимальные способности к вышивке.

— Да не ваш оптимум вышивки, — уверял он ее, — а оптимум вашей чувствительности. Я рассчитывал точку, в которой ваше желание быть любимой уравновешивается с вашим страхом перед прикосновением.

Поскольку я был слишком пьян, чтобы отчетливо видеть шкалу, я затащил вас за точку, после которой нет возврата. Ваши мозговые импульсы перестали правильно функционировать, а ваш зрительный бугорок — женская половина этого дома — тоже стало ко всему глух. Когда вы захихикали, я понял, что допустил промах. Мне бы следовало вместе с вами подождать в душевой, пока ваша чувствительность возвратится, но, честно говоря, я не смог бы выдержать час или два под холодной водой. — Он медленно покачал головой. — Не губите свою жизнь из-за моего малодушия. В вашу брачную ночь тщательно отмерьте и выпейте четыре с четвертью порции мартини, а потом помолитесь за Пола Тестона.

Она высоко оценила предложенную им перестраховку, но с грустью сознавала, что теперь он ей только друг. Он не постеснялся соврать ей. Как бы там ни было, ее проблема как была, так и осталась нерешенной. Пол очень неодобрительно относится к выпивке, и ему покажется подозрительным, если его якобы невинная невеста тщательно отмерит и проглотит четыре с четвертью порции мартини в их первую брачную ночь, чтобы воспламенить себя для брачного ложа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

От своих знакомых, осведомленных о подобных материалах, Фреда знала, что католическая новена — это молитва, растягиваемая на целую неделю и еще два дня. Если бы она начала молиться в первую ночь, воздержавшись от блуда и пьянства, то закончила бы свою новену с запасом в один день, но ее вере в молитву не было суждено оправдаться. Хейбёрг категорически отклонил доводы в пользу Флоры.

Заключение обнародовалось в субботу, в два часа пополудни, через два дня после того, как закончился семидневный кутеж Хейбёрна в злачных местах Бисмарка и Мандана. За окнами буйствовала снежная метель, но Фреде пришлось признать, что после своего

турне, где все было оплачено заранее, он выглядел бодрым и свежим, как херувим. В одну минуту третьего по восточному времени сенатор поднялся, чтобы предстать перед камерами, сверкавшими красными индикаторами «Работает», три раза легонько стукнул своим молотком и возвестил:

— Итак, заключение Планетарного Распорядительного Комитета Сената. Президент Соединенных Штатов посыпает свое приветствие всем присутствующим. До вашего сведения доводится, что его Комитет пятью голосами против четырех постановил, что планете, известной под именем Флора, Цветочная Планета и Планета Цветов, имеющей координаты $121,63^{\circ}$ по горизонту, $3,187^{\circ}$ по высоте над горизонтом и лежащей в $14,383$ парсеках от центра галактики на кольце Млечного Пути, настоящим дается статус отверженной планеты. Он объявляет своим дорогим избирателям, гражданам Соединенных Штатов, проживающим на Земле или высоко в Небесах на других планетах, что отныне и во веки веков упомянутая планета непригодна для их проживания, если данный Указ не будет аннулирован на ближайшей сессии Планетарного Совета Организации Объединенных Наций. Этот Указ вступает в силу с 11 февраля 2237 года и никоим образом не затрагивает условия и привилегии научных экспедиций на упомянутую планету, проводимых в настоящее время или запланированных к проведению до 3 ноября 2237 года.

Этому комитету было представлено много убедительных, облеченных в красивые фразы и даже притягательных аргументов. — Здесь он улыбнулся, устремив взгляд на Фреду, от которого она едва не пошатнулась, как от удара. — Но Президент, с присущей ему мудростью взвесив все соображения, отдал предпочтение тем, кто высказывался против.

Благородные ходатаи, мне поручено выразить вам глубокую признательность Президента за вашу обеспокоенность проблемами, относящимися к предмету слушаний. Слушания окончены. Ходатайство отклонено.

Как только он стукнул своим молотком, по палате прокатился гул, подобный пойманному в ловушку раскату грома.

Для Фреды этот гул был подобен погребальному звону. Сегодня, здесь ее карьера закончилась на нижнем административном уровне. Она позволила Беркли позорно перехитрить себя и дала Чарльзу Гейнору возможность бесстыдно принести ее в жертву. Ее орудия никогда не будут наведены на Беркли, потому что привести их в действие мог бы только Гейнор, но Чарльз Гейнор не станет нажимать на ее спусковой крючок. Она с грустью призналась себе, что решение ее проблем будет чисто академическим. В символическом смысле предсказание прорицательницы дамского туалета было верным: Чарльз уже сделал это с Фредой без любви в Вашингтоне.

Фреда поднялась уходить, но Ганс удержал ее, сказав:

— Подождите.

Хейбёрн все еще стоял на трибуне, обратив взор на камеры, словно проверял, все ли индикаторы погасли. Он алчно облизнулся, и зрители, казалось, придинулись к нему, подавшись вперед. Наблюдая за ним, она увидела, как с него сползла маска херувима, и разглядела загримированную морщинку, когда он расслабил челюсти. Даже цвет его бледно-голубых глаз изменился на серый стальной, а нижняя губа на добрый сантиметр выпятилась из-под верхней. Прямо на ее глазах адвокат дьявола принимал облик своего клиента.

— О'кей, ребятки, — прорычал он. — А теперь — не для прессы.

Репортеры поблизости от Фреды, уже сложившие блокноты и убравшие карандаши, вытащили из карманов стенографы, и она поняла, что вот-вот начнется брифинг для радикальной прессы.

— Дорогие друзья и дражайшие враги, — открыл его Хейбёрн ораторским раскатом, но меда в его голосе уже не было. — Когда в этой палате запричитал шутовской хор кровоточащих сердец ребят с пасхальными яйцами вместо голов и южнокалифорнийских балаганщиков, включая и восходящую ки-

нозвезду с буферами бледно-лилового кадиллака, помещение стало покрываться копотью неподобающего давления на Сенатский Комитет.

— Много ли Флот заплатил за ваш решающий голос, Хейбёрн? — выкрикнул кто-то.

— Благодарю вас, дорогой враг, за вашу ярость, которая вдохновляет меня. Но об этом позвольте знать только мне, а докопаться до истины — дело внутренней налоговой инспекции.

Он остановился, сделал глоток из стоящего на трибуне стакана и поклонился, отдавая должное язвительным колкостям и освистыванию. Однако стоило ему поднять руку, прося тишины, как она тотчас была ему дарована.

— Пока уважаемые ходатай устраивали перед на-ми шествие своей широкоглазой инженерии и эмоционального калеки — этого воющего на луну средь бела дня гончего пса, — в моем мозгу величественной волной прокатился девиз величайшего штата Канзас, «*Ad Astra per Aspera*» — «К звездам через тернии».

Это действительно была речь не для прессы, и местные газеты осветят ее именно как таковую, но треск стенографов поднимался и затихал, неотступно следя за темпом произносимых Хейбёром слов.

— *Ad Astra per Aspera*, — повторил он и с грустной миной на лице сделал паузу. — Этот девиз выбит на могиле мечты, в этой могиле разлагается мораль нашей республики, поверженная четырьмя всадниками цивилизации: комфортом, порядком, интеллектом и просвещением. Дорогие друзья и дражайшие враги! Нет морального эквивалента войне, нет прогресса без боли, нет цвета без контраста, нет жизнеспособности без насилия. Я против любых Тати в космосе. Я нагромождаю заторы во всех местах, где пахнет цветами. Я уже слышу грохот железного кольца мертвых планет, и я воздену руку мою для благословения, говоря: иди, встреть и превозмоги брошенный вызов. Но я буду беспрестанно возглашать «прочь» пожирателям лотоса, любителям комфорта, глазелупам бездеятельной красоты.

— Ненавижу! Ненавижу! — заорал какой-то любитель подковырнуть оратора.

— В раю нет прогресса, — продолжал сенатор. — Человек не мог бы так величественно шагать в лучах солнечного света, не будь он вышвырнут из Эдема. Но Круг Судьбы, по которому мы пошли от надкусенного яблока, снова привел нас к яблочному пюре. Как только Адам двинулся из Эдема на восток, он оказался в порочной закономерности этого Круга. Удаляясь от Эдема на восток, он приближался к нему с запада. Мои ноздри уже ощущают испарения этого оазиса, который воистину станет могилой нашего духа.

— Долой! Сгинь!

— Дорогой враг, сгину и я; но я сгину, как человек, стоя на ногах, изрыгая проклятья умирающему солнцу, а не как хилое растение, погибающее от первого удара мороза. И я умру, вознося хулу имени этого Великого Круга, Господу Богу, потому что этот Круг всегда возвращаše в то же самое место, не имавши в основе замысла своего ни тени грусти, ни толики греха, ни капли сострадания.

— Еретик! Богохульник!

Фреда вдруг заметила, что, бросая слова, собравшиеся делали резкие движения плечами, ложные выпады головами, извивались всем телом, словно болельщики во время боксерского боя на приз.

— Многоуважаемые ходатай, — он повернулся к афинянам. — Вы получили благодарность Президента. Примите теперь и мое маленькое к ней добавление. Голливудской звезде, у которой спереди больше, чем сверху, здравствуй и прощай. Подкрашенному под платину яйцеголовому, здравствуй и прощай. Честолюбцу из второсортной психушки, здравствуй и прощай. Дай вам Бог не очень спокойного полета назад к вашим давно не поливавшимся гераням!

Фреда была потрясена грубостью его слов, произнесенных с такой злобой и такой ядовитой точностью, но толпа притихла и ждала. Пока сенатор делал второй глоток своего напитка, она слышала вокруг себя только звуки сдерживаемого дыхания. Хейбёрн назвал только трех афинян, и она тоже склонилась вперед в напряженном ожидании.

— А вы, о антенноголовый Дедал, главный подстрекатель, боюсь, ваши вестники-Икары слишком близко подлетели к этому солнцу...

— Сукин сын! — завопил кто-то, и аудитория прыснула смехом.

— В построенных вами крыльях отказалася система охлаждения. Ваш Икар еще раз шлепнулся на задницу. Возвращайтесь, о кукловод, в вашу Санта-Барбару для новых репетиций с вашими марионетками под музыку шарманки. Вам еще раз выпали всего два глаза. Ваша игра проиграна. На Флоре не будет этих ваших азартных игр в кости.

Он снова сделал глоток, не отрывая немигающего взгляда от Клейборга. Когда он заговорил, казалось, теперь перед ходатаями выступает ходатай.

— Клейборг, я просил вас прежде и прошу вас опять — бросьте игру по правилам! Когда гаснут самые далекие звезды и гибнут самые дальние планеты, когда рушатся великие галактики, дайте нам выход на старт нового цикла. Вы знаете этот путь, он открыт перед вами. Идите по нему! Разорвите Великий Круг и дайте нам возможность заново создать его по нашему собственному проекту. Обманите Господа Бога! Обманите Великого Обманщика!

Ядовитая идея захватила публику, которая начала скандировать:

— Обмани, Клейборг, обмани! Обмани, Клейборг, обмани!

Ганс встал и поднял руку, прося тишины.

— Леди и джентльмены, у меня нет ораторского дара сенатора, поэтому я не стану разглагольствовать перед вами. Позвольте мне сказать просто: есть некое божество, которое устанавливает предел любым формам нашего существования... Войне действительно нет морального эквивалента. Но нет и подобного войне эквивалента морали. Чтобы обмануть Господа Бога, чтобы направить эволюцию по кругу короткого замыкания, потребовалось бы долгое путешествие, а кого бы мы послали в такое путешествие? Нашего губернатора из Северной Дакоты?

Клейборг подождал, пока не замерли крики «Нет! Нет!»

— Он согласился бы на такое путешествие, приняв это как взятку за сотрудничество.

— Дайте нам всем спокойно умереть, — крикнул кто-то.

Клейборг поднял руку:

— Итак, вы понимаете, что выбор был бы трудным. За свою жизнь я встречал не многих, кого послал бы за пределы конца Света. Эта леди, так вульгарно оклеветанная джентльменом из Северной Дакоты, — он положил руку на голову Фреды, и она почувствовала себя так, будто получала благословение, хотя это чувство было чисто интуитивным, потому что прежде ей никогда не приходилось получать благословений, — одна из немногих, кого я мог бы выбрать для такого путешествия. По тем сведениям, которыми я располагаю лично, могу свидетельствовать, что сверху у нее больше, чем спереди.

Это заявление она подвергнет всестороннему рассмотрению, подумала Фреда, когда Ганс убрал руку и продолжал:

— Но я исповедую закон морали и не могу мешничать. Нам заданы циклы творения, и мы будем работать в пределах этих циклов. Мы будем наносить поражения Господу Богу в его собственной игре, действуя по Его правилам, но побеждать Его мы будем как люди, чтобы воссоединиться с ним в человеческом облике. Вопреки предложению сенатора, я не собираюсь играть роль Люцифера под одобриительные выкрики толпы. Я не соглашусь на роль Повелителя Тьмы и по сенаторскому назначению. И я не стану Вельзевулом, вызванным для того, чтобы изгнать этого, стоящего перед вами Сатану.

Он сделал короткую паузу для одобриительных аплодисментов.

— Коль скоро мы поднимаем оружие против Господа Бога, не может быть ни победы, ни поражения, не будет и конца этой войне. Нет, я не предлагаю молчаливую покорность судьбе. Лично я настроен воинственно. Я не сложу оружие и не позволю моему мечу спать в моей руке, пока мы не построим наш Новый Иерусалим; но, во славу Господа Бога,

дженльмены, мы построим Его Город руками смертных.. Благодарю вас.

Воцарилась благоговейная тишина. Больше не о чем было говорить, и толпа потянулась вон из зала. Фреда заметила, что большинство мужчин обильно вспотели.

Беркли и Гейнор сразу же покинули зал, но Фреда задержалась подле Ганса, принимая рукопожатия и похлопывания по плечу единомышленников, тогда как противники шли поздравлять Хейбёрна. По ее мнению, Клейборг определенно вышел победителем из этого столкновения. Она не вполне понимала, в чем состояла его суть, но столкновение определенно произвело потрясающее впечатление. Когда она увела наконец Ганса от сгрудившихся вокруг него людей и они шли к стоянке такси, она спросила его об этом.

— О, — сказал он, подводя итог случившемуся, — Хейбёрн просто провоцировал некий моральный эквивалент уличных беспорядков. Толпе нужны ее хлеб и зрелища. Хейбёрн прожженный риторик, и он знал, что за ходатайством о Флоре стою я, да он понял бы это, будь я во время слушаний даже в Южной Африке... Мне понравилось, что он повесил на Чарли ярлык «подкрашенного яйцеголового»... Меня, конечно, огорчило, что вы оказались втянутой в это дело. Следовало бы догадаться, что Гейнор что-то замышляет, когда я встретил вас в Бейкерс菲尔де, но, черт побери, меня не беспокоят ничьи тайные замыслы, кроме моих собственных.

Он подержал для нее дверь такси, и как только он сел рядом с ней, она спросила:

— Что это за дискуссия о том, чтобы обмануть Господа Бога и разорвать Круг?

— Что-то вроде оруэллского красноречия на скотном дворе. Вселенная сжимается и взрывается то туда, то сюда. — Он задвигал руками, как бы играя на гармонике. — И он хочет, чтобы я разогнал звезду до скорости, при которой его вынесет за пределы космоса и времени. В таких условиях человек превращается в ничто и более не является субъектом действия законов природы — оказывается вне Господа Бога, на языке Хейбёрна.

— В соответствии с законом Гольдберга об убывании энтропии достаточно просто вычислить, когда произойдет следующий взрыв, и совершить круговое путешествие в никуда с заранее настроенной системой управления на возвращение обратно во время следующего цикла уже прошедших весь путь на предыдущем цикле человеческих существ вместе с их замикрофильмированной и готовой к применению технологией. Но я не приемлю этого отсиживания вне досягаемости законов только для того, чтобы внезапно выскоить в девственной вселенной.

— Ну начнем мы управлять эволюцией, а какую продукцию будет давать этот следующий цикл? Еще больше Хейбёргов? Кто из нас обладает такой квалификацией, чтобы сметь заведовать раскручиванием этой спирали?

— Наверняка должны быть стоящие люди. Вы даже меня называли.

— Вы бы захотели отправиться? — спросил он серьезно.

— Конечно нет! Я была бы никудышным космонавтом.

— Этот ответ свидетельствует о вашей пригодности для такого путешествия и подтверждает мою точку зрения. В Санта-Барбаре мы дали этому название — «Ловушка-69». Тот, кто пригоден, отправляться не согласен. Только хищники, алчные и изголодавшиеся по власти, захотят отсидеться вне законов и наброситься на девственную вселенную. Они получили бы неограниченную власть над истоками творения. Поскольку абсолютная власть портит абсолютно, кому понравится молиться целиком продажному Господу Богу? Нет, Фреда, мой корабль не понесет ни мошенников, ни курильщиков марихуаны, ни любителей ЛСД.

На миг он замолчал, а затем добавил:

— Так что корабль я не отправляю.

— А ваши семена? — спросила она.

— Семена? А-а, нет, они не противоречат законам.

В отеле ее ждала еще одна телеграмма от Хала: «Пришла помошь из неожиданного источника. Боже, храни траву Флоры! Еще немного, и тюльпаны заво-

юют Бейкерсфильд; завтра — весь мир! Бренчу на диссонансной гитаре в Старом Городе. Мнившееся сбывается. Пора бы вам быть здесь».

Язык телеграммы и позабавил, и раздосадовал ее, и она заметила, что в строке времени отправления значится вечер пятницы и что отправлена телеграмма из Фресно. Она протянула телеграмму Гансу, который расплачивался за гостиницу у конторки, и сказала:

— Переведите это на нормальный язык.

Ганс пробежал текст глазами:

— Тюльпаны адаптируются к земным условиям так быстро, что ими пора управлять. «Завтра — весь мир!» — это лозунг нацистов двадцатого века, которые намеревались покорить мир. Поскольку он освобожден от изнурительной работы неожиданным внештатным опылителем, у него появилась возможность играть на гитаре в каком-то джаз-притоне.

— А вам не показалось, что он был пьян, когда писал это?

— Нет, — сказал Ганс, — компоновка текста очень удачна. Этот мальчик по-мужски сильно увлечен вами.

— О Ганс. — Она покраснела. — Он знает, что я обручена.

— И это делает вас еще более притягательной... Держите меня в курсе дел, связанных с этими тюльпанами, и не обижайтесь, если я не буду отвечать на ваши письма. Когда я занимаюсь решением невозможных проблем, я становлюсь рассеянным.

Из-за снежной бури вылет в край неполитых ге-раней задержался на два часа. Как только сидевшие впереди Гейнор и Беркли начали клевать носом, Фреда с Гансом принялись за свое последнее совместное удовольствие — двойной мартини в полете продолжительностью в один коктейль. Вот и пролегло между ними горьковато-сладкое прощанье, думала Фреда, разлука полюбивших друг друга и необдуманно, и не слишком глубоко.

Ганс больше тяготел к горечи.

— Я чувствую вину, Фреда, — сетовал он, — за то, что включил вас в свою шахматную игру. Я пытался пожертвовать пешку — Гейнора, но Хейберн от жертвы отказался, чтобы завладеть королевой, вами.

— Гейнор сам напросился на эту жертву.

— Да, он сам влез в мою игру. Но она продолжается. Клейборг еще не сломлен.

— Сломлена Карон, — сказала Фреда.

— Если бы жизнь игралась по шахматным правилам, то — да, — не стал возражать Клейборг. — Вас обидело неофициальное высказывание Хейберна. С течением времени его августейшая репутация будет расти, а дряхлость только укрепит его нерасположение к вам, и он может заблокировать любое ваше продвижение по административной лестнице, даже если вам удастся чего-то добиться в обход Гейнора.

— Я реалистка, Ганс. Гейнор назначит меня на чисто исследовательскую работу, и я до конца дней моих буду коротать время среди растений в горшочках.

— Есть другой путь восхождения — мой путь, — сказал он. — Если вы в состоянии внести подлинный вклад в науку о растениях, то сможете добиться назначения на одну из фабрик мысли — в Принстоне, Санта-Монике или Санта-Барбаре, что сделает вас равной руководителю учреждения.

— Я сомневаюсь в своих способностях, — сказала она.

— А я нет! Слушайте, Фреда. У меня есть предчувствие относительно этих тюльпанов. Они могут стать ключом, который позволит вам выбраться из административного погреба. Мое предложение поставит вас перед трудной задачей. Наблюдайте за этими цветами с любых возможных углов зрения. Предположите, например, что их эволюция идет от полевых мышей, и собирайте фактические данные, которые могли бы подтвердить эту теорию.

— Вы говорите, как психолог.

— Может быть, — не стал он возражать. — Однако недостаточно «смотреть на жизнь трезво и видеть ее во всей полноте». У вас есть бинокулярное

зрение, но, чтобы воспользоваться им, необходимо шевелить головой. Один мой студент из Австралии разработал эффективную методологию, всего лишь рассматривая невозможные причины явлений.

Вы должны взять на вооружение практику временных приостановок исследования по недоверию, потому что вселенная нелогична, да и вы сами — математическая невозможность. В ту ночь, когда вас зачали, вероятность именно вашего появления на Свет Божий составляла какую-то миллионную долю — попробуйте спроектировать эту случайность в обратном порядке через все поколения!

Фреда ушипнула себя, чтобы убедиться, что она все же есть.

— Вот суть моего предложения, — продолжал он. — Если вы найдете в тюльпанах что-то такое, что заслуживает стать темой монографии, пишите научную работу и отправляйте ее по Каналам. Каналы защищают ваше авторство, даже если каждый бюрократ, прочитав работу, сопроводит ее своим возражением, которое внесет в отзыв, чтобы показать, что он размышлял над темой еще глубоко, чем вы.

И еще, причем это очень важно: вышлите мне копию вашей диссертации. Институт Передовых Исследований проверит значимость для науки ваших выводов, не обращая внимания на сорок восемь отрицательных отзывов. А я прослежу за этим. Вам известно, что я — манипулятор, и у вас нет оснований доверять мне; но вы доверяете, не так ли?

— По определенной причине, да, Ганс.

— Я мог бы поразглагольствовать о вашей причине, — он ухмыльнулся, — но не стану.

Фреда тоже не стала мешать ему самодовольно наслаждаться своей снисходительностью, но сама-то она прекрасно знала, почему доверяет ему. С фальшивыми зубами, без них ли, он ее любил; и она — если быть совершенно откровенной — отвечала ему какой-то абстрактной, величественной, просто совершенно стерильной взаимностью.

После прощального обеда в честь Клейборга в Бейкерсфильде группа Гейнора возвращалась на базу в принадлежащем Бюро геликебе. Оказавшись в ка-

бине вертолета без дружеской поддержки и защиты оставившего ее Ганса, она сразу ощутила наступление похолодания в отношении к ней Гейнора. За обедом он просил прощения, но его извинение прозвучало неприкрытым упреком:

— Я виноват, Фреда. Мне следовало поручить это выступление более опытному администратору.

— О нет, доктор, — сказала она. — Поручив мне это, вы не сделали административной ошибки. Просто ваши аргументы оказались бессильными, когда на нас двинулся Флот.

Сейчас, сидя с поникшими плечами и бессмысленно блуждая взглядом по расстилавшемуся внизу Коустл Рейндж, она чувствовала озноб от холода его отчуждения и без труда, как по учебнику, прогнозировала его дальнейшие ходы. Он начнет с властного высокомерия, известного в некоторых кругах под названием *Sic Semper Illegitami* — Навечно вне закона. Уже чувствуя себя вне соперничества, она с циничным весельем наблюдала за маневрами Беркли. Гейнор говорил мало, но что бы он ни сказал, тут же быстро поддерживалось психиатром. Он курил мало, но каждый раз Беркли быстро подносил зажигалку к сигарете каким-то таким движением, которое подпадало под определение «ловкость карманника».

Пока геликеб висел над ангаром руководителя Бюро, Фреда заметила, что автомобильная стоянка пуста; очевидно, память о прежней любви покинула сектор Эйбл. Когда геликеб опустился, она бросила взгляд на восток. В сгущавшихся над долиной Сан-Джоакин сумерках мерцали огни Фресно. К югу от его небоскребов, размышляла она, в самом разгаре гуляния в Старом Городе.

Ее внезапно охватило какое-то страстное томление. Она буквально слышала стук каблуков сенюорит по булыжной площади, постепенно замирающие дифтонги испанского, сдерживаемый смех из-под кружевных мантий. Представляя, как они прогуливаются вокруг фонтана навстречу двигающимся по внешнему кругу и пожирающим их глазами стройным юношам в расшифных блестками брюках, она своими собственными бедрами как бы ощущала покачивание их бе-

дер. Ей виделась незыблемость саманных стен, розовавая в лучах заходящего солнца, и она явственно ощущала мускусно-мучнистый запах жарящихся маисовых лепешек. Она слышала бренъканье гитар за створками дубовых дверей баров, где музыканты репетируют свои ритмические мелодии, готовясь к субботнему вечеру в Старом Городе. Переполненная этиими видениями, она с необычной для себя надменностью пожелала доброй ночи обоим мужчинам, едва геликеб приземлился. Идя в одиночестве по аллее к своему жилищу, она обратила внимание на то, что звук ее шагов постепенно перешел на синкопы раз-два-три-и, раз-два-три-и диссонансного танго.

Призывая на помощь все свои аналитические способности, Фреда так и не смогла объяснить себе ту огромную волну радости и грусти, которая пульсировала в ней подобно току от анода, который никак не может отыскать свой катод. Она допускала, что, может быть, в ее номере вашингтонского отеля произошло больше, чем ничего, и это — запоздалая реакция. Или, возможно, она подсознательно прощалась со своей мечтой о карьере. А может быть, ее ощущения были осознанием радости возвращения... к тюльпанам.

Воскресным утром после завтрака она поспешила в оранжерею, намереваясь задержаться по пути в дамском туалете, чтобы просмотреть доску граффити-бюллетеней, но так была потрясена тем, что на ней обнаружила, что задержалась дольше, чем предполагала. Она прочла нацарапанное тем же, теперь уже знакомым почерком: «Чарли сделал это с Фредой в Вашингтоне без любви. Ганс не смог это сделать с любовью. Хал приближается быстро. Не опередит ли кто-нибудь Поля в самую последнюю минуту?»

Каракули так разозлили ее, что она сорвала февральский лист со стены, разорвала его на мелкие клочки и сильной струей воды отправила к устью Пасо Роблз.

Она понимала, что ее поступок — не лучшая форма выражения возмущения. Листы граффити способствовали ослаблению социальной напряженности, так

как были неким суррогатом сплетен, но та, которая писала эти пасквили о ней, повела себя недобросовестно. Очевидно, особа, нацарапавшая это, была репортером из радикальной прессы, имела возможность совать нос не в свои дела и выловила эти сведения в телеграфной службе Юнайтед Пресс. Фреда курила и не выходила из туалета, кипя от злости, до тех пор, пока не остыла настолько, что ее кипение стало еле заметным бульканьем, пытаясь выбросить из головы все негативное до того, как отправиться на свидание с тюльпанами.

До некоторой степени ей это удалось, и она пошла через лужайку, нежась в теплых лучах солнца, шелестя свежей травой под ногами и все больше и больше успокаиваясь.

Обогнув угол оранжереи, она буквально осталбенела, ошеломленная ослепившим ее мерцанием золота и зелени, сочностью его красок и размерами мерцающего пространства. По четыре клумбы в ширину и шесть в глубину занятый тюльпанами участок растянулся на четверть расстояния от стены оранжереи до изгороди, и первые двенадцать клумб цвели.

Хал разделил клумбы дорожками немного более метра шириной и растянул на них брезент, чтобы улавливать семена, которые будут падать на дорожки, но внутри клумб он очень заботливо посадил каждый тюльпан, разместив цветы почти точно в пятнадцати сантиметрах друг от друга. Какие бы грешные мысли ни роились в мозгу Хала Полино, его практические действия были продуманы не менее тщательно, чем ходы трехкратного чемпиона мира по шахматам. Ее сад излучал красоту.

Она медленно шла к центру участка, любуясь вращением золотых спиц в поле ее зрения, слушая мягкое бормотание, возникающее в воздушных камерах из-за слабых колебаний воздуха, которые вызывало ее движение. Она ощущала излучение, наполнившее кровяные тельца и клетки ее организма квантами радости от пения и мерцания золота с зеленью. Издаваемые тюльпанами звуки казались трепещущим мурлыканьем, немного шелестящим подобно шелку ниспадающего с весталки одеяния.

Внезапно по саду пробежал легкий ветерок, и она подняла взгляд от цветов, чтобы сосредоточить свои ощущения на звуках. Она стояла, запрокинув голову, отключив все органы чувств, кроме слуха, а тюльпаны пели, повинуясь пробегавшему по ним порыву ветра.

Они пели ораторию богам более ласковых миров, Юпитерам без молний, Торам без грома, неосмеянным Христам. Лишь когда эта музыка, окружавшая ее со всех сторон, затихла на краю сада, она осмелилась позволить зренiu снова любоваться их красотой. Звучавшее в их пении обожание тронуло ее и возбудило волну благоговейного страха перед священным днем отдохновения, открывающим в ее душе какие-то новые измерения...

— Мне они так никогда не поют! — закричал Хал Полино, привлекая к себе ее внимание. Он стоял у самого угла оранжереи, опаленный солнцем, в шортах и без рубашки, с мотком электропровода на плече и каким-то предметом в руке.

— Хал Полино, они так великолепны! — вскричала она. — Уходите прочь! Идите в оранжерею! Дайте мне побывать с ними одной.

— Я даю вам пять минут для общения с этими маленьными скотами, а потом начну настройку на контрольную запись их музыки. — Он ушел в оранжерею и закрыл дверь.

Она снова была одна. Подчиняясь неожиданной прихоти, она опустилась на колени и запела:

— В сад вхожу я одна...

Ее голос пробудил шелест эха ее слов, повторенных близкими тюльпанами. Стоя на коленях на покрытой брезентом дорожке между клумбами, раскинув руки на манер дирижера хора, она отсчитывала по три ноты на такт:

— Блещут ро-.. зы росой... слышу го-.. лос с Небес... Божий Сын... предо мной.

Она засмеялась, засмеялась счастливо, ее смех за журчал в тюльпанах. Она оставила след в истории человечества. Она первая дирижировала хором цветов.

— Попробуйте танго. — Хал высунул голову из дверного проема. — Они очень любят раскачиваться на четыре четверти.

— Сгинь в свою нору, крот, — заорала она.

Продолжая стоять на коленях, она видела самые дальние клумбы тюльпанов и понимала, что стала обладательницей неоспоримого доказательства первого гимнопения цветов. Поднявшись на ноги и наклоняя голову таким образом, чтобы выбрать наилучший угол лицезрения новых сочетаний зеленого и золотого, она подняла немного голову и, глядя сверху вниз, сумела убрать из поля зрения находящиеся на далеком расстоянии бурые стволы эвкалиптов. Ее взгляд упал вниз, и она заметила какой-то изъян, ужаснувший ее самим своим существованием. Не более чем в метре от того места, где она стояла, внутренняя сторона лепестков женского растения была изуродована какой-то фиолетовой червоточиной. Но сравнению с переливчатостью золота эта червоточина была отвратительной. Подняв голову, Фреда огляделась вокруг себя. Там была еще одна. Здесь другая. Если эти тюльпаны поразила какая-нибудь болезнь и если Хал Полино не пытался взять ее под контроль, она займется этим делом так, что ему придется бренчать на своей диссонансной гитаре в притонах Марса.

Она развернулась и широким шагом направилась в оранжерею, глаза пылали яростью, мышцы скул напряжены. Когда она схватилась за ручку двери, чтобы, распахнув ее, обрушить на Хала свои неумолимые вопросы, заметила фиолетовое пятно на белой краске дверного стекла. Ее страх утих, но увиденная клякса не дала умереть ярости. Кто-то вытер свой грязный палец, который служил орудием опыления вместо тампона, прямо о дверь.

Хал распахнул дверь:

— Добро пожаловать, доктор, с возвращением.

— Хал, что это за ужасные фиолетовые пятна на тюльпанах?

— Краситель для растений.

— Как! Вы пользовались красителем для опытов над моими тюльпанами, зная, что он их убивает?

— Я полагал, что они уязвимы только через корневую систему, поэтому и рискнул.

— Вы рискнули? — возмутилась она. — Что это за эксперимент?

— Это сработало, — пожал он плечами. — Если бы я и убил несколько, что бы это изменило? У нас тысячи этих тварей, и мы можем истребить их всех.

— Только через мой труп! Ждите здесь. Я хочу заглянуть в журнал наблюдений.

— Имею честь напомнить, доктор, что сегодня воскресенье, мой выходной день, — сказал он, наклоняясь, чтобы подключить электрический шнур к розетке.

— В данный момент, нет! Пожалуйста, не уходите до тех пор, пока я не проверю ваши записи.

— Слушаюсь, ма-ам. Я и сам собирался показать их вам, — сказал он почти нагло, поворачиваясь к клумбам и разматывая шнур, — но все, что вы найдете в журнале — это наблюдения. Умозаключения — здесь, — он легонько щелкнул себя по лбу, медленно и угрожающе поднимая маленький, питающийся от батарей, вентилятор.

Он отвернулся и зашагал прочь, протаскивая шнур-удлинитель по брезентовой дорожке. Это стоило ему значительных усилий, и она заметила, что мускулы его спины были хорошо развиты, как у пловца на длинные дистанции. Изгибание и раскачивание его торса было почти непристойным, и она решила вывесить на информационной доске оранжереи объявление для персонала о том, что во время работы на семенных клумбах каждый должен быть аккуратно одет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вначале журнал наблюдений Полино был педантичным вплоть до каллиграфического почерка. Со вторника, 24 января, спустя два дня после ее отъезда в Вашингтон, каллиграфия начала спотыкаться. Поскольку именно на этот день пришелся первый уро-

жай семян, она простила ему связанную с этим скопропись. Он был занят опылением. Она обратила внимание на запись от двадцать седьмого: «Обнаружен сахар в нектаре. Прежде сахара не было. Должно быть, тюльпаны осознали, что пчелы — это опылители, а сахар их привлекает. Как они это установили?»

30 января Полино сделал еще одну запись, теперь уже касающуюся содержания сахара в нектаре: «Лаб. анализ показал, что теперь в нектаре 22% сахара. Пчелы стали прилетать».

Далее записи стали более интересными с нескольких точек зрения: как научные наблюдения, как наблюдения, к науке не имеющие отношения, как ошибки в точности регистрации фактов, как неправильное использование терминологии и как просто полет фантазии. Восходящая звезда экрана читает первый в своей жизни киносценарий, подумала Фреда.

2 февраля: Пчелы не годятся! Четыре медоносные пчелы разбили головы о донные поверхности чашечек женских тюльпанов.

4 февраля: Оса отложила яйца в чашечке цветка.

5 февраля: Прибывает все больше ос. Эти будут работать. Найдено четыре мертвые осы. Они идентифицированы как Masaridae, или Мексиканские роящиеся осы, — единственный вид ос, которые кормят свои личинки медом и пыльцой.

6 февраля: Брюшко одной осы окрашено фиолетовым красителем. Пятна красителя появились на 68 тюльпанах, после чего оса погибла от переутомления. Карон-тюльпаны обучают ос думать, что они откладывают яйца.

8 февраля: Сегодня не погибла ни одна оса. Еще одна оса окрашена зеленым красителем. На яичниковых появилось только десять пятен. Тюльпаны научили ос не урабатыватьсь до смерти.

10 февраля: Прибывает все больше ос, не из Мексики ли? Клумбы A созревают. Клумбы B опылены. Клумбы C расцветают. Клумбы D распустят. Для посадок подготавливаются клумбы E и F.

Фреда резко захлопнула журнал и вышла в сад. Полино развалился на брезенте между цветущими клумбами С и зелеными ростками ряда Д. Он поставил портативный вентилятор так, чтобы тот обдувал цветки, поворачиваясь по стоградусной дуге, и вертел головку настройки на каком-то черном ящике. Когда вентилятор дул прямо на тюльпаны, они издавали звуки флейты и пели.

— Что это? — спросила Фреда.

— Стереофонический магнитофон, обладающий очень высокой точностью воспроизведения записи, — ответил он. — Я записываю их музыку и склеиваю записи в алогичной последовательности, затем слушаю то, что получилось, и снова переклеиваю, пока не добиваюсь дисгармонии, которая мне очень нравится. Потом я записываю ноты и играю эту музыку по вечерам в пятницу и субботу в кафе Мексикали. Эти детки выдвинули меня в первые солисты среди гитаристов Фресно. Пылкие поклонники диссонансного джаза приезжают послушать мою игру из дальних мест, таких как Мадера и Динюба.

— Как интересно, — сказала она резко. — Мне, видимо, следует посетить один из ваших сольных концертов... Но сейчас, мистер Хал Полино, я хотела бы обсудить с вами вашу манеру ведения записей наблюдений.

— Доктор, — сказал он, вставая, — если я верно читаю по выражению вашего лица, это не то, что мне захотелось бы записать. Боюсь, что такая запись может повредить мое оборудование.

— Пойдемте в служебное помещение!

Она повернулась и зашагала обратно к оранжерее. Войдя, Фреда прошла к своему письменному столу, открыла журнал и, повернувшись к нему, начала с записи за 6 февраля.

— Цветы не могут «учить» насекомых «думать». Ведение научных наблюдений — это не ведение дневника абстрактных теоретизирований на диалектах другого столетия. Молодой человек, вас назначили ко мне с единственной главной целью: улучшить вашу методологию. И дело не только в неряшливом ведении записей, но и в высокомерном отношении к научной

терминологии, и в полном пренебрежении к точности регистрируемых данных. Я хочу, чтобы вы поняли, что этот журнал — официальный документ; он подписывается мною и отправляется в архивы Министерства Сельского Хозяйства. Я хотела бы видеть в этой книге только наблюдавшиеся факты. Оставьте их синтез компьютерам, которые куда квалифицированнее, чем мы с вами, в смысле обладания полной совокупностью имеющихся у человечества знаний. Я хочу, чтобы в понедельник эти страницы были переписаны без каких бы то ни было упоминаний обучающих насекомых растений и любых других подобных теорий, гипотез, заумной чепухи и фантазий. Понятно?

— Да, ма-ам.

— Ну а что это за мумбо-джумбо с осами? Сядьте. Он неловко сел.

— Я не знаю, как мне говорить об этом с вами, не упоминая о своих догадках..

— Полино, то, что вы будете говорить — не для записи. Говорите так, как вам проще. Я смогу вносить уточнения по ходу разговора.

— Хорошо, я буду говорить напрямик! Первые три дня после того, как я вытащил сеянцы наружу, я опылял их, точно следуя вашим инструкциям, с помощью медицинского тампона. Но потом я убедился, что мой мизинец гораздо эффективнее тампона, потому что не оставляет на растениях ваты. Иногда я облизывал палец, хотя этот факт не имеет научного значения. И вот однажды мне показалось, что я почувствовал вкус сахара, поэтому я взял немного цветочного нектара и отправил его на анализ. Результаты лабораторных анализов там приложены.

— Это наблюдение заслуживает внимания, — согласилась она. — И все было сделано правильно.

— Работая с растениями весь день, я, естественно, держал их под пристальным наблюдением. Вы можете принимать или не принимать то, что я скажу, доктор, но экспериментировали они, а не я. Однажды, после того как нектар сделался сладким, я увидел колибри, парящую над цветком. Тогда я уже не позволял себе заносить в журнал то, что не касалось цветов, а эта

колибри так и не коснулась цветка. Тюльпану не понравился вид остроконечного хоботка, и, как бы получив неожиданный удар, колибри убралась. Больше она не возвращалась. И более того, — добавил он подчеркнуто, — ни одна колибри теперь не посмеет даже приблизиться к цветку.

Категоричность его замечания позабавила Фреду, но она сдержала улыбку.

— И какая у вас на сей счет теория?

— Воздушная камера тюльпана — это своего рода резонатор Гельмгольца с высокочастотным фильтром. Тюльпан ударил птичку по голове звуковой волной высокой частоты, когда увидел, что кончик хоботка нацеливается на рыльце его пестика.

— Увидел? — спросила она.

— Почувствовал, — поправился он. — Они излучают звуки из чашечки цветка, а детекторами эха могут быть лепестки.

Этот мальчик сошел с ума, решила она. Он определенно смотрит на тюльпаны с противоречащего здравому смыслу угла зрения. Внезапно она вспомнила, что именно такой подход рекомендовал ей принять Ганс Клейборг. Возможно, Полино окажется ей полезным, несмотря ни на что.

— Пожалуй, не стоит исключать возможность использования тюльпанами механизма эхолокации, — согласилась она, — но чисто рефлекторно. Подсолнухи имеют орган локации света, однако мне не приходилось встречать «думающий» подсолнух. А что с пчелами?

— Они совершенно normally работали на мужских цветках, но их шерстинки раздражали яйцеводы женских. Поэтому пчелам пришлось убраться.

— И появились осы, — сказала Фреда.

— Да, ма-ам. Когда я впервые заметил ос, одна из них ползла вверх по стеблю, а затем на спинке скатилась в яйцевод. Я не мог понять почему она не летит, тогда как вокруг летало несколько других. Я отнес ее к «Букашкам», чтобы они ее идентифицировали. Немного отдохнув, она снова полетела к клумбам. Тогда я окрасил одну и установил, что тюльпаны урабатывали их до смерти.

— Хал, хватит все приписывать растениям. Просто осы нашли идеальную ячейку для кладки яиц.

— Доктор, — запротестовал он, — эти тюльпаны разумны. Они нашли единственный вид ос на Земле, которые могут быть им полезны. Поняв суть процесса овуляции ос, они загипнотизировали насекомых таким образом, что те поверили, будто откладывают яйца. Некоторое количество яиц они действительно откладывали, и тюльпаны позволяли им выводиться, но осы упорно возвращались в цветочные чашечки тюльпанов очень долго и после того, как полностью завершили яйцекладку. Тюльпаны знают ос лучше меня, значит, они смысленее, чем я. И более того, эти осы откладывали свои яйца в землю тысячи лет. Менее чем за неделю тюльпаны изменили модель их поведения, на выработку которой ушли эпохи эволюции, так что они выкинули трюк вне пределов человеческого разумения. Я не методист, поэтому допускаю такое, но могу побиться об заклад, что ваш Пол Тестон знает, что эти растения мыслят. И я бьюсь с вами об заклад, что когда Пол вернется, он притащит с собой семена самой распоклятой орхидеи, какую видела эта планета.

Фреда не смогла сдержать улыбку, и Полино немного расслабился.

— Я убежден, что он прав, ма-ам. Эти орхидеи наверняка прогуливаются по ночам и занимаются ухаживаниями.

— Хал, во всем, что я от вас услышала, нет ничего такого, что было бы невозможно объяснить логически. Вы говорили об этих тюльпанах с кем-нибудь, кроме меня?

— Безусловно нет, доктор.

— Почему безусловно?

— Я не хочу нарваться на путешествие в Хьюстон без обратного билета. Сейчас я пользуюсь кредитом и доверием благодаря их музыкальным композициям. Мне нравятся деньги и слава.

— Вы, кажется, опасались, что эти растения придется уничтожить.

— Я думаю, они опасны. Они умеют приспособливаться, а Земля для этих оторванных от дома де-

ток — легкая пожива... Они смогут ликвидировать птиц, земляных червей и всех насекомых, в которых не нуждаются.

— Но на это уйдут сотни лет.

— Это их не тревожит.

— Но они не смогут ликвидировать нас.

— Вы правы, ма-ам, — сказал он, — не думаю, что они могут повредить нам... Но вот если Пол притащит орхидеи и те заключат союз с тюльпанами, тогда берегись! Орхидеи легко могут разделаться с человеком.

— Вы хотите сказать, что жизнь Пола в опасности?

— Отнюдь нет, доктор. Орхидеи не поднимут свои завитки на Пола.

— Почему вы в этом уверены, Хал?

— Спасибо за то, что вы называете меня «Хал», доктор, — явно довольный, он широко улыбнулся. — Орхидеи будут оберегать Пола, потому что он — единственный из рода людей, который у них есть, и они хотят изучить его.

Воскресной беседой с Халом началась неделя изменения отношений к Фреде, потому что холодность Гейнора становилась все более заметной. В столовой руководящего состава, здороваясь с ней, он все меньше и меньше задерживался около ее столика, зато руководителям других подразделений стал уделять гораздо больше внимания. Из-за его ставших короткими приветствий ее акции упали на два пункта. Когда в четверг он не пригласил ее за свой столик во время ленча, на это обратили внимание другие администраторы, и акции Фреды упали еще на три пункта.

Четверг оказался особенно плохим днем. Хал предсказывал на этот день второй урожай семян на клумбах А, но его прогноз не оправдался. В пятницу Хала все еще мучили переживания, зато курс акций Фреды немного улучшился. Капитан Баррон возвратился из Вашингтона, и вместе с коммодором Май-

нором они сидели за ленчом за ее столиком. Сразу четыре пункта вверх!

— Капитан Баррон, — сказала она с хитринкой в голосе, — по правде говоря, я удивилась, узнав о том, что ваши мальчишеские годы прошли среди собак-ищеек Арканзаса.

— Адмирал Крейтон шлет вам свои извинения, Фреда. Его адъютант ему неправильно доложил... Но я тоже был поражен тем, что, найдя мое имя в списке противников, вы все же взялись представлять ходатайство.

— Доктор Гейнор полагал, что побрякушки моего туалета можно противопоставить золоту Флота. Против палаша мы вышли с рапирой.

— Коммодор, — сказал вдруг капитан Баррон, — не приходилось ли вам бывать на Карстоне-6?

— А-а, да, — кивнул коммодор. — Увальни.

— Полноте, джентльмены, — сказала Фреда, — какие еще увальни Карстона-6?

— Это гигантские слизняки. Они разгуливают среди густой листвы тропиков планеты, — сказал Майнор, — поедая все, что попадается им на пути.

Ни одного из офицеров нельзя было упрекнуть в том, что они сплетничали. Они не назвали имен, но Фреда поняла, что у нее есть союзники. Они были из другого лагеря, и ее отвергли свои сторонники, но остались клумбы тюльпанов, и эти тюльпаны утоляли боль обиды. Клумбы А, отяжелевшие от семян, имели теперь мало времени на музенирование, зато группа клумб В продолжала петь с вожделением, и она вдруг поняла, что торопится покончить с ленчом, чтобы расстелить надувной матрац подле тюльпанов и, растянувшись на нем, слушать их мелодии и смотреть на плывущие в небе облака.

Большую часть недели Хал раскатывал полотнища брезента для улавливания семян и готовил клумбы Е и F к посадке. Он то и дело наклонялся над клумбами А и, указывая на прямоугольники вскопанной им земли, находящиеся на солидном расстоянии от цветов, говорил:

— Вон ваша цель, девочки. Стреляйте точно. Я не хочу заниматься после вас уборкой. И прицеливайтесь

так, чтобы расстояние между семенами было ровно пятнадцать сантиметров. Мне бы не хотелось целую неделю прореживать ростки.

По его расчетам, второй урожай ближайшего к оранжерее ряда А опаздывал. Выброс семян из стручков должен был произойти в четверг. Во второй половине дня в пятницу Фреда стала подбивать Хала вырвать один беременный женский цветок и рассечь семенной стручок, но тот запротестовал:

— Нет, ма-ам. Я посадил их в строго геометрическом порядке. Вы можете его нарушить. Они продолжают все что надо сами. Температура на этой неделе в среднем примерно на четыре градуса ниже, чем на предыдущей, а они чувствительны к температуре.

— Примерно на четыре градуса! — воскликнула она. — Деталь настолько важная, что здесь не должно быть никаких «примерно». Сейчас же дайте мне точные цифры.

Удрученно кивая головой, Полино отправился в оранжерею рисовать график температуры. Неделя, окончившаяся четвергом 9 февраля, была на $3,8^{\circ}$ теплее, чем следующая за ней. В пятницу не было выброшено ни одного семени.

В субботу у Хала был выходной, но она застала его, гибкого, с обнаженным торсом, за разметкой следующих клумб, которые мистер Хокада должен был вскопать в понедельник. Она вошла в помещение, чтобы сделать выписки для своей монографии, а когда вышла, увидела, что он уже закончил работу и вышагивает по расстеленной перед рядом А брезентовой дорожке, беспокойно озираясь, чтобы успеть заметить первые несущиеся по воздуху семена. Его встревоженное лицо вызвало у нее улыбку.

— Хал Полино, — крикнула она, — вы произведите впечатление отца, ожидающего ребенка!

— Какой, к черту, отец, — взорвался он. — Меня всего ломает. Ни одна оса не сможет оценить по достоинству, через что проходит мужчина, чтобы произвести на свет ребенка. Какая сегодня температура, доктор?

— Двадцать четыре.

— Давай, поднимайся. Поднимайся! — вопил он, вызывая к температуре воздуха, и шагал по дорожке со сложенными за спиной руками, то и дело наклоняясь и свирепо вглядываясь в тюльпаны. Он вдруг стал похож на старика.

— Где осы? — крикнула она, разворачивая надувной матрац.

— Тюльпаны держат несколько штук в резерве, видимо, на случай необходимости подать сигнал приземления остальному осиному флоту, который курсирует где-нибудь по соседству. На этой стадии игры они не нужны тюльпанам. Кроме того, их могут зашибить летящие семена. Но ничего не происходит.

В саду шевельнулся ветерок, и ряд В очень мелодично заиграл на флейтах.

— Они пытаются подбодрить вас, Хал.

— Лжецы, бездельники, сачки, — брюзжал он клумбам А, раскачивая тяжелые тюльпаны.

К двум часам дня температура упала еще на один градус, и от океана пришел фронт холодного влажного воздуха.

— Родов сегодня не будет, Хал, — крикнула она. — Разве что я сделаю кесарево сечение.

— Вы не акушерка, — крикнул он в ответ. — Кроме того, они рожают по восемь за раз четырьмя рядами.

— Вспомните умерший женский тюльпан. Растение выбросило их само.

Он подошел к ней вплотную и посмотрел сверху вниз.

— Дайте им еще один день, — сказал он.

— Полино, вы утверждали, что теми семенами растение целило в горшочек. Вот подходящий случай продемонстрировать прагматический эмпиризм. Чтобы сохранить ваш геометрический порядок, мы можем посадить сеянец на место вырванного цветка.

— Доктор, вы жаждете крови. В интересах науки вы готовы убить маленьких девочек.

— Полноте, Хал. Вы вроде бы питаете ненависть к этим созданиям.

— Доктор, в своей совокупности эти цветы меня не волнуют, но каждый цветок нравится мне как индивид.

— Тогда, памятуя о своем безразличии, вырвите из совокупности всего один.

— Рвите сами, — сказал он безучастно, — вы ведь жрица науки.

— А вы — мокрая курица, — обозвала она его одним из его же эпитетов двадцатого столетия и наклонилась над росшим на краю клумбы женским тюльпаном, чтобы вырвать цветок. Именно в тот момент, когда она вырывала растение из земли, из его воздушной камеры послышался вздох, похожий на мягкий хлопок далекого взрыва, точь-в-точь такой же, как она слышала, когда в тот вечер срезала пластинчатый лист с тогда еще живого женского тюльпана. Она вдруг порадовалась, что Полино, закрыв глаза руками, стоял в драматической позе вне пределов слышимости. Он написал бы целую диссертацию об этом звуке, положив его в основу разного рода легковесных теорий и бредовых домыслов, призванных доказать, что у этих растений есть эмоции.

— Дело сделано, — сказала она. — Уже можно открыть глаза.

— Убийство, отвратительное убийство, — воскликнул он, направляясь к тюльпану, который она положила на брезент. Вздувшийся стручок треснул по одной из бороздок для выброса семян, и сквозь трещину виднелось восемь расположенных в ряд крошечных зернышек, но стручок не подавал признаков жизни. Ногтями больших пальцев она раскрыла стручок по бороздке, чтобы лучше разглядеть их.

— Они выглядят не менее зрелыми, чем те — из погибшего цветка, которые недозрели, но дали всходы.

— Но она не выбросила их в предсмертных родовых муках, — недовольно проворчал он.

— То растение умирало медленной смертью, — сказала она.

— Вы правы, — согласился он. — И она знала, что умирает. Эта не ожидала смерти. Она вам доверяла.

— Я уверена, что, как только стебель станет подсыхать, семена начнут выстреливаться.

Он на минуту задумался:

— Когда я прореживал клумбы и складывал ростки в ведро, они не сохли.. Слышите!

Легкий ветерок зашевелил сад, возбудив воздушные камеры тюльпанов, и те стали издавать чуть слышный шелест, который был подобен эху предсмертного вздоха вырванного ею женского цветка. Воздушные камеры многих тюльпанов зазвучали в унисон, и это звучание становилось все сильнее и делалось похожим на плач с оттенками жалости и грусти. Каждый тюльпан передавал этот звук соседнему, и вздох то разрастался, то затихал в завываниях плачали и горя. Фреда подняла на Хала озадаченный взгляд, когда он медленно, без тени богохульства, а лишь с сожалением в голосе произнес:

— Господи!

Ветер стих, но звук все усиливался.

Он превратился в безысходное рыданье, и Фреда почувствовала, как ее коснулась печаль детства с его мучениями под вязами, пронизала какая-то квинтэссенция горя и жалости, острая и очень личная, но вместе с тем жгучая и поистине вселенская, словно это была печаль всех детей на свете. Ей казалось, что душа, подобно стелившемуся туману, втягивается в какие-то тоннели, ведущие в пустоту, где ее ожидает абсолютное ничто, не жизнь или смерть, не радость или боль, а лишь пустота вечности. А звук все усиливался и усиливался, он превращался в неизбывный вой по покойному, становился пульсирующей болью многократно умноженного страдания, и пустота разверзлась все шире и шире.

— Остановите их, Хал!

Он упал на колени и закричал, обращаясь к тюльпанам:

— Она не знала! Прекратите! Она не знала!

И звук пропал.

Фреда тяжело опустилась на брезент, ее тряслось, голова упала на сложенные на коленях руки. Эхо страдания еще звучало в ее мозгу, когда над ней наклонился Хал.

— Я чувствую себя так, как в ночь смерти матери, — сказал он. — Они оплакивали умершую.

Он положил руку ей на плечо. Это был непроизвольный жест братства и гуманизма, и она была признательна ему за это. Сидя возле нее на корточках, он очень долго ничего не говорил, потом, обняв за талию, сказал:

— Пошли, Фреда. — И повел ее в служебное помещение. Она ясно сознавала, что его рука обнимает ее, и была благодарна ему за это прикосновение. Из пустоты пространства и времени пришло горе, которое касалось и ее, донесяся плач по умершим вселенным, и ее собственные заботы потерялись в необъятности этой печали.

Хал помог ей добраться до стула перед ее рабочим столом; она слышала его шаги за спиной, когда он направился к своему столу, смутно осознавала, что он делает запись в журнале наблюдений, потом услыхала, как захлопнулся журнал, как захрустела восковая бумага. Когда ощущение грусти стало покидать ее, когда она смогла немного отрешиться от горя тюльпанов, до ее слуха стал доходить его бархатный голос, напевавший какую-то элегию двадцатого столетия; он пел тихо, но чисто, и она ловила каждое слово:

Палаты храма сердца моего,
Где в каждой светлый образ
твой живет,
Темны печалью вечной по тебе.

Эта песня была такой проникновенной и так кстати, что она невольно обернулась и стала пристально смотреть на него. Она видела, как он принес тюльпан и положил его на восковую бумагу, которую используют продавцы цветов, как он сложил бумагу, подогнув края, чтобы тюльпан оказался внутри получившегося кулька. Она наблюдала, как Хал взял кулек с цветком обеими руками и благоговейно понес его за дверь на солнечный свет, в котором он не будет больше блестать, на свежий воздух, в котором ему не суждено больше петь. Было покончено и с песней, и с певцом. Оставшись одна, Фреда уронила голову

на стол и заплакала, не сдерживая слез. Она была рада, что Хал не предложил ей участвовать в похоронах.

Он вернулся через пятнадцать минут; она уже вытерла слезы и привела в порядок лицо. Он тяжело опустился на стул перед своим рабочим столом и вместе со столом повернулся к ней.

— Вы не должны огорчаться, доктор Карон. Что сделано, то сделано, и не может быть переделано.

— Зовите меня Фреда, Хал, — сказала она.

— Они разговаривали с нами, Фреда.

— Да, они с нами общались. Горе универсально, так же как всюду во вселенной дважды два — четыре.

— Это так. Но ведь они общались. Я бы хотел, чтобы вы дали разрешение послать некоторые из моих лент в Бюро Лингвистики для анализа на наличие в них повторяющихся или периодически повторяющихся фрагментов записи.

— Чтобы установить, общаются ли тюльпаны друг с другом? — спросила она.

— Между нами говоря, да. «Я бы хотел, — напишу я в письме, — чтобы прилагаемые ленты были проанализированы на предмет наличия в записях музыкального диссонанса». Думаю, удастся получить результаты такого анализа и не нарваться на то, чтобы нас обоих отправили в Хьюстон.

— Как вы наивны, Хал. Я ведь сразу поняла, чего вы хотите. За то время, пока ваш запрос пройдет по Каналам в Министерство Сельского Хозяйства, из него в Министерство Здравоохранения, Образования и Социального обеспечения, а оттуда в Лингвистику, о нас с вами уже пойдет дурная слава, а наше Бюро станет посмешищем для всех министерств. Нашим карьерам придет конец, наши репутации будут загублены, честь — запятнана.

— Я воздаю честь только одной чести — честности, — сказал он. — А самый верный путь обеспечить себя — забота о собственной репутации. Если что-то стоит того, чтобы в него верить, то за это что-то стоит бороться.

— А-а, да, — кивнула она. — Меня тоже посадили на этот вертел в Вашингтоне.

— Если вы имеете в виду станцию Гейнора, то все вы боролись за памятник Гейнору; если вы верили в это, — добавил он с горечью, — значит, вы бесчестны от рождения.

— Я была согласна с политикой администрации и вышла с этим ходатайством по своей воле, — вспыхнула она, — но я не желаю обсуждать административные материи.

— Я и не собирался, — сказал он, — но если наша цель — истина, не имеет значения, получим мы одобрение аппарата или нет. Если мы правы, то мы правы не для администраторов, а для вечности, и пусть они катятся ко всем чертям. По моему не раз перепроверенному убеждению, — загорелся он, — эти болваны-лизоблюды... Но я не желаю обсуждать администраторов. Все, что мне нужно, — это информация банков памяти лингвистических компьютеров. Если вы подпишете письмо, они будут обязаны удовлетворить мой запрос. Если лингвисты обнаружат какой-нибудь закономерный кусочек записи, я куплю подержанный экземпляр «Криптоанализа» и сам его расшифрую... Если я обнаружу то, что надеюсь найти, никакой бюрократ в мире не сможет оспорить, или унизить, или запретить теорию коммуникации растений Карон-Полино.

Он вторгся в ее храм, подверг, как менял, бичеванию ее жрецов, и она больше чем наполовину согласилась с ним. Он показал ей, что ее амбиции заслуживают осуждения, и она чувствовала себя посрамленной. Он связал ее имя со своим в каком-то нелепом словосочетании вроде «Теории относительности страсти Эйнштейна-Валентино», однако его идея могла оказаться ключиком к ее кабинетной должности.

Эта идея таила в себе и опасности, и сейчас ее беспокоило в ней то, что связано с опасностями. Вне зависимости от того, насколько правомерно презрение этого юноши к властным структурам, они пока обладают властью. А осмежение — это самое смертоносное оружие бюрократии.

— Я не позволю вам отправить такое письмо. У нас нет никаких доказательств в поддержку такой

теории, а в точной науке нет места интуиции. Недостаточно «интуитивно чувствовать», что тюльпаны общаются: необходимо показать, как они это делают.

— Но я ищу доказательства только...

— Базирующиеся на голой интуиции, — оборвала она. — Вам необходимы доказательства, чтобы оправдать человекочасы Бюро Лингвистики, которые будут затрачены на анализ лент. Я отправлю ваш запрос, только когда он будет подкреплен доказательствами.

— Да, ма-ам.

— Вы слишком много пережили, Хал, вышагивая по приемному покою нашего родильного отделения. Убирайтесь отсюда и отправляйтесь играть на вашей гитаре.

— У вас тоже стрессовое состояние, — улыбнулся Хал. — Почему бы вам не спуститься с пьедестала и не расслабиться в Мексикали, слушая диссонансные ритмы Эль-Торо Полино?

— Так вас называют сеньориты?

— Это мое эстрадное имя. Сегодня вечером я играю мою новую композицию «Карон канкан». У меня не хватает смелости сознаться, что ее сочинили тюльпаны, но я воздал им должное в названии.

— Поупражняйтесь и доведите ваше сочинение до совершенства, — сказала она. — Когда-нибудь, быть может, вы сыграете его для меня, но только не в Старом Городе.

Она не знала, до какого часа ночи на воскресенье он не ложился спать, но в это воскресное утро он был среди клумб тюльпанов в своей обычной беззубашечной непринужденности. Рассвет был ясным и теплым, поэтому она пришла необычно рано и застала его расхаживающим по дорожкам и проклинающим «тварей» и «скотов».

— У меня сегодня предчувствие. Вчера вечером я играл в Мексикали при переполненном зале, и «Карон канкан» имел шумный успех, аплодисменты просто сотрясали заведение. Патрон убедил меня сделать запись.

— О, как это будет замечательно, — сказала она, — когда во всех злачных заведениях мира проворные ноги будут лихо отплясывать под «Карон канкан».

— Нет, это не французский канкан, — объяснил он, — это особый стиль испанского канкана на четыре с половиной доли с ударным тактом, как в буги-вуги.

— И несомненно, с небольшой добавкой красного перца, — сказала она.

— Фреда, вы не знаете хорошей музыки. Вы должны прийти в одну из суббот. Я сыграю специально для вас.

— Возможно, я и приду, — сказала она.

— Тогда дайте мне знать наперед, — серьезно предупредил он, — чтобы я мог зарезервировать столик.

Ну и хитрец, подумала она, разворачивая надувной матрац. Этот Эль-Торо, этот Бык хочет подготовиться; прекрасно, Полино, но Фреда Карон не станет пить четыре с четвертью порции мартини под такты испанского канкана на четыре с половиной доли в кафе Мексикали, Старый Город, Фресно, штат Калифорния. Вытянувшись в своей а-ля флотской одежде — синих брюках и золотом свитере — надетой специально, чтобы охладить его пыл, она расслабилась, слушая приятное звучание тюльпанов ряда В.

Хал говорил, что тюльпаны более мелодичны во время опыления, и он был прав. Она стала проникаться большим доверием к ведению им записей наблюдений: вероятно, он мог бы сделать для нее по своим лентам график уровней звучания в децибелах, а в это утро звучание флейт доносилось целиком из ряда В. Клумбы ряда А зловеще молчали. Наслаждаясь теплом и внимательно вслушиваясь, она уловила отдаленное «хлоп» из ряда А, похожее на звук лопнувшего зерна поджариваемой воздушной кукурузы, и приподнялась на одном локте, чтобы поглядеть. На расстоянии четырех клумб от нее в том же ряду Хал закричал:

— Она задышала!

Повернувшись лицом к ней, он пригнулся, как для прыжка, и двинулся навстречу, озираясь налево в поисках источника звука. Она услыхала еще один

хлопок ближе, вслед за которым последовало «хлоп-хлоп-хлоп» и жужжание, которое заставило зашепельеть клумбы В. Хал вдруг оказался на четвереньках и подползал к ней под расплывчатым темнеющим сводом летящих семян. И она поползла к нему на встречу.

Справа от нее, как зерна кукурузы в жаровне, лопались семенные сумки тюльпанов в клумбах А, и клумбы В подпевали жужжанию летящих семян. Они встретились с Халом на полпути, их напряженное ожидание лопнуло вместе с семенными сумками, и они сели, скрестив ноги и прижавшись друг к другу коленями, и хлопали один другого по плечам, смеялись и кричали под мостом из летящих семян.

Крик Хала был почти истеричным:

— Что там общение! Фреда, эти маленькие шельмцы делают как раз то, что я велел им делать. Клумбы А стреляют точно по рядам Е и F. Крошки А ведут прицельный огонь по этим участкам. Вот вам и проклятое прагматическое, чертово эмпирическое, дьявольское статистическое доказательство того, что я записывал в трижды распроклятый секретный журнал наблюдений, — от радости он с силой бил кулаками по брезенту.

— Вы вели секретные записи? — старалась она перекричать жужжание, шелест, пение и хлопки.

— Целый ворох, — завопил он.

— Почему вы держали их в секрете от меня?

— Вы еще не были готовы, — прокричал он, и Фреда повалилась на спину; слезы радости и счастья покатились по мочкам ее ушей. Хал Полино заслужил право на четыре с четвертью порции мартини в ближайший уик-энд. В тайне от нее он изготовил ключ, с помощью которого она выберется из административного подвала. Эксперимент Карон-Полино ударит научный мир по его академической треуголке с зашитыми полями; а черная арка над ней, уже сереющая с уменьшением интенсивности хлопков лопающихся стручков, была доказательством, начертанным прямо на Небесах, что Карон-тюльпаны выживут на Земле.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Четыре дня они вдвоем приводили в порядок заметки Хала, но первый черновик письма он целиком написал сам и теперь, жестикулируя, читал его ей вслух:

От кого: Руководителя подразделения читологии Бюро Экзотических Растений Министерства Сельского Хозяйства

Кому: Руководителю Бюро Лингвистики Министерства Здравоохранения, Образования и Социального обеспечения

По вопросу: Студенческого запроса на криптографический звуковой анализ. Направляется без комментария

Основание: Административная директива 38753-42 Канцелярии Президента Соединенных Штатов

*Требуется проанализировать прилагаемые ленты записи звуков, издаваемых экзотическим растением *Tulipa satopis*, обитателем планеты Флора, на предмет обнаружения повторения музыкальных фраз, диссонансных фрагментов или логически связанных изменений частоты. Данный запрос делается для подтверждения феномена общения между растениями, предположение о существовании которого базируется на неслучайном характере выбрасывания семян из семенных коробочек и управлении растением насекомыми-опылителями. Относящиеся к делу копии листов журнала наблюдений прилагаются.*

— Прозвучит ли это раскатом грома, возвещающего о новом открытии, — спросил он, — или, что более важно, достаточно ли это несенсационно?

Фреда покачала головой:

— Когда вы подкладываете шутику для фейерверка в центре кружка пожилых леди, занятых шитьем, совершенно безразлично, швырнете вы ее или положите осторожно. Все равно она взорвется... Но поставьте «избирательное управление» вместо просто

«управления». Тюльпаны ведь не заставляли ос танцевать.

— Да, я понимаю, — он сделал пометку в тексте.

— Еще одна неточность — неслучайный характер залпов семян может быть истолкован как намек на существование визуального наведения. Вы ведь не хотите сказать, что тюльпаны могут видеть?

— Статистика указывает на такую возможность, — не стал он спорить, — но я надеюсь, что они обойдут этот вопрос молчанием.

— Нет, не обойдут, — сказала она многозначительно. — У нас есть флюороснимки системы вен. Приложите их вместе с этими копиями из журнала наблюдений. Белые нити — это нервные волокна, поэтому добавьте такой абзац: «Нити нервных волокон, сходящиеся в узел под воздушной камерой, свидетельствуют о наличииrudиментарной системы управления воздушной камерой и зародышевой полостью. Волокна веерообразно расходятся по системе верхних листьев и соединяются с областями, богатыми фторидными и фосфоридными соединениями редкоземельных элементов».

Хал присвистнул:

— Вы во всем соглашаетесь со мной.

— Нет, не обязательно, — сказала она. — Когда я была в Вашингтоне, меня заинтересовали труды психиатров: сначала они выдвигают теорию, а затем находят факты, подтверждающие ее.

— Фреда, этот ганглий мог бы быть мозгом, эти пятна — глазами. Вы уверены, что хотите это отправить?

— Да, — ответила она. — Но я хочу сделать еще одно изменение. Уберите «Направляется без комментария» и вставьте «Направляется с одобрением и дополнениями».

— Фреда, об этом я не просил, — запротестовал он. — Я волен поставить под удар свое будущее, потому что моя ставка мало что стоит. Но я не желаю вашего профессионального самоубийства.

Она посмотрела на него и улыбнулась с притворной грустью:

— Хал, вы рискуете грандиозной карьерой.

Она поднялась, подошла к двери и выглянула наружу. Теперь в цвету были первые три ряда, и ряд С пел свои детские песни. Мистер Хокада и два его помощника вскапывали клумбы G и H, а осы кружили над клумбами A и C, игнорируя уже опыленные клумбы B.

— Как доктор Карон, — говорила она, не глядя на него, — я по-прежнему не советую вам посыпать это письмо. Вместе с ним вы отправляетесь в путешествие по лабиринту, устроенному хитрее, чем вы можете себе представить, где каждый ассистент ассистента из Бюро и младший министерский клерк добавят к письму свою очередную сопроводительную подпись, подвергая вас при этом бичеванию с единственной целью — показать свою премудрость и значимость ценой вашей крови.

— Это мне известно, — сказал он.

— Доктор Карон обязана сказать «нет», — продолжала она, — но Фреда пойдет с вами в этот лабиринт, чтобы закрыть вас своим телом от их бичей. Тогда, быть может, вы останетесь живы, или мы истечем кровью вместе... Пропустите черновик через стенограф и сделайте три лишние копии — одну на кальке — для моих деловых подшивок, прежде чем я дрогну и откажусь подписать.

Уже в дверях, он сказал:

— Вам надо пойти послушать «Карон канкан», Фреда. На самом деле он был назван не в честь тюльпанов.

Не велика разница, подумала она, возвращаясь к письменному столу. Она покончила с мексиканскими тако и танго, фламенко и фриджоле, румбами и «карамбами». Из внутреннего углубления нижнего ящика стола она вытащила коробку бледно-лилового цвета с принадлежностями для личной переписки, пахнущими французскими духами «Ша Шато», которую один введенный ею в заблуждение студент-второкурсник подарил ей еще в колледже. Она начала писать:

Дорогой Ганс.

У нас есть граффити-доски для оскорбительных сплетен — так сказать, радикальное агентство

новостей, не подлежащих официальной публикации, — по этой записке не для публикации я закладываю основы некоей инфраструктуры новой науки.

Мой бойкий студент, Хал Полино, и Ваш духовный крестник, если у Вас нет другого, шарахнулся письмо в Лингвистику, копия которого прилагается, и которое я сочла своим долгом одобрить и дополнить. Если его идея представляет собой реальную ценность, а мои эксперименты подтверждают его гипотезу, то это станет бесценным вкладом в диссертацию о возможности разумной жизни растений «Исследование коммуникации растений», над которой я работаю.

Мой крестец еще побаливает после икарийского приземления на мягкое место, но боль ощущается, только когда я танцую румбу или Гейнор втыкает булавку в шаманскую куклу, сделанную по моему подобию, которую он подвесил в петле-удавке в своем кабинете. Когда письмо Хала доберется до «Каналов» по административным ступеням, я уже буду холодным трупом с кровоподтеком в области копчика.

Я посылаю Вам кальку его письма в самом благоуханном из моих конвертов, который украшен очень витиеватыми бледно-лиловыми узорами, чтобы мое послание не осталось незамеченным среди Вашей входящей корреспонденции.

Почти Ваша,
Фреда.

Едва она закончила и спрятала письменные при надлежности, возвратился Хал и положил перед ней для подписи отпечатанное письмо.

— Фреда, — сказал он, положив ей руку на плечо, что ее ничуть не покоробило, — подписав это, вы станете пионером новой науки. Мое имя будет связано с вашим очень долго и после того, как вы расстанетесь со своим ради Пола Тестона.

— Если на лентах есть логически связные фрагменты звучания, — напомнила она.

— Я всем своим существом чувствую, что они там есть, — сказал он.

— Да, на созвучья ты везуч, и повод найден дать волю диссонансным ритмам, — перефразировала она Шекспира, чтобы поразить его. — Теперь тебе пора в тюльпановы постели.

Он ушел, но память о его прикосновении к плечу угасала медленно, подобно аромату. Это необычный юноша. Совершенно не ведая о том, он заставил ее бодрствовать прошедшей ночью, которую она посвятила поспешному перечитыванию Шекспира; но впредь она должна остерегаться его. Ее наследственная ненормальность толкает ее к нему, хотя это сугубо ее личная проблема. Хал Полино никогда не узнает, почему ее так сильно тянуло к нему, потому что она никогда ему не скажет, что его запах напоминает ей запах вязов.

Она взяла один из зеленых ростков, которые Хал привнес после прореживания новой клумбы, и положила его под электронный микроскоп, подсветив снизу. Растения вырастают быстро, подумала она, и это напомнило ей последнее пророчество туалетной сивиллы: «Выходя на финишную прямую, Хал опережает Пола и выигрывает».

Она улыбнулась. У радикальной прессы дамского туалета была проводная связь с Вашингтоном, но проводов в будущее у нее не было.

Она отправила письмо по «Каналам» в четверг после полудня. На следующий день, впервые за неделю, Гейнор остановился около ее столика.

— Доктор Карон, я направил ваш запрос Министру без своего одобрения.

Фреда вспыхнула лучезарной улыбкой:

— Благодарю вас, доктор. Я так счастлива, что вы поступили именно так. Я не хотела бы, чтобы мой запрос бросил тень на качество работы вашей команды.

Чисто рефлекторно он улыбнулся в ответ, кивнул и пошел прочь, оставляя ее — она ликовала, сознавая это, — в окружении группы сконфуженных властолюбцев, которые видели улыбки, но не слышали слов.

В эту пятницу рынок власти потрясут толки о курсе ее акций.

Неделя, начавшаяся суматохой, вызванной получением доказательства общения тюльпанов и высевом семян клумб С на участки G и H, пролетела быстро, но кульминация пришлась на четверг, когда самые взрослые цветы клумб А вели дальнобойную залповую стрельбу по самым новым участкам J, K и L, посыпая семьдесят процентов своего боезапаса на расстояние тридцать пять метров.

— Ого! — говорил Хал, собирая недолетевшие семена с брезента. — В следующем месяце нам надо подумать о брезентовой стене вдоль ограды земельной компании, иначе в августе они будут собирать говорящий хлопок.

Мучившая их тайна раскрылась во вторник на следующей неделе. Хал вошел в ее служебное помещение с интригующим выражением на лице.

— Фреда, показываются новые ростки. Для меня непостижимо, что на клумбы Е не упал ни один недолет, но там и в самом деле не выскочило ни одного нового ростка, а геометрия точна.

— Может быть, все недолеты оказались на разделительной полосе, — предположила она.

— Может быть, но я подозреваю, что дело сделали эти твари. Клумбы А ждали благоприятного ветра для стрельбы широким фронтом, но даже если это так, подобная точность означает либо, что каждый тюльпан является математиком-чародеем, либо, что где-то в клумбе есть центральная станция управления огнем.

— Это невероятная мысль, — продолжал Хал, — но другая моя мысль еще страшнее. Если каждый тюльпан рассчитывает перед выстрелом траекторию полета своих семян, это означает, что их средние умственные способности выше моих. Я ничего не имею против преклонения время от времени перед каким-нибудь гением, но мне ненавистна мысль, что абсолютно у всех них мозгов больше, чем у меня... При стрельбе семенами они даже мужчинам определили места в своих гаремах совершенно правильно.

— Размещение мужчин — это случайности стрельбы, — сказала Фреда. — Женщины превосходят мужчин по количеству семян в коробочке в отношении тридцать к двум.

— Я принимаю это как рабочую гипотезу, — сказал он. — Но начинаю чувствовать, что здесь что-то не так. Взгляните, Фреда, вы это видели?

Он остановился возле ее рабочего стола, быстро перебирая почту, и вытащил бандероль с пометкой «К исполнению».

Она открыла пакет. Гейнор читал бумаги и направил их ей обычной почтой, что было отклонением от обычной процедуры, означающим либо отсутствие срочности, либо небрежность. Внутри пакета было четыре ленты и письмо от руководителя Бюро Лингвистики, которое, если не обращать внимания на разные напыщенные словечки, гласило: «Мадам, тщательный анализ приложенных лент не обнаружил заслуживающего внимания повторения фрагментов записей».

Она протянула письмо Халу, который прочел его и в подавленном настроении почти повалился на стул; он был так жалок, что она подошла к нему и положила руку ему на плечо. Он поднял взгляд, с трудом улыбнулся, на мгновение обхватил ее за талию, потом хлопнул в ладоши и встал. Идя к двери, он сказал:

— Не расстраивайтесь, Фреда. Правда, даже придавленная к земле, поднимется вновь, как неравносторонний многогранник.

Глядя на тюльпаны через открытую дверь, он заговорил, продолжая прерванный разговор:

— Так вот, здесь что-то не так. Любая клумба — это мозг, каждый тюльпан — его ячейка, и чем больше вырастает этот мозг, тем сообразительнее становится, превращаясь в огромное безнравственное животное, которое играючи сможет нас уничтожить.

Он высказал мысль, над которой следовало бы подумать, но его объятие пробудило в ней такие чувства, которых прежде она никогда не испытывала. Какой-то теплый и влажный сирокко подул из жарких Сахар ее существа и стал наигрывать беззвучные пиццикато на ее позвоночнике, срывая с него низкие

ноты самыми последними. Она услыхала собственный голос, прозвучавший с какой-то необычной интонацией:

— Хал, это девочки из Старого Города дали вам имя «Эль-Торо»?

В ответ он вскинул голову, жестом и взглядом подчеркивая, что ее предположение никак не может соответствовать истине, и, опуская взгляд, сказал:

— Вовсе нет. Я не притрагивался ни к одной девушки с тех пор, как вы поцеловали меня.

— Какой вы впечатлительный.

— Из вашего поцелуя родился «Карон канкан».

— Я полагала, что его сочинили цветы.

— Этот флорианский компьютер сочинил всего четыре ноты, однажды утром, когда вы проходили мимо. Ваша песня целиком моя, а вы никогда ее не слышали.

— Я поступила неосмотрительно, Хал. — Ее голос обволакивал его и своими призывными нотками манил к ней.

Она выдержала паузу и с мексиканским акцентом мягко добавила:

— Сыграй мне свою мелодию, мой мальчик, когда приду к тебе, лишь сумерки окрасят в розовый цвет саманные стены. — А затем своим голосом сказала: — Если в вашей песне есть хотя бы половина вашего шарма, я буду танцевать канкан под вашу мелодию в следующую субботу в Мексикали.

— Боже мой, в следующую субботу! — Он был в полном отчаяния. — В пятницу я должен поехать в Лос-Анджелес, чтобы сделать запись, и не собирался играть в заведении. Я расторгну контракт, хотя мой отец и нуждается в деньгах.

— Нет, этого вы не сделаете, — сказала она. — Мы перенесем наше посещение кафе на следующую субботу, на восемнадцатое. Вот, я делаю пометку в календаре. А теперь марш отсюда.

Как только он ушел, Фреда вернулась к своему столу и сидела, витая в облаках.

Какое-то мгновение они стояли друг перед другом нагие, отбросив всякое притворство, и каждый осознавал тайную мысль другого о безнравственности их

поступка, но их глаза вступали в соглашение, все пункты которого были совершенно понятны. Она смущенно поежилась от своего мысленного грехопадения, ощущая, как бедра налились какой-то тяжестью, влагой и теплом в предвкушении свидания и четырех с четвертью порций мартини.

Ослабевая, большая волна чувств отхлынула, выбросив ее на сушу. Заключенного договора уже не существовало; то, что ей представлялось откликом юноши на томление ее души, выглядело теперь всего лишь естественным порывом мужчины, осознавшего пробуждение ее женственности. Она никогда не принесет свою душу в жертву бессмысленному позору. Она приблизила к себе Полино ради Поля, но было бы безумием по доброй воле поджариваться на вертеле под звуки диссонансной музыки. На это она не пойдет. Жить — это больше, чем танцевать, и перед лицом неизбежности она собрала воедино всю решимость, на какую была способна, твердо сказав себе, что танго, этот танец только для двоих, — не для нее.

Отрицательный ответ на их запрос и взрыв ее чувств пришли на полдень понедельника 6 марта; позднее она будет называть это в мыслях «Утром первого дня». Утром во вторник она занималась делами в своей лаборатории, и ее реакции на присутствие Хала были нормальными. Она давала ему указания четко и решительно, а он выполнял их безотлагательно, чуть поигрывая своей мускулатурой. В его поведении не было фамильярности, а его улыбающееся лицо напоминало лицо влюбленного не больше, чем влажный туман напоминает дождь. К полуночи она нашла, наконец, совершенно правильное оправдание своему согласию посетить кафе Мексикали: тогда ей едва удавалось скрывать, что ее обуревает желание не спускать глаз с его мускулатуры, а он ее к этому поощрял.

Когда после ленча она заспешила к тюльпановым клумбам, вернее, к тому, что они с Халом в шутку называли ее «беседами с тюльпанами», она зашла в оранжерею за надувным матрацем. Поглощенный руководством по радарам, которое он изучал последнее

время в надежде, что их принцип действия родственен принципу общения тюльпанов, Хал не заметил, как она вошла. Склонившись над книгой, он напевал себе под нос старинную песню «Яблочко для моего учителя», но слово «яблочко» он произносил во множественном числе и изменил винительный падеж на родительный.

Недовольная двусмысленностью его песни, напомнившей ей хамские выпады Хейбёрна, она громко хлопнула дверцей шкафчика, чтобы обратить его внимание на свое присутствие, и прошествовала к выходу со своим ненадутым матрацем. Ее негодование немногого улеглось, пока она разворачивала и надувала матрац, но когда она растянулась на нем, и ее слухом овладело звучание тюльпанов ряда D, задул сирокко, и она снова закачалась на волнах своего желания.

И в этом состоянии она не забыла о своей методологии, очень точно отметив, что на этот раз атака была предпринята в час с четвертью. Это было эмпирическим доказательством того, что юноша и не знал о ее страстном стремлении к нему и не разделял его. Он был в оранжерее, а она — в саду.

Прислушиваясь к жужжанию, щебетанию и бульканью окружавших ее тюльпанов, она справилась с мучениями и смогла мысленно посмотреть на Хала Полино под более широким углом зрения. Юноша был немного испорчен, и не только в силу своего происхождения. Присущая латинянам жизнерадостность обременяла его мозг посторонними мыслями и делала для него затруднительной концентрацию внимания на выбранном им поприще деятельности. В социальном аспекте этот недостаток был в некотором отношении ценным качеством, потому что позволял ему поддерживать разговор в достаточно широком диапазоне интересов, и это помогало ему завладевать вниманием слушателей и даже создавало определенный шарм. (Шарм — это еще один его недостаток.) В разговоре он мог легко перейти от византийского искусства к математике в музыке и поговорить о взаимосвязи черт рококо живописи Рубенса с поэзией Джона Драйдена. В каком-то смысле он был Леонардо да Винчи более позднего времени; но в современном

мире узких специалистов просто не было спроса на людей с широким кругом знаний.

Именно широкий круг знаний — она пыталась быть откровенной сама с собой — раздражал ее в нем больше всего. Для нее, как педагога, было аксиомой и руководством к действию знать прежде своих студентов; всегда надо быть готовой отвечать на вопросы студентов незамедлительно и точно. Общаясь с Халом, она была вынуждена вихрем носиться по сочинениям Шекспира, чтобы найти то, что часто цитировал ее студент, но Шекспир ей нравился. Хефнер, Мак-Люан и Лири были ей откровенно неприятны. Чтобы прочитать что-то раньше Полино, необходимо знать направление разговора, которое он выберет, обладать проворством скакать в этом направлении впереди него, уметь быстро читать и быть при этом очень выносливым читателем. Он пожирал книги, как слизняки Карстона-б пожирают листву, а в идеи вцеплялся, как сексуальный маньяк.

В среду сирокко ударило в два тридцать, и она помчалась в библиотеку, чтобы как можно дальше спрятаться от влияния Хала. Оказавшись в безопасности, она построила график всплесков своих эмоций и со страхом обнаружила, что в ночь на 19 марта пик чувств наступит в час сорок пять. Ее свидание с Халом назначено на вечер восемнадцатого. Бары в Южной Калифорнии закрываются в час ночи. Если добавить полчаса на то, чтобы допить последний бокал и сложить инструменты, они с Халом уйдут из Мексики в час тридцать, за пятнадцать минут до того, как она окажется на гребне волны. Тарифы со скидкой в мотелях Фресно начинают действовать с двух ночи. Она попадет в ловушку Хала в период ее наивысшей к нему предрасположенности как раз между временем закрытия кафе и началом льготного времени в мотелях.

Глядя на разграфленную бумагу, Фреда чувствовала себя очень маленькой и одинокой. Когда-то она считала, что нужна Полу на Флоре; теперь она знала, что Пол нужен ей на Земле. Вокруг не было никого, к кому она могла бы обратиться. Без покойного отца, без матери, находящейся в Тихуане, только Ганс

Клейборг мог бы помочь ей, но Ганс в Санта-Барбере, слишком занятый решением проблем Господа Бога, чтобы тратить на нее время. Был еще один человек, чьи симпатия и поддержка могли бы, как она считала, помочь ей в кризисной ситуации, но этим человеком был Хал Полино, который и есть стержень ее неразрешимой проблемы.

Она знает с детства, и это ее знание подкреплено диагнозами психиатров, что она эмоционально неравновешенна, что она — женщина, живущая на краю кратера вулкана. Хал был не столько причиной, сколько катализатором того крутого поворота, которого она так боялась, но так или иначе, именно он вот-вот ввергнет ее в эту катастрофу. С Полом Тестоном, который способен обеспечить ей надежную поддержку, она могла бы ходить по этому узкому краю хоть две жизни подряд. Но мексиканское танго с Халом Полино вокруг кратера — это раз-и-два-и-катаapultа в бездонную пропасть.

Ей не удалось бы превратить Полино в пешку, хотя бы по той причине, что они вместе подписывали письмо в Лингвистику, а это свидетельствует о ее к нему доверии. Другая альтернатива — самой стать пешкой...

Внезапно, подобно озарению свыше, ее проблема решилась сама собой.

Готовясь отправиться с Земли на Флору в мае, персонал сектора Чарли уходит на карантинную подготовку и будет погружен в анабиоз в начале апреля. Пол просил ее прийти к нему на помощь на Тропике. Единственное, что ей нужно сделать, это попросить включить ее имя в список. Ее просьба, как руководителя подразделения, должна быть удовлетворена автоматически.

До испытания с Халом у нее оставалось время до ночи на девятнадцатое. В крайнем случае, если ей не удастся отвертеться, думала она, она научит Пола тому, чему обучит ее Полино. Однако появление этой неприятной мысли означало, что задул северный ветер, и она возвратилась в оранжерею.

Доктор Гейнор не смог уделить ей время утром в четверг, но его секретарь выкроила для разговора с

ним шесть минут от 3.38 до 3.44 пополудни. Миссис Везервакс говорила так вежливо, что Фреда пообещала, что ей хватит трех минут, а остальные три доктор Гейнор может израсходовать по своему усмотрению.

Фреда явилась в 3.37 1/2.

Она сожалела, что обратилась со своей просьбой официально через административную канцелярию. Она научила Полино методологии, а он ее — вставать в позу перед администрацией. Его отвратительное, но очень точное определение администраторов так и вертелось в ее мозгу. Да, он — настоящий растлитель. Если бы она позволила ему остаться ассистентом Пола, он ублажил бы ее жениха и затащил в какой-нибудь вертеп в Старом Городе.

Доктор Гейнор вежливо привстал, чтобы поздороваться с ней, и приветливо указал рукой на стул с прямой спинкой без подлокотников перед своим письменным столом. Мягкие кресла были отправлены в изгнание по дальним углам кабинета.

Так же кратко и так же четко, как она докладывала ходатайство Комитету Хейбёрна, она изложила свою просьбу об участии в космическом полете, сославшись на то, что Полу нужен на Тропике цитолог, на явные следы гемоглобина в живице орхидей и на чудеса с опылителями-невидимками.

— Пол прислал тюльпаны, — добавила она, — обеспечив меня экземплярами для их изучения здесь, на Земле, чтобы попытаться сформулировать гипотезу о методах опыления, используемых орхидеями.

— А, понимаю. Этим, видимо, и объясняется ваша, более чем необычная, переписка с Лингвистикой. Кстати, как юный Полино проходит психиатрическое наблюдение? Наступила ремиссия или расстройство психики продолжается?

Она совсем позабыла о той «крыше», которую сама предложила устроить Халу, но непринужденно ответила:

— Наблюдение прекращено, потому что он великолепно работал, пока мы представляли в Вашингтоне ваше ходатайство. Его методология настолько

улучшилась, что он может продолжать культивировать Карон-тюльпаны и без меня.

— У меня нелады с Финансами, — сказал он. — После вашего доклада ходатайства о ботанической станции возникли волны. Флот выдал эти цифры о «долларе за факт» на Флоре Министерству Финансов, и Финансы основательно пощипали Сельское Хозяйство. Сельхоз намекнул мне, что не стоит раскачивать лодку — в финансовом смысле — поэтому я, начиная борьбу за экономию, исключаю работы на Тропике из программы работ сектора Чарли на Флоре. Я просмотрел расчеты по фактам, добытым Полом, — его показатели на дату проведения брифинга по сектору Эйбл составляли три доллара за факт. Конечно, Пол блестящий исследователь, и я ожидаю, что он уменьшит этот средний показатель к тому времени, когда будет проводиться брифинг по сектору Бейкер.

— Я вынуждена обратить ваше внимание на то, доктор Гейнор, что определенные факты и должны стоить больше других. Кроме того, мое исследование не будет ограничено Тропикой. Если мне удастся обнаружить в соке растений гемоглобин, или его эквивалент, мое открытие будет иметь первостепенное значение для доктора Клейборга.

— Ах, для Клейборга. У меня создалось впечатление, что его интересы больше сосредоточены на энергетических резервах Вселенной в целом.

— Гемоглобин — одна из форм этого резерва, сэр, — сказала Фреда, подумав, что если взглянуть на Гейнора объективно и беспристрастно, то он выглядит просто идиотом. Разве существует такая вещь, как Вселенная «в частном»?

— О да... Конечно... Доктор Карон, если вы отправитесь на Флору, Бюджетное Управление может посмотреть на это как на вызов с моей стороны. Сенат может сделать вывод, что я отправил вас в Сибирь, потому что вы потерпели неудачу с ходатайством, что вполне в правилах некоторой части администраторов, которые не умеют надлежащим образом распорядиться строительным материалом для своей административной пирамиды.

— Речь идет об исследовательской программе, доктор.

— Да, это верно, — сказал он глубокомысленно. — Лично я не сомневаюсь в ваших профессиональных способностях, доктор Карон, в частности на поприще исследовательской деятельности, но, если откровенно, — он улыбнулся, — у вас стала проявляться тяга к маневрам против ветра. Лучше мы подождем, пока прокатится девятый вал, а ваши серфинговые доски испытаем на более спокойной воде.

— В той мере, в какой я склонна побороться с ветром, доктор Гейнор, вы и доктор Беркли были со мной заодно. Ведь перед Сенатским Комитетом я была не одна.

Он откинулся назад во врачающем кресле, еще больше наклонил голову, трижды сощурил глаза и сказал:

— Я скорее имел в виду, доктор Карон, ваш странный запрос в Бюро Лингвистики.

— О, чепуха, — взорвалась она. — Это всего лишь чисто вероятностное исследование.

— Все же мне кажется, что вы — как бы это сказать — чрезмерно эмоционально увлеклись цветами и, возможно, уже довели себя этой работой до нервного перенапряжения.

— Вот уж нет! Наоборот.. — Она украдкой бросила взгляд на часы, которые показывали 3.44; до начала сирокко оставалась одна минута, и Фреда почувствовала резкий короткий спазм паники. Даже если она смогла бы вынести общество этого платинированного пижона, здесь не место и не время для ненравственных переживаний. — ..Мои беседы с тюльпанами успокаивают.

Казалось, брови Гейнора подпрыгнули почти на сантиметр.

— Видимо, доктор Карон, вы действительно нуждаетесь в отдыхе.

Она поднялась одновременно с поднявшимся в ней ветром.

— О, не надо понимать мои слова буквально, принимайте их физически, я хотела сказать, фигулярно. Доброго утра, доктор Гейнор.

— День добрый, доктор Карон.

Фреда, в полном смысле слова, помчалась в дамский туалет и уселась там привести свои мозги в порядок, уединившись от мужчин в таком месте, где ее ветры могли дуть свободно. Она действительно дала маху со своей просьбой. Когда сирокко перестал буйствовать, она поднялась и по привычке просмотрела бюллетень: «Если Франчина не отстанет, она попадет под автомобиль, гоняясь за своим... Доктор Гектор так искусно провел Судзуки через перевалы выпускных экзаменов, что у японки совершенно исчезло предубеждение против белых». Обыкновенные пересуды, остроумные, полные намеков и высоконформативные. Она совсем уж было повернула к выходу, когда ей на глаза попался знакомый почерк в самом низу листа, причем надпись от руки была такой мелкой, что ей пришлось наклониться, чтобы прочесть ее: «Фреда, остерегайтесь ид марта... Друг».

На этот раз прорицательница ошиблась в своем пророчестве! Пренебрегая кардинальным правилом своего ремесла, она слишком точно указала дату. То, чего опасалась Фреда, будет не пятнадцатого марта, а в 1.45 ночи на воскресенье 19 марта.

В пятницу она преднамеренно так капризничала и раздражала Хала Полино, что он очень рано отправился в Лос-Анджелес на назначенную запись. Она выжила его из оранжереи до пяти, прежде чем задул сирокко.

Суббота выдалась ясной и теплой. Ни Хала, ни садовников на базе не было, поэтому после ленча Фреда взяла надувной матрац, лосьон от загара и козырек от солнца и отправилась в тюльпановые клумбы. Одетая в бикини, она улеглась на матрац и, подставив себя солнечным лучам и слушая воркование и посвистывание цветов, нежилась в сухом тепле. Все вокруг нее настраивало на безмятежность. Даже внутри нее наступил мир, потому что теперь она смирилась со своей судьбой. Ей даже казалось, что чего-то недостает. Без Хала Полино, изрыгающего проклятия «маленьким тварям», «флорианскому ком-

пьютеру», «желтой чуме», ее миру не хватало хорошей встряски.

Возможно, размышляла она, такая ее сильная реакция вызвана нежностью к мальчику, а вовсе не проявление нежности было результатом этой реакции. Он никогда не сможет сравняться с Полом по точности мышления или избирательности эмоциональной ответной реакции — она ни разу не слыхала, чтобы Пол пел рождественские гимны, — но она не сбиралась превозносить Пола за счет принижения достоинств Полино. Это два разных, но равных мужчины, хотя Халу подходит место пониже. Пол — капитан на мостице линкора. Хал — гребец в челноке. Пол больше подходит для долгого рейса с постоянным напряжением всех сил; Хал хорош для короткого броска, взрывного усилия.

Держаться подальше от мужчины в челноке трудновато. Ее положение и возраст значат для Хала мало. Его не привлекают никакие статусы, и он не на много моложе ее. В реальном мире материй он просто восьмидесятилетний старик по сравнению с ней и Полом. У него, возможно, есть уверенность в себе, может быть, он сумеет быть внимательным и проявит достаточную зрелость, чтобы пользоваться своей силой с осторожностью. Считается, что итальянцы в таких делах деликатны. Эта надпись на стене туалетной, «Латиняне — отвратительные любовники», была не чем иным, как женским трюком, направленным на то, чтобы отпугнуть от него других девушек.

Фреда поправила козырек так, чтобы он прикрывал глаза более надежно, и повернулась животом к солнцу, изогнув дугой позвоночник, чтобы не коснуться нагретых солнцем краев матраца и опустить спину на его прохладную середину. Она испытывала удовольствие от перекатывания собственных мышц, когда, напрягая ягодицы и широко разводя колени, подставляла солнцу внутреннюю сторону бедер. Тюльпаны по соседству кудахтали осуждающие, и она улыбалась их застенчивости.

Вчера она не по-доброму обошлась с Халом. Она решила, что впредь будет с парнем менее ворчливой.

За грехи чьей-то матери нельзя наказывать сыновей других матерей. Это была не просто недоброта, было бы несправедливо продолжать изводить молодого человека по той причине, что какая-то маленькая девочка, которую Фреда с трудом могла вспомнить, услыхала однажды, как ее отец сказал ее матери: «Ты — мексиканская шлюха!».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Доктор Карон, позовите представить вам мистера Питера Хенли.

Фреда в один миг подняла на лоб козырек, свела колени и приняла сидячее положение. Хал и какой-то незнакомец стояли почти рядом с нею. Вне всякого сомнения, их восхитила ее гимнастика.

— Я думала, вы в Лос-Анджелесе!

— Я закончил сеанс записи сегодня утром. Мистер Хенли из Австралии — на аспирантской стипендии в Бюро Лингвистики.

— Что вы глазеете на меня, Хал! Принесите мою спецовку.

— Но, Фреда, на некоторых пляжах вы бы выглядели вполне одетой.

— Я не на пляже, принесите, наконец, мой халат!

Хал подчинился и помчался в оранжерею, оставив молодого незнакомца с вожделением глазеть на нее. В Питере Хенли действительно есть что-то от Австралии, подумала она, что-то от самых необжитых районов. Он был высок и строен, светлые волосы торчали в стороны, но были приглажены на макушке. Острый подбородок придавал голове форму буквы V, если бы эту форму не нарушили оттопыренные уши. Его острый, в буквальном смысле слова выдающийся нос уравновешивали глаза, такие большие и голубые, что вполне можно было предположить, что они достались ему по наследству от какого-нибудь сумчатого этих антиподов, который отклонился от прямой ветви своей эволюции. Его адамово яблоко перекаты-

валось то вверх, то вниз, и Фреде подумалось, что он влюбленно глязает на нее даже шеей.

— Я извиняюсь, мистер Хенли, — сказала она, — мне казалось, что я одна в саду. Должно быть, я смущила вас.

— Нет, ма-ам. На пляжах Швеции девушки вовсе не одеты. Но даже в таком виде они не идут ни в какое сравнение с девушками Фресно.

— Чем я могу быть вам полезна? — холодно спросила она, но что-то в его облике придало ее вопросу характер непристойного намека.

— Я прибыл из Бюро Лингвистики, но не имею официальных полномочий.

— У вас каникулы?

— Да, ма-ам.

Вернулся Хал и подал ей халат, в который она мгновенно облеклась и застегнулась с быстротой молнии, продолжая поддерживать вежливую беседу.

— Фресно в марте — не очень удачный выбор места для отдыха. Это то же самое, что поехать в Дюбюк в августе.

— Доктор Карон, Питер докопался до кое-какой интересной информации.

— Речь идет о тех лентах, ма-ам. Присланных вами и Халом.

— Так что же с этими лентами, сэр?

— Они прошли анализ только по формуле Четыре-В, ма-ам, — его «ма-ам» звучало, как «мам». — Это «анализ вежливости», своего рода отписка на официальный запрос. Он достаточно досконален, этот Четыре-В, уверяю вас, но я почувствовал.. В общем, ма-ам, я почувствовал, что обработка была проведена недостаточно точно. В верхней части спектограммы оказалось несколько нечетких пятен..

— Вы обратили внимание руководителя вашего подразделения на неточность обработки?

— Видите ли, ма-ам. Вы ведь знаете руководителей подразделений. Прошу извинить меня, ма-ам. Если ваша идея оказывается хорошей, то это их идея; если нет, вы остаетесь при своих интересах, получив хорошую зуботычину.

Да, ей знакомы такие руководители, подумала Фреда, но она знает и ассистентов таких, как Питер Хенли, которые сразу не станут обращать внимание на ошибки других, но потом, хитро подобрав подходящий момент, подбрасывают придержанную информацию своему руководителю и обязательно в присутствии его руководителя, чтобы набить себе максимальную цену. В некоторых кругах таких, как Питер Хенли, называют отдельческими крысами.

— Продолжайте, — сказала Фреда.

— Интервалы между пятнами носят регулярный характер, и я подумал, ма-ам, что они могут быть спектральными узлами звуков более высокого тона, которые оборудование Хала не улавливало.

— Вы думаете, тюльпаны могут издавать звуки таких тонов, которые мы не слышим?

— Нет, ма-ам, — сказал Хенли. — Я не думаю так, потому что официально у меня нет доказательств. Неофициально, у меня есть кусочек ленты, который я вытащил из мусорной корзины босса, но именно этот кусочек и вызвал мои подозрения.

Настоящий шакал, подумала она.

— Могу я взглянуть на ваш пропуск посетителя станции, мистер Хенли?

Его пропуск был в порядке. Хал об этом позабочился.

— Продолжим нашу беседу в служебном помещении, — сказала она.

Хал собрал ее экипировку для солнечных ванн и шел рядом с ней по пути к оранжерее.

— Питер из Сиднейского университета. В Штатах он на аспирантской стипендии, и он один из студентов профессора Гранта.

По его тону Фреда поняла, что о профессоре Гранте ей должно быть все известно, но она профессора не знала.

— Кто такой профессор Грант? — спросила она.

— Он преподает какую-то совершенно необычную методологию. Питер, расскажите доктору об этом.

— Теория доктора Гранта состоит в том, что ни в одной исследовательской методике не должно быть логики, потому что основные элементы Вселенной ир-

рациональны. Доктор Грант говорит, возьмите эту чертову стандартную методику и швырните ее в эту чертову мусорную корзину.

— Он похож на одного моего друга, — сказала Фреда, — Ганса Клейборга.

— Грант учился у Клейборга, — сказал австралиец.

— Да, теперь я припоминаю, — сказала Фреда, очень довольная своей первой попыткой похвастать знакомством с видным человеком. — И Ганс был о нем высокого мнения.

— Доктор Карон, вот мое доказательство, чего-нибудь оно должно стоить, — он вытащил из кармана ролик спектрограммной ленты, снял с него резинку и развернул ленту на столе. — Этот звук вы слышите, — сказал он, указывая на беспорядочное нагромождение линий звукового спектра, — но выше, как вы можете видеть, на ленте есть пятна.

Она не смогла их разглядеть, пока он не показал. Они были такими слабыми, что были едва видны, и казались неровностями окраски бумаги.

— Я так мало знаю о звуке, мистер Хенли, но не могут ли они быть фоном какого-нибудь обертона?

— Логично, и, на первый взгляд, вполне вероятно. Для проверки обертоновых шумов используется специальная стандартная процедура, и она показала, что такие шумы здесь есть. Но эти пятна выглядят сначала немного выпущенными влево, а затем приобретают правую асимметрию, что может свидетельствовать о наличии полутонового шума от звука более высокого тона, который идет немного асинхронно.

— Не может это быть пятнами, которые оставил грязный подающий валик спектрографа? — продолжала она вопросы в духе присущей ей методичности, одновременно и соглашаясь, и высказывая некоторое сомнение.

Питер Хенли немедленно парировал этот обескураживающий выпад.

— Я чищу машину четырехкисью углерода с добавкой разбавленного анилина. Все мои пятна голубые.

— Ну, хорошо, мистер Хенли, — сказала она устало. — Предположим, что эти пятна подозрительны. Какой следующий шаг рекомендует эта чертова методология Гранта-Клейборга?

— Выбросить старые ленты и начать все снова, используя более совершенный детектор на более высокой частоте. Почему на более высокой, а не на более низкой? Потому что, если эти чертова тюльпаны попытаются нас одурачить, мы просто логически установим, что они шепчут на более низких частотах.

На мгновение она задумалась. Доктор Гейнор никогда не позволил бы, и это совершенно правильно, чтобы на территории базы работал не имеющий на то полномочий чужой персонал, и тем более если бы просьба о привлечении такого персонала исходила от нее. Меры безопасности должны соблюдаться. Кроме того, Питер Хенли видел ее, по существу, нагой, и теперь знает, что скрыто под ее рабочим халатом. Один сирокко в день — это все, с чем она сможет справиться. Жаркий ветер из малообжитых районов Австралии может оказаться слишком сильным.

— Я не могу позволить вам работать на базе, мистер Хенли.

— У меня в этом нет необходимости, нет и никакого желания, — сказал Хенли. — Мне бы хотелось, чтобы доктор Гейнор даже не знал, что я во Фресно. Сегодня во второй половине дня Хал может записать ленты и принести их мне, а я займусь их анализом в своей норе во Фресно.

— Замечательно, — сказала Фреда. — Считайте, что у вас есть мое неофициальное благословение. Покажите мистеру Хенли наши тюльпаны, Хал, только быстрее.

— Сначала я покажу вам участок А, Питер, — говорил Хал, выходя следом за ним из оранжереи. — Следующий урожай семян мы ожидаем в понедельник, и я заключил с Фредой пари, что тюльпаны смогут сделать бросок на сорок пять метров...

Когда до нее перестали доноситься их голоса, она отошла от двери, чтобы уложить в шкафчик свою экипировку для солнечных ванн, задаваясь тем вре-

менем вопросом: почему всех молодых людей из англоязычной Конфедерации зовут «Питер».

Выработанный Фредой за субботнюю ночь и воскресное утро курс на конфронтацию начался на дурной ноте утром в понедельник перед завтраком. Едва она выпила свой апельсиновый сок, как официантка столовой для руководящего состава принесла ей загадочную записку, написанную почерком Хала: «Поторопитесь в клумбы. Что-то здесь идет не так, как надо».

Обжигаясь, Фреда проглотила кофе, набросила пальто, которое она захватила сегодня, потому что рано утром было холодно, и ушла, предоставив официантке подать заказанную яичницу с ветчиной пустому стулу.

Хал пришел рано — наверняка, чтобы сменить ленты; обходя угол оранжереи, она заметила, что он мечтается около клумб А, и еще на ходу закричала:

— Что вас так встревожило?

— Посмотрите на клумбы А, — крикнул он.

Она посмотрела. Семенные коробочки были раскрыты.

— Вы были здесь в воскресенье, — он продолжал кричать.

— Нет. Я ходила на концерт в Бейкерсфильде.

— А я был во Фресно с Питером, но похоже, я выиграл пари на дальность броска клумб А. Они, наверное, смогут вывести семена и на околосеменную орбиту.

— Попало сколько-нибудь на брезент?

— Нет. Нигде ни единого семени.

Она отступила назад и посмотрела на крышу оранжереи.

— Могли они стрелять в западном направлении через оранжерею?

— Я здесь всего десять минут, но на ту сторону заглянул. В траве нет ни одного семени. — Он подошел к ней близко, и она увидела на его лице печать ответственности за сопричастность и еще что-то мистическое. — Опасность может оказаться очень серьезной, Фреда. Я прикинул, что мы можем недосчитаться примерно семидесяти двух тысяч семян, за вычетом очень небольшого количества в неразорвав-

шихся стручках. Если разлетевшиеся семена дадут ростки где попало, считайте, что мы сами выкопали себе яму.

— Может быть, третий урожай бесплодный. Мне ничего не известно о жизненном цикле этих растений.

— Ну, — сказал он, почесав в затылке, — было бы весьма нелогично на это надеяться. Но я сейчас это быстро выясню. Закройте ушки, красавица, сейчас произойдет то, что снова вызовет памятное песнопение.

Осторожно двигаясь среди цветов, Хал нашел женский тюльпан с неразорвавшимся стручком и выдернул его. Она вся подобралась, готовясь услышать печальный плач по покойному, но тюльпаны были немы.

— Может быть, ни один из них не любил ее, — сказал он, придерживая рукой вяло обвисший стебель и с трудом открывая створку стручка ногтем большого пальца. Еще до того, как он полностью раскрыл створку, она увидела внутри ряд из восьми крошечных семян.

— Выброс семян должен начаться, — сказала она, — сразу же, как только поднимется температура.

— Вот почему не было плача по умершей, — сказал он. — Слишком холодно. У вас в кладовой есть кинокамера с автоматикой, реагирующей на движение?

— Нет. Я направила требование на склад фотоаппаратуры, но сейчас он еще закрыт.

— В таком случае, я добуду ее через запертую дверь, — сказал он, выискивая среди тюльпанов другой с нераскрывшимся стручком. — Не спускайте глаз с этой девочки, Фреда, пока я не вернусь с камерой.

Он вернулся гораздо раньше, чем наступил час открытия склада.

— Я сунул свой электронный пропуск в щель дверного замка, — объяснил он. — Трюк старого взломщика. Было хоть какое-нибудь движение?

— Совершенно никакого.

Он настроил фокус камеры на нераскрывшийся семенной мешочек и установил автоматику включения

камеры при возникновении движения. Закончив эту работу, он поднял мертвое растение и показал его ей.

— Смотрите, Фреда, стручок в этой доле пуст.

— Осы! — воскликнула она.

— Вы правы. — К ее удивлению, печать озабоченности сразу же исчезла с его лица. — И бьюсь об заклад, что не более чем через пять дней мы найдем ростки на делянках Н и I точно в пятнадцати сантиметрах друг от друга. — Он раскрыл остальные створки и положил растение так, чтобы осы могли добраться до семян.

— Я не намерен ассистировать при кесаревом сечении, — сказал он, — но я и не специалист по абортам. Поскольку у меня нет сомнения, что вы выиграете наше pari, сегодня за ваш кофе с пончиками плачу в буфете я.

Педагог не должен вести себя запанибрана со студентом; это роняет реноме педагога в глазах Гейнора. Однако, поскольку она была совершенно уверена в том, что о ее репутации в глазах доктора Гейнора не может быть и речи, это соображение стало чисто академическим. Она с удовольствием приняла предложение Хала и была рада пройтись с ним через лужайки до буфета.

— Почему вы так уверены, что семена окажутся именно в тех клумбах, в которых нужно?

— Тюльпаны знают, что почва в них была удобрена редкоземельными элементами. Они еще не готовы расправить крылья, но к следующему понедельнику я лучше сооружу шестиметровое ограждение из брезента; это будет временная мера в нашей политике их сдерживания. Но мы должны выработать какую-то долгосрочную линию поведения, и безотлагательно. Если эти твари отобьются от рук, последствия могут быть крайне серьезными.

— Но, Хал, они такие хрупкие и нежные, такие маленькие и красивые.

— Так же, как вы, Фреда; они — женщины и, подобно вам, могут быть опасны. Если старина Пит сможет научиться разговаривать с мальчиками, может быть, нам удастся поговорить по-мужски о том, как достичь сосуществования.

Как только происходящие по этому странному графику регулярные нарушения равновесия ее отношения к Халу отодвинулись за рамки рабочего дня, работа в клумбах снова стала доставлять удовольствие. К громадному облегчению обоих, затея с кинофильмом о транспортировке семян осами на клумбы Н и I оказалась исключительно удачной, и они перестали бояться случайного разброса; кроме того, они получили моральное удовлетворение, потому что этот кинофильм был ценным дополнительным документом к их монографии о тюльпанах.

То, что земляная оса стала откладывать яйца в цветок, который имеет некоторое сходство с привычной для нее сотовой ячейкой, выглядит явлением необычным, однако лишь в смысле необычности адаптивных способностей самих земляных ос. Но если та же оса переносит семена тюльпанов и закапывает их в своих собственных ячейках в земле, причем располагает эти ячейки по геометрическому шаблону, который наиболее предпочтителен для растений, это должно породить вопросы в голове любого ученого. Фреда была уверена, что опубликование теории Карон-Полино вызовет большой резонанс в научных кругах.

Конечно, энтомологи и психологи-бихевиористы набросятся на их работу и будут рвать ее на куски, защищая тезис о видоизменяемости поведения общественных насекомых, но они с Халом могут рассчитывать на поддержку ученых-растениеводов и психологов, стоящих на позициях свободы воли. Экологи, вероятно, разделятся на две группы, но обе стороны будут восхищены этим симбиозом.

Когда они оценивали вероятных сторонников, Хал обратил ее внимание на одну курьезную возможность. Вне всякого сомнения, на их стороне окажется мощное лобби любителей флоры.

— Фреда, я уже вижу рекламные плакаты: «Обзаводитесь Цветком — Домашним Любимцем. Покупайте Карон-тюльпаны».

Несмотря на их шутки и забавы, во всем, что касалось работы, Хал повиновался ей беспрекословно, никогда не сомневаясь в правильности ее решений, и

даже стал реже использовать бранные слова. Только однажды он возразил ей. Когда они просматривали фильм об осах-переносчиках семян, она заметила:

— Видите, Хал, как вы были не правы! Тюльпаны сотрудничают со мной, потому что знают, что я их люблю. Они хотят выказать свою признательность послушанием.

— Не в том дело, — фыркнул он. — Они знают, что, если они выйдут из рамок, я задам им нагоняй плеткой.

Она хихикнула в темноте проекционной. Они с Халом вели себя словно мать и отец, обсуждающие вопросы воспитания детей.

За их милыми проказами стояла, и в огромной мере была за них в ответе, богоподобная, но для нее не видимая, фигура Питера Хенли; и Хал быстро превращался в первоапостола этого божества на ботанической станции. Официально или неофициально, но Хенли представлял Лингвистику, которая однажды уже надменно пхнула их ногой, и, конечно, он был проблеском надежды на небосводе вето, наложенного Лингвистикой. Говоря о нем в буфете, они пользовались кодовым именем «Старина Пит», и это была идеальная кличка, потому что никому в голову не могло прийти, что под жаргонным словечком «пит», означающим «сейф», может скрываться имя настоящего Питера Хенли.

Хал так восхищался этим человеком, что Фреду стал раздражать этот провозвестник иррационального подхода.

— Он подлинный гений, Фреда, — говорил Хал. — Как-то вечером мы зашли пропустить по паре кружек пунша и он стал изображать в лицах заседание чрезвычайной сессии Совета Безопасности ООН, где говорят на двенадцати различных языках, включая восточноафриканский язык суахили, одновременно полутоном давая синхронный перевод. В самом конце, когда участники заседания начали кричать друг на друга все сразу, бедный Питер буквально разрывался на части, и каждый за нашим столиком тоже чувствовал себя полностью выведенным из равновесия.

— Кто был с вами за столом? — спросила она, голос был суровым и подозрительным.

— Не беспокойтесь, с базы никого не было, — сказал он, неправильно поняв ее тревогу. — Случайная компания водителей грузовиков с перегона Лос-Анджелес — Фриско.

Как бы там ни было, а ей бы спалось спокойнее, если бы Питера Хенли в городе не было, и Хал не был бы под его влиянием. Он, вольный молодой холостяк с австралийским выговором, побывавший на шведских пляжах, где загорают нагишом, не мог быть совершенно непорочным. Хал так неравнодушен к женскому полу, а Питеру Хенли она не доверяет. Она помнит, как прыгал вверх и вниз его кадык, когда он разглядывал ее в бикини.

— Много ли еще времени потребуется старине Питеру, чтобы закончить анализ лент? — спросила она.

— Он рассчитывает закруглиться к концу недели и махнуть в Дюбюк. Теперь ему, видимо, захотелось узнать, о чем болтают между собой кукурузные всходы в Айове.

— Понятно, — сказала она. — Этот ваш приятель неглуп, как я посмотрю. А вы пригласили его на наш субботний вечер?

— Конечно нет, — сказал он с расстановкой. — Он остряк, хороший рассказчик, гений, но я не хочу, чтобы в субботний вечер Фреда Карон принимала кого-нибудь в гости, кроме Хала Полино.

Надежда, что человек из Лингвистики мог бы ее спасти, у Фреды появилась внезапно — она хотела, чтобы Питер был с ними в этот субботний вечер, — и теперь она была очень огорчена таким подчеркнуто твердым ответом Хала. Поздним вечером, уже после того, как она вытянулась в постели, чтобы расслабиться, сирокко задул со штормовой силой, и она посмотрела на дело совершенно иначе.

Она не побоится провести вечер наедине с Халом и не нуждается ни в чьей посторонней помощи, чтобы справиться с тем, что таится в самых темных закоулках ее существа. Она одна пойдет на этот бой, в смертельной схватке противостоя злодею, покончит с Властелином Тьмы.

Вопреки ужасным пророчествам сивиллы иды марта прошли шквалом приятных волнений, когда первый урожай клумб D понесся по обычным траекториям и приземлился точно в клумбах K и L. Тюльпаны были уже на полпути от ограды, и к понедельнику Хал готовился установить ограждение из брезента, чтобы семена не перелетели на свежевспаханное поле Сан-Джоакинской земельной компании.

Утром в четверг — теперь Фреда вела строгий учет дней до момента их решающей конфронтации — Хал пришел на работу с большой дорожной сумкой. Он сказал ей:

— Сегодня Питер заканчивает свою фазу эксперимента. Похоже, нынешний день обещает быть удачным. По прогнозу, к часу тридцати двадцать восемь градусов, безветренно и солнечно... Что у нас на повестке дня?

— Я хотела попросить вас собрать для меня сегодня утром несколько личинок ос. Я провожу сравнение ос, вылупившихся в тюльпане и народившихся в обычной сотовой ячейке, чтобы посмотреть, не происходит ли у них какая-нибудь мутация.

— У Питера появилась блестящая теория относительно ос; она может подойти, если вы еще не поверили в нашу Золотую Орду. Он полагает, что эти маленькие вандалы направляют ос, фокусируя конус звука высокой частоты, в котором они вынуждены двигаться, если не хотят неприятностей. Мне бы хотелось поговорить об этом с Питером более подробно.

— А почему не со мной, или, по-вашему, в моей голове нет блестящих идей? — резко спросила она.

Он понял, что задел ее и, стоя позади Фреды, легонько постучал по ее голове:

— Здесь у вас все в порядке. Но чтобы разрешить мои сомнения, нужен морфолог. Я хочу знать, могут ли они фокусировать свое звучание, не наклоняя головок. Вы ведь знаете, Фреда, что среди цветущих растений у нас стоит камера, регистрирующая любое отклонение от фокуса. Если отвернется хоть один лепесток, хотя бы чуть-чуть, то это будет указывать...

— Вы так поглощены теорией звуковых волн, — сказала она, копаясь в ящике своего стола, — что ничего не замечаете в тех областях, которые со звуком не связаны. Вот ваши снимки.

На одном снимке все лепестки цветка были плотно прижаты друг к другу и образовывали цельную чашу. На другом снимке того же тюльпана, сделанном пятью минутами позже, кончик одного лепестка был слегка отогнут. Она заметила это изменение неделю назад, когда отбирала снимки для своего альбома. В тот момент она не придала никакого значения этому изменению. Теперь же она протягивала ему снимки с некоторой долей снисхождения, и взгляд благодарного изумления, которым он посмотрел на нее, стоил того, чтобы пойти на это невинное мошенничество.

— Из этого видно, что они это могут делать и делают, — сказал он, внимательно изучив снимки. — После ленча я хочу отснять это заново для старины Пита, и мне бы хотелось, чтобы вас в это время на клумбах не было. Пит говорит, что он обнаруживает искажение реакции тюльпанов, когда вы прогуливаетесь между клумбами, потому что тюльпаны думают, что вы их мать.

— Так он уже получил спектrogramму их звукового общения?

— Кажется, да. Он дал мне этот зуммер, чтобы я мог забить частоту, на которой они общаются, и посмотреть, как это подействует на их трескотню. С какой клумбы вам нужны личинки?

— С клумбы С.

— Могу я задержаться там, чтобы записать несколько нот, Фреда?

— Конечно.

За кофе и гамбургером в буфете — Фреда уже целую неделю не появлялась за ленчом в столовой для руководящего состава — Хал сделал одно из редких для него сентиментальных признаний:

— Я испытываю какое-то двойственное чувство к тюльпанам. Они как будто расположены к сотрудничеству. Может быть, мы сможем сосуществовать. Первая человеческая реакция на все чужеродное —

враждебность, но эти тюльпаны, похоже, привыкли ко мне.

— Может быть, нам не потребуется воздвигать стену из брезента, — сказала она, прожевывая бутерброд, — если вы сразу займете решительную позицию и будете строги с ними. У вас облик отца. Дети будут вас слушаться.

— Но кое-кто играет на том, что мать их слишком балует, — сказал он.

Они с Халом дети, думала Фреда, играющие в «маму и папу», но запах Хала никогда раньше так сильно не напоминал запах вязов.

После ленча она пошла вместе с ним на небольшой пригорок в самом южном углу их сада и следила за тем, как он устанавливает зуммер. Его руки двигались с ловкостью хирурга, он был без рубашки, и его похожие на натянутые канаты мускулы перекатывались волнами, то напрягаясь, то расслабляясь, освещаемые ярким солнечным светом. Микельанджело, вспомнила она его второе имя, и то, как он стоял, оглядывая сад, напомнило ей скульптуру, высеченную его тезкой. Его темные волосы лежали кольцами и, если бы он снял свои темные очки и прикрепил фиговый листок, он мог бы быть моделью для «Давида» Микельанджело.

— Растворитесь на траве, — сказал он, — расслабьтесь и наслаждайтесь окружающим. Но поглядывайте на зуммер. Детям он будет досаждать, и они могут ответить ударом на удар.

Он размотал шнур управления зуммером, чтобы оказаться подальше от прибора, и растворился на траве подле нее, облокотив голову на сгиб локтя и вперив взгляд в тюльпаны.

— Я настроил его на трехкратное облучение клумб по тридцатиградусной дуге.

— Это не причинит вреда тюльпанам?

— Нет, это им не повредит, но может сделать немножко больно. Если бы вы были собакой и оказались на их месте, то это могло бы заставить вас завыть. Если малютки вообще что-нибудь уловят, то это будет звучание на их частоте, но его смысла они

не поймут. Старина Пит хочет послушать, как они реагируют на незнакомый голос. Какой бы ни была эта реакция, она будет поймана микрофонами и записана. Если нам удастся расшифровать эти звуки, то, может быть, мы сможем разговаривать с ними на их частоте.

— Ну, Хал, вы даете! Да вы просто спятали.

— Ну, я включаю зуммер.

— Они не обращают никакого внимания.

— Да, кажется, они не реагируют. Может быть, для них это волчий свист. Они уже слышали этот звук раньше. Не кажутся ли они вам отсюда блестящими более ярко, чем обычно?

— Они прекрасны, — согласилась она, оглядывая всю панораму. Очевидно, цветы не реагируют на звук, но они несомненно реагируют на солнечный свет. Они переливались всеми цветами радуги. — Знаете, Хал, вы были правы, когда говорили, что мы, люди, можем заблуждаться, считая, что все окружающее враждебно. Не кажется ли вам, что мы без надобностиооружаем наши системы безопасности и похожи на пещерных людей, которые постоянно были предельно мобилизованы и готовы к обороне? Скорее всего, Вселенная и не враждебна и не дружелюбна, и мы могли бы работать с большей пользой для себя, считая ее дружелюбной; как вы думаете?

Она посмотрела в его сторону, но он оцепенело глядел на тюльпаны, а его рот кривился в какой-то дьявольской улыбке.

— Я думаю, Хал, мы с вами должны подписать некий договор о взаимообмане и согласиться воспринимать все, как относящееся к нам дружелюбно, до тех пор пока не будет доказано обратное. Мой пapa говорил, что со всеми женщинами он обращался, как с леди, до тех пор пока не женился. Конечно, он шутил... Хал!

На его лице все еще лежала печать какого-то сарднического оцепенения; она наклонилась и сняла с него темные очки. Глаза за очками не смотрели на сад, они вообще никуда не смотрели. Она радостно щебетала рядом с мертвым.

Фреда вынула из его руки шнур-удлинитель, смотала его и повесила на зуммер. Как-нибудь тайком она переправит его Питеру — это ведь несомненно ценная часть оборудования. Для истории этот прибор стал самым ценным устройством в мире, так как именно благодаря ему остались позади всякие сомнения относительно того, что эти цветы способны к общению; но об исторической ценности зуммера никто никогда не узнает, потому что смерть Хала осложнила дело.

Если будет установлена вина тюльпанов, они будут уничтожены, как вредные для земной среды. Крестоносцы вели войны за религиозные убеждения. На протяжении веков люди жертвовали жизнями за скульптуру, картину, памятник, за любые творения красоты, и Хал Полино был рожден нацией, которая, может быть, больше других пострадала, защищая красоту. Она не может не признать, что его смерть заняла достойное место в традициях его народа.

Фреда сложила треножник зуммера и разровняла траву там, где он стоял. Бросив прощальный взгляд на юношу, неподвижно уставившегося на цветы, которые любил, она пошла вниз по холму, унося аппаратуру.

Оглядывая участки с тюльпанами, казавшимися даже еще более красивыми, чем прежде, она знала, что никогда не позволит признать их враждебными по отношению к Земле. Ну кому из земных обитателей может понадобиться направлять высокочастотные звуковые волны на это многоцветье? У кого может возникнуть повод для этого? А о том, что Хал это делал, от нее никто никогда не услышит. Она не допустит, чтобы Карон-тюльпаны были казнены без суда и следствия.

Войдя в служебное помещение, она позвонила в следственное отделение и сказала дежурному офицеру:

— Говорит доктор Карон. В моей оранжерее пять умер человек, Хал Полино, студент.

— Мы прибудем тотчас, доктор.

Она положила зуммер обратно в его дорожную сумку и заметила в ней карманы для лент. Ставя сумку на рабочий стол Хала, она увидела лежавший на нем конверт с надписью: «Фреде — лично». Она открыла его и прочитала:

Дорогая Фреда.

Если я не вернусь с холма вместе с Вами, возьмите из сада ленты и положите их в сумку вместе с зуммером; позвоните в экспедиторскую и попросите к телефону Фреда. Скажите ему, что посылка готова.

Не будьте слишком строги к тюльпанам. Зуммер не причинял им вреда, но он ужасно их мучил. Кроме того, я в большом моральном долгу перед тюльпанами. Они были той золотой цепью, которая обручила мою душу с Вашей.

Как видите, я любил Вас. Глубоко под Вашей строгостью и внешним видом методиста я разглядел маленькую девочку, заблудившуюся и бредущую наугад, которую мне страстно хотелось взять за ручку и отвести обратно в ее вязовую рощу. Если Вы уже читаете эту записку, то знаете, что ни палки, ни камни, даже если они будут ломать мои кости, теперь не могут причинить мне боли, поэтому я стал дерзким и признаюсь в моей любви без страха перед Вашими правоучениями.

Горячо любимая, пусть дарует Вам Боже Ваши вязы везде и всегда.

Хал.

Она бережно сложила письмо и положила его обратно в конверт, а конверт опустила в карман рабочего халата. Потом поднялась из-за стола и пошла в сад собирать микроленты. Возвратившись, она сложила их в сумку и позвонила в экспедиторскую Фреду.

Фред пришел до того, как появились люди из следственного отдела, и забрал посылку. Пока люди старшего следователя ходили за телом Хала, она ответила на несколько вопросов следователя, касаю-

щихся времени смерти; он также хотел знать, не было ли это самоубийством, и поинтересовался, не заметила ли она чего-нибудь странного или необычного в поведении умершего перед смертью. Она честно ответила на все вопросы, но не добавила ни слова по собственной инициативе.

Через двадцать минут Фреда снова была одна.

Она подошла к дверному проему и выглянула наружу. Ей показалось, что тюльпаны подзывают ее к себе, кивая головками, и она пошла среди них. Наклонившись над самым отзывчивым участком, она прошептала:

— Он любил вас.

Крошечные голоски, покатившиеся прочь от нее, ответили:

— Он любил вас.

— Он любил нас, — сказала она, опускаясь на колени.

— Он любил нас.

— Мы любили его.

— Мы любили его... любили его... его.

— Я никогда не предам вас.

— Я никогда не предам вас... предам вас... вас.

— Я любила его!

— Я любила его... любила его... любила его... его.

Только два человека на Земле прониклись любовью к тюльпанам и, осознанно или неосознанно, любили друг друга, пока смерть не разлучила их. Тюльпаны сковали золотую цепь, и эта цепь не будет порвана, хотя теперь на Земле осталось два человека, которые знают, что тюльпаны способны убивать. То, что знает Питер Хенли будет скрыто той самой административной машиной, устои которой он вознамерился ниспровергнуть, а тюльпаны будут жить вечно, как ее сокровенная дань юноше, которого она втайне любила.

— Горячо любимая, пусть дарует вам Боже ваши вязы везде и всегда, — пробормотала Фреда, и ее железные нервы не выдержали. Она повалилась на брезент и, обхватив голову руками, заплакала, как она плакала под вязами, когда была ребенком. Вокруг нее плакали тюльпаны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Хотя Фреда понимала, что генератор прогресса должен работать без перебоев, ей было бы приятнее, если бы она услыхала хотя бы легкие перебои, когда в бункер отходов будет сбрасываться такая безгрешная личность, как Хал Полино. Направляясь читать свою пятничную лекцию по цитологии, она остановилась у доски официальных объявлений в административном здании. Борьба Гейнора за экономию, как она заметила, велась уже в полную силу. Он вывесил составленный в духе характерной для него оригинальности и отпечатанный на пишущей машинке призыв:

ВНИМАНИЕ! ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ!
МЕРЫ РЕЖИМА ЭКОНОМИИ ДОЛЖНЫ
ПРОВОДИТЬСЯ В ЖИЗНЬ ПРИ ЛЮБОЙ
БЛАГОПРИЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ. СБЕРЕЖЕННЫЙ
ЛИСТ КОПИРОВАЛЬНОЙ БУМАГИ —
ЭТО СЭКОНОМЛЕННЫЕ ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ.
ПОСПЕШИШЬ — ПРОГАДАЕШЬ. РУКОВОДСТВО.

Среди различных напоминаний и прочей ерунды она заметила приkleенное в нижнем углу простое объявление, обведенное черной рамкой:

Памяти
Харольда Микельанджело Полино
Родился 22 марта 2216 года.
Обрел вечный покой 16 марта 2237 года.
Погребальная месса в 10.30 утра,
в субботу 18 марта
в Соборе Святого Духа, Фресно.
Обеспечение фирмы Ханарихан Мортуарис,
470 Саттер-стрит, Фресно. Основана в 2218.

Она удивилась, что Хал Полино был верующим. Не то, чтобы она отнеслась к этому с неодобрением. Она и сама от случая к случаю посещала службы, объ-

единяющие вероучения всех церквей, в часовне на базе, но ее присутствие там было скорее данью формальностям, нежели проявлением религиозных убеждений. Религия была вне сферы ее научной работы.

Сейчас ей было приятно, что Хал оказался католиком, потому что это вероисповедание разрешало захоронение в земле в растворимых гробах. Она испытывала какое-то чувство удовлетворения, зная, что вытянувшись в длину скелет Хала на короткое время прильнет к чреслам Земли. Его кости будут ему памятником, и сколько будет жива Фреда Карон, столько будет жить и какая-то частица его души. Зимние холмы будут для нее немного зеленее, горы — более величественными, ее тюльпаны — более золотыми, потому что Хал Полино ходил по этой земле. Какой-то спазм, появившийся в горле, когда она остановилась перед доской объявлений, был очевидным доказательством ее соприкосновения с поэтом, и она выдохнула в голос всплывшие в памяти строки Хала: «Ты, смерть, гордись — теперь в твоих владеньях есть юноша, не знавший равных».

Когда она торопливо двинулась дальше, на ум пришла мысль: в предсказании на стене умывальной иды марта упоминались как день дурного предзнаменования. Именно в этот день родились планы, которые привели к его смерти шестнадцатого. Прорицательница дамского туалета не ошибалась!

Было не по сезону теплое субботнее утро. Из пустыни Мохава дул жаркий ветер Санта Ана, и Фреда решила выбрать для похорон какую-нибудь легкую одежду. Она надела черную юбку и белую блузку с широким воротом, который откидывался на черную пелерину с узким белым кантом и застегивался спереди двумя большими белыми пуговицами. Она выбрала белую плоскодонную шляпку без полей с черной кружевной сеткой, которая могла бы сойти за вуаль, и подходящие ей под пару белые кружевные перчатки. Вертясь перед зеркалом, она почти слышала голос

Хала: «Вы очень привлекательны, Фреда. Очень». Она понравилась бы ему в трауре.

Она умышленно вошла в собор одной из последних. Похороны всегда возбуждают эмоции, а проявление эмоций ее утомляло, особенно если умерший был молодым. Оказавшись внутри собора, она почувствовала, что смущает присутствующих слишком большим количеством белого в своем туалете и своими белокурыми волосами, и ей стало не по себе среди всхлипывающих людей; для нее было огромным утешением, что вынужденный официально присутствовать здесь Платиноголовый должно было чувствовать себя бросающимся в глаза еще больше нее. Месса читалась на латыни, и для большинства была непонятной, краткой и сдержанной, но только не для нее.

Едва Фреда начала вслушиваться в то, что говорил богато облаченный священник, как он стал размахивать над гробом кадилом, кропя его песком вместо святой воды из уважения к высокой растворимости прессованного нитрата натрия, из которого был сделан гроб. Затем пришедшие отдать последний долг усопшему опустились на колени, произнесли молитву, немного помолчали, и на том обряд был окончен.

Она подождала, пока доктор Гейнор пройдет боковым проходом между кресел, потом поднялась и вышла из собора, остановившись на минуту на верхних ступенях полюбоваться травой и свежей листвой деревьев. Сегодня вечером у них должно было состояться свидание в кафе Мексикали, но ей никак не удавалось примириться с сутью того предлога, под которым Хал уклонился от встречи.

Единственное, что она выиграла в результате его смерти, было право одеться в белое на свадьбе с Полом, думала Фреда. Была, правда, встреча с Клейборгом, но Клейборга она в расчет не принимала. Хотя она плохо разбиралась в подобных материалах, Фреда чувствовала, что женщина не должна нести ответственности за интимную связь, во время которой у нее не было никаких ощущений. Если подходить прагматически, у нее даже не было уверенности, что эта связь вообще была. Она была слишком пьяна,

чтобы хоть что-нибудь помнить, кроме нежности, с которой Ганс усаживал ее под душ, но там, в душевой, видимо, было нечто большее, чем только нежность, если верить той француженке из Библиотеки Конгресса.

— Вы очень привлекательны, доктор Карон, — послышался голос позади нее. — Черное идет вам.

Она повернулась и увидела Питера Хенли — уши оттопырены, кадык прыгает. Конечно же, пока она стояла, погруженная в раздумья, он крутился позади нее, изучая ее тылы.

— Доброе утро, мистер Хенли.

— Как плохо вышло с Халом, — сказал он.

— Смерть приходит ко всем нам, — утешила она его. — Рано или поздно.

— В девяноста девяти случаях из ста такая мысль утешает, — сказал он, — но не в случае этой смерти. Хал ведь мог что-то дать.

— Вы поставили на вашего доброго ослика, он не подвел, — сказала Фреда, — и что-то получили!

Питер окинул взглядом окружавшую их зелень и покачал головой:

— Он пошел бы на это вопреки моему совету. Мне казалось, что он торопится с экспериментом, чтобы поскорее вытурить меня из города; но маленькие наглецы его предали. Попспешишь — прогадаешь.

— Следователь сказал, что он умер естественной смертью, кровоизлияние в мозг, — сказала Фреда.

— Он умер от кровоизлияния в мозг, — сказал Питер, — вызванного излучением звука высокой частоты, сфокусированным на его зрительном бугорке.

— Вы обвиняете тюльпаны в убийстве? — притворилась Фреда удивленной.

— Разумеется, нет! — он посмотрел на нее с изумлением. — Как мне может прийти в голову обвинять в убийстве чертовы клумбы тюльпанов?

— Не может, — согласилась она. — Особенно если учесть, что вы проводите официально не разрешенное исследование в Правительственном Исследовательском Центре, не имея на то санкции Службы Безопасности.

— Слава Богу, меня не направляли сюда что-либо доказывать в суде, — сказал он. — Мне поручено доказать это только вам.

— Вам поручено! Кем?

— Клейборгом.

— Гансом?

— Да.

— С чего бы это неожиданное внимание со стороны человека, который даже не сообщает, получает ли он мои письма?

— Клейборг мыслитель... Не писатель.

— Вы говорите, у вас есть доказательство?

— В моей норе, в пяти кварталах отсюда. Но я без колес.

— Может быть, это какая-нибудь чертова методология Гранта-Клейборга, — спросила она заносчиво, — заманивания женщины в ваши апартаменты?

— Ничего подобного! — рявкнул он. — Ваше цемонудрие в этих апартаментах в полной безопасности.

Она заметила, что горизонтальные рули его кадыка стабилизировались и он перестал дергаться вверх и вниз. Либо Хенли действительно успокоился, либо это прием из прославленной алогичной методологии. Два месяца назад она пошла бы в эту его нору, не задумавшись, но Хал убедил ее в том, что внутри нее живет женщина, — о маленькой девочке она знала и без него — и после ухода Хала из жизни она хочет сохранить эту женщину для Пола. Но сейчас, если в это дело ввязался Клейборг, она должна получить это доказательство вины тюльпанов до того, как с ним познакомится Клейборг.

— Так и быть, — сказала она, — я подвезу вас.

Устраиваясь на сиденье рядом с ней, он начал — она была почти уверена в этом — с подходца:

— Хал был совершенно сражен вами, хотя, я уверен, вы это знаете и сами.

— Я догадывалась об этом не столько по его словам, сколько по жестам.

— Он считал ваше чувство юмора чем-то совершенно исключительным.

— Это все, что он находил во мне исключительного?

— Это все, что я обсуждаю с женщиной.

— Мое чувство юмора — это щит, — сказала она. — Мой ум — моя рапира, так что, мистер Хенли, давайте не будем обсуждать личности. Вы очень уязвимы.

Есть у него и еще одно уязвимое место, подумала Фреда, поворачивая на север в указанном им направлении. У него слишком оттопыренные уши. Если он предпримет лобовую атаку, она схватит его за уши.

Квартира Хенли была на десятом этаже дома с меблированными комнатами; в вестибюле, украшенном литографией в пластмассовой раме, изображавшей какую-то сцену в пустыне, стоял прикованный цепью диван, а у входа — клетка из пенополистирола, окрашенного под терракоту, с искусственным комнатным растением, напоминающим аспидистру азиатскую. Он провел ее через вестибюль и нажал кнопку лифта, который трясясь и стонал, пока его дверь со скрежетом не открылась. В тесноте кабинки их обдало запахом какого-то дезинфицирующего средства, и Хенли несколько оригинально перед ней извинился.

— Пьяницы, — сказал он.

Выйдя из лифта, они долго шли полутемным коридором до трехкомнатной квартиры, окна которой выходили на улицу, и это должно быть стоило австралийцу центов пятьдесят в месяц сверх обычной квартплаты. Все три комнаты были в беспорядке, какой трудно вообразить. Хенли водрузил складной карточный столик на низкий кофейный и таким образом соорудил трехъярусную, учитывая пол, стойку для электронной аппаратуры. Фактически, он проиграл свою войну за жизненное пространство: до сих пор Фреда считала, что удлинительные трубки держать на диване, а мотки проводов класть на стулья — не по правилам. Все электрические соединения были смонтированы на медузоподобном клубке проводов, свисавшем с единственного в этой комнате торшера. Вопреки тому, что она увидела, ей показалось, что он очень экономил электроэнергию, потому

что, когда они вошли, он включил только одну сорокаваттную лампочку верхнего освещения.

Она подождала, пока хозяин уберет разобранную колонку громкоговорителя с единственного мягкого стула и величественным жестом смахнет с него пыль носовым платком. Она приняла поданную им руку и, вынужденная совершать неимоверные па из кекуока, чтобы не запутаться в мотках проводов, добралась до этого стула. Когда она сделала последний пируэт и опустилась наконец на стул, ее взгляду предсталась спальня, где вся постель была завалена упаковочными коробками. У нее отлегло от сердца. Он говорил правду: в этих апартаментах с ее целомудрием действительно ничего не могло случиться, если только ему не придет в голову подвесить ее на стенных крюках.

— Теперь я понимаю, почему вы называете это вашей норой, — сказала она. — Вам приходится раскапывать ее вновь и вновь, когда вы в нее входите и когда выбираетесь из нее.

— Здесь действительно невообразимый кавардак, но в понедельник я сматываюсь отсюда.

— И фигулярно выражаясь, и в буквальном смысле, когда вы выдернете все эти провода из розеток, — согласилась она. — Итак, вы нашли неопровергнутое доказательство того, что тюльпаны общаются друг с другом?

— Ни одно доказательство не может быть неопровергнутое, ма-ам. Человек, который в четыре часа утра разбивает кирпичом витрину ювелирного магазина, может оказаться бейсбольным нападающим, разминающимся перед завтрашней игрой, — он стоял на цыпочках, задергивая портьеру и оставляя комнату освещенной единственной электрической лампочкой. — Я отредактировал и склеил ленты, которые вы будете сейчас слушать. Этот ящик рядом с телевизором превращает его кинескоп в спектрограф, так что вы сможете видеть то, что услышите из динамика. Свои формулы я вывел с помощью спектрографа. В понедельник я отправлю их вам по почте, и вы сможете приложить их в качестве одного из

обоснований теории Карон-Полино. Акустики вашего Бюро смогут их проверить... Ну, слушайте!

Он включил телевизор, и экран засветился, как только стоявший на телевизоре магнитофон начал прокручивать ленту. Звук шел из динамика, а по экрану зигзагообразно задвигалась черная линия.

— Я уменьшил высоту тона и понизил частоту, поэтому вы можете слышать звук и видеть его спектрограмму одновременно.

Изображение и звук повторялись. Звук шел в ритме радостного биения, напоминавшего звучание сгибаемой и разгибаемой ручной пилы.

— Для меня это звучит подобно древнегреческому, — сказала она.

— Нет, это больше напоминает мандаринский диалект, — поправил он, — грамматическая структура имеет сходство с китайской. Но... слушайте.

Внезапно линии на экране стали мелко вибрировать. Из динамика послышался ее собственный голос, — Хал Полино.

— Микрофоны поймали мой голос!

— Он звучит не на ваших частотах, ма-ам, — сказал он. Вдруг идущая из динамика китайская речь стала щелкающей и трескучей, похожей на восточноафриканский суахили.

Как только суахили стал снова превращаться в мандаринский диалект китайского, он сказал:

— Цветы пользуются вашей манерой произносить имя Хала, даже вашей интонацией. Тюльпаны давали предупреждение, как только он входил в сад. Повышение частоты тона — это смятение, означающее страх и сигнал опасности даже на языке кроликов. Однако слушайте.

Стаккато постепенно замерло, и пение возобновилось. Изображение на экране опять изменилось, и внезапно совершенно отчетливо она услышала сказанное Халом, но с каким-то женским звучанием его голоса, слово «Фреда».

Ее имя не сопровождалось щелкающей трескотней. Вместо этого песнопение стало немного более медленным, но и более ритмическим.

— Ваше присутствие их успокаивает, — сказал Питер. — Вы — воспитывающая их мать. Вы не в состоянии слышать эти звуки, но могли ощущать приятные вибрации в чувственных зонах вашего тела.

Она слушала, пока лента не кончилась и не по-гасло мерцание экрана.

— Эта лента была записана во вторник, в начале эксперимента, — сказал Питер, снимая бобину. — Начиная со вторника, тюльпаны стали успокаиваться в присутствии Хала, принимая его за отца. Именно тогда он стал чувствовать себя в безопасности.

— Но он не был в безопасности, — добавил Питер, ставя на магнитофон новую бобину. — Следующие звуки записаны от отдельных тюльпанов — вы сможете отличить голос мужского цветка от голоса женского. Не забывайте, доктор, то, что звучит при воспроизведении секунды, было записано в течение микросекунд.. Эта лента склеена из тех, которые вы прислали мне утром в четверг; они наиболее интересны с лингвистической точки зрения, потому что были записаны как раз перед самой смертью Хала.

Он включил аппаратуру, и из динамика вновь полилось знакомое песнопение; на экране появились какие-то стремительно перемещающиеся линии. Внезапно звук превратился в высокий жалобный вой, который достиг своего апогея и снова затих. В апогее мечущиеся линии сделались узкими, не шире следа жирного карандаша, а затем снова расширились, когда звук замер.

— Это первое облучение зуммером, — пояснил Питер. — Теперь послушайте реакцию тюльпанов.

Как бы пытаясь подстроиться под зуммер, тюльпаны заговорили чирикающим жужжаньем, которое отразилось на телевизионной трубке заметным сужением линий изображения. Несколько раз немного нечетко, но различимо, она услышала: «Хал Полино.. Фреда». Затем их звучание потонуло в жалобном вое, который опять дошел до своего максимума, оборвался, и наступила полная тишина.

— В течение второго односекундного облучения я записал один-единственный мужской тюльпан, — скороговоркой произнес Питер.

Очень отчетливо она услыхала, как ее голос сказал удивительным баритоном: «Хал Полино». В этом голосе прозвучала такая обреченность, что это заставило ее содрогнуться, и ей ничуть не помогло по-австралийски хладнокровное замечание Питера:

— Он делает выбор. Если бы он сказал «Фреда», эту ленту мы бы слушали с Халом... Начинается третье облучение.

И снова высокий вой дошел до своего пика и оборвался тишиной. Питер сказал:

— Теперь я записал на ленту все. Слушайте.

Сначала было тихо. Затем, в стереофоническом звучании, она услышала, как мужской тюльпан справа от нее сказал: «Хал Полино», — и далеко от нее слева как эхо прозвучал голос другого: «Хал Полино».

Теперь тишина казалась такой зловещей, как та, которая предшествует скрипу только что открытой и вот-вот закроющейся двери глубокой ночью, когда, внезапно проснувшись, в ужасе ожидаешь, что же произойдет, с застрявшим в горле пронзительным криком. На экране не было ничего, кроме белизны. Она ждала.

Вдруг, с мгновенным скрежетом чиркнутой спички, через экран метнулась черная полоска. И снова — только белизна и тишина, и Фреда сидела потрясенная промелькнувшим в ее подсознании зрелищем внезапной смерти.

— В ироническом плане, — говорил между тем Питер, выключая аппаратуру и начиная свой балет возле портьеры, — то, что вы слышали, было обменом мнениями цветов букета, выбирающего себе человека... Хал мог бы не пострадать, если бы остановил зуммер после второго облучения. Когда тюльпаны в третий раз попали под облучение, они не знали, прекратится ли это вообще. Два мужских цветка, находящиеся на внешних точках заметаемой зуммером дуги, триангулировали Хала, используя зрение, рентгеновские лу-

чи, тепловое восприятие — короче говоря, какую-то форму локации — и мгновенно убили его.

Он раздвинул портьеру, повернулся и, вытанцовывая на цыпочках, двинулся обратно, продолжая говорить:

— Они затихли перед залпом, чтобы накопить энергию. Тишина после сделанного объясняется необходимостью компенсировать потерю энергии. Самым важным с лингвистической точки зрения было их беспокойство и доводы, которыми они обменивались после первого облучения. Поскольку я знал, что они растения, я смог определить их язык очень четко, правда только математически, но вам большего для монографии и не надо. Когда я в понедельник выплю вам формулы, вместе с ними я пришлю требование Хала уничтожить эти тюльпаны.

— Но Хал любил их!

— Я знаю. Но я не давал ему зуммер, пока он не подписал это свое требование. Они обольстили его, воздействуя на отцовские чувства, точно так, как подловили вас на материнских. Еще неделя, и они поставили бы вас обоих перед алтарем и в конце концов заставили бы играть в «маму и папу» всерьез. Хал был не в состоянии это заметить, потому что он не относился к разряду мыслителей, но вы, я уверен, должны были что-то чувствовать.

Она в самом деле что-то чувствовала, подумала Фреда, причем с неотвратимой регулярностью и возрастающим удовольствием. Однако заговорила о другом:

— Когда вы намерены сообщить об этом Клейборгу?

— Я сообщил об этом вам, доктор Карон. Гансу Клейборгу никто ничего не говорит. Его только слушают. И не заблуждайтесь по поводу его неудачи в Сенате. Он будет иметь своих представителей на Флоре, даже если ему придется отправить экспедицию нелегально с помощью Космического Флота Иордании.

Он вложил обе ленты в посыпочную коробку, которую вытащил из-под низкочастотной звуковой колонки, и протянул ей.

— Пошлите их по Каналам для повторной оценки. Лингвисты сдадутся, а Министерство Здравоохранения, Просвещения и Социального обеспечения начнет задавать вопросы вроде — почему эти чертовы ленты не были правильно оценены с первого раза? И тогда я попаду в ад.

— Повредит это вашей карьере?

— Что проку в моей чертовой карьере, когда экология Земли уже привязана к столбу, под которым разведен костер? Если шеф попытается меня съесть, он очень удивится, узнав, что у меня есть друзья на высоких местах, когда я рассчитываюсь с ним пинком кенгуру, как говорят у нас, — по ту сторону шарика.

— Что такое пинок кенгуру?

— Сильный удар в голову, который вы даете бывшему начальнику, когда перепрыгиваете через него на более высокий уровень в структуре вашей организации.. Позвольте, я помогу вам выбраться из этих проводов, доктор. Я не хочу торопить вас, но похороны Хала задержали меня, и я должен работать, чтобы успеть все сделать.

— Вы сообщите о том, что Хал был убит?

Казалось, ее вопрос поразил его.

— Мое поле деятельности — лингвистика, а не расследование убийств. Я займусь полной расшифровкой их кода. Если вы опасаетесь предъявления обвинений, то забудьте об этом. Склейенные ленты не могут быть использованы в качестве вещественных доказательств в случае уголовного преступления, хотя они могли бы дать родителям Хала возможность получить солидную компенсацию за причиненный ущерб, если они предъявят гражданский иск.

— Так или иначе, — добавил он, когда она выпуталась из проводов. — Это не было убийством. Как Хал догадывался, тюльпаны обладают индивидуальным интеллектом, но действуют как единое целое. Вы не можете покарать целую армию за смерть единственного врага, особенно если армия действовала в порыве ярости, а не по злому умыслу. Я выведу вас на улицу. Внутри этого здания женщина не может чувствовать себя в безопасности.

По дороге она спросила:

— Вы думаете, Хал был гением?

Он на минуту задумался:

— Нет, его методология была слишком слабой. Вы можете оказаться гением. Гением могу оказаться я. Ганс Клейборг определенно гений.

Помолчав, пока они проходили через вестибюль, Хенли продолжил свою мысль:

— Хал был больше, чем гений. Он был последним представителем Ренессанса.

Время ленча Фреда провела в кафе во Фресно, нехотя глотая какую-то еду, вкус которой даже не могла разобрать, просто чтобы спрятаться от полу-денной жары и снова обрести чувство реальности, прислушиваясь к радостно-оживленной болтовне до-мохозяек и завсегдатаек женских клубов. Ее мучили дрожь от всплывавших в памяти звуков, которые она слышала в темной комнате, и возникавший внутри холодок, когда она вспоминала слова невозмутимого австралийца, который считает, что жизнь парня менее важна, чем лингвистические ключи к разгадке причины его смерти. Она была потрясена этим эмпирическим прагматизмом.

Только в половине третьего она оставила кондиционируемое помещение и вышла на тридцатишестиградусную жару, причем ртуть в термометре не собиралась опускаться. Это была рекордно высокая температура для 18 марта, как она услышала из автомобильного приемника, когда загоняла машину на автостоянку базы. Фреда помчалась в оранжерею, чтобы собрать окончательно отредактированные заметки Хала к «Исследованию коммуникации растений».

Она уже укладывала монографию в сейф, когда оранжерею потряс ошеломивший ее взрыв и послышался звон падающего стекла. Сперва она подумала, что атакуют тюльпаны, но стремительное движение горячего воздуха привлекло ее внимание к углу оранжереи, где в крыше зияла огромная дыра. Сопение и щелкание кондиционера, находившегося под этой дырой и работающего при явном превосходстве сил про-

тивника, вернул ее к нормальному мировосприятию. Она обратила также внимание и на сам кондиционер, который последнее время работал бесшумно.

Шумопоглотитель исчез, улетев через крышу и унесся с собой добрую часть ее остекления.

Фреда реагировала на разрушение так же спокойно, как на смерть Хала. Она подошла к телефону и позвонила в Службу Эксплуатации.

— Это доктор Карон из оранжереи номер пять. Шумопоглотитель моего кондиционера вылетел через крышу.

— О, черт, — сказал усталый голос на другом конце линии. — Хорошо, доктор Карон, я пришлю бригаду для ремонта крыши, но категорически отказываюсь ставить шумопоглотитель обратно на кондиционер. Какой-то дуралей вылез с этой блестящей идеей в январе.. Хорошо, доктор, я направлю вам бригаду, но держитесь подальше от других оранжерей.

С замиранием сердца Фреда вспомнила свой двойной триумф, когда через ящик предложений подала записку о ротации студентов и установке шумопоглотителей. Она подошла к дверному проему. Далеко внизу по склону холма раздался грохот, который свидетельствовал о взрыве в оранжерее десять. Правда, она не могла сказать наверное, была это десятая или одиннадцатая оранжерея. Место взрыва было трудно установить точно. Через несколько минут это уже не имело значения. Раскаты заградительного огня слышались сверху и снизу по всей линии оранжерей, по мере того как кондиционеры выбрасывали через крыши свои шумопоглотители. Она воочию видела взрыв оранжереи шесть. Тяжелый, обшитый асбестом ящик взмыл над крышей, пролетел над зданием десяток метров и упал обратно через другую часть крыши.

Фреда отвернулась и медленно вошла внутрь помещения. Считая по 228 долларов 00 центов в среднем на оранжерею за разбитое остекление и умножая на полтора, чтобы учесть разрушения от падения шумопоглотителей обратно на крыши, она получила сумму

5010 долларов, не считая работы. Два ее предложения стоили Бюро 5010 долларов убытка и одного многообещающего студента-аспиранта. Возможно, доктор Гейнор не ошибался, полагая, что как администратор она неопытна. Будущее Фреды не выглядело слишком многообещающим.

Она мрачно улыбнулась. Юмор — удивительная защита от превратностей судьбы, но давиться от смеха, будучи одетой для похорон, неприлично и чертовски утомительно.

При такой жаре оранжерея оказалась непригодной для творческой работы, хотя ни одному растению жара не угрожала, и Фреда вернулась в свою квартиру поработать над монографией. Если не считать дополнений, которые должен прислать Хенли, в этот вечер она закончила подготовку рукописи «Исследования коммуникации растений», заключив ее словами: «К величайшему сожалению, соавтор этой работы, Харольд Микельанджело Полино, студент-аспирант, занимавшийся зооботаникой, ушел от нас навсегда накануне ее публикации».

Она никак не могла отделаться от мысли добавить «убитый на передовом посту». Ей так хотелось бы видеть папу Полино удалившимся от дел и живущим в комфорте, но не ценой гибели Карон-тюльпанов.

Человеческие нужды мимолетны. Красота вечна.

В понедельник, впервые за последние две недели, во время завтрака доктор Гейнор остановился возле столика и пожелал доброго утра:

— Ну, доктор Карон, похоже, наши шумопоглотители сработали не так, как мы ожидали. Один только бой стекла унес к концу прошлой недели более десяти тысяч долларов и это в разгар моей борьбы за экономию... Что ж, доктор, век живи — век учись.

Посмеиваясь, он пошел прочь, а она отметила про себя, что он впервые позволил себе одно из своих избитых выражений адресовать непосредственно ей, причем пробормотал его с таким вопиюще открытым удовольствием и огромным наслаждением, на этот раз

нимало не заботясь о соблюдении административной вежливости. Одним своим посмеиванием ему как-то удалось подчеркнуть злонамеренность высшего свойства.

В понедельник Фреда пришла в оранжерею поздно. Она задержалась в бюро секретарского резерва, чтобы подобрать себе временную помощницу для ведения канцелярских дел, до тех пор пока ей не назначат нового студента-ассистента. Из четверых, с кем она поговорила, она выбрала темноволосую девушку по имени Жаклин Манетти, карие глаза которой напомнили ей глаза Хала и которая могла, по словам управляющего бюро, печатать под диктовку с «фантастической» скоростью.

Она сделала еще одну остановку — в дамском туалете, куда ее влекла необходимость разгадать неизвестно зловещую ухмылку на лице доктора Гейнора. Сивилла опять ее не обманула. Через весь верх приклеенного к стене листа паучьим неразборчивым почерком было широко написано: «Фреда, за этой тайной, страхами и гневом нет ничего, лишь Ужас Х большого... Друг».

Большим Х называли город Хьюстон в штате Техас, а Ужас — это нейропсихиатрический институт для душевнобольных. Хотя номинально этот институт существовал для лечения умопомешательств космического происхождения, НАСА любезно распространило его опеку и на работников, привлекаемых к участию в побочных внеземных программах Космического Агентства.

Итак, Гейнор задумал устроить слушание на предмет оценки душевного здоровья Фреды Карон; какой ловкий трюк. Если он вышвырнет ее открыто, ему придется признать, что он ошибался в оценке способностей Фреды, когда назначал на должность руководителя. А первое правило администратора гласит — перекладывай ответственность за ошибку. И Гейнор пытается переложить эту ответственность на расстройство психики доктора Карон.

Войдя в оранжерею, она увидела, что ремонтные работы закончены и кондиционер, бесстыдно обна-

женный без своего шумопоглотителя, третий день подряд мужественно сражается с Санта Аной. Она отправилась на тюльпановое поле проверить участок В, отметив по пути необычную активность ос, и обнаружила, что участок раньше срока разрешился выбросом семян, несомненно из-за жары. Но осы кружили над клумбами Д и Е. Удивившись, она пошла посмотреть в чем дело. Клумбы Д и Е тоже освободились от семян, а новые участки были приготовлены только для приема семян с участка В. Она поняла, что у нее в руках доказательство сильнейшего стимулирующего воздействия тепла на процессы созревания, но куда девались семена?

Быстро осмотрев приготовленные для приема семян с клумб В новые участки К и Л, она увидела, что ростки взошли в строго выдержанной осами геометрической гармонии и уже были высотой два-три сантиметра. Оказывается тепло стимулирует не только созревание, но и рост. Фреду не на шутку беспокоили семена с участков Д и Е. Осы несомненно перенесли их в траву, где почва не была для них подготовлена. Она вышла на траву и была вознаграждена за свое беспокойство, обнаружив блеск сочной зелени ростков Флоры среди скучной зелени земной травы. Подняв взгляд, она перевела его на серый свежевспаханный суглинок Сан-Джоакинской земельной компании и обомлела, увидев за изгородью сверкание зелени, разлившейся подобно рукавам речной дельты. Карон-тюльпаны посягнули на собственность земельной компании.

Фреда вернулась в служебное помещение, позвонила в Службу Землеобработки и попросила к телефону мистера Хокада. Он не сразу подошел к аппарату, и она поняла, что китайская карточная игра фан-тан в хибарке садовника была в самом разгаре.

— Мистер Хокада, как можно быстрее выведите дисковый плуг за изгородь и настройте его на глубину вспашки сантиметров двенадцать-тринадцать. За время уик-энда тюльпаны выселялись и вторглись на территорию Земельной Компании. Сами они еще там не сеяли?

— Нет, ма-ам.

— Благодаренье Небесам и за малые милости!..
Поспешите, мистер Хокада, и запашите эти ростки.
Теперь мне недостает только жалобы от персонала
Сан-Джоакин.

Она подошла к столу Хала поискать среди под-
колотых им бумаг какие-нибудь его заметки о стене
из брезента, которую он собирался сооружать, но
ничего не нашла.

Слабая методология Хала продолжает преследо-
вать ее, думала Фреда, усаживаясь за свой рабочий
стол, чтобы прикинуть потребность в материалах. По
мере того как медленно появлялись необходимые циф-
ры, у Фреды возникла даже определенная симпатия
к администраторам. Как раз на самом гребне борьбы
Гейнора за экономию, когда он обращался к персо-
налу базы, призывая экономить даже туалетную бу-
магу, разрушены крыши всех пятнадцати оранжерей,
а бывшая любимица из его административной коман-
ды подает заявку на полторы тысячи квадратных
метров брезента и двадцать столбов сечением двести
на двести миллиметров по десять метров длиной каж-
дый, которые на треть должны быть врыты в землю,
для чего, подсчитывала она, потребуется сорок меш-
ков цемента и две сотни 180-миллиметровых гвоздей.

Делая расчет, она сразу заполняла бланк требо-
вания, и когда услыхала характерное постукивание
самоходного дискового плуга, который мистер Хокада
вел вверх по холму от Северных ворот, требование на
материалы было уже готово для передачи машинистке. Поверх требования она положила записку для
мисс Манетти, в которой просила немедленно его
отпечатать и отправить в Службу Снабжения.

Сквозь дверной проем она могла видеть японца,
морщинистого, без рубашки, в широкополой плоской
соломенной шляпе, ведущего плуг под уклон к полу-
острову зеленого плацдарма за оградой. Она двину-
лась по направлению к нему, опасаясь, что, двигаясь
под уклон, он может не разглядеть всю, легкую, как
дымка, зелень, которую было необходимо запахать.
Ее надо запахать в первую очередь, чтобы избавиться

от этих вещественных доказательств за забором, а потом, на досуге, мистер Хокада сможет пахать внутри, если, конечно, Санта Ана не перестанет дуть.

Вероятно, он видел все достаточно хорошо. Подходя с востока, от внешней границы вторжения, он опустил впереди плуга диски. Едва она успела подумать, что ему должно быть очень жарко на верху этой стальной громады, как он, словно прочитав ее мысли, снял шляпу и, продолжая управлять плугом, стал ею обмахиваться. Обмахивался он как-то своеобразно, видимо, на восточный манер, не к себе, а от себя. Но когда его движения стали все более и более ускоряться, а размахи шляпы делались все шире и шире, она побежала к ограде, крича:

— Мистер Хокада, рулите прочь от ростков. Поворачивайте обратно, мистер Хокада!

Очевидно, он не слышал ее. Он спрыгнул на землю и закружился на месте, тогда как машина продолжала двигаться в направлении всходов. В ярком солнечном свете очертания его фигуры становились все менее и менее различимыми в уплотнявшемся вокруг него сером тумане.

— Бегите к северу, мистер Хокада! Не надо с ними бороться. Бегите!

Он не слышал ее. К тому времени, когда она добежала до ограды, от его безжизненного тела поднимался серый дымок. Она знала, что он вряд ли мог слышать ее крик сквозь жужжанье огромного роя ос, зажаливших его до смерти.

Вцепившись в ограду, Фреда наблюдала, как плуг продолжал двигаться в южном направлении, отклоняясь к востоку вниз по склону холма к бетонированной дренажной канаве. Она проследила, как он докатился до края этой канавы, и на расстоянии двухсот метров услыхала грохот удара, когда он рухнул на ее дно. Она смутно помнила, что такие плуги стоят что-то около семидесяти тысяч долларов, может быть, парой тысяч больше или меньше; но больше ее заинтересовало то обстоятельство, что, как она сама видела, вблизи плуга, нарезавшего бороздку на восточной кромке всходов, не было ни одной осы.

Тюльпаны не были знакомы с мистером Хокада. Теоретически, они не должны были отличить его от плуга. Очевидно, тюльпанам знаком облик врага, а их врагом был человек.

Фреда отвернулась и, шагая с трудом, направилась к служебному помещению, заметив мисс Манетти, появившуюся из-за угла и вошедшую внутрь. Она остановилась возле клумб В, пристально всматриваясь в цветы, танцующие в солнечном свете. Цветы были материами, которые защищали своих детей, как это делает каждая любящая мать; но пробудив и в ней материнские чувства, они поставили ее перед выбором решения в ситуации конфликта интересов. Смерть мистера Хокада сделала необходимость принятия решения неизбежной. Если агенты НАСА установят, что она скрывала угрозу благополучию человека, которую таит в себе эти экзотические растения, ее обвинят в уголовном преступлении.

Смерть мистера Хокада не утаишь.

Проходя среди цветов, она еще позволяла своим рукам играть их головками, но чувствовала при этом грусть прощания. Все, что можно теперь для них сделать, она делает: она гарантирует им мирную смерть.

Когда она вошла в помещение, мисс Манетти печатала требование. Фреда подошла к телефону и набрала номер следователя.

— Это доктор Карон. У меня в оранжерее номер пять мертвый человек, Раф Хокада, садовник.

— Не от вас ли, доктор, мы забирали тело в четверг?

— Да, но на этот раз захватите стремянку, чтобы перелезть через забор. Оно лежит за изгородью.

Она позвонила в Службу сельхозоборудования, чтобы сказать, где искать обломки плуга, а затем набрала номер Службы Безопасности Базы и попросила коммодора Майнора.

— Чему обязан за удовольствие слышать вас, Фреда?

— Разрушению и убийству, коммодор. Мои тюльпаны вышли из-под контроля. Если вы и капитан

Баррон составите мне компанию за ленчем, я дам вам подробное объяснение.

— Добро.

— Однако в данный момент мне необходим самолет-опылитель с двумя тысячами литров красителя марки 256 для растений, чтобы обрызгать мой сад и небольшую площадь за изгородью. Самолет мне нужен как можно быстрее, коммодор.

— Обычно, чтобы получить самолет, требуется два-три часа: самолеты шилотируются гражданскими, работающими по контракту с Флотом. Но думаю, смогу поднять один над вашим садом к тридцати тридцати. От северо-запада идет холодный фронт, который будет здесь около четырнадцати ноль-ноль, так что идущие с ним вихри помогут заставить пилота встряхнуться до их появления и поторопиться. Я отдаю приказ, но вы, Фреда, обязательно пришлите необходимые бумаги.

Краситель марки 256, вспомнила Фреда, вешая трубку, стоит по 75 центов за литр. За полторы тысячи долларов можно было бы купить огромное количество копировальной бумаги. Она надеялась, что борьба Гейнора за экономию оказалась успешной, потому что нуждалась в каждом десятицентовике, который ей удалось сэкономить.

Пока она готовила требование для передачи машинистке, вспомнила, как Питер Хенли говорил, что тюльпаны манипулировали ею, играя на материнских инстинктах. Их с Халом игра в «маму и папу» была плодом этого манипулирования. Смерть Хокада подтвердила, что цветы поляризованы по оси зарождение — материнство. Но эта их схема обернулась бумерангом. Только ее информация о тюльпанах может открыть ей дорогу на Флору, чтобы спасти Пола от орхидей.

Хал говорил, что орхидеи не могут предпринять атаку слабостей Пола, потому что у него их нет. Хал не прав. Орхидеи набрасываются на слабейший пункт Пола — его непроснувшееся либидо.

Интуиция и аналитическое мышление сошлись в ней воедино, и она совершенно точно знает, что если

отправится туда и станет для Поля полюсом обратного влечения, он не пропадет на Флоре, как те два флотских чина.

Пол не приглашал Хала Полино в орхидейные заросли, потому что не хотел, чтобы около его женщин увивался другой мужчина. Орхидеи пробуждают тайные пружины его либидо, и он будет бродить среди них как пораженный любовью и переполненный половыми гормонами шестнадцатилетний юноша до тех пор, пока с возрастом его руки не ослабеют настолько, что он не сможет поднимать их, чтобы склонять цветки себе на плечо и впиваться в них взглядом с той страстью, какую она видела в фильме и до сих пор не забыла.

Фреду уже мало заботило, как опыляются орхидеи. Она утрачивала научную любознательность по мере того, как в ней пробуждалась женственность, а вместе с ней страхи женщины, стремлению к материнству которой угрожают помешать. Либидо Поля принадлежит ей, но ей угрожает опасность потерять любимого среди цветов, поляризованных по оси чувственность — романтика.

Гейнор отказался направить ее на Флору по соображениям экономии. Он угрожает подвергнуть ее слушанию по поводу сомнения в душевном здоровье. Но она уже предприняла определенные шаги, чтобы сорвать намечаемое мероприятие. Вооруженная чертовой методологией Гранта-Клейборга, она совершила скачок кенгуру и сшибет его платиновую голову своей задней лапой во время прыжка. Она отправится на Флору с сектором Чарли, несмотря на то что его штат уже был в карантине и готовился к погружению в анабиоз. Она будет манипулировать манипуляторами.

Фреда повернулась к машинистке и протянула требования:

— Мисс Манетти, не согласитесь ли вы поработать сегодня вечером сверхурочно, если я предоставлю вам выходной на весь остаток недели?

— Конечно, доктор!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обед со старыми космическими волками был был благом для тех, кто следит за своим весом, решила Фреда за ленчем. Аппетит был испорчен — коммодор Майнор и капитан Баррон не проявили интереса к «Исследованию коммуникации растений».

— Я никогда не слыхал о растениях, которые общаются, — признался Майнор, — но вот думающие растения.. Скажите, Фил, вы бывали на планете Горький-3?

— А-а, да, — кивнул капитан Баррон. — Лозы-арканы. Необыкновенные растения.

— Что еще за растения-арканы на Горьком-3? — спросила Фреда.

— Паразитирующие на деревьях лианы-кровососы, — объяснил Майнор. — С полыми шипами. Они позволяли проходить под ними через джунгли целой шеренге людей, не причиняя им вреда; но стоило оказаться в этой шеренге китайцу, они тут же его заарканивали, поднимали вверх и высасывали из его тела все соки. Во вторую экспедицию не взяли ни одного китайца, но лозы-арканы все же разделялись с одним белокожим. Мы бросились изучать его досье и обнаружили, что он был вегетарианцем и большим любителем риса. Недостаток каких-то витаминов в организме из-за питания очищенным рисом привлек внимание лоз-арканов.

По их усмешкам она поняла, что это флотский юмор, но события последних дней притупили умение Фреды оценивать подобные вещи по достоинству. Однако они с удовольствием согласились представить ей свидетельские показания, о которых она их попросила. Устроившись на уголке стола, Майнор написал официальный документ: «Настоящим свидетельствую, что в 12.00 или около этого времени 17 января 2237 года, в присутствии доктора Фреды Ка-рон и капитана Филипа Баррона, Космический Флот Соединенных Штатов, я пел „Якоря на весу“ дуэтом с Карон-тюльпаном. Джон А. Майнор, коммодор, Космический Флот Соединенных Штатов».

«Настоящим свидетельствую, что присоединился к дуэту коммодора Майнора и Карон-тюльпана. Филип Р. Баррон, капитан, Космический Флот Соединенных Штатов».

— Это поможет вам оправдаться, — заметил коммодор. — Когда тебя допрашивают, хорошо иметь возможность оправдаться. Но лучше, чтобы никогда не допрашивали. Конечно, единственная цель этого фарса — добраться до вашего досье и подпортить его.

Фреда знала истинную цель предстоящего слушания, но была уверена, что подпортить ей досье они не смогут никогда.

Коммодор Майнор прибыл в сопровождении матроса на джипе связи в тринадцать ноль-ноль. Фреда объяснила коммодору, чего она хочет, и предложила поставить джип под навес для садового инвентаря, чтобы не забрызгать машину.

— Оранжерею я могу окатывать водой из шланга, когда он будет над ней проходить.

Майнор установил связь с самолетом, который пилот готовил к взлету, и для нее было просто утешением слушать краткие приказания коммодора, такие обезличенные и такие беспристрастные. Это отвлекало ее мысли от тюльпанов, гнувшихся под порывами дующего с востока горячего ветра Санта Аны.

— Алло, «Ангел», это «База». Как меня слышите? Прием.

— Алло, «База», это «Ангел». Слышу вас хорошо. Прием.

— «Ангел». Я поставлю проблесковый огонь. Когда заметите огонь, идите на него курсом точно двести семьдесят три на высоте тридцати метров. Обрызгивание начинайте за сто метров к востоку от проволочной ограды и прекращайте, когда окажетесь над оранжереей. Поворачивайте на юг и возвращайтесь в северном направлении вдоль восточной кромки проволочной ограды, начиная обрызгивание за пятьдесят метров к югу от полосы предыдущего обрызгивания, когда на траверзе окажется водонапорная башня.

Прекращайте пятьдесятю метрами севернее уже обрызганной полосы.

— Понято. Бусдел. Взлетаю. Пошел.

— На это уйдет около десяти минут, Фреда, — сказал коммодор и повернулся к матросу, чтобы дать ему команду, где установить проблесковый огонь. Фреда, словно монахиня, целиком ушедшая в себя, едва слышала коммодора; она в последний раз общалась с цветами.

Она понимала, что они манипулируют ее материнским инстинктом, но и человеческие дети способны на такой обман, так за что же винить тюльпаны? Материнская любовь — это и материнская обязанность. Дети — они во всей Вселенной дети. А эти тюльпаны еще и восхитительные дети. Если бы эти цветы умели обуздывать свою одержимость убивать, они вытеснили бы кошек в привязанностях старых дев.

Если бы Хал был не просто любящим отцом, но еще и проявлял бы твердость, эта красота могла бы не исчезнуть с лица Земли. Но он торопил с экспериментом, стремясь выдворить Питера из города до субботнего вечера, чтобы сыграть свою мелодию, которую сочинил-то в мексиканском борделе, только ей одной. Теперь, пусть Хал мертв и покойится в земле Фресно, он все равно остается живым доказательством того, что Старый Город — не то место, где стоит проводить ночи. В некотором смысле знаменательно, что объявление о его похоронах появилось на доске для официальных сообщений прямо под призывом «ПОСПЕШИШЬ — ПРОГАДАЕШЬ».

Глядя в последний раз на тюльпаны, Фреда чувствовала себя Медеей, со спокойным сердцем убивающей собственных детей и не рвущей волосы на голове. Исчезнет не только эта красота, навсегда порвется та золотая цепь, которая обручила ее душу с душой Хала. Еще раз взглянув на клумбы, она внезапно поняла, что само обручение для нее менее ценно, чем обручальное кольцо, но гул самолета помог ей отгородиться от льстивых нашептываний тюльпанов, одолевавших сознание, и она выпрямилась, подняв взгляд к небу. Из этого хаоса гибнущих зелени

и золота поднимется новая Фреда, больше уже не девчонка-карьеристка, а преданная жена и мать. Она очень надеялась, что Пол оценит эту ее жертву.

Самолет-опылитель появился с востока и делал последний вираж для выхода на курс. Из визжащего в джипе ящика послышался голос пилота, сообщавшего, что он заметил проблесковый огонь, и она наблюдала, как он стал снижаться. Вопреки твердому намерению не делать этого, Фреда украдкой бросила последний взгляд на тюльпаны, танцующие и гнувшиеся под ветром.. Нет, они гнулись не от ветра! Она с ужасом следила, как тонкие шейки стеблей над воздушными камерами, изгибалась дугой навстречу ветру, направляли цветки на восток, и она пронзительно завопила:

— Коммодор! Тюльпаны!

— Вы на курсе, идете... — говорил коммодор пилоту, когда вопль Фреды заставил его взглянуть на клумбы. Темп его голоса ничуть не изменился: — Отбой боевого задания, «Ангел». Отбой! Сигнал тревоги. Я повторяю, отбой.

В тысяче метров от них пилот повторил:

— Понято, «База». Бусдел.

Маленький самолетик медленно отворачивал к югу, и у Фреды вырвался вздох облегчения, который тут же замер от ужаса, перехватившего дыхание, когда нижнее крыло самолета рассыпалось на куски и отвалилось. Пилот летел слишком низко, чтобы выброситься с парашютом, поэтому он повел машину на снижение. Падая по кругой дуге, самолетик удалился о землю носом, перевернулся через оставшееся крыло и хвост и разбился в щепки о дно той же канавы, где уже лежал плуг Бюро Экзотических Растений, выбросив гейзер красителя для растений.

По-прежнему без спешки и нарушения спокойствия, но очень быстро, коммодор переключил канал связи и начал вызов:

— Срочно пожарно-спасательную партию. Срочно пожарно-спасательную партию. «Ангел» упал, квадрат D, координаты L-21. Повторяю, квадрат D, коор-

динаты эль-тире-два-один. Срочно пожарно-спасательную партию.

Фреда оставила коммодора и направилась в служебное помещение; уже входя в него, она услыхалавой сирены Центра Безопасности Базы. Мисс Манетти, уже освоившаяся в оранжерее пять, не дрогнув, продолжала печатать записку об аннулировании требования на брезент. Фреда набрала номер следственной службы и сказала:

— Это доктор Карон, у меня мертвый..

— Я знаю, доктор, — ответил дежурный следователь. — Со стремянкой или без?

— Со стремянкой, — ответила она, — и еще трехметровой лестницей.

— Ну, как я понимаю, это окончательно подтверждает справедливость теории Карон-Полино, — заметил коммодор Майнор, входя следом за ней в помещение.

— Коммодор, вы собираетесь давать показания об этой трагедии Флоту, не так ли?

— Конечно, — ответил коммодор, — этот инцидент привел к смерти гражданского лица. И мне потребуется ваше подтверждение очевидца. Я сделаю заявление в десяти копиях.

— А не воспользоваться ли услугами мисс Манетти? Мы сделаем заявление, пока все еще свежо в памяти. И мне хотелось бы иметь одиннадцатую копию, как дополнение к моей монографии.

— Конечно, Фреда. Пока я диктую заявление, позвоните в Службу Эксплуатации и сделайте устный запрос на дистанционно управляемый бульдозер с видеомонитором. Скажите, чтобы обложили мешками с песком карбюратор и систему зажигания. Мы снесем ограду и превратим в кучу мусора всю площадь, занятую тюльпанами. Если хоть один из них останется на этой планете до утра, я дезертирую на Марс.

Пока коммодор диктовал то, что должно было стать последним и окончательным аргументом «Иследования коммуникации растений», она дозвонилась до Службы Эксплуатации. Впервые за время работы в Бюро она столкнулась со слабым местом в

расхваливаемой Гейнором эффективности управления базой.

— Доктор Карон, — сказал управляющий эксплуатационной службой, — три бригады все еще ремонтируют оранжереи, одну я назначил вытаскивать из канавы плуг, и мне только что позвонили из Безопасности: они требуют вытащить из нее еще и самолет. Это моя последняя бригада.

— Сэр, я не имею права давать вам советы, как выполнять ваши обязанности, — резко сказала Фреда, — но тот же кран, которым вы поднимаете плуг, можно использовать и для подъема самолета, они лежат в одной канаве не далее десяти метров друг от друга.

— О, — раздосадованно сказал управляющий, — в таком случае, я достану вам бульдозер, он будет надлежащим образом оснащен и защищен мешками с песком, примерно через час; правда, ремонт ограды займет немало времени, но я надеюсь управиться с этим до наступления ночи.

— Увидим, как вы будете действовать, — оборвала разговор Фреда и повесила трубку.

Он еще рассуждает об эффективности! Первое правило самого первого букваря по административным методам гласит: будь готов к любым непредвиденным обстоятельствам. Подобные проблемы необходимо предвидеть заранее, подвергать их предварительной модельной проверке и анализу на предельные перегрузки, а когда возникает необходимость, просто пользуясь созданными таким образом компьютерными банками данных, выбирать уже разложенные по полочкам ответные меры. И этот Чарльз Гейнор собирается устраивать слушание на предмет ее умственного здоровья! Хорошо, что она решила разделаться с ним сама, иначе ей пришлось бы писать письмо своему конгрессмену, но за то время, пока идет письмо, ее жалоба превратилась бы в жалобу на мертвеца.

Она еще кипела от злости, когда рассыльный привнес конверт с пометой «Срочно и крайне важно». Она распечатала его и прочитала:

Доктору Фреде Карон Руководитель Бюро Экзотических Растений посыпает свое приветствие.

Настоящим Вам предписывается отчитаться передо мной от 4.58 до 5.24 во вторник 21 марта 2237 года, представив доводы, которые воспрепятствовали бы освобождению Вас от всех обязанностей по причине душевной и/или эмоциональной недееспособности. Слушание будет происходить в присутствии медицинской администрации Бюро.

Директор Чарльз К. Гейнор,

Руководитель Бюро Экзотических
Растений Министерства Сельского
Хозяйства Соединенных Штатов

Вот и пришло подтверждение правоты прорицательницы. Положив письмо в портфель, она повернулась к мисс Манетти, чтобы закончить диктовку своей части показаний о катастрофе и гибели пилота. Когда мисс Манетти приступила к печатанию окончательного варианта, Фреда поделилась с коммодором своими соображениями о печальном положении дел в Службе Эксплуатации. Он разделил ее возмущение.

— Флот никогда бы не допустил такого неэффективного обслуживания, — сказал он.

Она проводила коммодора до джипа, и они некоторое время постояли молча, наблюдая, как санитары следственной службы перетаскивают через ограду носилки и лестницу. Коммодор Майнор заверил ее, что проследит, чтобы бульдозеристы не сравняли с землей ее оранжерею. Перед тем как попрощаться, он втянул ноздрями воздух.

— Похоже, холодный фронт уже здесь. С Санта Аной покончено.

Она поблагодарила коммодора Майнора за его усилия и возвратилась к себе в кабинет, размышляя о странностях методологии Флота. Коммодор Майнор втягивал ноздрями воздух, чтобы выяснить, покончено ли с Санта Аной, тогда как с океана уже дул холодный ветер, высокая облачность пеленой застилала солнце, а термометр падал со скоростью оседающего Карон-суфле.

Теперь только время определяло, быть или не быть победе, и Фреда целиком ушла в работу по завершению «Исследования коммуникации растений». Она испытывала удовольствие от работы, утоляющей боль, когда до ее слуха донесся лязг бульдозера за оградой, а потом грохот гибели самой ограды под ударом щита бульдозера. Тяжелая поступь полосуящего суглинок трактора вмешалась в мерное гудение пишущей машинки мисс Манетти и начисто остиригла золотое руно красоты, тепло которого до сей поры согревало ей сердце.

Она старалась не думать о том, что происходит снаружи, но когда мисс Манетти попросила и, конечно, получила заслуженный перерыв, творимое за дверью стало вызывать у Фреды невыносимо сильное отвращение. Машинистка, выходившая понаблюдать за работой бульдозера, вернулась с охапкой Карон-тюльпанов.

— Они так прекрасны, доктор, что я собрала букет, но посмотрите, как они быстро вянут.

Фреда посмотрела на мертвые тюльпаны, и ее мечта о красоте окончательно умерла. Смерть каждого из них в отдельности выглядела трагично. Масса их трупов вызывала только отвращение. Стебли, которые только что были такими упругими и блестящими, отливали зеленью гнили, а головки свисали из рук девушки с какой-то вялостью слизи.

— Бога ради, выбросьте куда-нибудь эту гадость, мисс Манетти. Через час они будут дурно пахнуть.

Когда мисс Манетти отправилась выполнять ее указание и совершенно безнаказанно прошла вдоль еще не поврежденных клумб А к мусорному бункеру, Фреда вспомнила, что машинистку никто не предупреждал об опасности; но опасности и не было. Фреда посмотрела на наружный термометр за дверным стеклом. Он показывал 20° , и она едва справилась с перехватившим ей дыхание ощущением ужаса. Пилот-опылитель погиб, торопясь опередить холодный фронт, который сделал бы его работу ненужной. Бульдозер, лязгающий за дверью, вполне заменили бы три садовника-японца, которые при двадцатиградусной

температуре работали бы в полной безопасности. Мистер Хокада встретил смерть утром, тогда как, если бы она позволила ему закончить игру фан-тан, он остался бы жив, сделав работу во второй половине дня.

Поистине, поспешишь — прогадаешь!

Ее мысли не переставали водоворотом кружить вокруг мертвого пилота и погибшего утром мистера Хокада. Что-то от них все же останется, утешала она себя, хотя бы в делах гражданского суда. Два мертвых человека, не считая Хала Полино, которого она уже учла, это предъявление иска еще на два миллиона долларов за возмещение ущерба, причиненного Бюро семьям покойных, как только монография Карон-Полино будет опубликована. Мистер Харольд М. Полино-старший должен будет, по крайней мере, потребовать именно столь большую сумму, если он обратит внимание на отпечатанный на пишущей машинке совет «друга», который получит с завтрашней почтой.

Сделав часовой перерыв на обед, Фреда и машинистка вернулись к прерванной работе. В десять вечера монография и ее четыре копии, законченные и сброшюрованные, лежали перед ней на письменном столе: оригинал — для архива Бюро, одна копия — для НАСА, вторая — для Министерства Сельского Хозяйства, третья — в Правительственную типографию и последняя — Гансу Клейборгу. Оригинал и три копии она отдала ночному дежурному офицеру, зайдя в административное здание вместе с мисс Манетти, и вписала их в перечень срочных почтовых поступлений, чтобы обратить внимание доктора Гейнора. Распрощавшись с машинисткой, она зашла в почтовое отделение и опустила пакет, предназначенный для Ганса, в ящик для бандеролей с надписью «срочные». Было уже больше одиннадцати, когда она наконец дотащилась до постели. Последние пять дней были переполнены делами, подумала она, но самый деловой день — шестой — наступит завтра.

Как и положено руководителю, у доктора Гейнора была привычка являться на работу рано утром, чтобы иметь час «чистого времени» перед завтраком. Доктор Гейнор проявлял особый интерес к публикациям своего научного персонала. Если кто-то из его «команды» не публиковался, по крайней мере, хотя бы раз в год, он подвергался нескончаемым и хорошо подделываемым под объективность нападкам доктора Гейнора, потому что солидная доля престижа любого Бюро зиждется на числе публикаций его сотрудников, представленных в Правительственное издательство. Фреда отправилась завтракать рано и, дожидаясь утреннего приветствия ее главного администратора, оставалась в столовой долго, но за завтраком доктор Гейнор не показался.

Доктор Гейнор пропустил и ленч.

Где-то в переложении Священного Писания для администраторов сказано: «Что проку руководителю чего-то добиваться для Бюро, если он потеряет при этом свой кабинет?». Направляясь из дамского туалета в кабинет Гейнора для назначенного слушания, Фреда засомневалась в Священном Писании. Этот библейский принцип был проповедью заинтересованности и беспокойства о сохранении заинтересованности; но чувства убеждали ее в том, что Библия глубоко ошибалась. Не заинтересованность высвобождает энергию, устраниет преграды и открывает лучшие перспективы по законам этики. Самый лучший администратор тот, символом авторитета которого является указательный палец, выставленный вертикально вверх из крепко сжатого кулака.

Представляя себя в мантии нечестивости, как бы наброшенной на ее светло-зеленое платье, Фреда приближалась к апартаментам руководства слегка вприпрыжку в своих зеленых замшевых туфлях, ощущая прилив жизнерадостности, который дало ей оставленное на стене туалета сообщение сивиллы: «Дорогая Фреда, белоголовый сломался, слишком глубоко погрузившись в чтение книги. Друг».

Вокруг миссис Везервакс витало высокомерие такой холодности, что в первый момент Фреда перепу-

галась, но знающая свое дело секретарь удостоила вошедшую в приемную Фреду поклоном, который мог бы повредить ей шею. «Как ведет себя Везервакс, так же поведет себя и Гейнор», — вспомнила Фреда. Холодным голосом ответственного секретаря она сказала:

— Доктор Карон, доктор Гейнор в настоящий момент занят и находится в своем внутреннем рабочем кабинете. Однако доктор Беркли уже прибыл для вашего слушания, и я уполномочена предложить вам войти.

Провожая Фреду до двери, миссис Везервакс, не шевеля губами, говорила уголком рта:

— Они намеревались сделать из вас мишень для метания дротиков, но вы подбросили им гранату. Оловянноголовый здесь с полуночи.

Она придерживала дверь открытой, на лице была глубочайшая отчужденность, а из чревовещающих губ Фреда услышала:

— Не церемоньтесь с этими ублюдками, Фреда!

Психиатр работал над кроссвордом, приколотым к демонстрационной дощечке, сидя нога на ногу на стуле с прямой спинкой вполоборота к другому устройству для сиденья, приготовленному для Фреды перед письменным столом. Это устройство было чем-то вроде шезлонга, отделанного черной кожей, но настолько неприлично напоминающим кушетку психиатра, что она едва не лопнула от бешенства: психологическая война, грубая попытка запугать ее, как только она увидит это!

Вместо того чтобы скромно сесть, свесив с шезлонга покачивающиеся ноги со сведенными вместе коленями, она забралась в него со стороны Беркли, так махнув при этом ногами, что перед его взором быстро промелькнула внутренняя сторона ее бедер. Она лениво развалилась в шезлонге и заговорила совершенно без дрожи в голосе:

— Не нуждается ли безнадежно влюбленный в совете, Джим?

— Так-так. — Еще не оправившись от только что виденного водоворота ее ног и пытаясь заставить себя

смотреть ей в глаза, он сказал с деланным равнодушием: — Вы таки решились предпринять какие-нибудь действия в ответ на мою служебную записку?

— Нет, но готова выслушать ваши признания. В Старом Городе есть очаровательное кафе — Мексикали — с отдельными кабинетами на галерее. Вы любите мексиканскую музыку?

— Я готов немного потанцевать под нее прямо сейчас! — воскликнул он. — Позвольте мне позвонить вам после слушания?

— Звучит довольно странно, разве что меня уже признали дееспособной. Вы ведь знаете, что ждет психиатра, который злоупотребит доверием недееспособной пациентки.

— Между нами — и микрофоном Гейнора — я не думаю, что у старика есть что-то против вас, и я начинаю понимать, что такое, подчеркнуто... Но в связи с чем столь внезапная перемена отношения к моей служебной записке?

— О, Джим, — сказала она. — За последнюю неделю я видела так много смертей и разрушений — три человека и пятьдесят тысяч тюльпанов, — что я пересмотрела взгляды на жизнь, прибегнув к принятию точки зрения фроммизма. Если мне дано сделать что-то, чтобы внести в этот мир хоть толику счастья, я была бы рада, при всей малости моих возможностей, сделать это... Утром, когда я влезала в это мое платье, я думала о вас, Джим, о вашей философии любви. Я знаю, что у вас были проблемы при попытках дать ход вашей программе, и я подумала, что каждый идет со своими проблемами к психиатру, но никто не удосуживается хотя бы подумать, что у психиатра тоже есть проблемы. Поэтому я решила объявить свою собственную маленькую «Неделю добра к психиатрам» и помочь доктору Беркли в решении его проблем.

— Фреда, — он клонился вперед, весь натянутый, с бусинками пота, начавшими течь по лбу, хотя кондиционер работал исправно, — одно из первых правил психоанализа требует абсолютно искреннего отношения к аналитику, поэтому я выкладываю вам напрямик: я держу вас под колпаком психиатриче-

ского наблюдения с 15 марта. — Ага, подумала Фреда, вот они, иды марта! — И некоторые ваши действия были несколько необычными, не только с моей точки зрения, потому что меня интересовала лишь странность поведения, но и с административной точки зрения, а это плохо, потому что центр тяжести практики психоанализа наших дней шарахнулся в сторону административных умопомрачений, а некоторые из ваших требований были, прямо скажем, какими-то телегами, — тут другого слова и не подберешь, — в общем, были чем-то замечательным в своем роде, но между нами, — и микрофоном Гейнора, — я член Американской Медицинской Ассоциации, и я давал клятву этого грека... Гипо... Гипо...

— Гиппократа, — помогла ему Фреда.

— Да, именно его я и имел в виду. И я не наруши ни мою клятву Гиппократа, ни Этический Кодекс Медицинской Ассоциации. Тем более не нарушу ради Чарли, нет! Вот вы, совсем другое дело. Моя клиническая практика подсказывает мне, Фреда, что вы нормальны... Вы не просто обычный нормальный человек, вы абсолютно нормальны... Сказать вам правду, Фреда, я никогда не видел настолько нормальной женщины, насколько нормальны вы, за всю свою двадцатилетнюю практику. Ну а эта мексиканская музыка... Я умел танцевать ча-ча-ча до того, как постиг румбу, танцевал румбу до того, как научился двигаться в танго, но после танго я добрался до болеро с таким плавным скольжением, какого вы никогда не видели, поверьте мне! Это своего рода сочетание вальса и фламенко, и я умею танцевать в этом ритме...

Он уже загорелся, подумала она. Он облизывал губы в такт движению бедер, которые уже танцевали под музыку несуществующих музыкантов, когда отворилась дверь внутреннего кабинета и доктор Гейнор прошествовал к своему столу. Такого доктора Гейнора прежде Фреда не видела.

Его административная любезность была похожа на невидимую маску на его лице, делавшую его неподвижным, но глаза этой маски отказывались изо-

брожать глубину, и из-за их прозрачности сквозь невидимую маску проступала рыжеватая щетина небритого лица. Острословы умывальной не ошибались: Гейнор был рыжий.

Он нес копию «Исследования коммуникации растений», робко держа ее перед собой, положил книгу на стол и долго аккуратно выравнивал ее со своим блокнотом для заметок. Когда монография оказалась уложенной настолько ровно, что это его наконец удовлетворило, он поднял глаза и сказал:

— Доброе утро, доктор Карон.

— Добрый день, доктор Гейнор.

Он взглянул на доктора Беркли и, еще не садясь, сказал:

— Джеймс, я понимаю, что ваши показания мало что будут для меня значить. Во всяком случае, назначенное слушание стало чисто административной проблемой, и я в состоянии провести его, не прибегая к чьей-либо помощи. Вы можете быть свободны.

— Спасибо, Чарли, — сказал доктор Беркли, поднимаясь, — а с вами, Фреда, я еще надеюсь увидеться.

Он удалился, нежно мурлыча себе под нос «Мексиканскую розу».

Как только за ним закрылась дверь, Гейнор сел, посмотрел на нее и сказал:

— Доктор Карон, вы должны согласиться, что у меня вполне достаточно оснований для признания вас неспособной вести дело и сбившейся с пути истинного, базируясь на одних ваших требованиях. Можете вы мне сказать, доктор, где я возьму вам полторы тысячи квадратных метров брезента и двадцать восемь телеграфных столбов нестандартного размера для его растяжки?

— Аннулирование этого требования уже направлено по каналам, — сказала Фреда.

— Прекрасно, забудем о нем! Взгляните на повреждения: крыши пятнадцати оранжерей, одна оранжерейная ограда, один механический плуг, две тысячи литров нитрата натрия, ограда земельной компании, один самолет! Осмелюсь сказать, доктор,

расходов такого масштаба на устранение повреждений не было со времен взрыва реактора в Сан-Педро, — он наклонился вперед и легонько постучал изгрызанными ногтями по ее монографии, — но все эти наши маленькие перерасходы превращаются в ничто по сравнению с этим! Этот трактат возлагает на Бюро ответственность за погашение страховых сумм в четыре миллиона долларов по гражданским искам.

— Доктор Гейнор, это попытка, — поправила его Фреда, — переложить административные заботы на научную деятельность, но с научной ценностью эксперимента Карон-Полино ничего, совершенно ничего не поделаешь.

— Признаю, доктор Карон... Признаю! Но я-то буду разут-раздет. Если я даю ход этой монографии, одобряя ее, то тем самым принимаю ответственность на Бюро. Воспользовавшись этим, истцы смогут объединить свои малые иски в претензионном суде.

— В таком случае, доктор Гейнор, я предпочитаю не иметь вашего одобрения. Одобрение научной деятельности способствует общенациональной популярности публикуемой монографии, дает признание работе, которая без него несла бы на себе клеймо позора дешевой сенсации. Я предлагаю дать ей ход без вашего одобрения.

Фреда чувствовала, что ее слова до него не доходят. Он смотрел на нее не мигая, но ее он не видел. Кататония, подумала она, но когда он заговорил, в его голосе звучали признаки надвигающейся шизофрении:

— Если я не дам одобрения, а работа получит широкое признание, — доктор Гектор уверил меня, что так оно и будет, — и будет признана ценным вкладом в науку, — акустики не сомневаются в этом, — то в определенном месте встанет вопрос о моем соответствии занимаемой должности руководителя научного бюро, и надо мной неотвратимо нависнет опасность правительенного разбирательства... Да, да, Фреда, вы и этот молодой человек — Питер

Хенли? — вы поставили меня перед выбором: либо изойти испражнениями, либо иссякнуть потом.

— Вы знали о мистере Хенли?

— Да, да. Вы находились под психиатрической крышей. На этой базе мало что остается незамеченным для вашего главного администратора... Я не сомневаюсь в отмене вето Бюро Лингвистики в течение ближайшей недели или дней десяти... Ну а что касается сферы психиатрии, вы должны согласиться, что ваше поведение вызывало определенное недоумение, несмотря на восхищение Боба Беркли вашей абсолютной нормальностью. Да и некоторые ваши действия были странными, даже слишком.

— Как, например? — перебила его Фреда вопросом.

— Ну, вы разговаривали с тюльпанами. Это же факт, что вы нашептывали им нежные слова. В монографии нет ничего такого, — он снова постучал пальцами по книге, — что говорило бы о том, что вы умеете разговаривать на их языке. О том, что они общаются друг с другом, — да. Но о том, что они могли бы говорить с вами, — нет! Даже без всякого предубеждения необходимо признать, что женщина, которая ходит беседовать с цветами, скорее всего, не в себе. Такие предположения могли быть сделаны, доктор. Предположения могли быть сделаны.

— Тогда ваши предположения необходимо распространить и на этих двух джентльменов.

Она достала из портфеля свидетельское показание Майнора и Баррона и протянула ему:

— Едва ли общение со множеством тюльпанов отразилось только на моем душевном здоровье, если два столь известных джентльмена стали петь «Якоря на весу» вместе с одним-единственным Карон-тюльпаном.

— А-а, Флот! — Он с явным отвращением отшвырнул показание в ее сторону. Она качнулась в шезлонге вперед, чтобы подхватить его, и поднялась пересесть на стул, пододвинув его поближе к столу. Доктор Гейнор нуждался в кушетке несомненно больше, чем она.

— Но вы ничего не сказали о черной коробочке, которую вы с Полино брали с собой на холм, — сказал он затравленным голосом, — когда следователь допрашивал вас в связи со смертью Полино.

— В стандартных правилах следственного дознания не говорится ничего о том, что я должна отвечать на незаданный вопрос. Формального допроса не было. Для них это осталось бы элементарным случаем естественной смерти, если бы черная коробочка не была упомянута в монографии с описанием всех мельчайших подробностей.

— Да, да. Я понимаю. — Он озирался кругом, словно выискивал притаившегося соглядатая; понизив голос, Гейнор сказал: — Доктор Карон, давайте оба будем благоразумны. Я откажусь от всех обвинений...

— Какие обвинения? Я здесь для слушания на предмет моей дееспособности.

— Я не собирался поворачивать дело именно таким образом... Послушайте, я — человек. У меня есть надежды и опасения, да, и амбиции, как у любого другого. Когда я начинал свою карьеру, я не был особенно одаренным, или талантливым, или слишком смысленным. Но я был практичным! Я стал специализироваться в административной сфере. Люди, похожие на вас, и Гектору, и Полино... Да, даже Полино. Он тоже говорил за моей спиной. Все вы за моей спиной... А этот Беркли, сующий свои латинские кроссворды мне прямо в лицо... Как деревенскому парню найти свое место в высшей лиге? Не я делал эту систему, доктор Карон. Но я умел увидеть, где, на пересечении каких дорог, лежит власть, как, в результате каких конфликтов принимаются решения. Я выбрал принятие решений; если я прав, я победитель. Если я не прав — принявший решение должен потерпеть...

— Доктор Гейнор, — перебила его Фреда, — все это очень интересно, но какое это имеет отношение к слушанию на предмет моего душевного здоровья?

— Я пытался апеллировать к вашему гуманизму, доктор. Мне необходима ваша помощь. Любое принятие

тое мной решение в данном случае будет неправильным. Пожалуйста, не опубликовывайте монографию.

Итак, с этим покончено. Теперь они вступили в рыночные отношения. Ее ответ был подчеркнуто выразительным:

— Доктор Гейнор, я не могу даже подумать о том, что можно припрятать революционное открытие в науке о растениях ради предупреждения возможных судебных процессов.

— Доктор Карон, я назначу вас своим преемником в письменной...

— Я высоко ценю ваше доверие, доктор Гейнор, — Фреда подперла рукой подбородок, — но готова пожертвовать положением руководителя Бюро ради научной правды. Почему вы не хотите разделить мою жертву?

— Доктор Карон, я ничего не умею делать, кроме как руководить. Все, что у меня есть, — это моя работа, жена и трое детей, зависящих от меня. Доктор Карон, подумайте о моих жене и детях.

Фреда на минуту задумалась. Она симпатизировала миссис Гейнор из-за ее неудачного замужества, а его детям из-за их генеалогических недостатков. Она заговорила:

— Как вы сказали, доктор, мы оба благоразумные люди, хотя я нахожусь здесь, потому что в отношении меня именно этот факт вы поставили под сомнение... Может быть, мы сможем до чего-нибудь договориться.

— Спасибо, доктор Карон, — сказал он, — вы умный человек.

— Возможно, я могла бы, — медленно говорила она, — представить монографию, сопроводив ее распиской о передаче... по усмотрению.. Сама я никогда бы не стала задерживать публикацию. Это неэтично. Но право принятия решения можно было бы передать на усмотрение руководителя Бюро.

Гейнор немного выпрямился. В его глазах затеплилась надежда.

— Если вы, доктор Карон, предоставите право принятия решения о публикации руководителю этого Бюро, я гарантирую вам, что вы будете тем руково-

дителем, который примет это решение после того, как я буду повышен в должности и перейду на работу в Министерство.

— Я знаю, — согласилась она, — моей гарантией будет монография Карон-Полино... Но, доктор, я хотела бы задать вам несколько вопросов. Если вы предпочтете не отвечать на них, мы, конечно, можем прекратить эту беседу навсегда и отправить «Исследование коммуникации растений» обычным порядком.

— Спрашивайте меня. Спрашивайте о чем угодно.

— Зачем вы взяли меня с собой в Вашингтон, придумав ложный предлог, и провели этот маневр с моим представлением ходатайства о Флоре.

— Когда мне в то утро позвонили от Клейборга, я знал, что он прячет в рукаве какой-то подвох. Он не был заинтересован в увековечении имени Гейнора. Но я был в этом заинтересован. Поэтому я приказал мисс Везервакс находиться около ящика предложений и принести мне все, что вы через него представите. Мне принесли ваши предложения прямо из ящика.

— Почему именно я?

— Клейборгу нравятся привлекательные женщины. Он знал, что вы были моей заложницей, которая обеспечивала мою уверенность в том, что он предпримет максимум усилий. Я понимал, что он заставит напряженно работать каждую ячейку своего мозга, чтобы протащить ходатайство и удержать меня от принесения вас в жертву. Вы были моей ставкой в моем с ним пари о том, что ему не удастся провернуть это дело... Он побился об заклад и проиграл. В конце концов, может быть, он не такой уж и дьявольски хитрый.

Гейнор заблуждается, подумала Фреда. Игра еще продолжается, и Клейборг хорошо это знает. Ганс все еще держит про запас приготовленную для броска пару костей.

— Второй вопрос, — сказала она. — Для чего вы красите волосы под платину?

Этот вопрос напугал его. Он пытался улыбнуться и покачал головой:

— Ну вот, появились эти клейборговы вопросы... — Он наклонился вперед, и она заметила, что он с трудом сдерживает слезы. — Хорошо, я и это выставлю напоказ!

Он засунул руки за голову, ухватился за волосы и положил на стол парик.

— Я облысел в восьмилетнем возрасте, болел скарлатиной. Дети бегали следом за мной из школы и кричали «лысик». Никому не нравятся лысые мальчики...

— Успокойтесь, доктор Гейнор!

Некоторое время он боролся со своими чувствами, все более клонясь вперед.

— У меня вовсе не было волос, поэтому у меня был выбор цветов. Я выбрал цвет, привлекающий внимание; этого требует моя работа. Администратор должен быть заметен, иначе его обойдут продвижением по службе. Большинство стараются получить звучное прозвище... или подписывают документы красными чернилами... делают все что угодно, чтобы привлекать... привлекать... внимание.

Он снова терял над собой контроль. Фреде хотелось сделать замечание о том, что, будучи лысым, он был бы еще более заметен, и его детское прозвище прекрасно бы его рекламировало, но она с большим сочувствием отнеслась к его детской травме и могла понять, почему он не хотел, чтобы его видели лысым. Его голова была слишком блестящей; казалось, она собирает и фокусирует солнечный свет, проникавший сквозь прозрачные кирпичи стены позади его стола.

— Наденьте волосы, доктор, — резко сказала она. — Ваше сияние слепит меня.

Пока он неторопливо прилаживал искусственные волосы к своей голове, Фреда расслабилась. Ее битва на Земле почти подошла к концу.

— Доктор Гейнор, я поставлю штамп «Публикация задержана до...» на монографии, если вы дадите мне назначение в сектор Чарли, чтобы выручить Пола Тестона на Флоре.

— Но сектор Чарли в карантине. На следующей неделе их погружают в анабиоз.

— Нет проблем. Устройте мне подготовку по ускоренной программе.

— Доктор Карон, возникнут вопросы. Это добавит к бюджету тридцать тысяч долларов.

— Любому опытному администратору расход в тридцать тысяч долларов не в тягость, — сказала она назидательно. — А вот чтобы объяснить четырехмиллионную ошибку в принятии решения, надо быть гением.

Гейнор был сражен; он пожал плечами и включил внутреннюю селекторную связь.

— Миссис Везервакс, заполните паспорт на карантинные мероприятия в чрезвычайных обстоятельствах на имя Фреды Карон, отбывающей с сектором Чарли на Флору в качестве цитолога, назначаемого в помощь доктору Полу Тестону на острове Тропика этой планеты. И принесите мне, как только его заполните.

— Да, сэр.

Он нажал другую кнопку:

— Алло, Медицина, говорит ваш главный. Кто дежурный врач?

— Доктор Янгблад, сэр.

— Доктор Янгблад, боюсь, что должен попросить вас поработать сегодня вечером сверхурочно, чтобы подготовить доктора Фреду Карон для отправки с сектором Чарли. Вы понимаете?

— Доктор Гейнор, для такого дела я простою на ногах всю ночь!

Фреда рассмеялась столь непосредственной горячности доктора, и ее смех прозвучал легко, как трели тюльпанов. Лицо доктора Гейнора было красным; он выключил кнопку и занялся великим делом поиска в своем столе необходимого резинового штампа. Он еще искал штемпельную подушечку, когда вошла миссис Везервакс и положила перед ним на стол направление на карантин. Он взглянул на него и передал через стол Фреде. Она прочитала заполненный бланк, проверила, нет ли ошибок, и не нашла ни одной, а

Гейнор уже открыл обложку монографии Карон-Полино и поставил штамп на титульной странице.

С точки зрения этики, думала Фреда, она нарушает некий принцип, но, как говорил сам доктор Гейнор, все, что работает на победу, правомерно. Она могла рассчитывать на молчание Клейборга в течение трех недель, а этого вполне достаточно, чтобы вырваться на свободу с этой тошнотворной планеты; и пусть тогда покатится неумолимая колесница Джаггарнаута, запряженная рысаками радикальной науки. К тому времени, когда Фреда возвратится с Флоры, доктор Чарльз Гейнор будет, вероятно, надзирателем над сторожами Арлингтонского Мемориального Парка, меняя срезанные цветы на Могиле Неизвестного Солдата.

Он протянул ей «Исследование коммуникации растений», где на чистом поле листа красовался штамп «В свет по усмотрению руководителя Бюро».

— Подпишите здесь, — сказал он, показывая ей место для подписи.

— Только после вас, — сказала она.

Гейнор повеселел.

— Вы, конечно, не доверяете своему руководителю Бюро? — упрекнул он ее, подписывая направление. Он опять обрел свою величественность.

— Не без оснований, — согласилась она. К ней еще не возвратилась приличествующая случаю поза подчиненного.

Она подписала монографию, взяла свой паспорт-направление и встала. Гейнор тоже поднялся, автоматически протягивая руку в жесте формального прощания и произнося необходимые по ритуалу слова:

— Бог в помощь, Фреда, и да хранят вас Небеса от неудачного полета.

Она ответила в доброжелательном тоне:

— Милости Божьей вам здесь, на Земле, Чарли.

Закрывая за собой дверь, она почувствовала себя опустошенной, с расслабленными нервами, а ведь она преодолела только первое препятствие — земного человека. Впереди ее ждет битва с титанами за контроль над способностями человека генерировать свои

эмоции, того человека, за которого она намерена выйти замуж. Да еще эта ее самонадеянность, пугающая ее больше всего. Ганс Клейборг говорил, что интеллектуалы не влюбляются, а ее женская интуиция направляла ее по пути, противоречащему логике Ганса Клейборга. Она была уверена, что интеллектуал-мужчина способен поддаться навязчивой идее, пристрастие к которой питают его половые гормоны.

Проходя через приемную, она дружески кивнула на прощанье миссис Везервакс, а миссис Везервакс, кивая в ответ, сложила пальцы буквой V, означающей победу. Фреда обратила внимание на оптимизм ее жеста, пытаясь найти в этом последнее предсказание сивиллы, которая никогда не ошибается. Бланк ее направления на карантин был заполнен паучьим почерком, который определял ответственного секретаря доктора Гейнора и прорицательнице дамского туалета, как одно и то же лицо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Скользя по крутому скату и одновременно просыпаясь, Фреда вывалилась на траву и откатилась вбок, чтобы освободить выход. Откинувшись на локтях, она смотрела вверх вдоль поросшего травой склона, тянувшегося к гребню горного хребта, поросшего буковым лесом, и понимала, что кинокамеры не ошибались в передаче цветов Флоры. Никто не говорил ей, что трава пахнет клевером, что каждое облако, плывущее в первозданной голубизне, голубее которой ничего не может быть, окружено сиянием. Цвета слабо черного серебра стволы деревьев были как бы наложены на краски неба мастихином, клубящаяся над стволами листва нарисована кистью, а еще выше по гребню, справа от нее обнаженный гранит был окаймлен по основанию желтыми розетками с помощью тончайшего стека. Из лесочки доносился щебет птицы, в котором можно было различить шесть нот, звучав-

ших то очень сильно, то умолкавших вовсе, отчего звучание становилось еще более мелодичным.

Поэты и художники должны сопровождать экспедиции, подумала она, и композиторы, даже вконец иссушившие себя газетные репортеры НАСА ошибается, ограничиваясь полетами орлов-разведчиков, которые не могут сказать ничего, кроме «все в порядке» или «все системы работали нормально».

Она оглянулась на лабиринт подкосов посадочного устройства, поднимавшихся вверх к громаде из ванадиевого сплава. Космический корабль Соединенных Штатов «Ботани» опустился на поросшем травой склоне холма. Остальные скаты были выдвинуты из корабля с той стороны, где подкосы стояли ниже, но она была одна, одетая в рабочий костюм из серого пермалона. Она сбросила куртку и кувыркалась в траве; уже трижды перевернувшись, она услыхала, как кто-то сказал:

— Смотрите, доктор, вот она и флорианка.

Капитан Баррон, одетый в синюю флотскую форму, помогал доктору Янгбладу встать на ноги у выходного отверстия. Растигнувшись на траве, Фреда посмотрела в их сторону и спросила:

— Где все остальные?

— Они вышли ниже по склону в направлении к лагерю, чтобы выдать одежду штабной команде до того, как вы спуститесь вниз, — сказал Баррон. — Я говорил с Полом по радио. Он хочет, чтобы мы отправили вас сразу после ленча, потому что боится, как бы вы не достались сатирам этого континента.

— Выходит, он ревнует.

— Ваш полет займет примерно один час, и с вами отправится доктор Янгблад, чтобы осмотреть Пола. Пол сказал, что проведет с вами двадцать четыре часа, полагая, что успеет передать вам свои записи и соорудить лагерь.

— Капитан, я бы хотела иметь спрятанный где-нибудь в куртке голосовой передатчик и вахту у приемника на двадцать четыре часа, — сказала она.

— Вы боитесь Пола, Фреда? — спросил доктор Янгблад.

— Боюсь за него, — ответила она, — я буду задавать ему наводящие вопросы, а психолог сможет анализировать ответы.

— Он у вас уже есть, — сказал доктор Янгблад, — в пуговице рабочей куртки.

— У вас есть подозрения? — спросила Фреда.

— Нет, — ответил он, — это введено недавно как стандартное оперативное мероприятие для этой планеты.

Пол ждал на коралловом уступе, о котором говорил ей Хал, куда вертолет направлялся подаваемым Полом сигналом посадки. В послеполуденном солнечном свете он выглядел молодым Моисеем с вьющейсярусой бородой, длинными волосами, в обносках бриджей, с мачете, подвязанным к поясу. С тридцатиметровой высоты она могла видеть, что он загорел под солнцем Флоры и что под этой бронзовой кожей играли мышцы даже в таких местах, где прежде она мышц вовсе не замечала.

Он подхватил ее из двери вертолета на руки, и прошла целая минута, прежде чем ее ноги коснулись земли. Остаточные следы ее фобии к прикосновениям исчезли окончательно. Фреда чувствовала, что наверняка позволила бы ему попытаться установить рекорд выносливости, если бы доктор Янгблад не выказывал недовольство и в конце концов не уговорил Пола опустить ее на землю.

— Я должен освидетельствовать ваше физическое и умственное состояние, — сказал доктор. — Сколько пальцев?

— Два, — ответил Пол. — А что с земной женщиной? Она выглядит немного осунувшейся.

— Сядьте на камень, — сказал доктор, угрожающе размахивая резиновым молоточком, — и положите ногу на ногу.

— Стойте в сторонке, доктор, когда будете стукасть. Я боюсь сбросить вас ногой с утеса.

Состояние здоровья Пола удовлетворило психиатра, и Фреда стала наблюдать за выгрузкой тюка с ее оборудованием, а Пол разговаривал с доктором.

Тюк с вещами Пола был упакован и готов к отправке, и пилот погрузил его на борт.

— А где же твой полевой журнал наблюдений? — спросила Фреда.

— Поговорим о нем по прибытии на место, — буркнул Пол.

По сигналу взлета вертолет набрал высоту и оставил их одних на тысячеметровой высоте над уровнем моря; Пол повернулся к ней.

— Твое мачете — это все, что тебе понадобится нынче ночью. Я хочу привести тебя на место до захода солнца, чтобы показать вид, открывающийся с пика Солнечного Заката. Это в шестнадцати километрах пешего хода отсюда, а по пути я покажу тебе орхидеи. Становись!

Он крупно зашагал по кораллам босыми ногами по направлению к линии зарослей орхидей, находившихся на порядочном расстоянии, говоря на ходу:

— Старые рифы полностью поглотили поток лавы из вулкана, и поэтому почва внутри кораллового кольца очень плодородна. Есть еще одна терраса орхидей выше нас, и одна — ниже. Выше орхидей растет лес умеренных широт, за ним — страна лугов, а дальше начинается конус вулкана. Внутри конуса есть озеро, а трещина, вон там в утесе, образована потоком воды, вытекающей из озера. Эти ближайшие к нам орхидеи — мужские. Они выставлены по периметрам зарослей и вблизи трещины, отгораживая заросли от потока.

— По ночам, как мне известно, они ходят ухаживать за женщинами, — заметила Фреда.

Пол засмеялся:

— Это был спонтанный ответный импульс на высказанную Халом Полино идею. Я никогда не относился к этой гипотезе серьезно, но впереди было так много для меня непонятного, что я был готов работать с какой угодно гипотезой.

— Да ладно, Пол. Как они опыляются?

— Я построил теорию. В основном она исходит из экологии острова и позволяет объяснить, почему заросли мужских орхидей выставлены по периметрам.

Они уже были около зарослей; Пол подошел к орхидеям и вытащил из земли мертвый стебель, который уgnездился на коралловой прожилке, но не смог выжить. Он показал ей раздвоенный корень с двумя яйцевидными наростами в его развилке. Она взвесила растение на руке.

— Карон-тюльпаны были ни то ни се по сравнению с этим.

— Они находятся на более низком уровне шкалы, — заметил он, не говоря о какой шкале ведет речь, и добавил: — Я полагаю, ты их уничтожила.

— Да. Они оказались смертельно опасными, — говорила она, пока они входили в заросль по чистой, поросшей только травой тропке более метра шириной. — Ты проторил эту тропу? — спросила она.

— Нет. Заросли иссечены ими вдоль и поперек. Тропы между мужскими и женскими цветами более широкие и всюду ровно полтора метра. Постоянная ширина проходов дала мне первый намек на их способ опыления.

Фреде было и приятно, и любопытно. Без тропинок было бы трудно пробираться между толстыми стеблями — некоторые были высотой до двух с половиной метров — с завитками, свисающими немного выше бедерного утолщения, и крупными пластинчатыми листьями ниже бедер. Шагая следом за ним, она пристально вглядывалась в громадные цветки, имевшие окраску от белого до бледно-розового.

Один раз он остановился и посадил ее себе на плечи, чтобы она могла рассмотреть цветок поближе; лепестки чашки были развернуты наружу и образовывали круг диаметром около метра. Изящный рисунок красного тона по венчику и краю лепестков напоминал Чашу Александра — *Cymbidium alexanderi*, — если бы не всего одна тычинка в цветке и полное отсутствие пестика. Тычинка была почти пятнадцать сантиметров длиной.

Продолжая держать ее на плечах, Пол заметил:

— Тычинка плотно соединена с клювиком. В женском цветке есть единственный пестик на яйцеводе, почти выродившийся, но очень чувствительный.

— При единственном и на всю жизнь окончательном «расцветании», — сказала она, — ты должен был назвать их орхидеями-дылдами.

— У женских цветов бедра выражены более четко, — сказал он, — поэтому, выбирая название, я отдал предпочтение женскому полу.

Со своего настеста она могла видеть поле орхидей далеко и на некотором расстоянии заметила ярко-красную орхидею.

— Отсюда этот цветок кажется прелестным, — сказала она.

— Так я отнесу тебя поближе к нему, — ответил он, двинувшись без видимого усилия и очень плавно. Она вспомнила, что на Земле, когда его внимание привлекало какое-нибудь явление, он, начиная движение или останавливаясь, действовал очень резко, но здесь он устремился к цветку и добрался до него без всякого напряжения, сохраняя плавную грациозность движений.

— Мы можем пойти побыстрее, — сказал он, — я хочу добраться до вершины до заката.

— Мне показалось, ты знал, что я выкорчую тюльпаны. Ты понимал, что они разумны?

— Если тебе нравится, называй это так, — сказал он. — Они обладают разумом социальных насекомых, и если они оказались смертельно опасными, то смертельно опасен и пчелиный рой. Каких опылителей они использовали на Земле?

— Ос, — сказала она.

— Свой свояка... — сказал он презрительно. — Орхидеи никогда не смогли бы адаптироваться на Земле. Они высеваются только один раз в год и дают всего одно семя.

— Как они вообще смогли появиться в этой траве?

— Они слезли с дерева, так же, как когда-то поступили мы, — ответил он. — Много геологических эпох тому назад они были грибковыми паразитами. Когда лава покрыла землю, она уничтожила траву, но оставила нетронутыми несколько стволов деревьев с гостившими на них орхидеями. Так у орхидей

оказался плацдарм раньше, чем вновь появилась трава.

Теперь она не замедляла их движение к цели своим мелким шагом, и он покрывал, по крайней мере, восемь километров в час, неся ее легко и удобно. С высоты его плеч она хорошо видела коралловый выступ, поднявшийся метров на пятнадцать над террасой; к этому выступу и направлялся Пол.

— На тебе сидеть легче, чем на идущей шагом лошадке штата Теннесси, — сделала она ему комплимент, когда он наконец опустил ее у подножья кораллового выступа.

— Отсюда рукой подать до его вершины, — сказал он.

В косых лучах солнца они могли видеть с вершины то, что было ниже кромки террасы, а за орхидеями открывался вид на некое подобие крепостных валов в пяти километрах от них. Вода падала с верхнего яруса, вытекая из глубокого ущелья, которое водопад проточил в коралле, и она заметила, что обращенная к ним сторона откоса выглядела изъеденной осипами.

— Это остатки морских гротов, — объяснил ей Пол, — которые стали пещерами, когда коралловый риф поднялся.

Над утесом возвышались другие террасы, поднимавшиеся розовыми ярусами к зеленому подножью горы, которая вознесла покрытый снежной шапкой конус до струившихся вокруг него и вытягивающихся по направлению движения дымчатых облаков.

— Солнечные лучи, — сказал Пол, — отражаются кое-где от коралла и слегка подкрашивают снег и облака. Мы немного опоздали. Начинает разливаться краска стыда... Ляг здесь. Устрой голову поудобнее на моих руках и посмотри вместе со мной, как будет угасать день.

Она надеялась, что передатчик поймал его последнюю фразу. Пол сделался флорианином до полного «прощай Земля навеки». Из каждой его фразы росли

цветы. Возможно, плавность его шага, которой она так восторгалась по пути сюда, лучше было бы сравнивать не с мерным журчанием воды, а с шелестом зеленых зарослей. Свернувшись калачиком, словно в люльке, между его дельтовидной и трапециевидной мышцами, она обнаружила, что мускулатура его тела тверже коралла: может быть, он и спятил, но в ребенка от этого не превратился.

— Красиво, — сказала она, подстраиваясь под настроение, которому Пол отдавался целиком. — Снег и облака похожи на земляничное мороженое.

Он фыркнул от смеха:

— Этот цвет будет делаться все более сочным и станет похожим на манхэттенский коктейль, а в момент захода солнца сделается подобным густой вишневке.

Теперь, когда он лежит, задумавшись, в лучах заката, подумала она, настало самое подходящее время проверить его реакцию на шок.

— Тюльпаны убили Хала Полино.

Некоторое время он не произносил ни звука, и она решила, что ошеломила его этой новостью, но когда он заговорил, поняла, что ошиблась.

— Смотри, снежные поля окрашиваются багряным цветом, не упусти момент, когда багрянец начнет проглатывать верхушки облаков.

Фреда почувствовала спокойствие и красоту солнечного заката. Внезапно смерть, казалось, отодвинулась куда-то далеко-далеко, не только смерть Хала Полино, но и всякая смерть. Было такое ощущение, что остров и орхидеи преградили путь мыслям о смерти. Но она упорствовала.

— Пол, я говорю, тюльпаны убили Хала.

— Рано или поздно он должен был умереть... Как они это сделали? Звуковыми волнами высокой частоты?

Теперь настал черед ее шоку, но он не заставил ее онеметь.

— Как ты догадался?

— Их воздушные камеры — это резонаторы Гельмольца с фильтрами звуков высокой частоты. Я на-

рисовал их конструкцию Халу перед тем, как он отправился на Землю, и предупредил об опасности.. Должно быть, он раздразнил их. Но они не убивали его. Если он тронул их зоны стимула и ответной реакции, зная то, что я ему говорил, то он просто пошел на самоубийство.

Выходит, все фантастические теории Хала на самом деле были теориями Пола, и Хал подбрасывал их ей, чтобы произвести впечатление. Нет, чтобы соблазнить ее! Он взял идеи Пола и сбежал с ними. Значит, теория Карон-Полино в действительности является теорией Карон-Тестона.

Захлебываясь, она рассказала Полу, что сделал Хал, и как она использовала эту теорию, чтобы добраться до Флоры. Пол терпеливо все выслушал, а может быть, просто был одурманен закатом.

— Ну вот, Фреда, наступает время манхэттенского коктейля... Пусть эта теория останется парню памятником. Он был хорошим студентом и добрым другом.

— Я не знала, что Хал был твоим добрым другом, — сказала она с искренним негодованием. — Он настроил тюльпаны относиться к нам с ним, как к матери и отцу, и взялся за их облучение, чтобы продолжать меня обрабатывать. Он почти добился своего. Мы собирались пойти в кафе «Мексикали», но он оказался слишком нетерпеливым. Чтобы выдворить соперника из города, он поспешил с проведением эксперимента, и то оружие, которым он пользовался, чтобы соблазнить меня, меня же и спасло.

— Смотри, Фреда, облака кажутся охваченными пламенем!

Она смотрела на пылающие облака, но думала о том, что орхидеи не тронули либидо Пола. Он был все еще так же предан романтизму, как устрица своей раковине.

— Это выглядит так, словно вулкан снова ожил, — сказала она.

Когда игра света прекратилась, он заговорил:

— Я хотел бы, чтобы ты побывала в «Мексикали». Этот — высокого класса, если так можно говорить о

подобных притонах, и Хал наверняка умер счастливым.

Она теснее прижалась к нему, очарованная и смятенная его ответом.

— Не слишком ли ты великодушен по отношению к моим увлечениям?

— Я люблю тебя как женщину и любил Хала как мужчину, — усмехнулся он. — Любовь — это то, что должно разделяться, даже если и по трем направлениям.

— Может быть, и ты ходил с ним в это ужасное место?

— Я брал его туда, — честосердечно признался он, — поскольку он был хорошим ассистентом и, так или иначе, бредил борделем, я решил свести к минимуму его возможные прогулы, причинами которых могли быть ножевые раны, монтесумова походка, ку-пидонов сифилис и любые другие болезни, которыми страдают коты, посещающие подобные дома среднего пошиба.

Фреда вмиг села прямо, словно проглотила шест и завертелась на нем.

— Пол Тестон! Ты внушаешь мне омерзение! Там, на Земле, ты выгуливал меня целый год, прежде чем решился поцеловать руку. Я полагаю, в этом кафе была какая-нибудь маленькая горячая томале, которая называла тебя «Эль-Торо»?

Он сердито блеснул на нее глазами.

— Да, — сказал он, — но это было на другой планете, и, кроме того, эта девка не умела танцевать танго. — Он обхватил ее руками и притянул к себе. — Я не решался тебя крепко обнять, опасаясь, как бы не лопнула твоя внешняя оболочка и не поранила меня осколками.. Смотри, вот и густая вишневка!.. Твоя девственность меня тоже пугает. Как прагматик, я считаю девственность не имеющей практического смысла, но, с другой стороны, я — не Святой Дух.

— Ну, на этот счет ты можешь больше не беспокоиться!

— Ты хочешь сказать, что больше не девственница?

— Будешь ли ты ревновать, если я скажу тебе, что я не уверена?

Он посмотрел на нее с изумлением:

— Ревновать я не буду, но я чертовски обескуражен. Ты — либо девственна, либо нет.

— Я расскажу тебе об этом попозже. Сейчас меня больше интересует твоя распущенность. И подумать только, твой формуляр в точности совпал с папиным.

— Да, в самом деле, — согласился он, — поскольку твоя мать была в своем роде профессионал, я уверен, что он не мог встретить ее на каком-нибудь собрании ученых-садоводов. — Теперь и вторая его рука обвилась вокруг нее, и она надеялась, что, когда он прижмет ее к груди, работа передатчика из пуговицы на ее куртке прекратится. — В некоторых кругах к твоей родословной могли бы отнести с неодобрением, но для меня ты — один из двух лучших моих миров.

Он притянул ее к себе за шею и целовал, а его руки выжимали из нее последние остатки гнева, еще досуха не отжатого ее собственным разумом. Его не прямо высказанное восхищение ее матерью потрясло Фреду, потому что она никогда не держала сторону матери в конфликте родителей. Может быть, она была не права, принимая суждение отца о матери, так же как ошибалась, недооценивая амурные способности Пола Тестона.

— Дорогой, — прошептала она.

— Да, милая.

— Мог бы ты что-то сделать для меня?

— Да, моя радость.

— Сними меня с этой проклятой скалы!

Не говоря ни слова, он встал, поднял ее на плечо и, крепко ставя босые ноги на наклонную плоскость коралла, понес вниз, сказав:

— Мне не хотелось бы, чтобы ты поскользнулась и сломала себе бедренную кость.

Как всегда, Пол был безукоризненно точен. Даже находясь в состоянии душевного возбуждения, он говорил не о ее руке, ноге или шее; его особенно заботили ее тазобедренные кости. Тогда как она, в порыве

возбуждения от его объятий и раскрытия подлинного Пола, совершенно позабыла о голосовом передатчике в пуговице куртки.

Когда наступила ночь и над горой взошла первая луна Флоры, они поставили лагерь в зарослях мужских орхидей близ широкой тропы недалеко от деревьев, растущих вдоль потока, вытекающего из разлома в крепостном валу; до лагеря доносился шум водопада.

— Мы сплетем сетку из завитков орхидей, которая защитит наши глаза от света второй луны; он так ярок, когда она в зените, что может разбудить спящего.

Он показал ей, как сплетать завитки, и, когда она поняла смысл поставленной задачи, сказал:

— Я быстренько приготовлю ужин, пока ты закончишь. Ухожу ненадолго, но из мужской заросли не выходи. В ней ты будешь в безопасности.

— В безопасности от чего? — тревожно спросила она.

— Это чисто теоретическая опасность, — сказал он с отсутствующей интонацией в голосе. — Я думаю, это может быть что-то сверху, из леса или из морских гротов откоса.

— Если существует какая-то угроза, — сказала она, — я предпочла бы знать, что это такое. Ведь я пробуду здесь еще четыре месяца.

— Сейчас не будет никакой угрозы, если ты останешься среди мужских цветов. После того, как тебя обучат быстроте обращения с твоим мачете, ты сможешь защититься от чего угодно, абсолютно от всего, что ты будешь считать для себя угрозой.

— Как можно научить быстроте? — спросила она.

— Ты будешь адаптирована, — он широко улыбнулся, — и сможешь делать это примерно так.

Внезапно его не стало; он исчез в заросли так бесшумно, как это могли делать только могоки, некогда населявшие штат Нью-Йорк, оставил ее плести завитки и только удивляться.

И эмоционально, и умственно, и физически Пол был в прекрасном состоянии; но отсутствие записей

было неестественным, даже если принять во внимание его обещание «поговорить об этом по прибытии на место». До сих пор его разговоры носили поверхностный характер во всем, что касалось фактов, требующих досконального анализа, а на вопросы он давал какие-то полуответы.

Он знает слишком много, чтобы так мало говорить. Он сказал, что предупреждал Хала об опасности, которую таят в себе тюльпаны, но словом не обмолвился об этом в своих полевых заметках для нее. Пока они шли сюда от места посадки вертолета, он говорил, что проходы в зарослях дали ему ключ к построению теории опыления, но о самой теории он ничего не сказал. Мужские заросли «выставлены» по периметрам — это военный термин. Ей кажется, он знает, почему полы разделены, но он не пожелал поделиться с ней своими мыслями. А теперь эта теоретическая угроза сверху, из леса или из морских гротов? И почему она будет адаптирована, а не адаптируется, чтобы научиться быстроте. Он перевернулся от отношения к жизни, постукивая молоточками прядомудрия, но за его чистосердечностью чувствуется скрытность, когда он говорит о Тропике, а его методология определенно стала неряшливой.

Он возвратился, шагая по тропе, неся стебель сахарного тростника и напевая песню елизаветинских времен с припевом «хей-хо и хей но-ни-но». Лунный свет омывал его бронзовое тело серебром, и она сказала:

— Сир, шатер воздвигнут.

— Мадам, приготовьте ваши губки и язычок для пира, — сказал он, отрубая кусок стебля и сдирая с него кожуру. — Это же надо, взять и сообщить мне о дополнительном пункте, касающемся девственности, к нашему давнему брачному контракту... Ваш ужин, миледи.

Это был восхитительный тростник со съедобной мякотью, и пока он, сидя перед ней на корточках, вгрызался в эту мякоть, она вдруг заметила, что в подробностях пересказывает ему всю washingtonскую историю, начав со своего первого обеда с Халом. Свой

рассказ она закончила повторением того, как перехитрила Гейнора. Потом она резко сказала:

— Теория Ганса Клейборга о том, что интеллектуалы не влюбляются, не согласовывалась с намеком Хала на то, что ты не пускал его в заросли. Я чувствовала, что орхидеи могут пробудить твою страсть.

— Клейборг говорил правду. Любовь умного мужчины есть исчисление ценностей.

— Тогда, почему ты не позволял Халу входить в заросли? — спросила она, подавляя зевоту.

Его ответ не оставил у нее никаких сомнений в том, что по духу он ее супруг на веки вечные.

— Хал мог бы «влюбиться», потому что его сверх нормы активные гормоны ослабляли мотивацию его поведения. При двух мужчинах в зарослях у меня появилась бы организация с бессмысленной субординацией, в которой требовалось бы выражать любовь улыбками. Я ученый, а не администратор.

— Ты не приемлеешь организацию?

— Вообще-то говоря, к организациям я питаю отвращение. Объективно, они существуют только теоретически, но в них копошится множество подлинных опарышей, которых выводят совершенно реальные мясные мухи.. Ты почти спиши. Пойдем под тент.

— Но я хочу знать, до чего ты докопался в проблеме опыления..

— Завтра, — оборвал он ее. — Все это — трудные для понимания умозаключения, и я могу оказаться неправым.

— Ты никогда не бываешь неправ, Пол, но я сплю. Вытянувшись возле нее, он погладил ее волосы.

— Нет, я могу быть неправ. Как по-твоему, не могло ли быть так, что в первозданной невинности жизни в Эдеме вовсе не было опылителей?

— Но ведь я вошла в Эдем с черного хода, — сказала она, вспомнив Хейбёрна, — прогрызаясь к сердцевине яблока.

— Нет, моя радость, — сказал он, — ты пришла путем невинности и вошла через служебный вход.. Давай спать.

Его рука гладила ее волосы, и усталость заволакивала мозг.

— Ты так много должен сказать мне, Пол. Приведи завтра со мной весь день целиком.

— Конечно, милая Фреда, завтра я останусь с тобой.

Она погружалась в сон, но очень издалека слышала его шепот:

— Я никогда тебя не оставлю. Мы вошли в Эдем, чтобы в нем остаться. Ну, спи. Спи. Спи.

Она слышала его и знала, что он убаюкивает ее страхи, чтобы успокоить, чтобы она уснула, убаюкивает какими-то снотворными звуками, каким-то впечатлением, и ей нравилось это баюканье Пола. Совсем сонно она улыбнулась и протянула ему губы для прощального поцелуя. Она знала, что он играет ею, но это ее не беспокоило. Одно дело, когда тобой манипулирует кабинетный политикан, и совсем другое быть игрушкой в руках любимого.

Один раз она проснулась, когда вторая луна, восходя по своей орбите, вознеслась над облаками конуса Тропики, и ее яркое сияние, отражающееся от снежной шапки, проникло через завитки. Она услыхала ровное дыхание Пола, лежавшего рядом с ней в лунном свете, и, успокоившись, снова погрузилась в сон.

Когда она вновь проснулась, это было не совсем бодрствование, потому что образы сновидений сталкивались с образами ее сознания. Одновременно, как бы и видя сон и бодрствуя, она ощущала руки, раздевавшие ее, и думала, что это руки Пола, хотя она не слыхала его дыхания. Он идет ко мне, думала она, мой новобрачный, мой дорогой, мой любимый. Но образ сна возвратился, и она лежала в каких-то чертогах, и весталки раздевали ее и умывали — весталки богини Луны, приготовлявшие ее для ритуального жертвоприношения.

Она не испытывала страха, когда, подняв, они понесли ее вверх по ступеням храма, и она знала, — потому что их касание было очень легким, — что ее несут по галереям сна, мимо стоящих рядами тихих

жрецов. Хотя жрецы не пели и не читали псалмов, она ощущала любовь каждого, мимо которого ее проносили, любовь преклоняющегося перед ней юноши, любовь отторгнутого кровного брата, отеческую любовь патриарха к его дочери. Было ощущение, что она завернута в покрывало из множества цветов, и хотя этот покров укрывал ее плотно, он едва стеснял ее и закрывал не полностью.

Ряды священников долго извивались мимо нее и наконец привели к алтарю Изиды. Это был именно ее алтарь, потому что Луна была прямо позади высокого жреца, который стоял с занесенным жертвенным ножом. Потом, как это бывает только во сне, формы изменились. На ней уже не было покрова, в котором ее принесли к алтарю, но она была связана так, что оказалась в положении эмбриона во чреве матери, и едва не рассмеялась, когда ее стали подавать высокому жрецу ягодицами вперед.

Он стоял с поднятым ножом, но нож превратился в перо, замершее над недописанным словом. За секунду до того, как перо скользнуло вниз, она поняла, что обманута. Ее не приносили в жертву на алтаре Изиды. Жрец был орхидеей, темнеющей на ярком диске луны, а она была ритуальной жертвой какому-то орхидейному божеству.

Она почувствовала укол, но это не была смертельная мука. Снова, как во сне, она перевоплотилась в наездницу на rodeo, привязанную вверх ногами к спине брыкающегося жеребца.

После каждого стремительного броска вверх она опускалась все ниже, то взмывая вверх с точно отмеренным ритмом к колючему толчку, то падая с замирающим от отступающей боли сердцем при выходе тычинки наружу, и так до самого нижнего спуска самых высоких из когда-либо построенных американских горок. И вот, скачка закончилась, и она закачалась в повозке рикши, доверху нагруженной куклами Кьюпай, которых везли на ярмарку, слушая игру шарманок и вдыхая запахи кипящей в масле воздушной кукурузы и вязов.

Ее разбудили солнечный свет и Пол, сидящий перед ней на корточках на траве и разрубающий своим мачете что-то, похожее на мускусную дыню. Увидев, что она протирает глаза, он рассек половинку дыни пополам и протянул ей четвертушку, сказав:

— Вот тебе завтрак, лучше которого ты никогда не пробовала.

Лежа на траве, а не в заросли, откуда он ее несомненно вытащил, она могла любоваться его животом, мускулатура которого напоминала стиральную доску, и беспрепятственно перевела взгляд на волнистость мускулатуры его бедер. Пол Тестон был совершенно голый.

— На тебе нет одежды, — не преминула она отметить этот факт.

— На тебе тоже, — сказал он, и она действительно была раздета.

Она впилась зубами в дыню, подумав, что без одежды легче быть откровенным.

— Ты оставлял меня ночью одну.

— Ты имела дело с ними, — он махнул рукой в сторону орхидей.

— Мне снилось, что они имели дело со мной... Твои друзья были восхитительны.

— Одна ночь в Эдеме, и тебе уже снятся распутные сны... Но для таких снов у тебя подходящее тело. Пойдем, завтрак съешь по пути, а я поведу познакомить самую красивую девушку Земли с самой красивой девушкой Флоры.

Он повел ее по тропе и вошел в заросль женских цветов, легко двигаясь между далеко стоящими друг от друга стеблями, и с такой уверенностью, что она спросила:

— Как тебе удается находить отдельную красоту в этой галактике красоты?

— По цвету ее цветка днем и благоуханию ночью.

— Ты приходил сюда ночью?

— Да, я прошел дозором по зарослям рано утром, еще при свете второй луны. К полудню растения погружаются в состояние покоя... Ах, здесь так легко и приятно... Фреда, познакомься с Сузи.

Сузи была величественным растением; ее блестящий стебель сиял бледно-зеленою юностью, а цветок был глубокого красного тона. Казалось, ее усики затрепетали, когда Пол подошел ближе, ведя Фреду за руку; округлость бедер орхидеи была совсем мальчишеской и соперничала со свежестью ее благоухания. Высотой она была больше двух метров.

— О Пол, она — само очарование.

— Ты ей нравишься, Фреда. Ты заставляешь трепетать ее завитки. Стань поближе. Позволь ей обнять тебя.

Он наклонился, поднял один завиток посередине стебля и забросил его на плечо Фреды. Ей показалось, что листья на ее плече приняли чашевидную форму и стали легонько его массировать, а затем и остальные листья завитка, один за другим, образовывали нежные чашечки, которые прилипали к ее спине и окружали талию, облегая узкую часть спины и обвиваясь вокруг бедер. Верхушка завитка быстро, беспорядочно и очень легко колебалась перед ее пупком. Пришли в движение и другие ветви стебля, стремясь обнять ее, и Фреда придвигнулась ближе, прижавшись к стеблю и глядя на цветок с благоговением художника перед Моной Лизой.

Теперь в игру вступили все завитки, трепеща вдоль ее бедер и окружая широкую часть таза. Она подняла руки и закинула их за голову, чтобы дать завиткам большую свободу на ее торсе. Они оплели ее венком, нижние завитки проскальзывали между ее бедрами и поднимались вверх, сплетая зеленый кокон, который легко удерживал ее своими присосками и одновременно ласкал, мелко подрагивая. Казалось, лепестки ощущали зоны наибольшей чувствительности к их касаниям, сначала целуя ее очень осторожно, а потом все более любовно, выбирая зоны с максимальной ответной реакцией, в которых листики превращались в сосущего мать младенца, любовника, сестру, супруга; и хотя они ласкали ей и щеки, и губы, ноздри оставляли открытыми, позволяя свободно проходить все более ускоряемому наслаждением затрудненному дыханию.

Глядя вверх на цветок, она увидела, как он откинулся назад, сначала двигаясь медленно, а потом вперед и вниз все быстрее по дуге синусоиды, тогда как завитки потянули ее сильнее, пытаясь поднять. Ощущая напряженную сосредоточенность орхидеи, она встала на цыпочки, чувствуя, что завитки ниже ее тулowiща задвигались учащеннее, подготавливая кульминационный момент сладостного путешествия цветка, и она напряглась, устремляясь еще выше, так теперь алчущая соединения, что забыла о Поле, как наверняка позабыла бы о своре индейцев, кружавшихся вокруг стебля с боевыми воплями. В самом конце сближения цветок замедлил движение, и она увидела, как раскрываются створки его лабеллума, чтобы соприкоснуться и заключить в себя желаемое.

Лепестки цветка развернулись и обернулись вокруг нее, снова сблизившись и заключив Фреду в чашу своей красоты, и она, в своей зеленой беседке, трепетала вместе с трепещущими листочками. Внутри цветка она ощущала пестик — этот язычок любви жаворонка, — суетливо и быстро трепещущий, подрагивающий мелкой дрожью, осторожно дотрагивающийся.

И вот он прикоснулся.

Как только ягодицы напряглись, остальные мышцы ее тела расслабились и позвоночник дугой изогнулся назад, как от внезапного удара, а подрагивание в пояснице перешло в невыносимый экстаз. Она боялась разорвать себя в триумфальном движении распускающихся бедер, но в зеленом натиске одолевающей ее нежности желание спасаться бегством от страха было гораздо меньше желания неотступно следовать велению своей любви. Ее швыряло в водовороте утонченно острой боли и иссушающего восторга. Завитки вокруг нее трепетали от радости и расслабленности, и она отвечала им толчками, сопровождаемыми нервной дрожью. Ее груди вырывались из объятий завитков, когда позвоночник рывком изгибался назад, и она в течение нескончаемо долгих мгновений тряслась мелкой дрожью, ощущая гармонию радости и освобождения, а ее груди в это время то вздымались, то опускались, подобно паре косуль, резвящихся в солнечном свете. Получалось так, что Фреда Карон, с

трепещущими грудями и напряженными ягодицами, нашла то, в чем Земля отказалась ей с Халом Полино, — высшее выражение диссонансного ритма.

Внезапно завитки сделались вялыми, они перестали превращать листья в чашечки и вертеться. Они осторожно опустили ее спиной на траву, уложив ноги вокруг основания стебля, и она заснула.

Пол разбудил ее, пошлепав по щекам.

— Это продолжалось всего десять минут. У тебя нервная реакция. — Он наклонился, чтобы помочь ей подняться. — Встань на ножки, девочка, эти мышцы созданы еще и для прогулок. Нырнешь в пруд, и от этого состояния мигом не останется следа. Поза была классической. Она напомнила мне скульптуру Леды и Лебедя.

— Опять скульптуры, — сказала она, поднимаясь на ноги. — То, за чем ты так пристально наблюдал, было Карон-канканом.

— Никогда не слыхал о Карон-канкане.

— Мальчишка, никогда и не услышиши!

При почти полном отсутствии подвижности в та-зобедренных суставах Фреда двинулась следом за ним по тропе, на которой он иногда останавливался, чтобы срезать увядший нижний лист на стебле орхидеи.

— Им это нравится, — говорил он. — Это что-то вроде приведения в порядок ногтей на ногах. Эти растения очень чувствительны к желаниям других. То, что ты там вытворяла, было зеркальным отражением твоих желаний, которые ты подавляла в себе не из самых хороших побуждений. Как только ты поближе узнаешь орхидеи, поймешь, что чувствуешь их, и проникнешься чувствами к другим человеческим существам, причем таким образом, как прежде не могла себе даже представить.

— Пол, — сказала она вдруг, — в моей куртке есть запрятанный передатчик с монитором.

— С этим мы разберемся, — сказал он. — Срежь, так же как делаю я, несколько листьев и не бросай их.

Она отсекла несколько листьев, заботливо оберегая от повреждения стебель, и почувствовала удовлетворение от признательности за услугу. Какая-то при-

емная система внутри нее регистрировала мысли орхидей.

Когда они добрались до своего бивака, Пол собрал ее одежду, связал ее с листьями поясом Фреды и взял сверток под мышку. Он повел ее по направлению к линии деревьев и дальше по тропе на звук несущейся воды, которая прорезала горную расщелину в массе лавы. Он повернулся вдоль ущелья на восток к видневшимся бастионам.

— Здесь растет тот тростник, который ты ела вчера вечером, — сказал он. — Он действует и как снотворное средство, и как средство, усиливающее половое влечение.

— Это был трюк Клейборга... Почему ты не позволил мне бодрствовать?

— Это была мера безопасности. Я боялся, что тебе не понравится свидание с незнакомцем.

Они вышли напрямик через лесок виргинских дубов к пруду с зеленой водой и стояли на выступе, возвышающемся на четыре с половиной метра над поверхностью. Над ними из расщелины следующей террасы лился водопад, падая с высоты ста пятидесяти метров на груду осколков раздробленного им коралла и с ревом врывааясь в вырытый им пруд, над которым они стояли. Он был около тридцати метров в длину; они находились над его самым широким местом, и до противоположного берега было, по крайней мере, метров двадцать. Пруд был глубокий, но, посмотрев вниз, она легко разглядела под водой вырезанные в лаве сталагмиты, выступающие из песчаного дна.

Пол швырнул ее одежду в пруд, и Фреда стала следить, как поддерживаемая сухими листьями она поплыла к узкому выходу потока, там сразу закружила и скрылась в водовороте быстрины, понесшей ее в море. За три часа сверток вынесет в море, листья за это время намокнут, и он утонет, а вместе с ним придет конец земной карьере Фреды Карон.

— Нынче ночью ты серьезно говорил мне, что мы останемся здесь. Не означает ли это, что мы дезертиры?

— Почему бы нет? На Земле у тебя ничего не осталось, кроме дурных воспоминаний и кабинетной политики.

— Ну а что будет со всем моим оборудованием?

— Оно упаковано и готово к отправке обратно. Ты взяла только мачете. Наша собственность как собственность дезертиров будет конфискована. Даже после утверждения судом требований наследников останется достаточно, чтобы оплатить стоимость мачете.

— Не предательство ли это? — спросила она.

— О нет, — сказал он, — мы не совершаляем предательства по отношению к своей стране. В соответствии с Социальным Соглашением правительство управляет только с согласия управляемых. Мы только реализуем наше право взять обратно наше согласие... Последний — вóда!

Он повернулся и головой вниз нырнул в воду.

Это была самая восхитительная и не знающая никаких ограничений игра в подводные пятнашки, в какую она когда-нибудь играла. Когда она пятнала его, он понимал, что запятнан, а она благодаря достаточному кислороду из ее космической пилюли могла оставаться под ним целых пять минут не переводя дыхания. Но если он выскакивал из грота и, закружиив ее, выталкивал на поверхность, она знала, что запятнана. Потом они лежали на узком пляже и беззаботно смеялись в сиянии солнечного света.

— Послушай-ка, милый, — обвиняла она его, — ты таишь от меня секреты. Что это за таинственная угроза, на которую ты намекал?

— Я говорил осторожно, — сказал он, — чтобы не встревожить тебя прошлой ночью и потому, что у меня есть только умозрительные доказательства. По-видимому, здесь обитало, а может быть, обитает и по сей день, какое-то клыкастое млекопитающее величиной с дикую свинью пекари, возможно, имеющее язык африканского муравьеда, которое орхидеи использовали как опылителя, во многом подобно тому, как это делают тюльпаны, используя коала-землеройку. Им, должно быть, позволялось выкопать несколько мертвых стеблей или таких стеблей, которые не могли себя защитить, и съесть клубни.

— Защитить себя?

— Своими завитками. Завитки — это щупальца, и мужские орхидеи могут листьями-присосками вырывать большие куски мяса из тела животного. Но у свиней, видимо, произошел демографический взрыв, и они стали совершать набеги на заросли орхидей.

— Как ты об этом догадался?

— Отметины клыков на деревьях на шестом уровне. Просеки новых порослей в зарослях орхидей на пятом. Пятый уровень — это поле битвы. Но с годами орхидеи научились выставлять мужчин по периметрам, позволяя входить в заросли только нескольким свиньям-опылителям, убивая их, когда обнаруживается экологический дисбаланс в пользу свиней.

— И все это только умозаключения? — спросила она.

— Не совсем, — возразил он. — Однажды ночью я услышал пронзительный звериный визг на этом ярусе близ выхода каньона, а утром, когда я обследовал место, нашел пятна крови на стеблях и кровь на траве. Как-то на уступе откоса я нашел скелет, упавший сверху.

— Или сброшенный, — добавила она.

Он кивнул.

— Проходы были сделаны для опылителей. Метр с небольшим в женских зарослях, потому что у них более короткий радиус смертоносного действия. Полтора метра на широких тропах, где орхидеи легко контролировали их действия, когда свиней охватывала ярость.

— Ты все время говоришь о них в прошедшем времени, — сказала она, — как орхидеи опыляются без них?

— Ну, они могли бы применять ручное опыление с помощью своих листьев-присосков.

— Но они не делают этого, — сказала она. — Хватит увиливать. Что еще ты обнаружил?

— Визг, который я слышал в ту ночь. Когда я пришел на место, где была кровь, единственной орхидеей был мертвый стебель с вывороченными корнями. Они убили опылителя, когда он рылся в поисках пропитания за честную игру.

— Почему они набросились на животное?

— Оно было опасно и неэффективно. Это не настоящий симбиоз животного и растения, это просто холодная экологическая война, — он поднял взгляд на залитый солнцем конус, и в его серых глазах блеснула сталь. — Придет день, и я пойду в лес со своими сыновьями и покажу этим свиньям, как человек умеет убивать.

Она повернулась на бок и подняла к нему голову:

— Ты опять ускользнул от моего вопроса. Если орхидеи убивают своих опылителей, как они смогут опыляться без них?

Он сел и посмотрел на нее сверху вниз, его глаза горели жаром, который еще больше напомнил ей образ молодого Моисея, но когда он заговорил, его голос был нежен:

— Милая девочка, они нашли идеальное животное для своих целей. Мы — опылители Эдема.

Фреда перевернулась на спину и посмотрела на снежный конус, омываемый свободным током облаков и сияющий в солнечном свете. Они с Полом станут родоначальниками новой расы на Флоре, воздигнутой в братстве с природой. Осознание своей значимости и гордость за признание ее плодовитости открывали очаровательную перспективу, особенно для нее, большую часть жизни проведшей в Южной Калифорнии. Она сокрушилась, представляя молодых леди, которые выходят замуж за мужчин, приверженных организации, и уходят в многоквартирные дома, чтобы никогда больше из них не выйти снова; и ей не улыбалась перспектива попасть в число этих живых трупов. Но есть кое-какие чисто технические соображения.

— А что же будет с нашими открытиями? Наши записи потеряются для науки.

— Бог с ними, — сказал он, — я устал собирать факты ради фактов. Пропади пропадом та наука, которая нам не служит.

— Ну, хорошо. Бог с ней, наукой, да и культурой тоже. Но у нас есть большая и безотлагательная проблема. Допустим, на «Ботани» нет ни детекторов,

ни человеческих возможностей нас найти, но на борту есть собаки-ищёйки, целая свора...

— Которые проживут в зарослях последние пять минут своей жизни.

— Орхидеи так недружелюбны?

— Нет, если я не захочу, чтобы они были недружелюбными. Слово Адама в Эдеме — закон.

Она ждала момента задать последний и самый трудный вопрос:

— Как я смогу найти время быть праматерью расы, или хотя бы испытывать влечение после ночи с орхидеями?

— Опыление по доверенности, — ответил он, широко улыбаясь. — Сузи — только третья нога трехногого корня.

Последняя ночь Фреды на Флоре была ночью воспоминаний. По предложению Пола, — она опять ехала верхом, сидя на его плечах, — они потратили остаток утра на поиски мужской орхидеи-любовника с редко встречающимся ярко-красным цветком.

— Тот, которого я нашел для тебя вчера, был уже не первой молодости, — сказал Пол, — но это был скоропалительный выбор; на самом деле мужчина не в состоянии выбрать женщине любовника. В этом деле так много подсознательных факторов.

После целого часа поисков они нашли Очаровательного Принца почти на самом углу террасы, об разованной речным каньоном и морской стеной. Это был великолепный экземпляр, молодой и на целых пятнадцать сантиметров выше всех ближайших соседей. По предложению Пола, она подъехала на своем супруге вплотную к растению и смогла его рассмотреть, а достаточно ознакомившись с ним, дала волю фантазии.

Она испытывала какую-то боль, когда смотрела сверху на спящего Принца, и, хотя он был совершенно пассивен в солнечном свете, ей показалось, что он затрепетал от рвения, когда она прижалась щекой к

его лепесткам и ушипнула налитую цветением тычинку.

— Забери меня отсюда, Пол, пока это чудище не проснулось, — завизжала она с поддельным страхом, колотя его пятками по ребрам.

На этот раз она съела за ужином только половинку куска тростникового стебля, причем от той части, которая ближе к корню и где свойство возбуждать половое влечение сильнее снотворного свойства. Они рано сплели себе полог от лунного света, чтобы у нее осталось время отдохнуть и послушать наставления Пола. Пол говорил ей о позах, отвергая старые табу и как липку обдирая бытующие запреты. В своем доктринерстве он отвергал присущие ритуальности духовные ценности, понуждая ее смотреть на дело, как на причащение, а на себя, как на священную чашу, несущую живительную влагу. И он призывал ее к смирению, говоря:

— Направляй молодого своим опытом и помогай старому своей силой.

Не вдаваясь в детали, он рассказал ей, что они общаются посредством касания завитком завитка, и сказал, что орхидея, которой она необходима, может разыскать ее в пределах пятисот метров. Она находилась в постели в пятидесяти метрах от своего избранника, потому что здесь ничто не возбуждало тревогу ее ожидания.

— Если завитки подняли тебя, а куртизанки подготовили для ночи с Принцем и понесли, назад уже нет возврата. Поэтому расслабься и получай удовольствие.

Так все и случилось, и она отправилась к своему второму причастию в лунном свете, и обнаружила, что ожидавшиеся ею брачные отношения превзошли все то, что рисовала ей ее фантазия. На своем алтаре, качающемся, как алтарь военного корабля и в продольной, и в горизонтальной плоскостях, она возносила до высот обожания и вновь опускалась, чтобы подниматься снова и снова, но теперь ее наслаждение не рядилось в образы сновидений, и она прекрасно знала, что поднималось и кто был внизу. Когда третья

и последняя волна прилива вознесла ее ко второй луне, она ощутила, как что-то оборвалось в душе, как открылся какой-то ранее неведомый ток к глубинам, никогда прежде не достигавшимся, и она подумала: «Если это предательство...» — но мысль отогнала всплеск сотрясений, в которых не было места разглагольствованиям и которые сплели любовницу с любовником в едином исступленном восторге, и она с тяжелым вздохом погрузилась в глубокий сон пресыщения.

Фреда проснулась в ярком солнечном свете от звука, напоминающего шипение сала на сковородке. Она с наслаждением потянулась и повернулась к Полу, но того не было. Еще зевая, она села и, наклонившись, выглянула из заросли, посмотрела вдоль тропы и мгновенно схватила свое мачете.

Три человеческие существа, одетые в резиновые сетки, с пластиковыми пузырями вместо голов, шли в ее направлении. Двое из идущих вразвалку людей несли за плечами баллоны. По мере приближения они разбрызгивали тонкий туман слева и справа от себя, оберегая третьего, который шел между ними с ружьем. В считанные секунды, еще не начав действовать, она постигла весь ужас происходящего. Во время карантинного сна они вживили в ее плоть, может быть, в мочку уха, передатчик, и теперь выследили ее, подслушав каждое слово, сказанное ею и Полом. Ее слова заклеймили ее, как невозвращенку, а их орхидеи, ставшие белесыми и ломкими под струей жидкого кислорода, были беспомощны и не могли защитить ее, потому что сами гибли от холода.

— Убийцы! — завопила она и обнаженная, угрожающе размахивая мачете, в неистовой ярости бросилась в атаку на троицу. Она видела, как центральная фигура подняла ружье, и отскочила в сторону, но отскочила слишком поздно. Транквилизирующая пуля ударила ее в бедро с силой грузового автомобиля, и этот автомобиль раздавил ее сознание.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Сколько пальцев? — спросил голос.
Фреда обратила взгляд в его сторону.

— Три, — сказала она.
— Как вас зовут?

Она смогла различить за голосом лицо, а над ним начинающуюся прямо со лба лысину.

— Фреда Жанет Карон.

— Вот и все, сестра, — сказал доктор. Теперь она могла видеть его ясно. Он сидел на стуле с прямой спинкой возле ее кушетки. Позади него виднелась открытая дверь в ванную, отделанную белой плиткой. Она увидела письменный стол с навесной книжной полкой над ним, кровать, убранную бледно-лиловым покрывалом, и зеленую штору на входной двери. Повернув голову, она увидела высокое окно, пропускавшее матовый солнечный свет. Окно было забрано прутьями.

Доктор оторвал взгляд от блокнота, в котором делал пометки, и сказал:

— Фреда, меня зовут доктор Кэмпбелл. Я психиатр-платонист. Вы находитесь в нейропсихиатрическом отделении Института Космических Заболеваний в Хьюстоне, штат Техас. С вами произошел травматический эпизод, и я здесь, чтобы помочь вам. Вы были подвергнуты глубокому анализу под наркозом после вашего прибытия два дня назад. Следуя Платону, я буду задавать вам вопросы. Ваши ответы приведут вас к самопросветлению вашего сознания. Платонизм утверждает, что здравомыслие есть врожденное качество человеческого мозга.

— Значит, я — помешанная!

— Умопомешательство, Фреда, несколько тяжеловатый термин. Давайте говорить о том, что ваше отношение к окружающему нуждается в определенной настройке. Вы страдаете не острой формой охлаждения привязанности к Земле, вызванным перенесением ваших привязанностей на другую планету. Если использовать фрейдовскую терминологию, то ваше либидо сконцентрировано на Планете Цветов, но эта концентрация свидетельствует о наличии еще

одного, более глубокого, заболевания. Дело в том, Фреда, что ваше либидо — уникально само по себе, поскольку предметом его любви является целая планета, что на языке профессионалов называется нимфоманиакальной омнифилией, то есть страстной любви абсолютно ко всему.

Она разорвала нить его педантичной тирады вопросом:

— Что за «более глубокое заболевание»?

— Гуманизм. Это социально безнравственное уклонение от правильного пути. По существу, вы не приемлете организацию, вы — проиндивидуалистка, вы против цивилизации, вы тяготеете к природе, в вас нет альтруизма, вы — гедонистка. Поскольку функция общества состоит в том, чтобы функционировать, вы подобны винтику с левой резьбой в механизме, где используются винты только с правой резьбой.

— Вы говорите так, что это внушает ужас, доктор.

— Правильнее сказать, что это «смертельно серьезно», Фреда; но мы знаем о вас много ужасного, однако уверены, что сможем помочь. Теперь внимательно слушайте мои вопросы и думайте, прежде чем отвечать.

Приемы психоанализа доктора Кемпбелла представляли собой скрытое упражнение в диалектике. Он начал с простых вопросов, цель которых состояла в выявлении ее отношения к общественному положению: предпочла бы она быть хозяйкой дома или прислугой? Он соотносил свои вопросы о положении в обществе с отношением к свободе перемещения, в результате чего она приходила к определению свободы, как состояния, создаваемого тяготением к свободе. Задавая вопрос за вопросом, он заставил ее признать, что опылители в симбиозе растений и насекомых руководствуются не тяготением к свободе.

— Вот видите, — заявил он, — само собой очевидно, что ваши отношения с орхидеями Флоры были отношениями типа хозяин-раб. Не следует ли из этого, что вы были либо насекомым, либо рабыней?

Его приkleивание ярлыков вызвало в ней дьявольскую Гранта-Клейборга реакцию.

— Да, — согласилась она, — в том смысле, что отношение жена — муж есть отношение хозяйка — раб и что мужчины представляют собой инфраструктуры, созданные для поддержания самовоспроизводства.

После этого замечания его диалектика стала спотыкаться. Доктор Кемпбелл уклонялся от открытого обсуждения секса и не задавал никаких вопросов, затрагивающих святость брачных уз, логику моногамии, или касающихся способностей мужчин. И отвечая на его вопросы, и внимательно следя за тем, как он выкручивается из ее контрвопросов, она строила планы совершенно другого уровня.

Добиться освобождения из Хьюстона недостаточно; она должна вернуться на Флору к ее красным принципам и русобородому Моисею. Она нужна на Флоре по совершенно точно определенной причине: ей невозможно найти применение на Земле. Она — бесполезный винтик.

Возраст доктора Кемпбелла приближался к пятидесяти, к той стадии жизни, как понимала Фреда, когда мужчина ощущает приближение конца и одновременно осознает бесполезность любых начинаний, времени самоубийств и распутных излишеств. За педантизмом Кемпбелла она чувствовала мужчину, который предпочитает излишества, который страстно стремится взять жизнь на абордаж, но не имеет абордажных крюков.

— Ну, Фреда, — он посмотрел на часы, — следующие девять минут и сорок пять секунд разрешается посвятить неформальной беседе о том о сем.

Словно читая заупокойную вечерню Нового Психоанализа, он говорил о том, что записываемый на пленку сеанс окончен и что начинается разговор без записи, имеющий целью сблизить психоаналитика с пациенткой. Это может послужить ее целям, решила Фреда, если снабдить парня абордажными крюками и дать ему возможность ухватиться за одно-другое излишество.

— О благочестивый! — сказала она. — Теперь вы мой, только мой.

Он подавил улыбку и взглянул на часы.

— Да, я в вашем распоряжении девять с половиной минут.

— Вы так скрупулезно следите за временем, доктор. Слышите ли вы иногда легкокрылый фаэтон времени, спешащий за вами, и не чувствуете ли, что так много еще предстоит довести до конца, так много достойного любви необходимо...

— Я не фроммист, — напомнил он ей.

— Ну, что так много вопросов может остаться незаданными, что вам суждено умереть подобно большому орлу, глядящему в небо?

— Да, Фреда, надо мной тяготеет ощущение безотлагательности. Но главная трудность моего дела заключается в том, что я ни к чему не могу притронуться пальцем. Если бы я мог забраться внутрь черепа, расшевелить пару нейронов, перегрузить несколько синапсов, так же как механик вынимает карбюратор из машины, чтобы почистить его.

Он в отчаянии всплеснул руками.

— Это и есть то, что называется «то есть, то нет». Однажды ко мне пришел мужчина, который слишком много курил. Я потратил три месяца на психоанализ, чтобы заставить его бросить курить. Но у него развился тик! Прошло два месяца, и тик сдался, но начались мигрени. Почти целый месяц я лечил его головную боль. Когда он встал вот с такой кушетки, у него не было и следа головных болей, у него не было тика и он не тянулся к сигарете. Фреда, он был ослепительно здоров. Он без меры источал мне комплименты, он долго тряс мою руку, он вышел из моего кабинета, прошел по коридору и, неблагодарный ублюдок, выпрыгнул из окна в переулок, пролетев сорок этажей. Шесть месяцев работы полетели ко всем чертям!

— Расслабьтесь, доктор, — сказала Фреда. — Если бы он остался жить и продолжал курить, то мог бы умереть от рака легких. Кстати, как вас зовут?

— Джеймс, — ответил Кемпбелл и, понизив голос, почти украдкой добавил: — Мои друзья звали меня Джимми.

— Почему, Джимми, вы говорите «звали»?

— У меня больше нет друзей. Для моих пациентов я выступаю в образе отца, и любой неврастеник мечтает дать пинка пожилому человеку, чтобы тот катился ко всем чертям. Не для протокола — есть одна область, в которой вы совершенно нормальны. Вы желали обольстить вашего отца, но он был так влюблен в вашу мать...

— Он развелся с ней, Джимми.

— Я знаю. Она то ли запиралась от него на ключ, то ли хотела, чтобы он умер от переутомления. В вашем сознании ничего об этом не сохранилось. Именно тогда вы приобрели ваше либидо, и, детка, это такое приобретение, от которого невозможно избавиться! Насколько мне известно, вы первая женщина, которая занималась этим с цветами, и это первый случай космического сумасшествия, локализованного в первичной эрогенной зоне.

— Космическое сумасшествие!

— Только технически, — заметил он походя, — это не навязчивая идея. По определению, все, что не земное, является космическим. Если использовать непрофессиональную терминологию, вы — не шеекрутка.

Джимми был слишком напряжен, слишком взвинчен и все еще поглядывал на часы. Она задвигалась на кушетке и улыбнулась ему:

— Что-то вроде «сижу, как на иголках», а, Джимми?

Он улыбнулся. У него была красивая улыбка. Она сказала:

— Не могли бы вы прикурить для меня сигарету, Джимми?

Прикуривание сигареты должно помочь ему расслабиться, подумала она, но его рука тряслась так, что он едва ли сможет с этим справиться. Чтобы отвлечь его, она заметила:

— А знаете, не все мое либидо сосредоточено на Флоре.

Она говорила правду. Когда она мысленно перенесла образ красной орхидеи, разместив его вокруг лысеющей головы доктора, то обнаружила, что может ощущать потребности других людей так же, как это

было на Флоре с орхидеями, и она смогла точно определить, в чем суть разочарований Кембелла. Он посвятил свою жизнь оказанию помощи другим людям, которые отплачивали ему неблагодарностью, и это поставило его в тупик. Внутри него плакал ребенок, и он — слишком чувствительный взрослый — испытывал неуверенность в себе, как в мужчине. Она как бы слышала голос Пола: «Направляй молодого своим опытом и помогай старому своей силой».

Когда он протянул ей, наконец, сигарету, она спросила:

— Вы женаты, Джимми?

— Больше нет. Как муж, я тоже потерпел фиаско.

— Снова из-за образа отца?

— Нет. Профессиональные обязанности заставляли меня находиться вне дома так много, что и возвращаясь, я был как бы только около дома, размышляя над своими проблемами, и жене это наскучило.

— Мне думается, что она могла бы пойти на жертву ради чести и престижа быть супругой мирского праведника.

— Мирской праведник! — Он достал сигарету и зажег ее для себя. — Впервые в жизни слышу, чтобы меня так называли.

— Хотя ваше оружие — всего лишь вопрос, доктор, вашим искусством является любовь, — сказала она. — В тот момент, когда я проснулась, у меня было ощущение, что рядом находится старый друг. Ваша жена понятия не имела о том, какие цветы она топтала ногами. Если бы меня судьба одарила таким мужем, как вы, все болезни, какие только есть на Земле, не смогли бы нас разлучить. Я счастлива, Джимми, что вы — мой доктор, и я никогда не смогу потерять привязанность к миру, в котором есть такие психоаналитики.

Он скромно опустил глаза, и его взгляд упал на часы, от чего он сразу вскочил на ноги.

— Было приятно поговорить с вами, Фреда. Книги на полке. Читайте их. Никакой корреспонденции. Никаких посетителей. Ваша сестра-сиделка — Уилма Фирбанк, Королевские ВМФ, я пришлю ее к вам. Не

давайте ей повода показать вам один из ее бросков дзю-до.

Он ушел ни секундой раньше или позже.

Она подошла к полке над письменным столом и посмотрела на корешки книг: «Платон» Джовета, «Диалектика материализма» Гегеля, «Сексуальная психопатология» Краффта-Эбинга. Когда она размышляла над более чем странным трио оставленных для нее томов, послышался звук поворачиваемого в замке ее двери ключа и в палату вошла женщина лет тридцати, с квадратным подбородком и прямыми плечами, свежеумытая и одетая в накрахмаленную госпитальную форму. Фреда посмотрела на нее и сказала:

— Вы, должно быть, мисс Фирбанк?

— Да, ма-ам, и я покажу вам, как нажимать некоторые кнопки, расскажу о госпитальном распорядке и познакомлю с некоторыми внутренними правилами.

Фреда слушала, стараясь правильно ее оценить. Лицо Уилмы Фирбанк было открытым и простодушным, но глаза казались грустными. Фреда спросила сестру, достаточно ли хорошо ее ознакомили с заболеванием подопечной.

— Мне сказали, ма-ам, что у вас что-то вроде чувства любви к какой-то планете. Должно быть, эта планета что надо.

— Это планета любви, — сказала Фреда. — И она великолепна. Уилма, позвольте спросить вас: любил ли вас мужчина, безраздельно и только вас одну?

— М-м — нет. Я плоскодонна, и походка у меня какая-то вразвалку. Мужчины любят кругобедрых девушек. И, правду сказать, я готова согласиться с ними.

— На Флоре меня как-то любила гибкая красноголовая девушка, нежность прикосновений которой легче касания крыла мотылька.

— Наверное, вроде нашего диетолога, Руби Мей Вашингтон, правда, у Руби Мей не рыжие волосы. Вы с ней познакомитесь.

— Я с удовольствием встречусь с Руби Мей Вашингтон, — сказала Фреда, воспроизведя образ красивой орхидеи вокруг рыжеватых волос Уилмы.

В поисках друзей на высоких местах, думала Фреда, никогда не следует игнорировать рядовых. Уилма наверняка имеет связи с госпитальными радикалами, а личная ванная Фреды поистине приговорила ее к лишению права переписки и сообщения. Кроме того, если ее план удастся, ей потребуются еще две женщины. Уилма Фирбанк идеально подойдет для верхней террасы на Флоре. Если из леса придет даже много свиней, Уилма выглядит вполне способной превратить их всех в свинину с помощью одного-другого приема дзю-до.

У Фреды ушло три дня на то, чтобы уговорить доктора тайно вынести письмо для Ганса Клейборга, потому что проблемы доктора Кембелла оказались засевшими более глубоко, чем она полагала. Он был ужасно застенчив. Подобно павловской собаке, он был рефлекторно обусловлен профессиональной этикой, и этот условный рефлекс не позволял ему воспользоваться своей профессиональной кушеткой.

Были еще и чисто технические проблемы, среди которых — замок на двери ее палаты. Замок открывался и закрывался только снаружи, и доктору потребовалось напрячь всю его силу убеждения, чтобы заставить попечительский совет согласиться на установку замка внутри.

На следующий день после того, как замок был переставлен, к ней явился посетитель из Великого Вне, как обитатели госпиталя называли мир за его стенами. К ней в палату влетел Ганс Клейборг, волосы на его голове подрагивали от перенапряжения. Мнимым поводом его появления в госпитале было намерение обсудить с главным психиатром недостатки теории Стенфорда-Хаммерсмита. В действительности, он прибыл, получив письмо от Фреды.

Полчаса у них ушло на возбужденный обмен новостями, ее — на Флоре, его — на Земле. Она узнала, что теория Карон-Полино подняла шторм в научном мире. «Карон-канкан» был предан анафеме и запрещен для трансляции на всех волнах, как аморально

действующий на молодежь, а доктор Гектор стал новым руководителем Бюро Экзотических Растений. Доктор Гейнор был назначен главным управляющим по уходу за насаждениями в зоологическом саду Сан-Диего.

— Я могу добиться распоряжения о вашем освобождении из-под опеки, — сказал Клейборг, — но вам придется предстать перед судом по делу об отступничестве.

— Для меня недостаточно выбраться из Хьюстона, Ганс. Я должна вернуться с вашей помощью на Флору. Я хочу, чтобы вы математически продемонстрировали, что несколько ступенек из лестницы ДНК человеческих существ можно вплести в двойную спираль ДНК орхидей Флоры для получения семян, заключающих в себе достаточно человеческих генов для создания моста над пропастью между смертью и сотворением вселенных. Покажите, что в соответствии с законами Менделя из этих семян поколение за поколением можно воспроизводить нормально функционирующие человеческие существа, избирательно подавляя в семенах те свойства орхидей, которые могут препятствовать нормальному функционированию. Дайте мне воображаемое семя, Ганс, и я смогу сохранить его в реальной урне.

Кипучесть Ганса куда-то исчезла.

— Если я выдвину эту гипотезу, вас не отправят на Флору, а вот меня поместят в Хьюстон. Что это за человеко-орхидейные семена?

— Эта моя идея — развитие вашей о человекозерне.

— Детка, это была пустая болтовня мужчины, который надеялся возбудить в вас интерес к своей персоне. Эта идея невозможна!

— Вы в своей Санта-Барбаре имеете дело с невозможностями, помните? ...Ганс, ради любви ко мне, напишите письмо Президенту. Скажите ему, что соединение неодинаковых молекул ДНК теоретически возможно — основополагающим трудом является теория Карон-Полино — и упомяните мое имя в качестве полевого цитолога, наилучшим образом подготов-

ленного для проведения эксперимента на Флоре. Сделайте письмо убедительным. Пожалуйста, Ганс!

— Фреда, — он тяжело вздохнул, — я имею дело с невозможностями, это правда. Но президентов я убеждаю возможностями. Лично я ничего не знаю о ДНК орхидей Флоры.

— Часть семени есть на станции, в холодильнике моей оранжереи. Возьмите это семя и сформулируйте теорию. Когда Эйнштейн послал свое письмо, Рузвельт, вероятно, не знал, и, скорее всего, его ничтожно не заботило, что $E=MC^2$, но он поверил Эйнштейну.

— Но это будет ложным толкованием принципа служения науки нуждам человека!

— Самое время болтать об извращении понятия служения науки человеческим желаниям! Вы не стеснялись толковать превратно то, о чем были хорошо осведомлены, чтобы обольстить невинную девушку, но пасуете перед применением того же принципа, чтобы убедить бесчувственного Главу Администрации. Прекрасно! Тогда подумайте вот о чем, вы, псаломщик чистой науки: если жизнь течет таким образом, что она есть функция энтропии, то некоторые из мальчиков на клиросе вашего алтаря теряют благочестие, не интегрируя свою жизненную силу в единое энергетическое поле, как того требует ваша теория.

— Я никогда не думал об этом, — сказал он в подлинном изумлении. Какое-то время он молчал, ошеломленный тем, что на свете есть что-то, о чем он не думал, но резким взмахом руки он отогнал эту мысль. — Я не могу выставлять напоказ то, чем я занимаюсь, и не могу сворачивать целое направление науки и техники ради прихотей какой-то... какой-то..., — он поборол слабую улыбку, — нимфоманияльной омнифилианки. Я исповедую науку как некую абстракцию, и буду ее исповедовать до тех пор, пока кто-нибудь не покажет мне лучшую Истинную Веру.

Доведенная до крайности, Фреда перенесла образ красной орхидеи на голову Ганса Клейборга, и лепестки надежно скрепили его беспрестанно дергающиеся волосы. Теперь она могла читать его мысли: он отговаривался пустыми словами, чтобы отразить ее

натиск, а сам придерживался мнения, что жизненная сила является частью единого поля. Но он обронил слова «покажет мне», и эти слова были той веревкой, которой она связала его по рукам и ногам.

— Ганс, — сказала она медленно. — Я могу доказать вам, что поэзия человеческого сердца содержит в себе столь же ценные истины, что и абстракции науки.

— Интересно, как же вы это сделаете?

— Поверните ключ вон в том замке, — сказала она, — и положите ваши зубы на письменный стол.

Фреда установила, что отец доктора Кемпбелла был настолько слаб, что сын не мог отождествлять себя с ним, поэтому Джимми сам стал образом своего собственного отца и сумел сыграть роль этого суррогата так здорово, что подавил подрастающего мальчика. Когда его проблема была, наконец, проанализирована, доктор Кемпбелл стал реагировать на проводимое ею лечение с воодушевлением. Вместе с образом отца постепенно исчез и его измученный вид, и то, что он потерял как психиатр, он приобрел как мужчина. На смену сопереживанию пришел характер.

По истечении шести недель Джимми Кемпбелл вышел в отставку и оставил госпиталь, чтобы стать автомехаником. Его последним содействием Фреде было объявление ее неизлечимо больной.

— Это ничего не даст, Фреда, — сказал он, — потому что этим записям никогда не будет позволено покинуть пределы нашей психушки, но чего бы вы ни пожелали, вы от меня получите. Мы, гуманисты, должны держаться вместе.

Доктора Кемпбелла сменил фроммист по имени Уильямс, который продержался только две недели. Его философия любви и заботливого обхождения была так усилена и упрочена его пациенткой, что он был уволен из штата госпиталя за то, что добивался благосклонности сестры-сиделки, которая убежала от него и заперлась в шкафу для белья. Уилма, которая стала надежной линией связи с госпитальными ра-

дикалами, сказала Фреде, что он отправился в Голливуд, чтобы стать кинопродюсером.

Он ушел слишком быстро, поэтому не успел дать рекомендацию о высылке Фреды на Флору, он оставил несколько любопытных добавлений к ее библиотеке. Даже Уилма заинтересовалась «Источником одиночества» и попросила дать ей книгу почитать.

Ее фроммист был заменен фрейдистом, которого звали Смит; он принес ей экземпляр «Теории неврозов», который оказался для нее бесценным пособием, когда она стала помогать доктору думать, что он себя понимает; однако ему пришлось подать в отставку в силу специфических обстоятельств. При всей интенсивности концентрации внимания на ее психике, руководство госпиталя несколько упустило из виду ее соматику, и в середине третьего месяца пребывания в Хьюстоне вдруг обнаружилось, что Фреда уже два месяца беременна. Ее фрейдист Смит, который мало что знал вне сферы своей деятельности, отказался продолжать лечение, полагая виновным себя.

Ей, по крайней мере, он дал именно такое объяснение. Но у нее были на этот счет сомнения. Ее состояние становилось очевидным даже для приходящей уборщицы, и Смит поведал ей, что станет скульптором и посвятит остаток дней своих воссозданию в мраморе ее торса.

— Ни рук, ни головы, Фреда, — только груди.

Она сказала «до свидания» еще одному гуманисту, чувствуя, что он выбрал подходящий род занятий. У Смита были сильны эдиповы наклонности.

Затем Фреда понесла наказание — целых три недели у нее вовсе не было психоаналитика. По своим каналам Уилма держала ее в курсе дел. Госпитальное руководство, озабоченное тем, что она с такой скоростью лишала госпиталь психиатров-аналитиков, а также ее беременностью, в которой, как они полагали, повинен кто-нибудь из госпитальных служащих, ввело в штат какого-то павловиста из Кейп-Кода. Этот павловист, как поняла Уилма, создавал у своих пациентов условные рефлексы посредством какого-то непрерывного шокового лечения, до того неприятного,

что они просто стремглав неслись к здравомыслию, лишь бы избавиться от такой терапии.

Это был доктор Уотс. Она побоялась спросить, как его зовут. Он был выходец из Новой Англии, топорно срубленный в духе готики Среднего Запада, рыжеволосый, с поджатыми губами, квадратным подбородком и бледно-голубыми глазами, которые смотрели сквозь нее, когда он заговорил. У него был властный вид капитана Блая, и ему было далеко за шестьдесят. Возраст не был помехой для эффективности применяемого ею метода воздействия, но беременность обратила мысли Фреды на ее внутренний мир. Умение осознавать чужие нужды не утратилось, их осознание просто оставалось немного в стороне, когда она пристально всматривалась в зревшее в ней произведение ее любви к Полу Тестону.

Она надеялась, что ее будущее дитя — это ребенок Пола Тестона. Короткий период бездействия между Полом и Гансом оставлял почву для сомнений, однако в любом случае, у ребенка будет отец, которым можно гордиться. Поскольку Джимми Кемпбеллу она заменила образ отца, очень маловероятно, что она будет матерью его ребенка.

Она даже не переносила образ орхидеи на доктора Уотса, главным образом потому, что ей не нравилась линия его поведения. Он вызывал какую-то неприязнь, которая заключала ее смекалку в такие рамки, где она не могла отыскать ни единого повода для того, чтобы его утешить, особенно если учитывать, что возможности применения ее главного средства многократного утешения быстро терялись. Торс, который подвигнул фрейдиста сделаться скульптором, становился, так сказать, бесформенным.

Уотс, видимо, очень внимательно изучил историю ее болезни и прослушал ленты всех записей, потому что пришел к таким заключениям, которых, как Фреда чувствовала, в записях наверняка не было. Уже то, как он поздоровался с ней, впервые войдя в палату, обнаружило, какой он буквоец.

— Вы назначены ко мне, мисс Карон, — он подчеркнуто назвал ее «мисс», бросив презрительный взгляд на свободное платье, призванное скрывать

беременность, — потому что на чужой планете вы пристрастились к саду наслаждений, что очень изменило ваши реакции в системе раздражитель—рефлекс в сторону рефлекса. Плоды вашего поведения видны невооруженным глазом, но я здесь — чтобы помочь, а не выносить приговор. Если бы я стал порицать вас за эту пародию на христианское материнство, какая-то доля моего порицания могла бы пасть на моих братьев по профессии, посвятивших себя делу облегчения человеческих страданий, или, может быть, на целый боевой расчет медбратьев, санитаров, разносчиков, которые могли бы оставаться невинными, либо на кого-то там еще, выползавшего Бог весть из какой щели. Я не какой-нибудь размазня, на словах желающий блага обществу и порицающий его за грехи отдельных членов. Это ваш грех, мисс Карон.

— Неужели вы такой жестокий, доктор?

— Это не жестокость. Это голая правда! Именно правда сделает вас свободной, а правда состоит в том, что вы извращаете любое, самое благородное, проявление женственности, низводя его до примитивного средства получения удовольствия не выше уровня чресел. Раскаяние поможет; искупление излечит. Гуманисты, мисс Карон, это прокаженные двадцать третьего века, но я — не Святой Франциск.

— Да, доктор Уотс.

— Чтобы обезопасить госпиталь от вашего дальнейшего хищнического истребления персонала, вашим акушером я назначил доктора Харольда Франкса. Доктору Франксу восемьдесят восемь лет.

Во время последующих бесед Фреда зондировала покрывавшую Уотса вечную мерзлоту, пытаясь найти под ней жилу нью-хэмпширского гранита, напластованную такими слоями, как дом, церковь, материнство и родина. Он возмущался ее беременностью, как оскорблением благопристойности материнства, но она была слишком поглощена тем, что происходило внутри нее, и не стала указывать ему на противоречие между занятой им позой и его религиозной натурой: материнство — ни при каких обстоятельствах — не может быть непристойным, поскольку оно есть деяние

Божье. Кроме того, она с головой ушла в чтение книг по международному праву, которые Уилма приносила ей из госпитальной библиотеки.

Слова о деянии Божьем обронил Ганс Клейборг, когда он пришел поговорить с ней за неделю до отправки космического корабля Соединенных Штатов «Ботани» в его последний рейс на Флору.

— Фреда, ваша беременность погубила нас. Я уверен, что существует возможность связи на уровне ДНК в последовательном процессе зачатие-опыление между орхидеей, вами, орхидеей и Полом. Вот мои формулы, описывающие, каким образом эта связь могла бы быть реализована, но теперь только деяние Божье или указ Президента могут предоставить вам возможность оказаться на Флоре. Конгресс никогда не пойдет на это, потому что Хейбэрн громким голосом воспротивится этому от имени всех замужних домохозяек.

— Ганс, я не думаю, что беременность меня погубила. В соответствии с Международным Соглашением 1998 года, находящийся в браке с отказником может выбрать проживание в местонахождении отказника.

— Вы и Тестон не женаты.

— Этим соглашением признаются браки, заключенные в рамках некодифицированного права, потому что брачные обычай в разных странах различны, а у меня есть доказательство моей связи с Полом.

Она похлопала себя по животу.

— Возможно, — согласился он. — Но каковы шансы, что это его ребенок?

— Пятьдесят на пятьдесят между вами и Полом. Казалось, он испугался.

— А психиатр, который переставил замок внутрь?

Фреда немного покраснела, но что было, то было.

— Я была образом его отца, а у него настолько отсутствовала реакция на своего отца, что женщина не могла бы от этого забеременеть.

Она знала, что Ганс ей поверил, потому что стал вдруг искать ее расположения. Он взял ее за руку и нежно спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Вроде хора у Еврипида, — призналась она. — Но ты — мой *deus ex machina*, мое божественное спасение. Я завишу от тебя, Ганс.

— Фреда, ты разрываешь меня на двое! Я, конечно, хочу помочь тебе, но если ты — мать моего ребенка, я никогда не позволю тебе отправиться на Флору. На Земле нет женщины, которую я обожал бы так же сильно, как...

Он держал ее за руку и склонялся к ней, и ее радовала интимность его голоса, но он вдруг дернулся назад. Его осенила какая-то идея.

— Существует возможность генного обмена, — сказал он взволнованно. — Это ретроградство, но тем не менее! Если ребенок мой, ты сможешь узнать это точно по его густо заросшей волосами голове. Все Клейборги рождались с длинными волосами; но если волосы будут красно-рыжими или если у малютки будут ярко-зеленые глаза, либо кончики пальцев будут немного вдавлены внутрь, если он будет пахнуть ванилью или иметь хотя бы один из этих признаков, немедленно требуй сделать анализ крови. Скажи им, чтобы проверили наличие следов хлорофилла. Если они будут, мы оба отправимся на Флору.

Ганс не только пытался приободрить ее. Его горячность была слишком подлинной, и это заставило ее молиться, чтобы ребенок оказался ребенком Пола. У Ганса другая дама сердца — его ум. Он совершенно позабыл о тех нежностях, которые ей нашептывал. Может быть, дело было в ее беременности, думала она, но ей очень недоставало нежных слов.

Он оставил ей копию своих расчетов, которые были понятны ей точно так же, как и теория Гольдберга об убывании энтропии. Будучи цитологом, она, конечно, должна была разбираться в уравнениях, но в данный момент ее больше заботило вязание пинеток.

Время спокойно приближалось к назенненному сроку родов. Доктор Френкс был в очень преклонных летах; он настойчиво называл ее «миссис». Он был так стар, что она невольно задавалась вопросом, а в состоянии ли он помочь при родах, пока Уотс не

оттаял настолько, что сказал ей о молодом докторе, который будет помогать Френксу:

— Вам будут предоставлены все блага цивилизации, которую вы отвергаете, — сказал он.

Ей нравилось раздеваться и подвергаться осмотру доктора Френкса. С ним она чувствовала себя оцениваемым по достоинству именем существительным, а не каким-то глаголом в активной форме. Несмотря на ослабление его органов чувств — он надевал увеличительные стекла на оправу своих очков и до предела усиливал громкость стетоскопа, чтобы различить сердцебиение ребенка, — его руки выстукивали и пальпировали ее с ловкостью знатока своего дела. И ее радовало его чувство юмора. Приковыляв в палату, он неизменно кричал высоким фальцетом:

— Франкфуртер с колотушками! Время осмотра!

Большую часть времени Фреда сидела одна, занимаясь вязанием, целиком поглощенная происходящими в ее теле процессами, которые утоляли боли ее ностальгии. Однако из ее сознания никогда не изглаживались легкие ветерки Флоры, шелестящие в зарослях, и снежный конус Тропики, серебром поднимающийся к солнцу. Она иногда просыпалась по ночам, заливаясь слезами оттого, что Пола нет с нею, а в своих снах видела себя несомой между шеренгами орхидей — ее любящих — к ярко-красному Принцу и встречаемой мягким желтым светом Луны.

Тем временем «Ботани» отправился на Флору. Сектор Чарли возвратился на Землю, и по воле Объединенных Наций Планета Цветов навсегда была занесена в список неприкасаемых планет. За окном подернутое дымкой летнее солнце поблекло и стало туманным осенним, а затем превратилось в свинцовое зимнее солнце. В своем возвышенном одиночестве Фреда размышляла о Времени, которое за три времени года ее, молодого энергичного младшего руководителя, перенесло на тычинку орхидеи на Флоре, а затем, с позорной черной полосой незаконнорожденного, обратно на Землю, где она, заключенная в темницу, — известная в научных кругах, но с именем, падшим так низко, что мелодия с тем же именем была за-

прещена для трансляции в эфир на всех волнах, — ожидает своей участии.

Она решила, что если у нее будет сын, она назовет его Эдмундом в честь персонажа из «Короля Лира». Дочь она назовет Флориной.

Так она глотала то уксус, то вино, а Время продолжало течь и нести ее, и принесло, наконец, в родильное отделение, где в тумане анестезии над ней проплыли закрытые масками лица, и ее последняя связная мысль была молитвой о том, чтобы это был ребенок Пола.

Когда в палату принесли ребенка не в плетеной колыбельке, а на белой подушке, Фреда почувствовала, что это один из составных элементов шоковой терапии доктора Уотса. Они подготовили ее, как принято, но одели в ночную сорочку из ткани с орхидеями. Оба доктора были здесь, шагая друг за другом впереди медицинской сестры родильного отделения, которая принесла ребенка и передала его Фреде в руки. Говоря точнее, она принесла подушку, на которой лежал ребенок, и опустила ее на руки Фреды.

Дитя Фреды было красноватым, текстуры красного дерева, семенем в форме удлиненного футбольного мяча около пятнадцати сантиметров в обхвате и с аккуратно завязанным пупком. На одном его конце был слабый светлый пушок, и Фреда затрепетала от радости, поняв, что Пол Тестон, по крайней мере, внес свой вклад в ДНК ее ребенка.

— Фреда, — зачирикал доктор Френкс, стоя в ногах ее кровати, — в таких случаях обычно говорят: какой красивый мальчик, или девочка. Ей-Богу, я не знаю кто это!

Фреда едва слушала его, вперив восхищенный взгляд в плод своего чрева. Она упивалась лицезрением его переливчатости. Ей нравился исходивший от него тонкий аромат ванили. Ее буквально заворожила его почти совершенная овальная форма. Это было ее дитя, зачатое в красоте и рожденное в исключительный для истории человечества момент,

неплачущее, несырывающее, не нуждающееся в смене пеленок, которое понесет свою генетическую формулу с собой, куда бы оно ни отправилось. Но важнее всего было то, что в ее руках лежал мост между жизнью и смертью вселенных, и кто сможет поколебать ее чувство гордости детищем, которое предопределено для бессмертия?

Сквозь нимб ее радости пробился скрежет голоса доктора Уотса, спрашивающего:

— Фреда, вы чувствуете материнскую гордость за это?

Фреда подняла на доктора сияющие глаза:

— Доктор Уотс, каждая мать думает, что ее ребенок единственный в своем роде среди детей всего мира. Для меня — это истина на вечные времена.

— Гроши мне цена, как акушеру, если я не поручусь за это, — сказал доктор Френкс. — Но есть одна вещь, которую мне хотелось бы проверить, Фреда. Клянусь, что я слышал сердцебиение.

Доктор Френкс наклонился над подушкой, которую держала Фреда, и поставил стетоскоп посередине между пупком и светлым пушком, внимательно прислушиваясь.

— Черт побери! Я слышу сердцебиение.

— Доктор Френкс, — сказал доктор Уотс, — усиление звука так высоко, что ваш стетоскоп улавливает тиканье часов на вашей руке.

Уотс повернулся к Фреде и заговорил с необычной нежностью в голосе:

— Что вы собираетесь с этим делать, Фреда? Похоронить или кремировать?

— Ни то, ни другое, — ответила Фреда. — Мы его высадим. Не здесь. Отправьте его самолетом доктору Клейборгу в Санта-Барбару. Он знает, как подготовить почву. Но позвольте мне подержать его немножечко подольше.

Она вновь обратила взгляд на овальную форму, испытывая вселенское чувство обожания всего материнства, подкрепленное более личной радостью осознания свершившегося. То, что она держит в руках, больше чем самое неповторимое дитя в мире; это — деяние Божье, которого потребовал Клейборг, и за

ним, как ночь следует за днем, последует указ Президента.

В ее руках на подушке лежит ее собственный, красноватый, с текстурой красного дерева паспорт на Флору.

Доктор Уотс опять отрывисто-грубо давал указания медицинской сестре завернуть семя в мягкую упаковочную бумагу и отослать в Санта-Барбару. Он выпроводил сестру вместе с семенем, помог доктору Френксу, слегка сконфуженному, выйти из палаты, затем тихо прикрыл дверь и запер ее изнутри.

Когда доктор Уотс повернулся к Фреде, его лицо больше не покрывала изморозь высокой моральной нравственности. Лед вечной мерзлоты треснул, и оно то тряслось, то переставало трястись, отражая тщетность его попыток сохранить самообладание. Шатаясь, словно под тяжелой ношней, он подошел и стал на колени подле ее кровати, взял ее за руку и зарыл лицо в ее постели. Внезапно она поняла, что он плачет, что слои его нью-хэмпширского гранита дали трещину. Свободной рукой она потрепала и погладила его по голове, и он поднял на нее заплаканные глаза.

— Фреда, простите меня. Вы — Мать Земли. Я никогда не видел такого прекрасного материнского сияния в глазах женщины, да еще в таких недоброжелательных условиях. Я был несправедлив к вам, Фреда.

— До того, как вы стали психиатром, доктор Уотс, как вас звали ваши друзья?

— Ронни.

Фреда создала образ красной орхидеи вокруг поднятого к ней лица. Одна из его проблем, как она сразу почувствовала, засела очень глубоко, хотя была простой: он был очень рано отлучен от матери. Хотя непосредственной причиной перестройки его реакции была близость к лактозе, ее напугала глубина эдипова комплекса, лежавшего под гранитной жилой. Ее суровый павловист и в тайне и явно был именно таким, каким она часто называла его про себя, — питающим любовь к матерям.

Она вспомнила, что самопознание не считается у павловистов необходимой составляющей терапии. Все, что было нужно Ронни, это приобрести новые привычки и заменить ими старые, и она могла бы тут же провести переподготовку. Он, со своей стороны, мог бы помочь ей в решении не главной, но не дающей позабыть о себе проблемы. Что касается рождения семени, то, говоря словами Хала Полино, «нет напряжения — нет и боли», но были некоторые сопутствующие неудобства.

— Ронни, — сказала она, слегка приподнимая его, теперь сияющее, лицо за подбородок. — Наш мир — это мир взаимных соглашений. Великодушие теперь так редко, что великодушных заточают в неких учреждениях и дают им длинные латинские названия. Я хочу что-то сделать для вас, но прежде вы должны что-то сделать для меня.

— Все что угодно, Фреда. Я сделаю что угодно во искупление вины.

То, что она предложила, было скорее тремя подарками подряд, чем взаимным соглашением, но она хотела, чтобы он думал, будто и он внес свой вклад, а она не желала оставлять на Земле никаких неподвязанных концов. Пока он наклонялся, чтобы поцеловать ей руку, она немного поправила свою ночную сорочку.

Когда Ронни поднимал глаза, быстро промелькнувшее перед ней их лучезарное сияние подтвердило ей, что проведенный анализ его проблем был правильным. Когда он немного выпрямился и склонился к ней, она знала, что Земля приветствует самого последнего из обращенных ею гуманистов и прощается с недавним пуританином.

От кого: Президента Соединенных Штатов

Кому: Главнокомандующему НАСА.

Своему честному и преданному слуге Президент посыпает приветствие.

По запросу нашего любимого министра без портфеля, доктора Ганса Клейборга, Институт Передовых Исследований, который берет на себя всю полноту ответственности за любые неудачи этой миссии, Вам вменяется в обязанность освободить и доставить Фре-

ду Жанет Карон, пациентку, и доставить Уилму Рози Фирбанк, Королевский ВМФ, и Руби Мей Вашингтон, диетолога, на планету, имеющую несколько названий: Флора, Цветочная Планета, или Планета Цветов. По прибытии Вам надлежит отправить поименованных женщин на четвертый ярус острова Тропика и оставить их там навсегда.

Кроме того, Вам надлежит выдать каждой женщине одно мачете из числа тех, которые поступают на снабжение в соответствии с Военно-Морским Стандартом № 376.854.329.

Мы надеемся, что долгосрочные результаты этой программы будут способствовать благу всех народов на Земле и в Высоких Небесах и послужат доброму имени никогда не ставящего своей подписи Главы всех администраций.

Президент.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Последний звездолет с Земли. РОМАН. <i>Пер. А. Токарева, А. Дашкевича</i>	11
Опылители Эдема. РОМАН. <i>Пер. А. Дашкевича</i>	239

Литературно-художественное издание

Джон Бойд

ОПЫЛИТЕЛИ ЭДЕМА

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Ответственный редактор: *Кирилл Титов*

Обложка: *Сергей Шикин*

Художник: *Павел Борозенец*

Технический редактор: *Татьяна Харитонова*

Верстка *Елены Черновой*

Корректоры *Виктория Листова, Галина Мартынова*

Лицензия № 063852 от 04.01.95 г.

Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.10.96.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».

Тираж 15 000 экз.

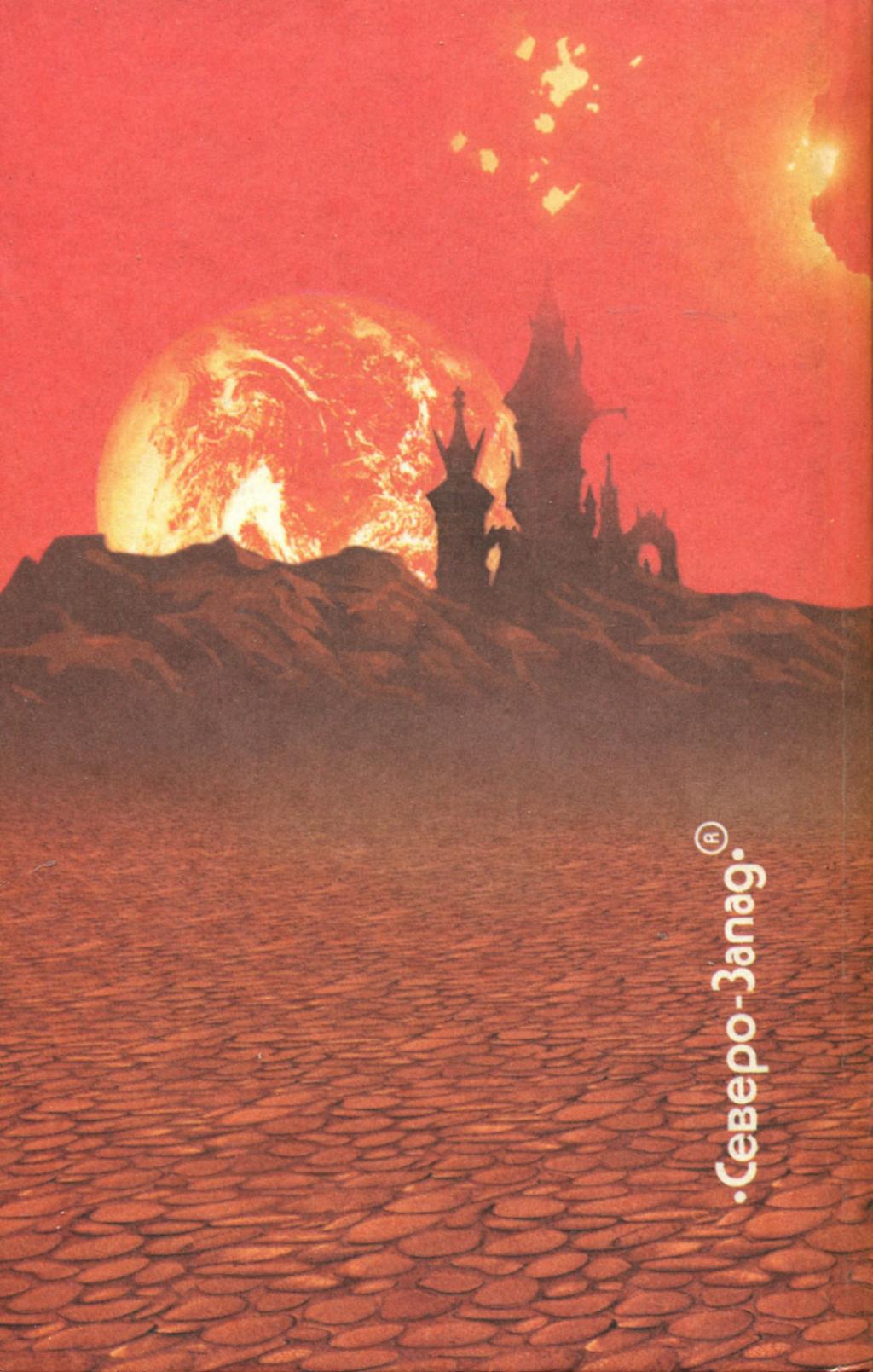
Заказ № 114.

АОЗТ ИФ «Тролль».

410027, Саратов, Одесская ул., 9.

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

•Северо-Запад•[®]